

Люсинда Райли

Цветы любви,
цветы надежды

*Потерять все —
и начать заново...*

Annotation

Изысканная, романтическая история, которая разворачивается в волшебном мире имения Уортон-Парк и в Таиланде...

Джулия Форрестер выросла в Уортон-Парке, под крылом деда, разводящего орхидеи, — и однажды уехала в большой мир...

А потом случилась трагедия, и Джулия, убитая горем, вернулась в родной дом.

Именно там, среди роскошных экзотических цветов, Джулии предстоит не только узнать тайну прошлого своей семьи, но и встретить мужчину, который подарит ей новую любовь и радость жизни.

Загадки былого.

Любовь и ненависть, боль утраты и обретение надежды...

- [Люсинда Райли](#)
 -
 - [Часть 1](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Часть 2](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)

- [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
-

Люсинда Райли

Цветы любви, цветы надежды

Моему отцу,
Дональду,
который
вдохновлял меня на
пути

Сиам, много лун назад

В Сиаме говорят: когда мужчина влюбляется в женщину — глубоко, страстно, безвозвратно, — он способен сделать все, лишь бы удержать ее, лишь бы она была довольна и ценила его выше всех.

Однажды принц Сиам влюбился в женщину редкой красоты. Он начал ухаживать за дамой сердца и в конце концов покорил ее. Однако за несколько дней до свадьбы, до этого всенародного пиришества танцев и веселья, принц ощутил беспокойство.

Он решил доказать невесте свою любовь — совершить какой-нибудь поступок, тем самым привязав ее к себе навсегда; найти что-то такое же редкое и красивое, как она сама.

После долгих раздумий принц позвал троих самых доверенных слуг.

— Я много слышал про черную орхидею, которая растет в нашем королевстве высоко в горах севера. Я хочу, чтобы вы нашли ее и принесли в мой дворец. Я подарю этот сказочный цветок принцессе в день свадьбы. Того, кто первым принесет мне орхидею, я щедро награжу: он станет богачом. А те двое, кому не удастся это сделать, не доживут до моей свадьбы.

Сердца троих мужчин, почтительно склонившихся перед принцем, наполнились ужасом. Они понимали, что им уготована верная смерть, ведь черная орхидея — мифический цветок, всего лишь легенда, как и украшенные драгоценностями золотые драконы на носу королевских баркасов, которые отвезут принца в храм, где состоится церемония бракосочетания.

В тот вечер все трое разошлись по домам и попрощались со своими родными. Но один слуга оказался умнее остальных. Он не хотел умирать и, лежа в объятиях рыдающей жены, продумывал варианты дальнейших действий.

К утру в его голове сложился план. Он отправился на плавучий рынок, где торговали специями, шелками и... цветами. Там купил роскошную орхидею насыщенного пурпурного цвета с розовой окантовкой и темными бархатистыми лепестками. Затем прошелся вдоль узких каналов Бангкока и нашел писца, сидевшего среди своих свитков в темном сыром кабинете в задней части магазина.

Слуга знал этого писца: он когда-то работал во дворце, но королевским особам не понравился его почерк.

— Здравствуй, писец. — Слуга положил на стол орхидею. — У меня есть для тебя задание. Если поможешь, я щедро награжу. Тебе и не снилось столько богатства, сколько я дам.

Писец едва сводил концы с концами после того, как его выгнали из дворца, и потому взглянул на слугу с интересом.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

Слуга указал на цветок:

— Я хочу, чтобы ты воспользовался своим искусством писца и выкрасил лепестки этой орхидеи черными чернилами.

Писец нахмурился, внимательно посмотрел на слугу, потом на цветок.

— Да, это можно. Но когда вырастут новые цветы, они не будут черными, и тебя разоблачат.

— Когда вырастут новые цветы, мы с тобой очутимся уже далеко отсюда и будем жить так же, как принц, которому я сейчас прислуживаю.

Писец медленно кивнул, размышляя над словами слуги.

— Приходи ко мне ночью и получишь свою черную орхидею.

Слуга вернулся домой и велел жене собирать их скудные пожитки, пообещав, что скоро она сможет купить все, что только пожелает ее душа, и что в дальних краях он построит ей роскошный дворец.

Ночью он вернулся в лавку писца и открыл рот от восхищения, увидев на столе черную орхидею. Он осмотрел лепестки и понял, что

писец отлично справился с работой.

— Цветок уже высох, — заметил писец. — Я пробовал тереть лепестки, пальцы не пачкаются чернилами. Попробуй сам.

Слуга попробовал и убедился в правоте писца: его пальцы остались чистыми.

— Но я не могу сказать, как долго чернила продержатся на цветке. Они могут постепенно смыться, ведь растение само источает влагу. И, разумеется, его ни в коем случае нельзя выставлять под дождь.

— Все в порядке, — кивнул слуга, забирая орхидею. — Я сейчас пойду во дворец. Встретимся в полночь у реки, и я дам тебе твою долю.

Все королевство гуляло на свадьбе принца. Когда веселые дневные торжества окончились, и наступила ночь, принц вошел в свои покои. Принцесса стояла на открытой террасе и смотрела на реку Чаопрайя, сверкающую отсветами салютов в честь ее бракосочетания с принцем.

Он встал рядом с ней.

— Моя дорогая, у меня для тебя что-то есть. Это что-то выражает твою уникальность и красоту. — Принц протянул ей черную орхидею в горшке из чистого золота, украшенном драгоценными камнями.

Принцесса взглянула на цветок с черными, как ночь лепестками, заметно пожухшими из-за неестественно мрачной окраски. Однако она знала, что держит в руках... и знала, что означает такой подарок.

— О, мой принц, как чудесно! Где ты это нашел? — в изумлении воскликнула принцесса.

— Я обошел все королевство. Другой такой орхидеи нет, как нет другой такой девушки, как ты. — Он посмотрел на нее, и в глазах его светилась любовь.

Принцесса увидела эту любовь и нежно погладила принца по лицу, надеясь передать в своем взгляде ответные чувства.

— Спасибо. Она такая красивая!

Он оторвал ее ладонь от своей щеки и поцеловал пальцы, охваченный непреодолимым желанием.

Это была их первая брачная ночь, а он так долго ждал! Принц взял у принцессы орхидею, поставил горшок на террасу, потом обнял и поцеловал свою супругу.

— Пойдем в дом, моя принцесса, — прошептал он ей на ухо.

Она оставила черную орхидею на террасе и пошла вслед за мужем в спальню.

Перед самым рассветом принцесса встала с постели и вышла на террасу, чтобы встретить первое утро совместной жизни с любимым. По мелким лужам она поняла, что ночью прошел дождь. Зарождался новый день. Солнце еще пряталось за деревьями на другой стороне реки.

На террасе, в том самом горшке из чистого золота, который преподнес ей принц, цвела пурпурно-розовая орхидея. Улыбнувшись, принцесса дотронулась до ее лепестков, чистых и здоровых после дождя. Сейчас растение выглядело гораздо красивее, чем черная орхидея, подаренная принцем накануне вечером. Окружающая цветок лужица воды имела бледно-серую окраску.

Принцесса все поняла. Она сорвала цветок, поднесла его к лицу и задумалась, вдыхая божественный аромат.

Что же делать? Рассказать обидную правду или солгать во имя спасения?

Вскоре она вернулась в спальню и вновь легла в объятия принца.

— Мой принц, — прошептала принцесса, когда любимый проснулся, — ночью кто-то украл мою черную орхидею.

Он резко сел, охваченный ужасом и готовый позвать стражников. Но принцесса успокоила его улыбкой.

— Нет, милый! Я думаю, она была дана нам только на одну ночь. За эту ночь мы с тобой превратились в одно целое, и наша любовь расцвела пышным цветом. Мы тоже стали частью природы. Мы не должны были держать у себя такое чудесное растение. К тому же оно могло завянуть и погибнуть. Я бы этого не перенесла. — Принцесса поцеловала его руку. — Давай верить в его могущество и помнить, что красота этого волшебного цветка благословила нас в нашу первую брачную ночь.

Принц промолчал. Он всем сердцем любил жену и испытывал счастье от полного обладания ею, поэтому согласился и не стал

звать стражников.

Брак принца и принцессы оказался удачным. В ту первую ночь они зачали ребенка, потом у них родилось еще много детей. До конца своих дней принц верил, что мифическая черная орхидея одарила их своим волшебством, но они не смогли ее сохранить, потому что она не была их собственностью.

Утром после свадьбы принца бедный рыбак сидел на берегу реки Чаопрайя неподалеку от королевского дворца. За последние два часа у него не было ни одной поклевки. Может, вчерашние ночные фейерверки распугали всю рыбу и она ушла на дно? Теперь он ничего не поймает и не продаст, его большая семья останется голодной...

На другом берегу над деревьями взошло солнце. Оно отбросило на воду свой благословенный свет, и рыбак увидел что-то сверкающее среди плавающих зеленых водорослей. Оставив удочку, он зашел в воду и схватил непонятный предмет, пока тот не уплыл дальше.

Рыбак выбрался на берег, очистил находку от водорослей и раскрыл рот от изумления: у него в руках был горшок из чистого золота, украшенный бриллиантами, изумрудами и рубинами!

Забыв про удочку, он сунул горшок в корзину и поспешил на городской рынок ювелирных украшений. Сердце ликовало: он знал, что семья больше никогда не будет голодать.

Часть 1

ЗИМА

Глава 1

Норфолк, Англия

Мне каждую ночь снится один и тот же сон. Я вижу, как моя жизнь разбивается вдребезги. Осколки летят по воздуху, а потом сыплются вниз... Я рассматриваю каждый фрагмент, подбирая их в произвольном порядке.

Говорят, сны играют важную роль. Якобы они говорят нам о том, что мы скрываем от самих себя.

Я ничего от себя не скрываю — к сожалению, у меня нет такой способности. Я иду спать, потому что хочу забыться. Я провела весь день в воспоминаниях и теперь хочу успокоиться.

Я не сумасшедшая. Однако в последнее время много размышляю о том, что такое безумие. На свете живет много миллионов человеческих существ, и каждое уникально: у каждого своя ДНК, свои мысли, свое, ни на чье не похожее восприятие мира. Нет двух людей с абсолютно одинаковыми взглядами.

Я пришла к выводу, что все мы, люди, обладаем одинаковым физическим материалом — плотью и костями, которые даются нам при рождении, но разными мозгами. Например, я много раз слышала, что люди по-разному реагируют на горе и что неправильной реакции просто не бывает. Кто-то плачет месяцами, даже годами, носит черное и пребывает в трауре. А кто-то вроде и вовсе не переживает из-за потери, хоронит мрачные мысли и продолжает жить по-прежнему, будто ничего и не случилось.

Я не знаю, какая реакция была у меня. Я не плакала несколько месяцев подряд. И вообще я почти совсем не плакала. Но не забывала. И никогда не забуду.

Внизу кто-то ходит. Надо вставать и делать вид, будто готова встретиться с наступающим днем.

Алисия Говард поставила свой «лендровер» у края тротуара, выключила двигатель и поднялась по пологому холму к коттеджу. Зная, что парадная дверь никогда не запирается, она открыла ее и шагнула в дом.

В гостиной было еще темно. Немного постояв на пороге, Алисия справилась с дрожью, подошла к окнам и раздвинула шторы, потом взбила подушки на диване, подхватила три пустые кофейные чашки и отнесла их на кухню.

Холодильник демонстрировал скудность. В дверце — одинокая бутылка с молоком, на полках — упаковка с просроченным йогуртом, небольшой кусок сливочного масла и гниющий помидор. Она закрыла холодильник и заглянула в хлебницу. Так и есть — пусто! Алисия со вздохом села за стол и вспомнила свою теплую кухню, полную свежих продуктов, приятный запах чего-то вкусного, распространяющийся от плиты, шумные возгласы играющей ребятни, их милый залиvistый смех... Этот смех дороже всего на свете, ведь дети — сердце дома, средоточие жизни.

Здесь же, в маленькой унылой комнатушке, все было по-другому. Кухня отражала душевное состояние ее младшей сестры Джулии — женщины с разбитым сердцем.

Деревянная лестница закрипела под чьими-то шагами. Алисия обернулась, увидела в дверном проеме кухни сестру и, как всегда, поразилась ее красоте. Если сама она была светлокожей блондинкой, то Джулия являла собой ее полную противоположность и обладала экзотической внешностью. Лицо с тонкими чертами обрамляла густая копна рыжевато-каштановых волос. Девушка недавно похудела и оттого стала еще привлекательней. Худоба подчеркивала ее миндалевидные янтарные глаза и высокие скулы.

Джулия была одета не по январской погоде: в красную майку, расшитую пестрой шелковой нитью, и свободные черные хлопчатобумажные брюки, скрывающие красивые ноги. Алисия заметила, что Джулия замерзла: голые руки были покрыты «гусиной кожей». Вскочив из-за стола, она крепко обняла свою немногословную сестру.

— Милая, — ласково произнесла Алисия, — ты замерзла? Тебе надо пойти купить теплые вещи. А хочешь, принесу парочку своих джемперов?

— Не надо, мне и так неплохо. — Джулия отстранила сестру. — Будешь кофе?

— Молока мало. Я только что заглядывала в холодильник.

— Ничего страшного, я попью черный. — Джулия подошла к раковине, налила в чайник воды и нажала на кнопку.

— Как твои дела? — спросила Алисия.

— Хорошо, — отозвалась Джулия, доставая с полки две кофейные кружки.

Алисия поморщилась. Джулия всегда говорила, что у нее все хорошо, чтобы избежать лишних вопросов.

— Виделась с кем-нибудь на этой неделе?

— Нет. — Джулия пожала плечами.

— Милая, может, ты опять приедешь к нам и какое-то время поживешь в нашем доме? Мне не нравится, что ты здесь совсем одна.

— Спасибо за предложение, но я уже говорила: у меня все хорошо, — рассеянно откликнулась Джулия.

Алисия вздохнула, не скрывая разочарования.

— По тебе не скажешь. Джулия, ты еще больше похудела. Ты вообще ешь что-нибудь?

— Конечно, ем. Ты будешь пить кофе или нет?

— Нет, спасибо.

— Хорошо. — Джулия со стуком поставила бутылку с молоком обратно в холодильник. Когда она обернулась, ее янтарные глаза гневно блеснули. — Послушай, Алисия, я понимаю: ты за меня волнуешься и говоришь со мной так, будто я еще один твой ребенок. Но я не нуждаюсь в няньках. Мне нравится быть одной.

— Как бы то ни было, — Алисия старалась усмирить растущее раздражение и говорить спокойно, — тебе надо надеть пальто. Мы идем на улицу.

— Вообще-то у меня есть планы на сегодняшний день, — отозвалась Джулия.

— Значит, отмени их. Мне нужна твоя помощь.

— В чем?

— Может, ты забыла, но на следующей неделе у папы день рождения, и я хочу купить ему подарок.

— И что? Я должна помочь тебе в этом, Алисия?

— Ему исполняется шестьдесят пять лет — в этот день он выходит на пенсию.

— Я знаю. Он и мой отец тоже.

Алисия постаралась сохранить спокойствие.

— Сегодня в полдень в Уортон-Парке будет распродажа. Я хотела пойти туда с тобой. Может, нам удастся найти что-нибудь для папы.

В глазах Джулии блеснул огонек интереса.

— Уортон-Парк продается?

— Да. А ты не знала?

— Нет, не знала. А почему? — Джулия опустила плечи.

— Думаю, обычная история: налоги на наследство. Я слышала, нынешний владелец продает имение какому-то сказочно богатому горожанину. Ни одна современная семья не может себе позволить содержать подобное место. Последний лорд Уортон довел парк до ужасного состояния. Чтобы привести его в порядок, требуется уйма денег.

— Как жаль... — пробормотала Джулия.

— Да. — Алисия обрадовалась, что Джулия наконец-то втянулась в разговор. — С этим местом связана большая часть нашего детства, особенно твоего. Вот почему я подумала, что надо сходить на распродажу. Кто знает, может, вдруг подберем там какой-нибудь сувенир для папы? А может, все хорошие вещи ушли на аукцион «Сотбис», а здесь осталась всякая ерунда.

Как ни странно, Джулию не пришлось долго упрашивать. Она энергично кивнула:

— Хорошо, сейчас схожу за пальто.

Через пять минут Алисия сидела за рулем, лавируя в потоке машин на главной улице симпатичной прибрежной деревни Блейкни. Повернув налево, она поехала на восток.

— Уортон-Парк... — задумчиво прошептала Джулия. — Минут через пятнадцать мы будем там...

Это было ее самым ярким детским воспоминанием. Она приходила в теплицу к дедушке Биллу и с восторгом вдыхала дурманящий аромат экзотических цветов, которые он выращивал, и слушала его терпеливые объяснения: он рассказывал, что это за сорта и откуда они прибыли. Его отец и дед по отцовской линии тоже работали садовниками в семье Кроуфорда, владельца Уортон-Парка — обширного поместья, где только плодородной пахотной земли насчитывалась тысяча акров.

Дедушка и бабушка Джулии жили в комфортабельном коттедже в уютном оживленном уголке Уортон-Парка, в окружении многочисленного персонала, обслуживавшего землю, дом и семейство Кроуфордов. Мама Джулии и Алисии, Жасмин, родилась и выросла в этом коттедже.

Их бабушка Элси отличалась эксцентричностью, но вполне соответствовала статусу бабушки. Она принимала их с распростертыми объятиями, а на ужин всегда готовила что-нибудь вкусненькое.

При мысли об Уортон-Парке Джулия вспоминала голубое небо и яркие цветы, залитые летним солнцем. Поместье славилось коллекцией орхидей. Как ни странно, эти мелкие хрупкие растения, привыкшие к тропическому климату, прекрасно себя чувствовали в холодном северном полушарии посреди равнин Норфолка.

В детстве Джулия мечтала о летних поездках в Уортон-Парк. Она целый год вспоминала умиротворяющую атмосферу теплиц и огородов, укрытых от жестоких зимних ветров, дующих с Северного моря. В уютном коттедже дедушки и бабушки она чувствовала себя защищенной. Размеренная жизнь поместья не подчинялась будильникам и графикам: ритм задавала природа.

В углу теплицы висел старенький дедушкин радиоприемник, с рассвета до заката играющий классическую музыку.

— Цветы любят музыку, — говаривал дедушка Билл, ухаживая за своими драгоценными растениями.

Джулия обычно сидела в углу на табуретке рядом с приемником и наблюдала за дедом, слушая музыку. Она училась играть на фортепиано и обнаруживала природную склонность к этому занятию. В маленькой гостиной коттеджа стояло древнее пианино. Часто после ужина ее просили поиграть. Дедушка и бабушка с почтительным восторгом смотрели, как тонкие пальчики Джулии бегают по клавишам.

— У тебя Божий дар, Джулия, — сказал однажды вечером дедушка Билл и улыбнулся, глядя на внучку влажными от слез глазами. — Смотри не растрать его впустую!

В день, когда Джулии исполнилось одиннадцать лет, дедушка Билл подарил ей орхидею.

— Это тебе, Джулия. Сорт называется «*Aerides odoratum*», что означает «Дети воздуха».

Джулия взяла горшок и погладила бархатисто-нежные кремовые и розовые лепестки.

— Откуда эта орхидея, дедушка Билл? — спросила она.

— С Востока. Она растет в джунглях Чиангмая, на севере Таиланда.

— Ого! Как думаешь, какую музыку она любит?

— Кажется, больше всего ей нравится туше Моцарта, — усмехнулся дедушка. — А если заметишь, что она увядает, попробуй сыграть ей Шопена.

Джулия лелеяла и орхидею, и свой талант пианистки, сидя в гостиной собственного продуваемого ветрами викторианского дома на окраине Нориджа. Она играла для растения, которое в ответ благодарно цвело. Ей представлялись экзотические места, откуда родом орхидея. Девушка мысленно переносилась из загородной гостиной в бескрайние джунгли Дальнего Востока, наполненные криками гекконов, щебетом птиц и пьянящими ароматами орхидей, растущих на деревьях и в подлеске.

Джулия знала, что когда-нибудь поедет туда и своими глазами увидит тайскую природу. А пока красочные рассказы деда о таинственных далеких землях распяляли ее воображение и вдохновляли как музыканта.

Когда ей было четырнадцать, дедушка Билл умер. Джулия отчетливо помнила чувство утраты, которое тогда испытала. Он и его теплицы были ее единственной отдушиной в юной, но уже такой трудной жизни. Добрый дед всегда внимательно слушал и давал мудрые советы. Пожалуй, он был ей ближе, чем отец.

В восемнадцать лет она выиграла стипендию в Королевском колледже музыки в Лондоне. Бабушка Элси переехала в Саутуолд и стала жить там вместе с сестрой. С тех пор Джулия не приезжала в Уортон-Парк.

И вот теперь, уже в тридцать один год, она вернулась в эти края. Алисия болтала про своих детей и их проказы, а Джулия испытывала радостное волнение, как в те времена, когда ехала по этой дороге в машине родителей. В заднее стекло она высматривала ворота, ведущие в Уортон-Парк. А вот и знакомый поворот...

— Здесь надо повернуть! — воскликнула Джулия.

— О Господи, да, ты права! Я так давно здесь не была! Уже и дорогу забыла... — виновато отозвалась Алисия.

Когда они вырулили на подъездную аллею, Алисия взглянула на сестру и заметила в ее глазах блеск предвкушения.

— Ты всегда любила эти места, верно?

— Да. А ты разве нет?

— Если честно, мне было здесь скучно. Не могла дождаться, когда вернемся в город и я смогу увидаться с друзьями.

— Тебе нравится городская жизнь.

— Да, и что в итоге? Мне тридцать четыре года, я живу в фермерском доме у черта на рогах с выводком детей, тремя кошками, двумя собаками и кухонной плитой. Куда подевался праздник? — криво усмехнулась Алисия.

— Ты влюбилась и завела семью.

— А тебе достался праздник, — беззлобно огрызнулась Алисия.

— Да, было дело... — Джулия осеклась. — А вот и дом. С виду совсем не изменился.

Алисия взглянула на возвышающееся впереди здание.

— По-моему, дом стал еще лучше. Я и забыла, как он красив.

— А я никогда не забывала, — пробормотала Джулия.

Погруженные каждая в свои мысли, сестры медленно ехали в цепочке автомобилей, растянувшейся на подъездной дорожке.

Уортон-Парк был выстроен в классическом георгианском стиле для племянника первого премьер-министра Великобритании, который умер раньше, чем закончились работы. Трехсотлетнее каменное сооружение было выдержано в мягких желтых тонах.

Семь пролетов между стенами и двойные лестницы, тянущиеся до второго этажа, образовывали рельефную террасу со стороны парка, разбитого за домом, которая придавала строению французскую изысканность. На каждом углу возвышалась куполообразная башня. Просторную открытую галерею поддерживали четыре гигантские ионические колонны, а конек крыши был легкомысленно украшен осыпающейся статуей Британии. В целом дом казался величественным, но немного эксцентричным.

Впрочем, размеры здания не позволяли назвать его роскошным. Архитектура тоже оставляла желать лучшего: последние поколения

Кроуфордов добавили пару элементов, испортив целостность постройки. Однако благодаря этому дом не пугал своим совершенством в отличие от других построек того периода.

— Здесь мы сворачивали налево, — встрепенулась Джулия, вспомнив огибавшую озеро дорогу до дедушкиного коттеджа, расположенного на краю поместья.

— Может, после распродажи сходим к старому коттеджу? — предложила Алисия.

— Посмотрим. — Джулия пожала плечами.

Дворецкие в желтых ливреях регулировали движение, распределяя машины на парковке.

— Похоже, слух о распродаже обошел всю округу, — заметила Алисия, заезжая на указанное дворецким место. Она выключила двигатель, обернулась к сестре и дотронулась до ее колена. — Ну что, пойдём?

Джулия растерялась от наплыва воспоминаний. Она вышла из машины и направилась к дому, упиваясь знакомым запахом мокрой свежескошенной травы и легким ароматом жасмина, растущего по краям лужайки. Вслед за толпой сестры медленно поднялись на главное крыльцо и вошли в дом.

Глава 2

Мне снова одиннадцать лет. Я стою в огромном парадном холле, который кажется мне собором. Задираю голову и вижу высокий потолок, расписанный облаками и голыми упитанными ангелочками. От восторга не замечаю, что кто-то наблюдает за мной с лестницы.

— Я могу вам помочь, юная барышня?

Я так испугалась, что чуть не выронила из рук горшок с цветком, из-за которого и пришла. Дед велел отнести его леди Кроуфорд, а я ее боялась. Издали она казалась мне старой, худющей и злой. Но дедушка Билл настоял.

— Ей сейчас очень грустно, Джулия. Возможно, орхидея поднимет ей настроение. Ну же, беги, моя девочка!

Обернувшись, я вижу на лестнице паренька старше меня на четыре-пять лет, с густой копной курчавых рыжевато-каштановых волос, на мой взгляд, слишком длинных для мальчика. Он очень высокий, но болезненно-худой. Руки, выглядывающие из закатанных рукавов рубашки, похожи на палки.

— Да. Я иду леди Кроуфорд. Принесла ей цветок из теплицы, — запинаясь выдавливаю из себя.

Юноша небрежно сходит с лестницы и встает напротив меня.

— Если хотите, я отнесу.

— Дедушка сказал, чтобы я отдала ей горшок лично в руки, — взволнованно отвечаю я.

— К сожалению, она сейчас спит. Ей нездоровится.

— Я не знала, — лепечу я.

Мне хочется спросить, кто он такой, но я не решаюсь. Мальчик словно читает мои мысли.

— Леди Кроуфорд — моя родственница. Так что вы можете мне доверять.

— Да, конечно. — Я протягиваю ему орхидею, в глубине души радуясь, что не надо иметь дело с хозяйкой дома. — Мой дедушка говорит, это новый, — я пытаюсь вспомнить слово, — гибрид. Он только что отцвел. Вы могли бы передать его леди Кроуфорд?

— Хорошо, передам.

Я стою, не зная, что делать дальше. Он тоже.

— Как вас зовут? — наконец спрашивает он.

— Джулия Форрестер. Я внучка мистера Стаффорда.

— Да что вы? Как же я сразу не догадался? А я Кристофер Кроуфорд. Друзья называют меня Китом. — Он протягивает свободную руку, и я ее пожимаю. — Рад с вами познакомиться, Джулия. Я слышал, вы хорошо играете на фортепиано.

— Не так уж и хорошо, — отвечаю я, покраснев как рак.

— Не скромничайте. Сегодня утром я слышал, как кухарка разговаривала о вас с вашей бабушкой. Идемте со мной!

Кит все еще держит меня за руку, и вдруг я чувствую, как он тянет меня через холл. Мы проходим ряд просторных комнат, обставленных строгой безликой мебелью, которая делает это жилище похожим на гигантский кукольный дом.

«Интересно, — невольно думаю я, — где они по вечерам смотрят телевизор?»

Наконец мы входим в помещение, залитое ярким золотым светом: три окна от пола до потолка смотрят на террасу, ведущую в сад. Огромный мраморный камин окружают большие диваны, а в дальнем углу у окна стоит большой рояль. Кит Кроуфорд подводит меня к нему, выдвигает табуретку и чуть ли не силком усаживает за инструмент.

— Ну-ка сыграй что-нибудь, а я послушаю. — Кит открывает крышку, и в воздух взлетает целый сноп пыли, искрящейся на солнце.

— А... ты уверен, что мне можно? — спрашиваю я.

— Тетя спит в другом конце дома. Вряд ли она услышит. Ну же, давай! — Он выжидающе смотрит на меня.

Я осторожно заносу руки над клавишами. Мои пальцы еще никогда не касались такой клавиатуры! Позже я узнаю, что она отделана самой лучшей слоновой костью и что инструмент, на котором я играла, — это стопятидесятилетний рояль Бехстейна. Я легко ударяю по клавише и слышу, как резонируют струны, усиливая звучание ноты.

Юноша стоит рядом со мной, скрестив на груди руки. Я понимаю, что у меня нет выбора, и начинаю играть недавно разученную пьесу Дебюсси «Лунный свет». Пока это мое самое любимое произведение, и я потратила немало часов на отработку техники игры. Пальцы касаются клавиш, и я на время забываю про

Кита. Чудесный инструмент издает волшебные звуки, и я, как всегда, уношусь на волнах музыки куда-то далеко-далеко... Солнце освещает мои руки и согревает лицо. Я играю лучше, чем когда бы то ни было. Наконец звучат финальные ноты, и я с удивлением слышу, как смолкает прекрасная мелодия.

Где-то рядом раздаются хлопки, и я возвращаюсь в огромную комнату, к Киту, который стоит рядом с роялем и смотрит на меня с благоговейным восторгом.

— Вау! — восклицает он. — Блестяще!

— Спасибо.

— Ты такая юная! У тебя такие маленькие пальчики, но они так быстро летают по клавишам! Как тебе удается?

— Не знаю. Просто... так получается.

— Муж тети Кроуфорд, Гарри, или лорд Кроуфорд, был превосходным концертирующим пианистом. Ты знала об этом?

— Нет.

— Это его рояль. Он умер, когда я был еще совсем маленьким. Мне не довелось слышать, как он играет. Ты можешь исполнить что-нибудь еще?

Теперь на его лице написано искреннее воодушевление.

— Я... наверное, мне пора идти.

— Ну, хотя бы еще одну пьесу, пожалуйста!

— Ладно, — киваю я и начинаю играть «Равсодию на тему Паганини» Рахманинова.

Музыка опять уносит меня в далекие фантастические дали, и я не сразу прихожу в себя от внезапного громкого крика.

— Хватит! Немедленно прекрати!

Я перестаю играть и смотрю в дверной проем гостиной. Там стоит высокая худая женщина с седыми волосами и полыхающим от гнева лицом. Мое сердце начинает отчаянно колотиться.

Кит подходит к пожилой даме:

— Простите, тетя. Это я попросил Джулию сыграть. Вы спали, и я не мог спросить у вас разрешения. Мы вас разбудили?

Леди Кроуфорд меряет его суровым взглядом.

— Нет, вы меня не разбудили. Но дело не в этом, Кит. Разве ты не знаешь, что я никому не разрешаю играть на этом рояле?

— Еще раз простите, я не знал. Но Джулия такая молодец! Ей всего одиннадцать лет, а она играет как заправский пианист.

— Довольно! — рывкает тетя.

Кит жестом манит меня к двери. Когда прохожу мимо леди Кроуфорд, она меня останавливает.

— Ты внучка Стаффорда? — Строгая леди буравит меня холодным взглядом голубых глаз.

— Да, леди Кроуфорд.

Я замечаю, как смягчается ее взгляд. Кажется, дама вот-вот расплечется.

— Мне... очень жаль твою маму, — через силу произносит она.

— Джулия принесла вам орхидею, — перебивает Кит, почувствовав напряжение. — Это новый цветок в теплице ее бабушки. Верно, Джулия? — Он поощрительно смотрит на меня.

— Да, — бормочу я, с трудом сдерживая слезы. — Надеюсь, он вам понравится.

— Конечно, понравится. — Леди Кроуфорд кивает. — Передай бабушке большое спасибо.

Алисия терпеливо стояла в очереди за каталогом распродаваемых товаров.

— Ты когда-нибудь заходила в этот дом в детстве? — спросила она у Джулии.

— Да, один раз.

— Довольно пошлые херувимчики, правда? — Алисия показала на потолок.

— Мне они всегда нравились, — отозвалась Джулия.

— Какой старый дом! — Алисия взяла каталог и устремилась вслед за толпой через холл по коридору в большую комнату, обшитую дубовыми панелями, где были все предметы, выставленные на распродажу. Она протянула каталог Джулии. — Жаль, что это кресло продано! Кроуфорды пользовались им триста лет, — задумчиво проговорила она. — Конец эпохи и все такое. Давай походим... — Алисия взяла сестру под руку и подвела ее к изящной, но треснувшей греческой урне. Судя по мху, покрывающему внутренний ободок, посудина использовалась в качестве кашпо для летних цветов. — Может, купим для папы?

— Можно. Решай сама. — Джулия пожала плечами.

Почувствовав угасающий интерес сестры и собственное раздражение, Алисия предложила:

— Давай разойдемся в разные стороны. Так быстрее осмотрим ассортимент. Ты начнешь с этого края, а я с того. Встретимся через десять минут у двери.

Джулия кивнула, и Алисия побрела вдоль противоположной стены. В последнее время Джулия отвыкла от толпы и теперь испытывала приступ клаустрофобии. Она протиснулась сквозь толпу в более свободное пространство комнаты. В углу виднелся разборный стол, рядом стояла женщина. Джулия не знала, куда деваться, поэтому подошла поближе.

— Эти предметы не участвуют в распродаже, — сообщила женщина. — Здесь в основном безделушки. Они продаются по отдельности, и вы можете их купить.

Джулия взяла зачитанную детскую книжку. Открыв ее, увидела дату: 1926 год. И надпись: «Хьюго от бабушки с любовью». Здесь были также Ежегодник Уилфреда за 1932 год и «Сад с ноготками» Кейт Гринуэй.

Дети Кроуфордов читали эти рассказы на протяжении пятидесяти лет... Джулия решила купить их и сберечь для тех, кто рос в Уортон-Парке.

Слева от стола она увидела потрепанную картонную коробку, полную гравюр и эстампов. Джулия бегло просмотрела выполненные пером литографии, изображающие Великий лондонский пожар, древние корабли и уродливые здания. Среди них лежал потертый коричневый конверт.

В конверте оказались акварельные рисунки, запечатлевшие различные сорта орхидей. Кремовый пергамент, на котором работал неизвестный автор, был покрыт коричневыми пятнами. Джулия поняла, что рисунки выполнены не профессиональным художником, а вдохновенным любителем. Однако если поместить их в рамку и повесить на стену, они будут очень неплохо смотреться. На каждом листке под стеблем растения виднелись написанные карандашом латинские названия сортов.

— Сколько это стоит? — спросила Джулия у продавщицы.

Женщина взяла у нее конверт.

— Не знаю. Цена не проставлена.

— Что, если я дам двадцать фунтов — по пять фунтов за каждый?
— предложила Джулия.

Женщина взглянула на невзрачные рисунки и пожала плечами:

— Если хотите, забирайте всю серию за десять фунтов.

— Спасибо.

Джулия достала деньги из кошелька, заплатила и пошла обратно, чтобы встретиться с Алисией, которая уже ждала ее в условленном месте.

Алисия увидела под мышкой у Джулии конверт и книги.

— Ты что-то нашла? — радостно спросила она.

— Да.

— Дашь посмотреть?

— Покажу, когда приедем домой.

— Ладно, — кивнула Алисия. — А я хочу приобрести урну, которую мы с тобой видели. Это лот под номером шесть, так что, надеюсь, мы не задержимся здесь надолго. Аукцион должен начаться с минуты на минуту.

— Я подожду тебя на улице. Прогуляюсь, подышу свежим воздухом: в помещении очень душно.

— Хорошо. — Алисия порылась в сумочке, достала ключи и протянула их сестре. — Возьми на всякий случай — вдруг я задержусь. Встречаемся у парадного входа через полчаса. Поможешь снести мои трофеи с крыльца.

— Спасибо. — Джулия взяла ключи. — До встречи.

Она вышла из комнаты, побрела по коридору и вернулась в парадный холл. Сейчас здесь было пусто. Остановившись, девушка глянула на потолок. Нарисованные херувимы были на месте. Их не трогала царящая рядом суета. Затем ее взгляд упал на дверь, ведущую в гостиную с большим роялем, на котором она однажды играла.

Поддавшись внезапному порыву, Джулия направилась к двери и нерешительно шагнула за порог. Просторную комнату окутывал тусклый январский свет. Мебель выглядела точно так же, как и тогда, много лет назад. Джулия прошла еще несколько комнат и очутилась у входа в гостиную.

Сегодня солнце не светило в высокие окна. В комнате было холодно. Джулия миновала камин и диваны, от которых неприятно

пахло плесенью, и приблизилась к роялю. Только сейчас она заметила высокого мужчину, стоящего к ней спиной. Он смотрел в окно и был наполовину скрыт камчатной шторой, истончившейся от многократных стирок.

Она тут же узнала этого мужчину и застыла на месте от неожиданности. Он стоял неподвижно, словно статуя, и явно не слышал ее шагов. Не желая нарушать его уединение, Джулия развернулась и тихонько пошла обратно.

— Я могу вам чем-то помочь? — услышала она уже у двери.

Джулия обернулась.

— Простите, мне не следовало сюда заходить.

— Это верно. — Он внимательно посмотрел на нее и вдруг нахмурился. — Мы с вами знакомы?

Их отделяло порядочное расстояние, но Джулия помнила густые волнистые рыжевато-каштановые волосы, стройное тело... он возмужал с тех пор, как она видела его в последний раз. А вот усмехается по-прежнему.

— Да. Я... то есть мы встречались много лет назад, — с запинкой пробормотала девушка. — Простите, я сейчас уйду.

— Так-так-так! — В его глазах вспыхнул огонек узнавания, а на губах заиграла улыбка. — Вы маленькая Джулия, внучка садовника, а теперь всемирно известная концертирующая пианистка, верно?

— Да, я Джулия. Насчет всемирной известности — это вы хватили...

— Не скромничайте, Джулия. У меня есть несколько записей ваших концертов. Вы знаменитость, звезда. Что, черт возьми, вы здесь делаете? Вы должны путешествовать по миру, проводить время в роскошных отелях.

«Выходит, он ничего не знает...»

— Я... приехала в гости к папе, — солгала Джулия.

— Какая честь для нас! — Кит насмешливо поклонился. — Я горжусь знакомством с вами и всем рассказываю, что одним из первых услышал в вашем исполнении пьесу «Лунный свет». Получилось довольно удачно — мы встретились в той же комнате и в том же доме, который вот-вот будет продан.

— Да. Мне очень жаль, — натянуто улыбнулась она.

— Не надо жалеть. Все, что ни делается, к лучшему. Тетя совсем запустила поместье, а у моего отца не было ни денег, ни желания для его обустройства. Если честно, я рад, что мне удалось сбыть с рук эту недвижимость. Новому хозяину потребуется целое состояние, чтобы отладить здесь все хозяйство.

— Значит, поместье Уортон-Парк ваше? — спросила Джулия.

— К сожалению, да. Это мне наказание за грехи. Тетя умерла, а потом скончался мой отец. Я их ближайший наследник. Только все, что мне досталось, — это куча долгов и проблем. Впрочем, — он пожал плечами, — простите за пессимизм.

— Я уверена, в глубине души вам жалко расставаться с домом.

Они по-прежнему стояли далеко друг от друга. Кит сунул руки в карманы брюк и подошел к Джулии.

— Признаться, нисколько. Я приезжал сюда на каникулы, когда был маленьким, и не успел привязаться к этому месту. А роль помещика — не для меня. Однако я не спал несколько ночей подряд, прежде чем принять решение о продаже трехсотлетней семейной истории. Но у меня нет выбора: поместье увязло в долгах, и мне придется это сделать, чтобы расплатиться с кредиторами.

— Вы продаете все? — спросила Джулия.

Кит провел рукой по растрепанным волосам и вздохнул.

— Мне удалось сохранить старый конюшенный двор, где раньше жила часть рабочих, и несколько акров неплодородной земли. Там есть отдельная дорожка, которая ведет на проезжую часть, поэтому мне нет необходимости использовать главный вход. Сейчас я живу в довольно запущенном отсыревшем коттедже без центрального отопления. — Он улыбнулся. — Но это лучше, чем ничего. К тому же я занимаюсь его ремонтом. Думаю, когда все работы закончатся, там будет хорошо.

— Раньше там жили мои дедушка с бабушкой. И мама там родилась, — задумчиво произнесла Джулия. — Здешние коттеджи никогда не казались мне запущенными. И сырости я не замечала. Но, наверное, вы правы.

Кит покраснел.

— Ради Бога, простите мне мое высокомерие! На самом деле я не продал конюшенный двор как раз потому, что считаю его очень красивым местом. Вообще, — продолжил он со значением, — жду не дождусь, когда можно будет туда переехать. Надеюсь, отремонтировав

остальные конюшни и коттеджи, я смогу сдать их в аренду, и они принесут доход.

— Разве вам негде больше жить?

— Как и вы, я долго жил за границей. У меня не возникало мысли вернуться и обустроить собственный дом... — Кит осекся и отвернулся к окну. — К тому же этот участок леса связан с не самыми лучшими воспоминаниями. В детстве я скрепя сердце проводил здесь лето.

— А мне всегда нравился Уортон-Парк.

— Ну да, это добротный старый дом и чудесный пейзаж, — сдержанно согласился Кит.

Джулия кинула на него внимательный взгляд. Несмотря на темный загар, он выглядел осунувшимся и усталым. Не зная, что еще сказать, она пробормотала:

— Надеюсь, вы будете счастливы в вашем новом доме. Мне пора идти.

— А я пойду в аукционный зал и тихонько постою в заднем ряду.

Они вместе пересекли потемневшие комнаты, направляясь в холл.

— Где вы сейчас живете? — поинтересовался Кит. — Наверняка в каком-нибудь просторном пентхаусе с видом на Центральный парк?

— Вовсе нет. Я остановилась в Блейкни, в маленьком сыром коттедже, купленном мной много лет назад, когда все твердили про то, что я должна вложить часть денег в недвижимость. Последние восемь лет я сдавала его отдыхающим.

— Но это не единственный ваш дом? — Кит нахмурился. — В гляцевых журналах знаменитости появляются на фоне шикарных апартаментов, а вовсе не сырых коттеджей северного Норфолка.

— Я не снимаюсь для гляцевых журналов, — недовольно проворчала Джулия. — И вообще... это долгая история, — добавила она, увидев, что они приближаются к главному парадному холлу. — Скажите, а здешние теплицы сохранились?

— Не знаю. — Кит пожал плечами. — Если честно, я еще не ходил по саду. У меня и без того дел хватало.

Когда они вошли в холл, Джулия увидела Алисию. Она стояла у двери с урной в руках и нетерпеливо озиралась по сторонам.

— А вот и ты, Кит! — воскликнула крупная женщина с такими же, как у него, рыжевато-каштановыми волосами и темно-карими глазами. — Где ты пропадал? Аукционисту нужно срочно поговорить с

тобой насчет одной вазы. Полагает, она относится к династии Минг или что-то в этом роде, поэтому тебе следует снять ее с торгов и направить на оценку в «Сотбис».

Джулия заметила на лице Кита легкую тень раздражения.

— Джулия, познакомься с моей сестрой Беллой Харпер, — представил он.

— Привет. — Белла смерила Джулию равнодушным взглядом и подхватила Кита под руку. — Пойдем скорей! Ты должен поговорить с аукционистом, — твердо заявила она и потащила его через холл.

Кит обернулся к Джулии и улыбнулся.

— Рад с тобой повидаться, — бросил он на ходу и скрылся из виду.

Джулия направилась в ту же сторону и подошла к Алисии, которая смотрела вслед удаляющейся парочке.

— Откуда ты ее знаешь? — удивленно спросила Алисия.

— Кого?

Джулия ухватила за другой край урны. Вдвоем они снесли ее с крыльца и потащили к машине.

— Мерзкую Беллу Харпер, кого же еще? Я видела, как ты разговаривала с ней всего несколько минут назад.

— Мы не знакомы. Я знаю только ее брата Кита.

Когда они добрались до машины, Алисия открыла багажник, чтобы положить туда урну.

— Ты имеешь в виду лорда Кристофера Уортона, наследника всего этого?

— Да, наверное, сейчас он зовется именно так, — пробормотала Джулия. — Но мы с ним познакомились в этом доме много лет назад, а сегодня случайно встретились.

Алисия нахмурилась.

— А ты темная лошадка, Джулия! Когда мы были маленькими, ты даже не обмолвилась, что вы с ним встречались. — Она замотала урну в старый плащ и приткнула ее сбоку. — Будем надеяться, эта штукавина доедет до дома.

Сестры сели в машину, и Алисия включила двигатель.

— Может, зайдём в паб, по-быстрому чего-нибудь выпьем и закусим сэндвичем? — спросила она. — Ты расскажешь, как познакомилась с очаровательным лордом Китом. Надеюсь, он более

приятен в общении, чем его сестрица. Я встречалась с ней пару раз на местных званых обедах, и она обращалась со мной, будто я так и осталась бедной внучкой садовника. Слава Богу, титул достался ближайшему наследнику по мужской линии. Будь Белла мужиком, она бы совсем пошла вразнос!

— Не думаю, что Кит на нее похож, — мягко произнесла Джулия и обернулась к сестре. — Спасибо за предложение, но мне бы хотелось сразу поехать домой, если ты не против.

Алисия взглянула на сестру и поняла, как та устала.

— Хорошо, — согласилась она, — только по пути заедем в магазин, я куплю тебе еды.

Джулия молча кивнула, не в силах спорить.

Алисия усадила сестру на диван, разожгла камин и сложила продукты, купленные в местном универсаме, в холодильник. Джулия даже не пыталась протестовать. Она впервые за много недель совершила вылазку из дома и теперь чувствовала себя разбитой. К тому же ее взволновали возвращение в Уортон-Парк и встреча с Китом.

Алисия принесла из кухни поднос и поставила его перед Джулией.

— Я приготовила тебе суп. Пожалуйста, поешь. — Она взяла коричневый конверт, который сестра положила на кофейный столик. — Можно?

— Конечно.

Алисия достала из конверта рисунки, положила их на стол и начала разглядывать.

— Как красиво! Отличный подарок для папы. Тыставишь их в рамки?

— Да, если успею.

— Придешь к нам в следующую субботу на праздничный обед? — поинтересовалась Алисия.

Джулия нехотя кивнула и взялась за ложку.

— Я понимаю, милая, это нелегко: тебе сейчас не до семейных торжеств. Но все хотят с тобой повидаться. Папа сильно огорчится, если ты не придешь.

— Я приду. Обязательно.

— Хорошо. — Алисия взглянула на часы. — Мне пора возвращаться в этот дурдом. — Она закатила глаза, подошла к Джулии и сжала ее плечо. — Может, тебе еще чего-нибудь принести?

— Нет, спасибо.

— Ну ладно. — Она чмокнула сестру в макушку. — Пожалуйста, не пропадай. И держи мобильник включенным. Я за тебя волнуюсь.

— Здесь очень плохой сигнал, — виновато пробормотала Джулия, — но я постараюсь. — Она посмотрела вслед уходящей Алисии. — Спасибо за то, что свозила меня в Уортон-Парк.

— Всегда пожалуйста. Звони, и я сразу приеду. Будь умницей, Джулия.

Дверь за Алисией захлопнулась. Джулия чувствовала себя опустошенной. Ее стало клонить в сон. Оставив на столе недоеденный суп, она устало поднялась по лестнице на второй этаж и села на кровать.

Я не хочу выздоравливать. Я хочу страдать так же, как они. Где бы ни были, они, по крайней мере, вместе, а я здесь одна. Почему они не взяли меня с собой? Неизвестно, где я сейчас нахожусь — здесь или там. Я не могу жить и не могу умереть. Все хотят, чтобы я выбрала жизнь, но если я это сделаю, мне придется их отпустить. А я не могу это сделать. Во всяком случае, пока...

Глава 3

В следующее воскресенье без двух минут час Алисия торжественно ввела своих родных в гостиную.

— Лисси, дорогая, выпей вина. — Ее муж Макс сунул ей в руку бокал и поцеловал в щечку.

— Роуз, немедленно убери айпад! — рывкнула Алисия на свою тринадцатилетнюю дочку, которая сидела, сутулясь, на диване. — Обращаюсь ко всем: постарайтесь вести себя хорошо. — Алисия села на каминную решетку и сделала глоток вина.

Кейт, восьмилетняя светловолосая девчушка, робко подошла к ней.

— Мамочка, тебе нравится мой наряд? — спросила она.

Только сейчас Алисия обратила внимание на ярко-розовый топ, желтую юбку в горошек и бирюзовые колготки. Кейт походила на рождественскую елку, но что-либо менять поздно: в окне показалась папина машина.

— Дедушка приехал! — взволнованно заорал шестилетний сынишка Джеймс.

— Пойдемте к нему! — воскликнул четырехлетний Фред и понесся к выходу из гостиной.

Остальные дети помчались за ним. Алисия смотрела на них с довольной улыбкой. Открыв парадную дверь, ребятня выбежала во двор и окружила автомобиль.

Несколько секунд спустя внуки втащили Джорджа Форрестера в гостиную. В свои шестьдесят пять он оставался красивым мужчиной — стройный, с густыми седеющими на висках волосами. Джордж держался с властной умеренностью, выработанной за долгие годы выступлений перед многочисленной аудиторией.

Известный ботаник, профессор Университета Восточной Англии, он часто читал лекции в Королевском обществе садоводов и в садах Кью, а кроме того, путешествовал по миру в поисках новых видов растений. Последнее, по его собственному признанию, нравилось ему больше всего.

Джордж часто рассказывал дочерям о том, как пришел в теплицы Уортон-Парка, рассчитывая полюбоваться на знаменитую коллекцию

орхидей, но вместо этого с первого взгляда влюбился в юную красавицу — свою будущую жену и мать двух его дочерей, — которую встретил в теплице. Они поженились через несколько месяцев.

Джордж подошел к Алисии:

— Привет, милая. Ты, как всегда, прекрасно выглядишь. Как дела?

— Спасибо, все хорошо. С днем рождения, папа. Хочешь выпить?

У нас в холодильнике есть шампанское.

— Почему бы и нет? — В уголках его глаз появились веселые лучики-морщинки. — Вообще-то это ненормально — праздновать тот факт, что я стал на один шаг ближе к могиле.

— Ох, папа, не говори глупости! — укорила Алисия. — Все мои подружки до сих пор в тебя влюблены.

— Что ж, мне, как и любому мужчине, приятно такое слышать, но это не меняет сути дела. Сегодня, — он обернулся к внукам, — ваш дедушка стал пенсионером.

— Что такое пенсионер? — спросил Фред.

Джеймс, который был на два года старше и умнее, ткнул младшего братика в ребра:

— Это старый человек, дурачок!

— Я пойду за шампанским, — объявил Макс, подмигнув Алисии.

— Ну, — Джордж уселся на каминной решетке напротив дочери, вытянув свои длинные ноги, — рассказывай, как вы поживаете.

— Жизнь бьет ключом, как обычно, — вздохнула Алисия. — А у тебя?

— То же самое, — кивнул Джордж. — Вообще-то я нахожусь в предвкушении. На прошлой неделе мне позвонил один мой американский коллега, который читает лекции в Йельском университете. Он собирается в мае совершить исследовательский рейд на Галапагосские острова и хочет, чтобы я составил ему компанию. Я никогда там не был, но мечтал побывать — именно в тех краях у Дарвина зародилась мысль о создании знаменитой теории происхождения видов. Меня не будет целых три месяца: попросили прочитать пару лекций, пока я буду в Штатах.

— Значит, несмотря на статус пенсионера, ты не собираешься сбавлять обороты? — Алисия улыбнулась.

Фред прискакал к Джорджу на одной ножке.

— Мы купили тебе такой классный подарок, дедушка! — сообщил он. — Это...

— Заткнись, Фред! Это сюрприз, — с подростковым высокомерием перебила его сидящая на диване Роуз.

Макс вернулся с откупоренным шампанским и разлил его по трем бокалам.

— Ну, — Джордж поднес бокал с шампанским к губам, — давайте выпьем за следующие шестьдесят пять лет! — Он сделал один глоток. — А Джулия приедет?

— Да, обещала. Наверное, запаздывает.

— Как она? — спросил Джордж.

— Неважно. — Алисия покачала головой. — В прошлые выходные я вывезла ее из дома. Мы побывали в Уортон-Парке, там была распродажа, и я купила тебе подарок. Кажется, она немного отошла, хотя... ей по-прежнему тяжело.

— Какое ужасное несчастье! — вздохнул Джордж. — Чувствую себя таким... беспомощным.

— Мы все чувствуем себя беспомощными, — печально проговорила Алисия.

— Сначала, в одиннадцать лет, она потеряла маму, а теперь... — Джордж растерянно пожал плечами. — Как несправедлива к ней жизнь!

— Ужасно, — пробормотала Алисия. — Не знаю, что делать и как с ней разговаривать. Ты же знаешь, пап, как тяжело Джулия переживала смерть мамы. Похоже, она потеряла трех человек, которые были самыми главными людьми в ее жизни.

— Она не собирается возвращаться на юг Франции? — спросил Джордж. — Мне кажется, ей лучше жить в собственном доме, чем целыми днями сидеть в этом мрачном коттедже.

— Нет, не собирается. Наверное, не хочет оставаться один на один с воспоминаниями. Мне, например, стало бы невыносимо плохо, если бы вдруг этот дом внезапно... — Алисия закусила губу, — опустел.

— Дедушка, а у тебя есть подружка? — спросила Кейт, забравшись к Джорджу на колени.

— Нет, милая. — Джордж усмехнулся. — Я всегда любил только твою бабушку.

— Если хочешь, я буду твоей подружкой, — великодушно предложила девочка. — Тебе, наверное, грустно жить в большом Норвичском доме одному.

Алисия поморщилась. Кейт имела несносную привычку высказывать то, о чем другие предпочитали помалкивать.

— Я не одинок, милая. — Джордж ласково взъерошил ее волосы. — У меня есть Сид, моя собака, и мои растения, которые не дают мне скучать. — Он сжал ее в объятиях. — Но если мне когда-нибудь понадобится подружка, я тебе позвоню — обещаю!

Алисия увидела в окно машину Джулии, которая медленно ехала по дорожке к дому.

— А вот и Джулия, папа! Пойду встречу и заодно посмотрю, в каком она расположении духа.

— Конечно, милая, — кивнул Джордж, почувствовав тревогу Алисии.

Алисия устремилась к парадной двери и встала на крыльце, дожидаясь, пока Джулия выйдет из машины. Она думала о своем отце. Хотя после смерти мамы прошло уже больше двадцати лет, Джордж так и не сделал того, что обычно делают мужчины в его положении, — не стал искать замену своей жене. Алисия помнила хищные взгляды разведенков, которые вились вокруг еще молодого и привлекательного отца, однако он не выказывал к ним ни малейшего интереса.

Возможно, отец встречался с женщинами, но только чтобы удовлетворить свои физические потребности. Вряд ли он пытался искать эмоциональный контакт, поскольку твердо верил: никто не сможет заменить его задушевную подругу и партнершу — маму Алисии, Жасмин.

Наверное, страстная увлеченность профессией помогла Джорджу заполнить образовавшуюся пустоту. Но можно ли сказать то же самое про Джулию?

Джулия вышла из машины, закутанная в кардиган, который был ей велик, и зашагала по дорожке к крыльцу.

— Привет, милая! Папа уже здесь.

— Знаю. Прости, что опоздала. Я потеряла счет времени.

— Ничего страшного. Пойдем в дом. — Алисия указала на прямоугольный сверток, который Джулия держала под мышкой: — Вижу, тебе удалось вставить рисунки в рамки?

— Да.

— Джулия! — воскликнул Макс, когда она вошла в гостиную. — Рад тебя видеть. — Он с улыбкой обнял свояченицу за болезненно худые плечи. — Ты позволишь снять с тебя это?

— Да, спасибо... Привет, пап, с днем рождения! — Джулия нагнулась, чтобы его поцеловать.

— Большое спасибо, милая, что приехала. — Джордж взял Джулию за руку.

— Ну, а теперь, когда мы все собрались, давайте откроем подарки, — предложила Алисия.

— Можно, я открою их для дедушки? — раздался голос из-под кофейного столика.

— Думаю, дедушка справится с этим сам. — Макс с улыбкой глянул на самого младшего сына, взял урну и протянул ее Джорджу: — Это от всех членов семьи Говард. По-моему, эта штука здорово напоминает пивную кружку. — Он с усмешкой показал на закрытые бумагой большие ручки, выпирающие с обеих сторон урны.

Джордж начал разворачивать бумагу. Ему помогли шустрые ручонки, волшебным образом вылезшие из-под кофейного столика.

— Это очень большой горшок, дедушка, — объявил Фред, когда урна показалась на свет. — Тебе нравится?

Джордж улыбнулся.

— Чудесная вещь! Спасибо, Алисия. Спасибо, дети. — Он взглянул на дочь. — Так ты говоришь, что купила это в Уортон-Парке?

— Да. — Алисия посмотрела на Джулию: — А ты сейчас подаришь папе свой подарок?

— Конечно. — Она кивнула на сверток, лежащий на кофейном столике. — Пожалуйста, открывай.

Джулия внимательно наблюдала за отцом, который разворачивал ее презент. Багетчики, которым она отдала рисунки, прекрасно выполнили свою работу, изготовив чудесные желтовато-коричневые рамки.

— Так-так-так... — Джордж осекся и внимательно стал разглядывать каждую картину. — Это тоже из Уортон-Парка?

— Да.

Он молча сел, растерянный и чем-то озадаченный. Вся семья смотрела на него.

— Тебе что, не понравилось? — нарушила молчание Алисия.

Джордж посмотрел на Джулию, не на Алисию.

— Джулия, это... замечательные рисунки. Видишь ли... — он улыбнулся и украдкой смахнул с глаза слезинку, — я уверен, что их нарисовала твоя мама.

За ленчем они строили догадки: каким образом рисунки Жасмин оказались на распродаже в Уортон-Парке?

— Ты уверен, что это мамины рисунки? — в который раз спросила Алисия.

— Милая, — Джордж увлеченно занялся вкусным ростбифом, приготовленным Алисией, — я в этом убежден. Когда я впервые увидел вашу маму, она сидела в углу теплицы вашего дедушки в обнимку со своим альбомом и акварельными красками. И потом, когда мы вместе путешествовали и находили интересные экземпляры растений, я описывал их в блокноте, а она делала зарисовки. Ее стиль я узнаю, где угодно. Когда приеду домой, еще раз просмотрю эти рисунки и сравню их с другими работами вашей мамы. Знаешь, Джулия, — он тепло улыбнулся, — ты выбрала мне шикарный подарок!

После кофе, выпитого в гостинной, Джулия встала:

— Я поеду, папа.

— Так скоро? — Джордж внимательно глянул на нее.

— Да, — кивнула Джулия.

Джордж потянулся к ее руке.

— Приезжай ко мне в гости, ладно? Поболтаем. Буду рад тебя видеть.

— Хорошо, — покорно кивнула Джулия, хотя они оба шали, что она не приедет.

— Большое спасибо тебе за рисунки, милая. Они очень много для меня значат, — добавил Джордж.

— Думаю, нам стоит поблагодарить мою интуицию, ведь я понятия не имела, чьи они, — улыбнулась Джулия. — Пока, дети, до скорой встречи! — Она помахала рукой.

— Пока, тетя Джулия! — хором откликнулась ребятня.

Алисия схватила сестру за руку, когда она выходила за дверь.

— Приедешь ко мне на кофе на следующей неделе? — спросила она.

— Созвонимся. Большое спасибо за ленч. — Джулия поцеловала Алисию в щеку. — Пока!

Алисия захлопнула дверь и тяжело вздохнула. Ласковые мужские руки обхватили ее сзади за талию.

— Я знаю, Лисси, она по-прежнему не в себе, — прошептал Макс.

— Да, — вздохнула Алисия. — Но она не хочет себе помочь и целыми днями сидит в этом несчастном коттедже. А ведь прошло уже семь месяцев.

— Ты не можешь принудить ее к другому образу жизни, — вздохнул Макс. — По крайней мере, сегодня она с нами немного поговорила. Дедушка остался на чай, а я сейчас помою посуду. Иди наверх, милая, пообщайся с отцом.

Алисия вернулась в гостиную и села в кресло, с удовольствием наблюдая, как отец учит двоих ее сыновей выпиливать лобзиком. Роуз тихонько удалилась наверх, к себе в спальню, а Кейт помогала на кухне Максу. Алисия смотрела на горящий в камине огонь, думая о недавно обнаруженных рисунках с изображением орхидей и о Джулии.

Когда мама трагически рано умерла от рака, Алисия, будучи старшей из двух дочерей, в четырнадцать лет стала нянькой и, как могла, опекала свою сестренку. Джордж часто уезжал читать лекции или собирать новые экземпляры растений. Алисии казалось, что папа нарочно старается реже бывать дома, но не жаловалась на его частые отлучки, понимая, как тяжело он переживает потерю жены.

После смерти Жасмин Джулия ушла в себя. Алисия видела на ее лице горечь утраты и пыталась изо всех сил помочь и утешить. Но Джулия противилась ее заботе. В трудном подростковом возрасте она отгородилась от старшей сестры, не рассказывала о своих школьных делах, о друзьях и сердечных увлечениях и проводила все свободное время, оттачивая технику игры на фортепиано.

«Инструмент с зубами», как Алисия называла стоящее в кабинете пианино, выигрывал в борьбе за симпатии Джулии. Чувство ответственности за Джулию (умирая, мама просила позаботиться о сестре) перевешивало ее собственные желания и потребности. В восемнадцать лет Алисия поступила в Даремский университет на факультет психологии. Джулия еще училась в школе, и хотя у них была домработница, которая следила за порядком в доме и оставалась ночевать, если Джордж был в отъезде, Алисия не могла оставить

Джулию одну. Поэтому она выбрала Норвичский университет, а в тот год, когда Джулия поступила в Королевский колледж музыки и переехала в Лондон, познакомилась с Максом.

Частое одиночество, жизнь без матери повлияли на характер Алисии и ее отношение к окружающим. Она мечтала о муже, большой семье и уютном доме. В отличие от сестры, которая, как и отец, любила путешествовать, Алисия жаждала спокойствия и любви. Макс сделал ей предложение, и через шесть месяцев они поженились. В первый же год Алисия забеременела, а когда на свет появилась Роуз, главным смыслом жизни для Алисии стало обеспечить своих детей всем тем, чего ей самой когда-то не хватало.

Алисия безропотно сносила превратности судьбы, но ее огорчала стойкая замкнутость младшей сестры. Когда Джулия сделала карьеру и стала знаменитостью в мире классической музыки, она почти перестала общаться с Алисией. Семь месяцев назад Джулии опять понадобилось внимание близких, и Алисия незамедлительно пришла ей на помощь. Она привезла сестру в Норфолк и старалась изо всех сил утешить, однако Джулия продолжала сторониться доверительных разговоров и не шла на сближение с Алисией.

Так же, как и двадцать лет назад, Алисия не знала, как найти общий язык с родной сестрой.

— Мамочка, я пеку к чаю вкусные пирожные. Мне нужно выложить их на поднос. Где его взять? — послышался голосок Кейт.

Алисия отбросила свои невеселые мысли и встала с дивана.

— Пойдем, милая, покажу.

Глава 4

Проснувшись утром, Джулия осталась лежать в кровати, ожидая, когда настигнут привычные мрачные мысли, а в сердце поселится безнадежность, которая неизбежно сменяла первые беспричинно-радостные секунды пробуждения.

Но сегодня этого не произошло. Ей не пришлось переворачиваться на другой бок и зажимать уши руками, тщетно пытаясь избавиться от невыносимых мыслей.

Встав с постели, Джулия подошла к окну спальни и раздернула шторы. Великолепный вид! Двухэтажный коттедж был особенно популярен среди отдыхающих из-за роскошного вида, который открывался из его окон. Расположенный на поросшем травой холме, всего в нескольких секундах ходьбы от главной улицы Блейкни, он, будучи частью деревни, в то же время оставался как бы в стороне от нее, поскольку здесь, на возвышении, всегда царили тишина и спокойствие.

Яркое январское солнце освещало покрытый инеем холм. Внизу находился порт Блейкни, и там синела морская гладь. Джулия распахнула форточку и сделала глубокий вдох. Сегодня особенно ощущалось приближение весны. Закрыв окно, она зябко поежилась в легкой футболке и, накинув кардиган, спустилась вниз выпить чаю.

К полудню Джулия поняла: в душе что-то изменилось. При всем старании она не могла вспомнить, чем занималась здесь, в этом коттедже, несколько месяцев. Время тянулось томительно медленно. Охваченная странным беспокойством, она безуспешно искала убежища в привычной апатии.

Чтобы избавиться от приступа клаустрофобии, Джулия решила прогуляться. Надев куртку, шарф и сапоги, она вышла из дома и спустилась по замерзшей траве к морю.

В порту было пусто. Маленькие лодки у причала позвякивали снастями, как бы напоминая хозяевам о своей готовности. Джулия пересекла портовую зону и побрела по длинной косе, где грелись на песке тюлени. Чтобы посмотреть на этих животных, восторженные туристы выходили в море на лодках.

Холодный ветер щипал лицо, но Джулия продолжала идти вперед, подняв повыше воротник куртки и наслаждаясь одиночеством. С обеих сторон от сужающейся полоски земли плескалась вода, и с каждым шагом усиливалось ощущение, что суетный мир удаляется, уступая место неспешной гармонии настоящей жизни.

Остановившись, девушка спустилась по краю отмели к самой воде. Здесь было глубоко. Глубоко и холодно. Можно броситься в пучину волн и утонуть — это так просто! Сильное течение унесет в открытое море, и больше не надо страдать... Джулия огляделась по сторонам, желая убедиться, что рядом никого нет, и никто ее не остановит.

«В худшем случае я погружусь в вечный сон, а в лучшем — увижусь с моими любимыми...»

Джулия занесла ногу над кромкой земли.

«Сделать это прямо сейчас? Сейчас... Что может помешать?»

Джулия смотрела на серую воду, сулящую избавление от земных мук. Совершив последнее погружение, она обретет долгожданный покой, но...

«Нет, это невозможно!»

Джулия запрокинула голову, в отчаянии посмотрела на белое зимнее солнце и громко закричала:

— За что-о-о???

Опустившись коленями на мерзлую землю, она принялась колотить по ней кулаками и выть от ярости и горя.

— Почему именно они? — повторяла она снова и снова, пока совсем не обессилела.

Джулия легла пластом. Вой перешел в рыдания. Впервые за семь месяцев она дала волю слезам — они лились из глаз и смешивались с влагой, в которую превращался тающий на траве иней.

Вволю наплакавшись, Джулия осталась лежать на земле, тихая и опустошенная. Потом снова встала на колени, словно молясь, и заговорила голосом, сдавленным от боли:

— Я должна... жить! Я должна как-то жить без вас... — Ее руки, развернутые ладонями вверх, взметнулись к небесам. — Помогите мне, пожалуйста, помогите! Помогите... — Она опустилась на корточки, обхватила голову руками и уткнулась лицом в колени.

Тишину нарушал лишь ритмичный плеск окружающей Джулию воды. Этот звук успокаивал, а солнечные лучи слабо пригревали спину. Ее охватило чувство умиротворения. Время будто остановилось.

Наконец Джулия поднялась, отряхнула мокрые колени и, сунув в карманы онемевшие от холода руки, на нетвердых ногах побрела по косе обратно к дому. Она поднялась на крыльцо коттеджа, дрожа от долгой ходьбы и всплеска эмоций, взялась за ручку входной двери и тут услышала:

— Джулия!

Обернувшись, она увидела Кита Кроуфорда, который размашисто шагал по узкой дорожке, ведущей с центральной улицы деревни к ее дому.

— Привет! — улыбнулся он, подходя ближе. — Я хотел зайти в гости, но не застал тебя дома. Бросил в твой почтовый ящик записку

— Да? — рассеянно пробормотала Джулия, чувствуя, что сейчас не в состоянии общаться с живыми людьми.

Кит внимательно на нее смотрел.

— Промокла... Чем ты занималась? — Он взглянул на небо. — Кажется, дождя сегодня не было...

— Не было, — тихо отозвалась Джулия.

Открыв входную дверь, она наступила сапогом на листок бумаги, который Кит сунул в почтовый ящик, и нагнулась, чтобы поднять его с пола.

— Я написал тебе номер своего мобильного. — Кит указал на записку. — Но раз уж мы встретились, может, немного поболтаем?

Джулия прекрасно понимала, что выглядит не расположенной к болтовне. Вдобавок от холода у нее застучали зубы.

— Кажется, мне надо срочно принять горячую ванну, — пробормотала она, надеясь, что Кит уйдет.

Но он не желал сдаваться и вошел следом за ней в коттедж.

— Да, твои драгоценные пальцы угрожающе посинели. Не хватало, чтобы самая знаменитая молодая пианистка отморозила себе руки! — Он закрыл за собой дверь и невольно вздрогнул. — Черт возьми, да здесь так же холодно, как и на улице! Давай-ка поднимайся вверх и прими горячую ванну, а я пока разожгу огонь в камине и сварю кофе.

Джулия обернулась и растерянно посмотрела на Кита.

— Это займет какое-то время. Мне надо как следует согреться.

— А я куда не тороплюсь, — легко отозвался Кит. — Иди.

Джулия лежала в ванне, чувствуя, как оттаивают ноги, а заодно и мысли. Кит появился совсем не вовремя! Она не привыкла к незванным гостям, и его визит подействовал на нее раздражающе.

«Впрочем... сколько можно прятаться от всех в этом одиноком доме? Пора встряхнуться, прислушавшись к советам близких. Я могла выбрать смерть, но выбрала жизнь».

Натянув джинсы и старый шерстяной кардиган, Джулия вернулась на первый этаж. Кит сидел на диване, держа на коленях маленький сверток. В камине весело потрескивал огонь — Джулии не удавалось добиться такого сильного пламени, хоть она и старалась.

— Как ты меня нашел? — спросила она, подойдя к камину.

— Моя сестра Белла помогла, — объяснил он. — Она все про всех знает. Вернее, хочет все про всех знать и потому всегда в курсе событий. Про тебя ей сказала твоя сестра Алисия. Я пытался тебе дозвониться, но твой мобильный, похоже, все время выключен.

Джулия виновато вздохнула, вспомнив про семнадцать сообщений, которые она не прослушала, когда в последний раз включала сотовый.

— Здесь очень плохой сигнал, — виновато потупилась она.

— Ничего страшного. Прежде всего, я хочу извиниться за свое недавнее поведение.

— Ты что-то сделал не так?

Кит разглядывал свои руки.

— Я не знал, что с тобой случилось. Я несколько лет провел за границей и вернулся в Англию всего несколько месяцев назад.

— И кто же сообщил обо мне?

— Белла, конечно. Как я понял, об этом писали все местные газеты, а она их читает от корки до корки. Думаю, статьи не совсем верно отразили твою историю, как это часто бывает.

— Я... не знаю, — вздохнула Джулия. — Как ты можешь догадаться, я не читала газеты.

— Да-да, разумеется. — Кит выглядел смущенным. — Прости меня, Джулия. Представляю, как тебе сейчас тяжело.

— Да. — Чтобы им обоим стало легче, Джулия поспешила сменить тему: — Так зачем ты хотел меня видеть?

Кит просиял.

— Я нашел одну вещь, которая может заинтересовать тебя и твоих родных.

— Вот как?

— Да. Помнишь, я говорил, что занимаюсь ремонтом коттеджей?

Джулия кивнула.

— Так вот... Оказывается, раньше в моем новом доме жили твои бабушка с дедушкой. Водопроводчики разбирали половые доски и нашли вот это. — Кит показал сверток.

— Что это?

Кит аккуратно развернул бумагу, и на свет появилась маленькая книга в кожаном переплете.

— Дневник, который начинается с тысяча девятьсот сорок первого года. Я быстро пролистал его и понял, что это жизнеописание военнопленного из тюрьмы Чанги.

— Это, кажется, в Сингапуре? — Джулия нахмурилась.

— Да, — ответил Кит. — Многие британские солдаты, воевавшие в то время в Малайе, в конце концов попали в эту тюрьму. Ты не знаешь, твой дедушка был военнопленным?

— Дедушка Билл много рассказывал про Восток, но в основном про красивые цветы, которые там растут. — Джулия улыбнулась. — Он никогда не говорил про Чанги.

— Вряд ли он стал бы рассказывать про тюрьму маленькому ребенку, но, судя по твоим словам, дневник вполне мог принадлежать ему, — рассудил Кит. — Чей он еще, если твой дедушка всю жизнь прожил в этом коттедже?

— Можно посмотреть?

Джулия протянула руку, и Кит отдал ей дневник. Открыв первую страницу, она увидела, что кожаный переплет защитил тонкую бумагу от ветшания и рукописный текст остался вполне читаемым. Слова были написаны красивым, изящным почерком черными чернилами.

— Ты узнаешь почерк своего дедушки? — спросил Кит.

— Честно говоря, я не помню, какой у него был почерк. Кажется, я не видела написанных им текстов. Обычно, когда требовалось занести в журнал сведения о различных сортах орхидей, выращенных им в теплицах, за него писала моя мама, — откликнулась Джулия. — Возможно, папа узнает его почерк. Или бабушка. Ей уже за

восемьдесят, но она, насколько я слышала, по-прежнему в здравом уме и твердой памяти. Но если это действительно дневник дедушки, то почему он его спрятал — вот в чем вопрос.

— Я немного почитал про то, как японцы обращались с военнопленными... Ужасно! Наверное, дедушка спрятал дневник, чтобы не расстраивать бабушку. Когда твои родственники прочтут, ты разрешишь мне взять его на время? Всегда интересно узнать о каком-то периоде истории, что называется, из первых уст.

— Да, конечно. — Джулия чувствовала угрызения совести от того, что почти ничего не знает о прошлом деда.

Кит встал.

— И вот еще что... Хочу попросить тебя об одном одолжении. — Он подошел к книжному шкафу у камина и снял с полки книгу. — Кажется, это мое.

Он держал в руках детскую книгу, которую Джулия купила за фунт на распродаже в Уортон-Парке.

— Вряд ли это твоя книжка. Она была издана в тысяча девятьсот двадцать шестом году.

— Поразительно, какие чудеса творит в наше время пластическая хирургия! — усмехнулся Кит. — А если серьезно, это книга моего дедушки. Думаю, мы совершим равноценный обмен, ведь я отдал тебе дневник.

— Конечно.

— Спасибо. Послушай, Джулия, — Кит вдруг смутился, — я умираю от голода. Может, сходим куда-нибудь... — Его прервал звонок мобильного телефона. — Прости, я должен ответить. — Он приложил трубку к уху. — Алло. Привет, Энни... — Он послушал, потом покачал головой. — Я тебя не слышу. Здесь очень плохой сигнал. Что? Не слышу! Я сейчас уйду, увидимся позже. Спасибо, пока... Извини, Джулия, мне надо идти. — Кит встал и пошел к двери, но обернулся с порога. — Выясни, чей это дневник, потом мне расскажешь, ладно?

— Обязательно. Спасибо, Кит, что принес его мне.

— Не за что. Кстати, я заходил в теплицы. До сих пор стоят, хоть один Бог знает, в каком они состоянии. Во всяком случае, огород в полном запустении. Если хочешь, сходи туда сама, пока в поместье не въехал новый хозяин. Пока, Джулия. — Он устало улыбнулся и закрыл за собой дверь.

Глава 5

После полудня Джулия изменила своей привычке сидеть дома и отправилась в супермаркет ближайшего города Холт. Когда Кит ушел, она принялась бесцельно слоняться по коттеджу, пытаясь успокоиться, а потом вдруг поняла, что проголодалась. Аппетит разыгрался не на шутку впервые за несколько недель. Наверное, свежий воздух и долгая утренняя прогулка сделали свое дело.

Прямо на парковке Джулия смолотила несколько сэндвичей, две сосиски в тесте и шоколадку. Раньше она всегда много ела и при этом ни капельки не толстела: хороший обмен веществ и плотный график работы требовали подпитки. Весов она в доме не держала, однако заметила, что в последнее время с нее начали сваливаться джинсы, и поняла: чтобы вернуться в прежнюю форму, ей придется умять еще не один бутерброд.

Бросив упаковку из-под сэндвичей на пассажирское сиденье, Джулия поехала домой. Однако, добравшись до перекрестков на окраине Холта, притормозила. Теперь ей уже не хотелось возвращаться в свой холодный, темный и тесный коттедж, где она провела безвылазно последние семь месяцев. Повернув направо, Джулия двинулась к уютному сельскому дому Алисии.

* * *

— Джулия, какой приятный сюрприз! — Алисия просияла, увидев сестру, входящую в кухню. — Смотрите, дети, кто к нам пришел — тетя Джулия!

— Я решила просто... заехать к вам в гости. — Джулия внезапно смутилась.

Алисия стояла у плиты и накладывала в тарелки еду. А за кухонным столом в ожидании ужина дети устроили мелкую потасовку.

— Очень рада тебя видеть. Хочешь перекусить? Я приготовила тушеные бобы. — Алисия запустила пальцы в тарелку и попробовала блюдо. — Вкусно!

— Нет, спасибо. Я только что поела.

— Вот как? — Алисия понесла тарелки к столу.

— Да. — Джулия подавила знакомое раздражение. — Я действительно только что поела. Впрочем, не откажусь от чашки чаю.

— Поставь чайник, попьем вместе. — Алисия села рядом с хнычущим Фредом и принялась кормить его с ложечки.

— Мамочка, бобы — это гадость!

— Чем быстрее съешь, Фред, тем быстрее их не будет. — Алисия оставила сынишку одного и встала к плите вместе с Джулией. — У тебя слегка зарумянились щеки. Ты сегодня прекрасно выглядишь. Я уже и не помню, когда видела тебя такой.

— Спасибо. — Джулия сосредоточенно лила кипящую воду в заварочный чайник, чувствуя на себе внимательный взгляд сестры. — Утром я долго гуляла. Это пошло мне на пользу, — призналась она.

— Заметно. Джеймс, прекрати бросаться во Фреда бобами, не то заставлю тебя их поднять и съесть все до единого!

— А еще... сегодня у меня был гость, — сказала Джулия и протянула Алисии чашку с чаем.

— Ты имеешь в виду Кита Кроуфорда?

— Да.

— Я собиралась сказать тебе, что звонила Белла Харпер и спрашивала твой телефон. Такая болтливая! — Алисия подошла к столу, убрала грязные тарелки и поставила перед каждым ребенком по стаканчику йогурта. — Похоже, она прекрасно знает, кто ты такая. Из-за того, что у меня такая знаменитая сестра, я выросла в ее глазах. — Алисия махнула рукой: — Ну ладно, хватит об этой дурочке! Чего хотел Кит?

— Он кое-что нашел в старом коттедже Билла и Элси и решил отдать мне. — Джулия сделала глоток чаю.

— Правда? Что же?

— Дневник, предположительно дедушки Билла. В нем описывается время, когда он был военнопленным и сидел в сингапурской тюрьме Чанги. Я расскажу больше, когда прочту.

— Как интересно! — взволновалась Алисия. — Сколько же лет было дедушке Биллу, когда он это писал?

— Речь идет о тысяча девятьсот сорок пятом годе, значит, ему было двадцать с небольшим. Ты знала про плен? — спросила Джулия.

Алисия покачала головой:

— Нет. Но это не значит, что он там не был. Надо спросить бабушку Элси, она наверняка знает.

— Ты давно ее видела?

Алисия виновато вздохнула:

— Давно. Все собираюсь к ней заехать, но никак не найду время — из-за детей... И все-таки надо ее навестить.

— Она по-прежнему живет в Саутуолде? — спросила Джулия.

— Ее сестра умерла примерно год назад, и теперь она осталась там одна. Помнишь, как бабушка любила возиться с нашими волосами? Забирала их наверх, распускала, плела косички, делала хвостики, завивала локоны... — Алисия захихикала. — А странная коллекция париков в одной из комнат? Часами их причесывала, как маленькая девочка, которая играет в куклы. Элси всегда хотела стать парикмахером...

— Да, и терпеть не могла мои волосы, потому что они были слишком густыми и плохо держали завивку, даже когда она накручивала их на бумажки и оставляла так на ночь. — Джулия ласково улыбнулась. — Я к ней заеду. Во всяком случае, постараюсь.

Алисия подошла к буфету, достала из выдвижного ящика адресную книгу и пролистнула страницы.

— Вот телефон и адрес Элси. Съезди, Джулия. Ты жила во Франции, а я все время занималась детьми... Мы с тобой не самые образцовые внучки, верно?

— Ты права. Когда мы с ней встретимся, я подумаю, стоит ли отдавать ей дневник. Кит предполагает, дедушка Билл нарочно его прятал, чтобы не расстраивать родных.

— Возможно. — Алисия подошла к столу и принялась его вытирать. — А теперь, дети, идите умываться. Потом полчаса посмотрите телевизор, а когда придет Роуз, будем купаться в ванне. Ну, все, вперед!

Все трое с готовностью выбежали из кухни. Джулия помогла Алисии загрузить посудомоечную машину.

— Значит, вы с Китом поговорили по душам?

— Да. В обмен на дневник я отдала ему детскую книгу. — Джулия улыбнулась. — Он много лет жил где-то за границей и не знал о том... что со мной случилось. Ему рассказала сестра.

— Что ж, хорошо, — отозвалась Алисия. — Он очень... симпатичный, как, на твой взгляд?

— На мой взгляд, никак. Ну ладно, мне надо идти.

По тому, как резко изменилось выражение лица Джулии, Алисия поняла, что перегнула палку, и мысленно обругала себя.

— Дай-ка перепишу для тебя телефон Элси. — Она черкнула цифры на листке из блокнота и протянула сестре. — Держи. Потом расскажешь, как прошла ваша встреча, ладно?

— Ладно. Спасибо за чай. — Джулия подошла к двери. — Пока.

Сев в машину, она чересчур резко захлопнула дверцу и на полной скорости поехала к дому. Скрипела зубами от досады на старшую сестру, общение с которой неизменно ее раздражало. Разумеется, Алисия действовала из лучших побуждений: хотела ей помочь, как раньше, в детстве. Но ее непрошенная опека сердила: в такие моменты Джулия чувствовала себя беззащитной и слабой.

Алисия всегда была толковой, хорошо приспособленной к жизни — «золотой девочкой», как называл ее папа. Могла делать несколько дел одновременно, и все эти дела заканчивались успешно. В любых обстоятельствах умудрялась сохранять спокойствие и невозмутимость. Блестящие светло-русые волосы Алисии никогда не бывали растрепаны.

Джулия росла в ее тени, пытаясь самостоятельно решать свои проблемы. Несмотря на приятную внешность, она была нелюдистой и проводила почти все свободное время за пианино, поэтому школьные экзамены стали для нее большим испытанием. Она всегда знала, что по части совершенства ей не тягаться с Алисией. К тому же старшая сестра всегда была ближе к отцу, а Джулия держалась за мамину юбку. Все говорили, что она похожа на мать, и не только физически. Будучи художественными натурами, они обе жили в собственном мире.

В тот день, когда умерла мама, детство Джулии закончилось.

Приехав домой, Джулия развела огонь в камине, но не сумела добиться такого же сильного пламени, как добился Кит. На душе по-прежнему скребли кошки. Она знала, что Алисия искренне заботится о близких, и не могла ее в этом винить. Когда Джулия была маленькой, Алисия пыталась заменить ей мать, но Джулия принимала заботу в

штыки. Она хотела, чтобы Алисия перестала ее опекать и вела себя как сестра, с которой можно разделить горе невосполнимой утраты.

И вот теперь злая судьба вновь заставила Джулию обратиться за помощью к сестре. Надо отдать должное, Алисия тут же бросилась ее спасать и ни разу не упрекнула, что, в восемнадцать лет вылетев из родительского гнезда и переехав жить во Францию, Джулия практически перестала с ней общаться.

Джулия печально вздохнула. Вернувшись сюда, она почувствовала, что история повторяется. Ее жизнь пошла прахом в отличие от идеальной жизни Алисии и осложнилась удушающей опекой старшей сестры. Мало того, Алисия часто озвучивала такие мысли, которые Джулия старательно прятала от себя, и это еще больше нервировало.

Она села на диван с дневником в руках, решив отвлечься, и открыла первую страницу. Но не смогла сосредоточиться и тупо уставилась в огонь.

«Он очень симпатичный, как, на твой взгляд?»

Джулия вздохнула.

«Почему меня так разозлил невинный вопрос Алисии? Да, сегодня утром на морской косе я поняла, что надо жить дальше, другого выхода нет. Но я не могла даже думать, что в моей жизни появится другой мужчина. В том тусклом мире, в котором я жила последние месяцы, не было даже намека на будущее. Да и о каком будущем могла идти речь, если я все потеряла?»

Джулия встала и побрела на кухню. Открыв холодильник, теперь под завязку набитый всевозможными продуктами, она достала готовую пасту и мрачно подумала: «Может, сфотографировать еду и показать фото Алисии, чтобы она перестала ворчать?»

Джулия понесла свой ужин в гостиную и вдруг остановилась: она поняла, почему сестра вывела ее из себя. Джулия чувствовала себя... виноватой. Когда Кит был здесь, она невольно наслаждалась его обществом. Да, этот мужчина и впрямь казался ей симпатичным.

Поев, Джулия взялась было за дневник, но поняла, что сейчас не до чтения: день был слишком долгим и эмоционально насыщенным. Она отправилась наверх и легла в постель. Впервые за семь месяцев, прошедших с момента катастрофы, она спала крепко, и ее не мучили ночные кошмары.

Проснувшись утром, Джулия спустилась на первый этаж. Чашка чаю, на этот раз с молоком, и миска с мюсли укрепили ее в новом решении начать жить дальше. Она достала из выдвижного ящика мобильный телефон, включила его и пошла наверх, в ванную комнату — единственное место в коттедже, где сотовый принимал сигнал.

Теперь у нее оказалось девятнадцать голосовых сообщений, некоторые оставлены аж два месяца назад. Недавние пришли от Алисии, папы, Кита, и лавину сообщений обрушил на телефон агент Олав.

Также звонила экономка из Франции, просила немедленно перезвонить. В доме что-то случилось, но Агнесс так быстро тараторила по-французски, что Джулия не поняла, где именно протекло. Сев на край ванны, она просмотрела весь список. Руки мелко дрожали: девушка боялась разговаривать с людьми из ее прошлого.

«Сегодня разберусь с экономкой и агентом, а остальные подождут», — решила Джулия.

Вернувшись на первый этаж, Джулия повалилась на диван, закрыла глаза и представила увитую виноградной позой террасу своего красивого дома на холме в старинной деревне Раматюэль и насыщенно-синюю гладь Средиземного моря, сверкающую далеко внизу.

Джулия вздохнула. Она решила вернуться к жизни и, значит, не должна чураться воспоминаний. Нужно научиться дорожить этими драгоценными мгновениями, которые, увы, уже никогда не вернуться.

Я смотрю на заходящее солнце. Его яркие красно-золотые тона отражаются в голубой воде, и кажется, будто она горит огнем. По террасе плывут звуки Третьего концерта для фортепиано с оркестром Рахманинова. Музыка достигает кульминации, когда солнце плавно погружается в море.

Это мой любимый момент: кажется, будто сама природа замирает, любуясь тем спектаклем, который устраивает Властелин дня, отправляясь на покой, чтобы завтра вернуться и опять порадовать мир.

Мы проводим здесь вместе гораздо меньше времени, чем хотелось бы, поэтому я особенно дорожу такими моментами. Солнце уже

зашло. Я закрываю глаза и слушаю игру Ксавьера. Я сотню раз исполняла этот концерт, и меня поражают те легкие нюансы, которые придают индивидуальность его интерпретации. Как и следовало ожидать, его манера отличается большей силой и мужественностью.

Я временно «не у дел»: очередные мои гастроли намечены на середину следующей недели, а Ксавьер завтра уезжает с концертом в Париж, так что это наш последний совместный вечер. Закончив играть, он появится на террасе с бокалом розового вина из местного погреба, и мы будем сидеть рядом, разговаривая ни о чем и обо всем, наслаждаясь редкими минутами нашего спокойного уединения.

Средоточие нашей жизни, энергия, которая связывает нас с Ксавьером, сейчас находится в доме. Я искупала нашего сына Габриэля, уложила его в постель, а потом, опустившись на колени перед детской кроваткой, смотрела, как расслабляется его лицо и он засыпает.

— *Bonne nuit, mon petit ange*^[1], — прошептала я, на цыпочках вышла из спальни и тихо закрыла за собой дверь.

Как хорошо, что я смогу провести здесь с ним еще одну неделю! Некоторые мамы наблюдают за своими детьми двадцать четыре часа в сутки, ловят каждую улыбку, каждый новый навык, усвоенный ими на пути к взрослой жизни. Я завидую этим матерям, потому что сама лишена такой роскоши.

Глядя на темнеющее небо, я размышляю над вопросом, который не выходит у меня из головы со дня рождения Габриэля: надо ли мне временно оставить карьеру и посвятить себя ребенку, ведь так хочется видеть, как он растет... Но я не могу долго думать на эту тему, потому что на террасу выходит Ксавьер с обещанным бокалом розового вина и пиалой, наполненной свежими оливками.

Муж целует меня в макушку, а я поднимаю руку, чтобы погладить его по лицу, и говорю:

— Браво!

— *Merci, ma petite*, — отзывается он.

Мы общаемся на французском: Ксавьер путается в английских глаголах, и это мешает больше, чем мое жуткое французское произношение. К тому же это язык любви.

Он садится в кресло рядом со мной в своей любимой позе — ноги на столе. Как всегда после игры на рояле, его волосы всклокочены, и он напоминает большого ребенка. Я тянусь к мужу и приглаживаю его шевелюру. Он ловит мою руку и подносит ее к губам.

Как жаль, что я завтра уезжаю! Может, в следующем году нам удастся отменить все летние гастроли, и мы проведем теплые месяцы здесь, вместе.

— Это было бы отлично! — откликаюсь я, краем глаза наблюдая за луной, которая выходит на небосвод вместо солнца и становится королевой ночи.

И без того бледная кожа Ксавьера в лунном свете кажется еще бледнее. Мне никогда не надоедает смотреть на мужа. Он такой необыкновенный! Если я — смуглая и кареглазая, дитя дня и солнца, то Ксавьер — порождение ночи и луны.

Его лицо с резкими орлиными чертами, унаследованными от русской матери, нельзя назвать классически красивым. Нос слишком длинен, а холодно-голубые глаза слишком близко посажены. У него высокий морщинистый лоб и густые черные волосы, похожие на солому. На этом лице идеальны только губы — розовые, женственно-пухлые, они раскрываются при улыбке, обнажая крупные, белые, крепкие зубы.

У него непропорциональное тело: очень длинные ноги, похожие на ходули, и короткое туловище, к которому, будто по ошибке, приставили длинные руки с изящными талантливymi пальцами. Ксавьер выше меня. В нем нет ни грамма жира, и я уверена, он останется таким до конца жизни. Нервная энергия, которая даже во сне не дает ему отдохнуть (по ночам он беспокойно крутится и ворочается рядом со мной в постели, громко кричит на воображаемых врагов), съедает все лишние калории, даже в среднем возрасте сохраняя его худощавость.

Я люблю каждую клеточку его тела и душу с того самого дня, как услышала в его исполнении шубертовскую сонату для фортепиано си-бемоль-мажор на Московском конкурсе пианистов имени Чайковского.

В том конкурсе победила я. Ксавьеру досталось второе место.

Я люблю его лицом, таким знакомым и все равно притягательным, таящим в себе неизведанные глубины. Я гораздо

проще, чем он. Я умею играть на пианино, и, говорят, делаю это блестяще, но при этом я могу легко сойти с пьедестала и снова стать обычной смертной. А Ксавьер постоянно в музыке: повсюду носит ее с собой, каждую секунду думая о том, как усовершенствовать следующий фрагмент.

Если бы люди вдруг превратили в дрова все пианино и рояли, какие есть в мире, он бы бросился следом за ними в костер.

Мы вместе посмеялись над тем, что слава досталась мне, а не ему. Впрочем, мы оба знаем, что я куда лучше смотрюсь на сцене, чем он. Мне идет концертное платье, я фотогенична, и потом я девушка, а значит, на меня больший спрос.

Но Ксавьер — настоящий гений. Он берет шопеновские этюды и добавляет в них толику волшебства, некую искру, которая делает музыку его собственной. Когда-нибудь мир это признает. А я... с радостью займу второе место.

Я уверена, мой талант набирает силу благодаря Ксавьеру. И я его обожаю.

Он — мой рояль. И мой костер. Если его не будет рядом, я охотно брошусь в огонь.

Глава 6

Джулия только сейчас заметила, что ее лицо намокло от слез. Она знала, что будет еще долго плакать, заставляя себя вспоминать прошлое.

— Ксавьер! — Она впервые произнесла его имя вслух. — Ксавьер, Ксавьер... — Она снова и снова повторяла это имя, потому что знала: придется его услышать в разговорах с экономкой и агентом, и хотела заранее научиться контролировать эмоции.

Поднявшись на второй этаж, она приняла душ, оделась и опять села на край ванны, чтобы сделать самое трудное: набрать номера телефонов, которые соединят ее с прежней жизнью.

Агнесс, экономка, не ответила на звонок, и Джулия облегченно вздохнула: значит, попытка откладывается. Она оставила сообщение, в котором просила Агнесс перезвонить. Теперь ее агент Олав. Часы на мобильном телефоне Джулии показывали половину одиннадцатого. Олав может быть где угодно: у него есть офисы в Нью-Йорке, Лондоне и Париже. Хоть бы он тоже не подошел! Оставить голосовое сообщение гораздо легче, чем разговаривать с человеком... Но Олав редко не брал трубку, когда она ему звонила, даже если там, где он находился, была глубокая ночь.

Затаив дыхание, Джулия слушала длинные гудки. Он ответил после третьего:

— Джулия, дорогая! Рад, что ты позвонила! Наконец-то! — многозначительно добавил он.

— Ты где? — спросила она.

— В Нью-Йорке. Сегодня вечером один из моих клиентов играл с нью-йоркским симфоническим оркестром в «Карнеги-холл». Господи, в его музыке не было никакого вдохновения! Но давай лучше поговорим о тебе, золотце. В моей электронной почте скопилась сотня сообщений. Мне пишут из Милана, Парижа, Лондона и других юродов. Я всем говорю, что ты взяла творческий отпуск, но, Джулия, радость моя, они не будут ждать вечно.

— Знаю, Олав, — виновато откликнулась она.

— Эти ребята составляют план на полтора-два года вперед. Если мы в ближайшее время не примем их предложение, ты сможешь

вернуться на пьедестал не раньше, чем через три года. Когда ты будешь готова сказать мне «да»?

Слава Богу, Олав не стал ее утешать, а сразу перешел к делам, которые любил больше всего на свете! И все же Джулия растерялась: она не знала, что отвечать.

— Честно говоря, я об этом еще не думала.

— Золотце мое, у тебя там есть доступ к электронной почте? Я могу переслать заказы. Ты посмотришь и решишь, какие из них тебе интересны.

— Нет, не получится. Мой ноутбук остался в моем доме во Франции.

В трубке повисло молчание.

— Ты до сих пор в Норфолке? — наконец спросил Олав.

— Да.

— Что ж... Тогда, крошка, у меня есть идея получше. На следующей неделе я буду в Лондоне. Мы можем встретиться на ленче в «Клариджес», и я сам отдам тебе список предложений.

Джулия услышала, как агент листает страницы.

— Следующий четверг тебя устроит? — поинтересовался он после короткой паузы. — Заодно вручу тебе стопку чеков, которые пришли сюда за последние семь месяцев. Как я уже сказал в голосовом сообщении, сумма набралась внушительная. Я не стал их обналичивать, потому что не знал, что ты сделала со старым совместным счетом.

— Понятно. — Джулия судорожно сглотнула. — Хорошо, давай встретимся в следующий четверг.

— Отлично! Буду рад с тобой повидаться, дорогая. Знаешь, здесь сейчас половина пятого утра, а завтра я улетаю в Токио, так что мне не помешает немного вздремнуть. Буду ждать тебя в полдень в баре ресторана. Пока, малышка!

В трубке послышались частые гудки.

Джулия вздохнула с облегчением: первый контакт состоялся! А встречу, намеченную на следующий четверг, всегда можно отменить. Новая, пока еще робкая искра оптимизма не позволила сразу ему отказать. К тому же надо быть практичной. Джулия жила на деньги, лежащие на ее английском счете, которые накопились за последние восемь лет, пока она сдавала свой коттедж в аренду. В последний раз,

когда проверяла сумму, а это было больше месяца назад, там оказалось всего несколько сот фунтов. Во французском банке, на ее с Ксавьером совместном счете, хранились их сбережения. Туда же поступали деньги за концерты. Джулия боялась обращаться в банк, чтобы переписать счет на свое имя: придется заполнять какие-то бланки, а она еще не готова признать тот факт, что Ксавьера больше нет.

Она понимала, что должна вернуться во Францию и разобраться в собственной жизни. Но звонить — это одно, а заниматься делами и общаться с людьми — совсем другое.

«Что ж, будем двигаться постепенно, шажок за шажком», — подумала она.

Чтобы закрепить прогресс, достигнутый этим утром, Джулия решила прогуляться. Когда надевала куртку, в дверь постучали.

— Привет, милая, это я, папа, — послышалось с той стороны деревянной створки.

Удивленная Джулия открыла дверь.

— Прости, что врываюсь без звонка, — извинился Джордж, переступая порог. — Алисия сказала, ты все время дома. Если тебе сейчас неудобно, я могу зайти в другой раз.

Джулия подумала о том, как нелепо он смотрится в этой маленькой комнате — почти как Гулливер в стране лилипутов.

— Нет, все в порядке, — откликнулась она. — Хочешь кофе?

— Нет, спасибо, только что пил. Я был на болотах Солт-хауса, собирал необычное растение, которое нашел один из моих ребят, доктор философии. А по пути домой решил заглянуть к тебе. — Джордж внимательно оглядел свою дочь. — Не буду спрашивать, как у тебя дела: знаю по опыту, как это раздражает. Но скажу, что ты выглядишь лучше, чем раньше. Уже не такой осунувшейся. Алисию беспокоит, что ты ничего не ешь. Это правда?

Джулия усмехнулась:

— Если хочешь, пап, можешь проверить мой холодильник. Я только вчера ходила в магазин за продуктами.

— Отлично. Знаешь, я... прекрасно тебя понимаю. Я и сам испытал подобное, когда умерла твоя мама. Правда, мне, слава Богу, не пришлось терять ребенка. Габриэль был таким милым мальчиком! Представляю, как это невыносимо, милая.

— Ты прав, — прошептала Джулия.

— Не хочу показаться снисходительным, но все обязательно наладится, дай время. Конечно, тебе не удастся до конца справиться с этим горем, но ты сумеешь... — Джордж поискал подходящее слово, — приспособиться.

Джулия молча смотрела на отца, зная, что он хочет сказать что-то еще.

— В какой-то момент тебе станет легче, — продолжил он. — Ты проснешься однажды утром и поймешь: все не так мрачно, как тебе казалось. Ты меня понимаешь?

— Да, — ответила Джулия. — Знаешь... Вчера что-то случилось. И сегодня утром. Во всяком случае... — она постаралась озвучить свои ощущения, — ты прав. Мир уже не кажется мне таким мрачным, как раньше.

Они немного посидели молча, с удовольствием сознавая, что понимают друг друга. Наконец Джулия спросила:

— Ты пришел просто так, безо всякой цели?

— Вообще-то нет, — отозвался Джордж. — Приближается время ленча, и я предлагаю тебе покинуть этот Богом забытый коттедж. Давай перейдем дорогу и заглянем в ближайший паб — выпьем по бокалу вина и поедем свежесвыловленную рыбу.

Джулия хотела отказаться, но потом передумала.

— Неплохая идея, пап.

Через десять минут они устроились за уютным столиком рядом с камином. Джордж заказал две порции рыбы с картошкой фри и принес из бара пару бокалов вина.

— Отличный паб, — заметил он. — Местный в прямом смысле этого слова, особенно зимой, когда здесь не толкуются толпы туристов. — Поддавшись внезапному порыву, он потянулся через столик и сжал руку дочери. — Я горжусь тобой, Джулия. Теперь я знаю, ты справишься. Так держать, милая! Конечно, в твоей жизни будут не только светлые дни, но ты не падай духом и продолжай двигаться дальше.

— Я постараюсь, папа, — ответила Джулия, сглотнув комок в горле.

— Знаешь, — Джордж тоже прочистил горло, — я хотел поговорить с тобой о тех нарисованных орхидеях, которые ты мне подарила. Я сравнил их с другими акварелями твоей мамы и теперь

могу сказать с абсолютной уверенностью: это ее работа. Скорее всего она нарисовала их в ранней молодости.

— Я так рада, что нашла их, папа! Они должны были попасть в нашу семью, — улыбнулась Джулия.

— Да, но в этих рисунках, по крайней мере, в одном из них, есть еще кое-что интересное. — Джордж сделал глоток вина. — Я знаю, в детстве твоя мама проводила много времени в теплицах вместе с твоим дедом — точно так же, как потом ты. Чтобы скоротать время, она сидела и рисовала цветы. Я узнал три орхидеи: они давно выращиваются в Англии и вполне могли появиться в теплицах твоего дедушки. Все три относятся к сорту *Cattleya*. Уильям Кэтли — человек, которого можно по праву назвать отцом британских орхидей, — в начале девятнадцатого века впервые успешно вырастил в этих краях эпифитные орхидеи, а от них уже пошло большинство местных орхидей. Но четвертая орхидея, нарисованная твоей мамой, — это совсем другая история.

— Вот как?

— Да. Если ее рисунок точен, значит, орхидея относится к сорту *Dendrobium nigrum*. — Джордж полил свою рыбу густым пивным соусом. — Одно из двух: либо твоя мама срисовала цветок из книги, что, кстати, наиболее вероятно, либо, — добавил он, прожевав, — такая орхидея росла в то время в теплице ее отца.

Джулия тоже приступила к еде.

— И что из этого следует? — поинтересовалась она.

— Последний экземпляр *Dendrobium nigrum* был продан с аукциона почти за пятьдесят тысяч фунтов. Это очень редкий цветок. В гористом районе Таиланда Чиангмай нашли всего несколько таких орхидей. Это ближайший родственник черной орхидеи, хотя ее настоящий цвет — насыщенно-пурпурный. Ботаникам не удалось вырастить цветок вне ареала его распространения, потому он так высоко ценится. Я бы очень удивился, узнав, что в пятидесятых годах двадцатого века такая орхидея росла в теплицах Уортон-Парка.

— Насколько я знаю, мама по просьбе дедушки распечатывала все его записи. Разве они не перешли к тебе после его смерти? — спросила Джулия. — Там наверняка есть сведения об этом цветке.

— Я тоже так думал, — согласился Джордж. — Начиная с воскресенья, потратил немало времени на просмотр этих записей, но

не нашел никаких упоминаний об этом цветке. — Он положил нож и вилку на край своей пустой тарелки. — В теплицах твоего деда росло свыше двухсот различных сортов орхидей. Возможно, я просто пока не заметил упоминания об этом редком растении, но буду искать дальше.

— Давай на минуту сменим тему, — предложила Джулия. — Алисия рассказала тебе про дневник, который Кит Кроуфорд нашел под половицами старого коттеджа?

— Да, но без подробностей. Как я понял, это записки военнопленного, сидевшего в тюрьме Чанги. Если ты хочешь спросить у меня, был ли Билл в Чанги во время войны, то я без понятия. Это знает только один человек — твоя бабушка Элси. Она прислала мне рождественскую открытку. В свои восемьдесят семь лет она по-прежнему бодра и здорова. Почему бы тебе не съездить к ней в гости?

— Я собираюсь, папа, — кивнула Джулия. — Алисия дала мне ее телефон, на днях я ей позвоню.

— Хорошо. Есть еще что-нибудь новенькое? Тебе не надоело прозябать в этом мрачном коттедже?

— Надоело. Но я только в последние два дня поняла, как ужасно мое жилище.

— Там даже негде поставить пианино... — мягко добавил Джордж.

— Я не хочу играть на пианино. — Джулия энергично потрясла головой. — Но если останусь здесь еще на какое-то время, мне придется просить Агнесс, чтобы она привезла из Франции кое-какие вещи.

— Молодец, милая. Правильно. — Джордж пристукнул ладонями по столу. — Ну, мне пора идти. Надо ответить на электронные письма и написать лекцию к завтрашнему утру.

Пока он расплачивался, Джулия ждала его у входа в паб. Потом они перешли дорогу и начали подниматься к коттеджу.

— Спасибо, милая. Я даже не ожидал, что мне будет так приятно с тобой общаться. — Джордж обнял дочь. — Береги себя и, пожалуйста, будь на связи.

— Обещаю.

Джордж кивнул и вразвалочку зашагал к машине.

Глава 7

На следующее утро Джулия позвонила Элси. Услышав внучку, пожилая дама пришла в восторг, и Джулия почувствовала себя еще более виноватой от того, что так долго не общалась с бабушкой. Они договорились, что Джулия приедет в Саутуолд к Элси на чай в следующую субботу. Потом девушка оделась, набросила пальто и отправилась в теплицы Уортон-Парка, радуясь, что есть куда пойти, а значит, не придется целый день слоняться одной по коттеджу.

Теперь тишина в доме угнетала ее гораздо сильнее, чем раньше, и это было хорошим знаком. Джулия не хотела сойти с ума от безделья и потому решила: пора как-то планировать свое будущее.

Она свернула направо к воротам Уортон-Парка, любуясь лесным буком, высаженным по обеим сторонам подъездной аллеи, и старым дубом, под которым, согласно легенде, Анна Болейн однажды поцеловала Генриха VIII.

Через пятьсот метров Джулия опять повернула направо и поехала по ухабистой дороге, ведущей к квадратному двору, за которым находились огород и теплицы. Ощувив знакомое с детства легкое радостное волнение, она поняла: ей очень важно знать, что эти постройки остались на месте.

Джулия припарковала машину во дворе и вышла, поеживаясь от холода. Она помнила, что здесь всегда царило оживление: вокруг располагались жилые дома и конюшни. Лошади цокали копытами; фермеры подвозили тюки сена, сгружали их с тракторов и укладывали в сараи; а посреди всей этой суматохи дети рабочих играли в футбол. Это был целый мир со своим особым укладом...

Сейчас здесь стояла тишина. Джулия не увидела во дворе ни одного человека. Она пошла по заросшей тропинке к огороду. Синяя дверь оказалась на месте, только теперь она была увита виноградом. Девушка с усилием ее отворила и шагнула за порог.

В огороде больше не было тщательно ухоженных длинных грядок с морковкой, бобами, капустой и пастернаком. Их место заняли сорняки и крапива, среди которых тут и там мелькали переросшие капустные кочаны. Джулия пробралась к маленькому фруктовому садику, который был разбит в конце огорода и загоразживал собой

теплицы. Яблони, груши и сливовые деревья топорщились голыми ветками. Под ними валялась несобранная с прошлой осени гниющая падалица.

Девушка миновала заброшенный сад и увидела крыши теплиц, возвышающиеся над густым кустарником. Осторожно ступая по заросшей тропинке, она приблизилась ко входу в первую теплицу.

Двери уже не было. Вместо нее под ногами оказалась груда гниющего дерева и разбитых стекол. Осторожно переступив через нее, Джулия шагнула в теплицу. Там было пусто, если не считать старых столов, которые раньше стояли вдоль стен, и ряда железных крючков, свисающих со стропильной фермы. Бетонный пол был покрыт мхом, повсюду росли сорняки.

Джулия медленно прошла до конца теплицы. Там в углу по-прежнему стоял табурет, на котором она обычно сидела, а под ним виднелся бакелитовый ржавый радиоприемник дедушки Билла.

Джулия присела на корточки и подняла приемник. Прижав его к груди, как младенца, Джулия покрутила ручки в тщетной попытке оживить древний аппарат...

— Орхидеи любят музыку, Джулия. Возможно, она заменяет им звуки природы, которые они слушают в их естественной среде обитания, — говорит мне дедушка Билл, показывая, как надо увлажнять нежные лепестки с помощью пульверизатора. — А еще они любят тепло и воду, потому что привыкли к жаркому влажному климату.

Всем остальным теплицы кажутся невыносимо душными. Яркое солнце нагревает стоячий воздух, и температура здесь становится намного выше, чем на открытом, продуваемом ветрами пространстве.

Мне нравится жара: терпеть не могу надевать на себя кучу одежек, чтобы не замерзнуть. В теплице я чувствую себя очень комфортно, будто попадаю в свою естественную среду. Дедушка Билл тоже не замечает никаких неудобств. К тому же в таком микроклимате острее ощущаются наполняющие воздух чудесные ароматы цветов.

*— Это *Dendrobium victoria regina*, иногда ее называют «голубой дендробиум», но, как видишь, она сиреневого цвета, — усмехается мой*

дед. — Действительно, голубую орхидею пока не открыли. Этот сорт растет на деревьях Юго-Восточной Азии. Ты можешь себе представить? Целый сад, висящий в воздухе...

Дедушка Билл задумчиво смотрит в пространство. Я прошу его продолжить рассказ о далеких странах, но он никогда не откликается на мои просьбы.

Зимой дендробиум любит отдыхать — я называю это спячкой. В это время цветок обильно опрыскивают, чтобы он не завял, но не удобряют.

— Дедушка, а как ты узнал, что любят эти растения? — однажды спросила я его. — Ты ходил в школу по изучению орхидей?

Он со смехом покачал головой:

— Нет, Джулия. Мне много рассказал один мой друг, который жил в Дальневосточном регионе и рос в окружении орхидей. Остальные знания я приобрел методом проб и ошибок, внимательно наблюдая за растениями и изучая их реакцию на мои действия. Сейчас я знаю, что получаю, потому что названия сортов написаны на упаковке. А раньше, когда я был молодым пареньком, мы получали ящики, присланные из дальних краев, и даже не догадывались, что это за растения — до тех пор, пока они не начинали цвести. — Он вздохнул. — Это было очень интересно, несмотря на то, что большинство орхидей погибало.

Я знаю, дедушка Билл знаменит в мире любителей орхидей, потому что ему удалось вырастить необычные гибриды. К нему часто приезжают известные фермеры, чтобы посмотреть на позднее цветение таких орхидей. Он очень скромный и не любит говорить о своих достижениях: мол, его работа — выращивать цветы, а не похвастаться ими.

Бабушка Элси с ним не согласна. Порой она жалуется на своего супруга, который вложил немало денег в Уортон-Парк. К нему толпами ходят люди, желающие посмотреть и купить растения, и Элси считает, что он должен извлекать из работы гораздо больше материальной выгоды.

Я не слушаю ее упреки: не хочу, чтобы чьи-то слова или поступки нарушили идиллию моего маленького рая. Когда уезжаю отсюда и мне становится грустно, я мысленно переношусь в дедушкины теплицы и успокаиваюсь.

* * *

Джулия заставила себя вернуться к мрачной реальности, ведь прошлое уже не повторится. Только сейчас она заметила, что дрожит от холода, и поспешила к выходу из теплицы. Быстро пройдя огородом к машине, она уже хотела сесть за руль, но тут увидела Кита. Он вышел из конюшни и помахал ей рукой.

— Привет, Джулия. Что, приходила посмотреть на печальное запустение некогда процветавшего Уортон-Парка?

— Я так расстроена! — Джулия вздохнула. — Теплицы совершенно пусты — там ничего не осталось. — Она горестно покачала головой. — Ты, случайно, не знаешь, куда подевались орхидеи?

— Нет. Мне и самому хотелось бы это знать. Мой отец слишком долго владел поместьем, но никогда здесь не появлялся. А тетю Кроуфорд почему-то бросало в дрожь при одной мысли о цветах. Помнишь тот день, когда ты принесла ей орхидею? Так вот, когда ты ушла, она протянула мне растение и сказала, чтобы я унес его подальше. Не спрашивай, в чем причина ее недовольства. Не имею понятия. Думаю, тебе будет приятно узнать, что я хранил орхидею в своей спальне, а уезжая, взял ее с собой. Она цвела много лет.

— Как странно, — задумчиво проговорила Джулия. — Странно и грустно.

— Верно, — согласился Кит. — Один Бог знает, что еще, помимо орхидей, пропало из поместья. Чем раньше я возьму это место в свои руки, тем лучше. — Кит вдруг просиял. — А хочешь, покажу тебе старый коттедж твоих родителей? Я как раз туда иду.

— Почему бы и нет? — Джулия оживилась.

Они пошли к коттеджу, притулившемуся в отдельном садике площадью в четверть акра, который располагался сразу за квадратным двором. Джулия услышала треск и стук, долетающие изнутри здания.

— Надеюсь, ты не думаешь, что коттедж тоже разрушен? Он был совершенно непригоден для жизни. Поскольку в моем подчинении осталась горстка рабочих, я решил занять их полезным делом.

— А что будет с ними, когда новый владелец вступит в свои права? — спросила Джулия.

— Большинство перейдет в подчинение нового хозяина. Двадцать лет они были предоставлены сами себе и теперь, работая на практичного владельца, наконец-то воспрянут духом. Ну что, зайдем? Только предупреждаю, там большие перемены.

Джулия ожидала увидеть темный узкий коридор и крутую лестницу прямо перед собой, однако, шагнув за порог, оказалась в просторном пустом помещении.

— Терпеть не могу низкие потолки, — виновато пояснил Кит, показывая на свою макушку. — Я высокий, поэтому убрал потолок на первом этаже.

Кит убрал не только потолок. Весь интерьер, раньше состоявший из кухни, спальни и ванной, оказался переделанным. Джулия прошла туда, где когда-то находилась спальня, и, взглянув наверх, обнаружила высоко над головой четыре недавно встроенных световых люка. Единственным уцелевшим предметом обстановки оказался большой камин, возле которого она грелась в детстве.

— Да... дом действительно... изменился, — с запинкой пробормотала девушка.

— Ты еще не видела второй этаж. Я использовал чердак, чтобы повесить уровень потолков и сделать помещения внизу просторнее. А еще я переделываю старую пристройку с односкатной крышей в кухню и ванную. Конечно, это радикальные меры, но, думаю, конечный результат меня устроит.

— Ты вселил сюда дух нового тысячелетия, — заметила Джулия. — Трудно поверить, что это все тот же коттедж.

— Ты огорчена? — Он посмотрел на свою спутницу.

— Нисколько.

Но они оба знали, что это не так.

— Послушай, Джулия, пойдем в дом, я угощу тебя сэндвичем. Чувствую себя твоим должником, ведь я осквернил твое наследное поместье.

— Вряд ли это поместье было моим, — возразила она. — Но ты прав, я...

— Привет, дорогой! Прости, что опоздала. — Сзади к ним подошла симпатичная женщина с золотисто-каштановыми волосами. Она ласково чмокнула Кита в щеку и улыбнулась Джулии.

— Познакомься, Джулия, это Энни. Она помогает мне проектировать коттедж и рисует чертежи, по которым я буду переделывать остальные здания в приличное жилье для арендаторов. Ее собственный проект пока находится в разработке. — Кит показал на большой живот Энни и обнял девушку за плечи. — Осталось совсем чуть-чуть, верно? — нежно спросил он.

— Да, слава Богу, всего четыре недели. — Энни посмотрела на Джулию ясными зелеными глазами и весело подмигнула. В ее речи чувствовался легкий американский акцент. — Жду не дождусь, когда он родится. А у тебя есть дети?

Глаза Джулии налились непрошеными слезами. Она стояла молча, не зная, что сказать. Да и как ответить на вопрос своей новой знакомой?

— Джулия — очень известная концертирующая пианистка, — пришел Кит ей на помощь, мгновенно оценив ситуацию. — Мы познакомились в Уортон-Парке много лет назад. Я был одним из первых ее слушателей. Правильно, Джулия? — Его взгляд был полон сочувствия.

Пока он говорил, Джулия успела справиться с собой. Она вымученно кивнула и прочистила горло.

— Да. Ну, мне пора. Было приятно познакомиться, Энни. Желаю удачи.

— И тебе, Джулия.

— Спасибо. Пока, Кит. До скорой встречи. — Она резко развернулась и чуть ли не бегом устремила к машине.

Глава 8

В следующую субботу синоптики обещали снег. Джулия решила игнорировать предупреждение и сразу после ленча отправилась в Саутуолд, в бунгало бабушки.

Чтобы разбавить тишину в салоне машины, она включила радио, тут же узнала навязчивые аккорды середины Второго концерта для фортепиано с оркестром Рахманинова и поспешно щелкнула клавишей выключателя. Некоторые вещи по-прежнему казались ей невыносимыми даже после духовного возрождения, которое произошло несколько дней назад.

Невинный вопрос Энни вывел из равновесия. Вернувшись домой, она проплакала часа два. Именно поэтому Джулия так долго скрывалась от общества. Лучше быть одной, чем ежедневно сталкиваться с миром, полным зрительных образов, запахов и людей. Пусть эти люди преисполнены самых благих намерений, они неизбежно скажут или сделают что-то такое, что напомнит ей о трагедии.

До сегодняшнего дня она сознавала свою неспособность общаться с миром: ее убивали слова, подобные тем, что сказала вчера Энни. Но встреча с болью — следующий шаг на пути к выздоровлению. Чтобы чувства улеглись, нужно время.

«Постепенно я научусь воспринимать внешний мир, спокойно реагировать на его разнообразные проявления... и мириться с воспоминаниями. Придется подождать, когда время залечит раны. За одну ночь не избавишься от тяжелых эмоций...» — убеждала она себя.

Подъезжая к окраинам Саутуолда, Джулия решила, что сам факт ее появления здесь, за шестьдесят миль от коттеджа, который служил ей одиноким убежищем, уже говорит о многом: за последние дни ей все-таки удалось вытащить себя из черной пучины горя. Встреча с бабушкой не вызовет душевной боли. Напротив, это возможность мысленно перенестись во времена, о которых у нее сохранились одни лишь приятные воспоминания. Это была «безопасная» территория, и Джулия желала побыстрее повидаться с Элси.

Она заглянула в листок, куда записала маршрут, и свернула в обсаженный деревьями тупик, а затем — на подъездную аллею к

симпатичному бунгалу.

Остановив автомобиль, Джулия взяла сумку, где лежал дневник пленника тюрьмы Чанги, подошла к парадной двери и позвонила. Звонок сыграл электронную мелодию, и через несколько секунд на пороге появилась бабушка.

— Джулия! — радостно воскликнула она, раскрывая объятия.

Девушка прижалась к пышной груди, от которой пахло цветочными духами и тальком.

— Дай-ка я на тебя посмотрю! — Элси приобняла внучку за плечи, отступила назад и от удовольствия сомкнула перед собой ладони. — Вот это да! Настоящая красавица! Ты очень похожа на свою маму — ту, какой она была в твоём возрасте. Входи же, милая, входи!

Джулия прошла вслед за Элси в бунгалу. Небольшое помещение сияло чистотой и порядком, все здесь было свежим и ярким. Элси привела внучку в маленькую гостиную, где топился газовый камин, а перед ним была расставлена розовая мягкая мебель — диван и два кресла.

— Ну, снимай пальто и садись у огня погрейся. А я пойду приготовлю нам попить горяченького. Ты что будешь — чай или кофе?

— С удовольствием выпью чашечку чаю. Спасибо, бабушка, — ответила Джулия.

— Хорошо. Я напекла твои любимые ячменные лепешки. — Элси окинула девушку оценивающим взглядом. — Вижу, тебе не помешает, как следует подкрепиться.

— Ты права, — улыбнулась Джулия.

Элси пошла на кухню, расположенную рядом с гостиной, и включила чайник. Джулия откинулась в кресле и с удовольствием погрузилась в знакомую теплую атмосферу бабушкиного дома.

— Ну, — пропела Элси, возвращаясь с полным подносом и ставя его на маленький кофейный столик, — как поживает моя знаменитая внучка?

— У меня все хорошо, бабушка. Я очень рада тебя видеть. Прости, что давно не приезжала. В последнее время я вообще редко выходила из дома.

— Тебе пришлось пережить большое горе, милая. Я знала, что ты приедешь ко мне, когда будешь готова. — Элси сочувственно похлопала Джулию по руке. — Я положила в твой чай побольше

сахара. Ты сильно похудела — кожа да кости, прямо как твой дед, когда вернулся с войны. Вот, держи. — Она протянула Джулии чашку и принялась намазывать лепешки толстым слоем сливочного масла. Сверху Элси добавила джем. — Я сама приготовила этот джем из чернослива. Помнишь, как ты его любила? Мне удалось вырастить сливовое дерево на том крошечном участке земли, который примыкает к моему дому и называется садом. — Элси указала на маленькое зеленое пространство, виднеющееся в окне. — Чудесный уголок!

Джулия смотрела в лучистые глаза Элси и не могла поверить, что бабушке уже очень много лет. Да, она давно перестала быть молодой, и, наверное, поэтому процесс старения не был так сильно заметен. Джулия с наслаждением жевала лепешку, вкус которой помнила с детства.

Элси с одобрением наблюдала за ней.

— Я еще не утратила мастерства? Держу пари, во Франции ты не ела таких вкусных лепешек.

— Нет, бабушка, — Джулия усмехнулась, — ты по-прежнему отлично готовишь.

Элси оглядела ее голову и недовольно нахмурилась.

— Ты плохо питаешься, девочка. Твои волосы совсем потускнели. — Элси потерла в пальцах кончики волос Джулии. — А какие сухие! Тебе нужно постричься и полечить волосы бальзамом. И не забывай, как следует кушать. Я говорю всем своим клиенткам: то, что вы едите, в конце концов отражается на вашей прическе.

— Своим клиенткам? Ты стала парикмахером? — Джулия удивленно уставилась на бабушку.

— Да, — весело подтвердила пожилая дама. — По четвергам с утра я хожу в дом престарелых и делаю прически тамошним старушкам. Впрочем, у них осталось совсем немного волос. — Элси хихикнула. — Но мне нравится это занятие. Наконец-то я осуществила свою мечту!

— А ты сохранила свои парики? — поинтересовалась Джулия.

— Нет. Они мне больше не нужны — теперь я имею дело с настоящими волосами. — Элси взглянула на внучку. — Ты, наверное, считала меня чудачкой, ведь я часами возилась с париками. Но это лучше, чем бездельничать. К тому же никакие другие занятия меня не увлекали. — Она вздохнула. — Я была хорошим мастером. Ее

светлость обычно просила меня сделать ей прическу. И не только ей, но и дамам, которые приезжали погостить в Уортон-Парке. Как интересно поворачивается жизнь, правда?

— Правда, бабушка. А как вообще у тебя дела?

— Как видишь. — Элси оглядела свою расплывшуюся талию. — По-прежнему с удовольствием ем то, что сама готовлю. К сожалению, теперь мне некого кормить. Твоя двоюродная бабушка умерла в начале прошлого года, и теперь я живу здесь одна.

— Я расстроилась, когда узнала об этом. — Джулия доела лепешку и взяла с тарелки еще одну.

— Слава Богу, она не мучилась: вечером легла спать, а наутро уже не проснулась. Мне бы тоже хотелось так умереть. — Как все старые люди, Элси спокойно рассуждала о смерти. — Она оставила мне бунгало, ведь у нее не было своих детей. Современные здания гораздо удобнее убогих сырых коттеджей, в которых я жила раньше. Здесь всегда тепло, есть горячая вода, и я могу принимать ванну, когда хочу. А еще есть исправный унитаз.

— Да, у тебя очень уютно, — ласково заметила Джулия. — И ты не чувствуешь себя одиноко?

— Разумеется, нет! У меня дел невпроворот. Я причесываю дам, к тому же еще не проходило и дня, чтобы я не сходила в какой-нибудь клуб или не навестила друзей. В Уортоне мы были изолированы от мира, Джулия, и могли общаться только с другими фермерскими работниками. А здесь у меня целый город, полный стариков пенсионеров!

— Я рада, что ты счастлива, бабушка. — Джулия посмотрела на нее влюбленными глазами. — Вижу, ты совсем не скучаешь по Уортон-Парку.

Элси потемнела лицом.

— Если честно, не совсем так, милая. Мне ужасно недостает твоего дедушки. Но я не скучаю по той жизни. Если помнишь, я стала прислуживать в Большом доме, когда мне было четырнадцать лет. Вставала в пять утра, ложилась около полуночи, да и то если хозяева не устраивали званый вечер и в доме не оставались гости. Так я работала больше пятидесяти лет. — Она покачала головой. — Нет, Джулия, я нисколько не жалею, что вышла на пенсию и наслаждаюсь отдыхом. Все, хватит обо мне. Теперь ты знаешь, что у меня все

хорошо и я счастлива. Расскажи-ка о своих родных — о папе и сестре. Как у них дела?

— Как обычно, — ответила Джулия. — Папа по-прежнему много работает и сейчас собирается в экспедицию на край света. Алисия заботится о своей большой семье и поэтому тоже все время занята.

— Знаю. Она иногда присылает мне фотографии и приглашает в гости, но я не хочу быть лишней обузой. И потом я не умею водить машину, а поезд не люблю. Возможно, когда-нибудь, когда у них будет время, они сами ко мне приедут, как ты сегодня.

— Обещаю, теперь буду навещать тебя чаще. Тем более, сейчас я живу в Англии, — добавила Джулия.

— Ты собираешься здесь остаться навсегда?

— Не знаю, — вздохнула Джулия. — До недавнего времени я не хотела принимать важные решения.

— Конечно, моя девочка. — Элси взглянула на нее с сочувствием. — Я тебя прекрасно понимаю. Ты говорила, что хочешь о чем-то меня спросить.

— Да. Ты слышала, что Уортон-Парк продается?

— Да, слышала. — Лицо пожилой дамы осталось бесстрастным.

— Кит Кроуфорд, наследник, оставляет себе квадратный двор и переезжает в ваш старый коттедж.

Элси запрокинула голову назад и рассмеялась дробным старческим смехом. Отсмеявшись, она утерла глаза.

— Его светлость мистер Кит переезжает в старый коттедж садовника? — Элси покачала головой. — Ох, Джулия, ты меня насмешила!

— Это правда. Ему пришлось выставить имение на продажу, потому что оно погрязло в долгах. Для реставрации нужны большие деньги. А коттедж — чудесное место.

— Возможно. Но меня забавляет мысль о том, что лорд Кроуфорд будет жить в нашем жалком жилище. — Элси достала из рукава носовой платок и высморкалась. — Прости меня, милая. Рассказывай дальше.

— Так вот, когда водопроводчики прокладывали новые трубы, они вскрыли половицы, — Джулия полезла в свою сумку и достала оттуда дневник, — и нашли...

По бабушкиному лицу она сразу поняла, что той знакома тетрадь.

— Это дневник, — пояснила Джулия очевидное.

— Да, — только и сказала Элси.

— Его написал военнопленный, сидевший в сингапурской тюрьме Чанги.

— Я знаю, что в нем, Джулия. — На глазах у Элси выступили слезы.

— Ох, прости меня, бабушка! Я не хотела тебя расстраивать. Тебе не обязательно это читать. Я просто хотела, чтобы ты подтвердила, что дневник написан дедушкой Биллом. Ведь во время войны он был в Дальневосточном регионе, так? Я помню, он рассказывал в теплицах, когда я была маленькой, и думаю, ему довелось побывать в тех краях. Но где именно и когда, он не говорил, — поспешно добавила девушка, заметив, как побледнела Элси.

Наконец старая дама кивнула.

— Да, он там был, — медленно проговорила она.

— В Чанги?

Элси кивнула.

— Значит, это действительно его дневник?

— Ты прочла его, Джулия? — Немного помолчав, спросила Элси.

— Нет. Я собиралась это сделать, но... — Джулия вздохнула. — Честно говоря, мне хватает собственных переживаний, и я не хочу лишний раз страдать.

— Понимаю. — Элси кивнула и, тяжело поднявшись с кресла, медленно подошла к окну.

На улице вели неспешный хоровод крупные снежинки. Трава в маленьком саду постепенно укрывалась белым одеялом. Небо темнело, хотя было только начало пятого.

— Погода портится, — пробормотала Элси, стоя спиной к Джулии. — Ты останешься на ночь?

— Я... — Вопрос застал Джулию врасплох. Она посмотрела на снег и представила, как поедет обратно в свой унылый коттедж, оставив бабушку наедине с печальными воспоминаниями. — Да, останусь.

Элси обернулась.

— Хорошо. А теперь, Джулия, я пойду приготовлю ужин. За работой лучше думается. А мне сейчас нужно подумать, — добавила

она, обращаясь скорее к себе. — Пока меня не будет, можешь посмотреть телевизор. — Она указала на пульт и вышла из комнаты.

Через сорок пять минут (Джулия с неожиданным удовольствием посмотрела субботнюю передачу — конкурс талантов) в гостиную вернулась Элси с подносом.

— Уже почти шесть часов, а по субботам я всегда позволяю себе пару рюмок французского вермута. — Она кивнула на графин. — У меня есть красное вино, принесла подруга. Не знаю, хорошее ли оно. Попробуешь?

— Почему бы и нет? — согласилась Джулия, радуясь, что щеки Элси слегка зарумянились.

— В духовке картофельная запеканка с мясом. Мы поедем ее позже. — Она протянула Джулии бокал и хлебнула вермута. — Пока готовила, размышляла. Теперь чувствую себя немного спокойней.

— Прости меня, бабушка, я вовсе не хотела тебя расстраивать. Мне надо было раньше подумать о том, как болезненно ты воспримешь эту находку. — Джулия пригубила вино. — Я и сама много думала в последнее время, совершенно забыв про чувства других людей.

— Ничего страшного, милая. — Элси похлопала внучку по руке. — То, что ты думала о себе, — вполне естественно. Тебе пришлось пережить страшное горе, но теперь нее наладится. Ты ничуть меня не расстроила. Просто, увидев это, — она указала на дневник, — я испытала легкий шок, только и всего. Я думала, Билл сжег тетрадь в камине. Я просила это сделать, говорила, что когда-нибудь его найдут и это не приведет ни к чему хорошему... — Она уставилась в пространство.

Джулия терпеливо ждала, когда бабушка начнет говорить. Наконец Элси собралась с мыслями.

— Ты, наверное, хочешь знать, в чем дело и о чем я так долго думала. Что ж, Джулия, это понятно. Факт остается фактом: дневник нашли и отдали тебе. Я могла бы солгать, но решила, что это неправильно. Во всяком случае, теперь.

— Бабушка, пожалуйста, расскажи мне все. Если это секрет, я никому его не выдам. Ты же знаешь: я умею хранить секреты и всегда держала язык за зубами, даже когда была маленькой.

Элси улыбнулась и погладила девушку по щеке.

— Да, моя девочка, я знаю, ты никому ничего не расскажешь. Но все не так просто, как ты думаешь. Если эта семейная тайна откроется, пострадает много людей.

Бабушкины слова еще больше заинтриговали Джулию.

— Но в нашей семье остались только папа, я и Алисия, — заметила она.

— Да, — задумчиво проговорила Элси, — но есть тайны, которые касаются сразу нескольких семей... Ну да ладно, начну с самого начала, а там посмотрим, к чему это приведет. Ты согласна?

Джулия кивнула:

— Бабушка, делай то, что считаешь нужным, а я с радостью выслушаю твою историю.

— Предупреждаю: мне понадобится время, чтобы все вспомнить. Пожалуй, стоит начать с меня. В тысяча девятьсот тридцать девятом году я поступила в услужение хозяйке Большого дома и стала учиться профессии горничной. — Элси сомкнула ладони перед собой. — Ох, Джулия, ты даже не представляешь, каким бойким местом был тогда Уортон-Парк! Жизнь в имении была ключом: Кроуфорды часто приглашали гостей, а в охотничий сезон почти каждые выходные устраивали шумные вечеринки. Однажды к хозяевам приехали их друзья из Лондона, и мне поручили прислуживать их восемнадцатилетней дочери, Оливии Дру-Норрис. Она стала моей первой «дамой». — Глаза Элси загорелись от воспоминаний. — Поверь, Джулия, мне до самой смерти не забыть тот день, когда я вошла в гостевую спальню и впервые ее увидела...

Глава 9

Уортон-Парк

Январь 1939 года

Оливия Дру-Норрис подошла к окну большой спальни, куда ее только что привели, взглянула на двор и тяжело вздохнула, увидев унылый серый пейзаж.

Два месяца назад она сошла на английский берег, и с тех пор ей казалось, что кто-то стер с лица земли все яркие теплые краски, заменив их мрачной грязно-коричневой палитрой. Голые поля затягивались туманной дымкой, хотя было только начало четвертого. Оливии было холодно и тоскливо.

Зябко пожившись, она отвернулась от окна.

Ее родители радовались возвращению в Англию. Этот жуткий сырой остров был для них родным. Оливия же родилась и выросла в Индии. Она раньше не выезжала за пределы этой страны и теперь не могла понять, почему нее разговоры, слышанные ею в клубе или за обедом в доме родителей в Пуне, сводились к ностальгическим воспоминаниям об Англии.

На ее взгляд, здесь не было ничего хорошего. Все жаловались на индийскую жару, но там, по крайней мере, не приходилось ложиться спать, надев на себя шесть ночных рубашек, а потом лежать в пахнущих сыростью простынях и ждать, когда перестанут неметь пальцы ног. Оливия постоянно мерзла с тех пор, как сошла с корабля.

Ей очень не хватало запахов и звуков ее родины... Она вспоминала аромат спелых гранатов, ладана и масла, которым горничная смазывала ее длинные волосы, приятное пение домашней прислуги, детский смех на пыльных улицах городка, выкрики рыночных торговцев, расхваливающих свои товары... Эта пестрая шумная сцена разительно отличалась от местного тихого и безрадостного мирка.

Когда они прибыли на «родину» и улеглось первое волнение, Оливия ощутила острый прилив тоски. Она еще никогда не чувствовала себя такой несчастной. А ведь могла остаться в Пуне, когда ее родители уезжали в Англию, если бы обратила больше внимания на достоинства краснощекого полковника, который пытался

за ней ухаживать. Но он был ужасно старый, никак не меньше сорока пяти, тогда как ей недавно исполнилось восемнадцать.

К тому же бессонными ночами она читалась английских романов Джейн Остин и сестер Бронте. Они разбередили ей душу и заставили поверить, что в один прекрасный день ей обязательно повезет и она обретет «настоящую любовь».

В ближайшие месяцы Оливии предстояло участвовать в лондонском светском сезоне. Ее должны были представить подходящим молодым людям. Она от души надеялась найти среди них своего мистера Дарси.

Эта мечта была единственным ярким пятном в сером непроглядном тумане английской реальности. Британские парни, с которыми она успела познакомиться, не вызвали у нее симпатии. Бледность, незрелость и явное отсутствие интереса к жизни (похоже, их вдохновляла только стрельба по фазанам) не снискали ее расположения. Возможно, причина в том, что она довольно долгое время встречалась со взрослыми мужчинами: к сожалению, в светском обществе Пуны было совсем мало юных дам и кавалеров.

С детства Оливию окружали мамины и папины друзья. Она посещала званые обеды и вечеринки, занималась верховой ездой и играла в теннис. К тому же девушка получила необычное образование, хотя сама рассматривала это как достоинство. Ее родители оплачивали услуги частного преподавателя, мистера Кристиана, бывшего выпускника Кембриджа, комиссованного в связи с ранением во время Первой мировой войны и решившего обосноваться в Пуне. Мистер Кристиан закончил философский факультет Тринити-колледжа и, распознав пытливый молодой ум, постарался наполнить его такими разнообразными знаниями, которые Оливия никогда не получила бы в английской школе-пансионе для девочек. Помимо прочего, он научил ее почти профессионально играть в шахматы и мухлевать в бридже.

Однако за последние несколько недель Оливия начала понимать: в Лондоне эрудиция не поможет найти достойного жениха. Ее гардероб, который в Индии казался вполне современным, здесь выглядел безнадежно устаревшим. Она уговорила мамину портниху, и та укоротила се юбки: теперь подол доходил до колен, а не до лодыжек. Так одевались все молодые дамы, которых она видела в последнее время в Лондоне. А когда они с мамой совершали покупки в крупном

лондонском универмаге, девушка тайком купила ярко-красную губную помаду.

Оливия отрезала подол у своих юбок и приобрела помаду вовсе не потому, что была тщеславной кокеткой. Просто ей не хотелось слишком сильно выделяться из толпы.

И вот теперь они приехали на выходные в очередной холодный и сырой дом, больше похожий на мавзолей. Папа учился в школе вместе с лордом Кристофером Кроуфордом, у которого они сейчас гостили. Отец, как обычно, будет целыми днями пропадать на охоте, а мама — пить чай в гостиной и вести светские беседы с хозяйкой дома. Оливии придется сидеть рядом с ней, чувствуя себя лишней.

В дверь тихо постучали.

— Войдите, — вежливо произнесла она.

В спальню заглянуло приятное веснушчатое лицо с лучистыми карими глазами. Затем показалась девушка в старомодном наряде горничной, который болтался на ней как на вешалке.

— Простите, мэм. Меня зовут Элси. Я буду помогать вам, пока вы здесь живете. Можно разобрать ваш чемодан?

— Конечно.

Элси шагнула за порог и взволнованно огляделась по сторонам.

— Простите, мэм, но здесь очень темно. Можно, я зажгу свет? Я вас почти не вижу. — Она смущенно хихикнула.

— Да, пожалуйста, — ответила Оливия.

Девушка поспешно подошла к лампе, стоящей возле кровати, и включила свет.

— Ну вот, — улыбнулась она, — так лучше, не правда ли?

— Да. — Оливия встала с кровати и обернулась к Элси. — Здесь рано темнеет. — Почувствовав на себе сверлящий взгляд горничной, она спросила: — Что-то не так?

Элси вздрогнула.

— Простите, мэм, просто я залюбовалась вашей красотой. Я еще никогда не видела таких красивых девушек. Вы похожи на киноактрису.

— Спасибо. — Оливия опешила. — Вы очень добры, но я уверена, это ошибка.

— Нет-нет, это правда, — заспорила Элси. — Простите, мэм, если сделаю что-то неправильно. Понимаете, я впервые прислуживаю даме.

— Горничная положила чемодан Оливии на кровать и отперла замочки. — Скажите, что вы хотите надеть на дневное чаепитие, и я приготовлю ваш наряд. А платье, которое вы наденете на обед, я возьму с собой — поглажу и освежу. — Элси смотрела на свою новоявленную госпожу, ожидая ответа.

Оливия указала на свое новое розовое платье с отложным воротником и рядом больших белых пуговиц, нашитых спереди.

— Это я надена сейчас, а вон та синяя парча, думаю, вполне подойдет для вечера.

— Вы правы, мэм. — Элси кивнула, осторожно развернула платья и разложила их на кровати. — Голубой прекрасно оттенит ваш цвет лица. Можно мне повесить остальные ваши вещи в гардероб?

— Ты очень добра, Элси. Спасибо.

Оливия неловко присела на гобеленовый стул возле кровати и стала следить за действиями горничной. В Индии она почти не замечала прислугу. Однако эта английская девушка, практически ее ровесница, сразу привлекла ее внимание.

Когда они вернулись в свой старый дом в графстве Суррей, отец Оливии стал жаловаться, как трудно найти прислугу. По его словам, нынешние девушки неохотно шли в горничные, предпочитая работать секретаршами в офисах и продавщицами в новых универмагах, которые открывались по всей стране.

— Девушки больше не хотят прислуживать, — ворчал он.

Впрочем, поездив по сельским поместьям маминых и папиных друзей, Оливия поняла, что в больших городах женская эмансипация шагнула гораздо дальше.

— Хорошо, мэм. Я сейчас спущусь и поглажу ваше вечернее платье, а после чаепития опять зайду, чтобы набрать вам ванну и зажечь камин. Может быть, вы желаете что-то еще?

— Нет, Элси, спасибо, — улыбнулась девушка. — Кстати, зови меня просто Оливия.

— Спасибо, мэм... то есть мисс Оливия. — Элси поспешно вышла из комнаты.

В этот вечер перед трапезой Элси продемонстрировала свой талант парикмахера.

— Можно, я подниму ваши волосы наверх, мисс? — спросила она, расчесывая густые золотистые локоны Оливии. — Мне кажется,

вам пойдет. Вы будете выглядеть элегантно, как Грета Гарбо. Раньше я практиковалась на своей сестре и знаю, как это делается.

Сев на стул перед зеркалом, Оливия кивнула:

— Ладно, Элси, я тебе доверяю.

« В конце концов, — подумала она, — я всегда могу распустить пучок».

— Мне нравится делать дамам прически. Я хотела выучиться на профессионального парикмахера, но ближайший салон очень далеко, а у меня нет подходящего транспорта. Здесь ходят только omnibusy — отправление один раз в день, в одиннадцать утра, от главных ворот. Меня такое расписание не устраивает. — Пока Элси рассказывала, ее умелые пальцы расчесывали, накручивали и закалывали волосы Оливии, собирая их в затейливый пучок.

— А ты не хотела переехать в город? — спросила Оливия.

— В город? — В глазах Элси появился ужас. — Как я могу оставить маму с моими братьями и сестрами? Ей нужна моя помощь. И потом я даю ей деньги. Ну, вот и все! — Девушка отступила назад, чтобы полюбоваться своей работой. — Что скажете?

— Спасибо, Элси. — Оливия улыбнулась. — Отличная прическа!

— Не стоит благодарности, мисс Оливия. Это было честью для меня. Помочь вам надеть корсет?

— Ты такая милая, Элси! — смущенно пробормотала Оливия. — Честно говоря, я понятия не имею, как это делается. Никогда не носила корсетов, и одной мне ни за что не справиться.

Элси подняла корсет с кровати и внимательно его оглядела.

— Это новая модель, утягивающая талию, — с восхищением произнесла она. — Я видела такие в журнале «Вумен уикли». Там сказано, что они придают фигуре форму песочных часов. Кажется, я знаю, как его надевать. Не волнуйтесь, мисс Оливия, у нас все получится.

Когда корсет был надет, и Оливия поняла, что теперь не сможет проглотить даже одну маслину, не говоря уже об обеде из четырех блюд, Элси надела на нее новое платье из темно-синей парчи и застегнула его сзади.

Оливия расправила юбку, которая встала колоколом под ее затянутой талией, и взглянула на себя в зеркало. Прическа, корсет и

платье сильно изменили ее облик. Из юной барышни она вдруг превратилась в соблазнительную женщину.

— О, мисс Оливия, вы так красивы! Этот цвет отлично подходит к вашим глазам. Сегодня вечером вы будете сиять, как звезда. Надеюсь, вы сядете рядом с мистером Гарри. Мы, девушки, все в него влюблены, — призналась Элси. — Он такой симпатичный!

— Вообще-то я невезучая, так что вряд ли окажусь рядом с ним. Скорее всего, мне достанется старый толстопузый майор, с которым я познакомилась в гостиной во время дневного чаепития. — Оливия улыбнулась.

Обе девушки весело переглянулись, на время забыв о разделяющей их светской иерархии.

— Надеюсь, этого не случится, мисс Оливия. Желаю вам приятного вечера!

Оливия обернулась у двери.

— Спасибо, Элси, ты очень добра. Позже я расскажу тебе, как прошел вечер. — Она подмигнула и вышла из комнаты.

Оливия была не единственным человеком в доме, который боялся идти на обед. Дistinguished Гарри Кроуфорд уже решил, что, когда он вслед за отцом вступит во владение Уортон-Парком, там больше не будет никаких охотничьих вылазок. Ему претила идея убивать беззащитных живых существ.

Кое-как застегнув запонки на манжетах (его лакей пошел одевать престарелого майора), Гарри поправил перед зеркалом галстук-бабочку.

«Интересно, — подумал он, — сколько еще людей чувствуют, что занимают в этой жизни чужое место?»

Долг для него был превыше всего, и хотя многие из слуг и будущих однополчан могли бы ему позавидовать, он, не задумываясь, поменялся бы местами с любым из них.

Гарри знал, что его чувства никого не волнуют, ведь жизнь наследника Уортон-Парка распланирована задолго до его зачатия. Он был всего лишь продолжателем рода и ничего не мог с этим поделать.

Два кошмарных года учебы в Сандхерсте, в Королевской военной академии, наконец-то закончились. Ему дали двухнедельный отпуск, после которого он должен вступить в батальон Пятого королевского норфолкского полка — туда, где раньше служил отец, — и получить

офицерскую должность. Дослужившись до самого высокого звания, лорд Кристофер Кроуфорд работал государственным советником в Уайтхолле.

Надвигалась война... От этой мысли Гарри бросало в холодный пот. Чемберлен старался, как мог, и все надеялись на мирное разрешение конфликта, но отец Гарри знал действительное положение дел и опирался на реальную информацию, а не на уличные сплетни. Он сказал, что вооруженных столкновений вряд ли удастся избежать и война начнется в течение года. Гарри ему верил.

Гарри не был трусом и не страшился перспективы отдать жизнь за свою страну. Но он не разделял энтузиазма коллег-офицеров, которые с упоением ждали, когда им представится случай надрать фрицам задницу — иначе говоря, устроить безрассудную масштабную бойню. Он держал свои пацифистские взгляды при себе, понимая, что они не найдут благосклонного отклика в офицерской среде. Однако часто ночами Гарри лежал без сна и гадал, сможет ли ради спасения собственной шкуры нажать на спусковой крючок, встретившись с немцем лицом к лицу.

Он знал, что у него много единомышленников, только никто из них не зависит от высокопоставленного папы-генерала и не имеет за плечами двухсотпятидесятилетней истории семейного героизма.

Гарри уже давно понял, что не унаследовал отцовские гены. Он гораздо больше походил на мать, Адриану, нежную артистичную натуру. Так же, как и она, Гарри был подвержен внезапным приступам депрессии, когда окружающий мир казался ему черным и беспросветным и он не мог понять, зачем живет. Мама называла такие моменты «petit mal»^[2] и лежала в постели до тех пор, пока ей не становилось лучше.

Будучи армейским офицером, Гарри не мог себе позволить такой роскоши. Он никогда не признавался отцу и том, что ему недостает воинской удачи. Их разговоры ограничивались бодрим «доброе утро» или «кажется, сегодня выдался хороший денек», иногда добавлялось: «Налей-ка мне виски, старина».

Его отец ничем не отличался от офицеров, с которыми Гарри имел дело в Сандхерсте. Мама, разумеется, знала о его отношении к жизни и собственному будущему, но была бессильна ему помочь, поэтому они не обсуждали подобные темы.

По крайней мере, ей удалось найти для него утешение, и за это он был ей безмерно благодарен: когда Гарри исполнилось шесть лет, Адриана, вопреки воле отца, наняла для него учителя игры на фортепиано, который преподавал ему основы этого искусства. Сидя за роялем и перебирая пальцами клавиши из слоновой кости, Гарри чувствовал, что его жизнь обретает смысл. С тех пор он стал очень хорошим пианистом — отчасти потому, что и в школе, и дома мог уединиться в музыкальном классе или гостиной и заняться приятным и безопасным делом.

Учитель музыки в Итоне, оценив талант Гарри, посоветовал ему прийти на прослушивание в Королевский музыкальный колледж, но отец не одобрил. Он был убежден, что его мальчик должен отправиться в Сандхерст. Мол, игра на рояле — дилетантское занятие, а не профессия для будущего лорда Кроуфорда. На том и порешили.

Гарри продолжал практиковаться в игре на рояле, хоть в Сандхерсте его практика ограничивалась увеселительными концертами для офицеров, где он наигрывал модные песенки Коуарда и Кола Портера — Шопен в программе не предусматривался.

Когда случались приступы уныния, Гарри уповал на переселение душ. Ему хотелось попасть в мир, где его талант и страсть к музыке найдут себе применение.

«Возможно, — печально думал он, — будет лучше, если я погибну в грядущей войне: это станет первым шагом на пути к цели».

Глава 10

Войдя в гостиную, Оливия ощутила, что присутствующие одобрительно восприняли ее появление. Это новое чувство теплом окутало сердце. Первым к ней подошел лорд Кроуфорд.

— Оливия, верно? Боже мой, какие чудесные цветы распускаются под индийским солнцем! Выпьете рюмочку?

— Большое спасибо! — Девушка взяла с подноса, который держал стоящий рядом дворецкий, бокал с джином.

— Я рад, дорогая, что сегодня вечером вы будете моей соседкой по столу, — заметил лорд Кроуфорд, отрывисто кивнув дворецкому.

Тот ответил таким же отрывистым кивком. Даже если до этого Оливию могли посадить в другом месте, то теперь вариантов не было.

— Как вам Англия? — спросил он.

— Мне очень приятно увидеть страну, о которой я столько слышала, — солгала Оливия, не моргнув глазом.

— Милая, я в восторге, что вы нашли время приехать к нам, в сельскую глухомань Норфолка. Ваш папа сказал, вы участвуете в светском сезоне. Это правда?

— Да, — кивнула Оливия.

— Замечательный спектакль, — ухмыльнулся Кристофер, — один из лучших периодов моей жизни. Позвольте представить вам мою жену. Сегодня днем она неважно себя чувствовала, но сейчас, похоже, все в порядке. — Он подвел ее к стройной элегантной женщине. — Адриана, познакомьтесь с Оливией Дру-Норрис. Уверен, в этом сезоне она разобьет немало мужских сердец — точно также, как сделала ты много лет назад.

Адриана, леди Кроуфорд, обернулась к Оливии и протянула ей свою изящную белую руку. В подражание мужскому рукопожатию они слегка дотронулись друг до друга пальцами.

— Enchantee^[3]. — Адриана приветливо улыбнулась. — Вы и впрямь способны разбить мужское сердце.

— Спасибо, леди Кроуфорд, вы очень добры.

Оливия почувствовала себя призовой телкой, которую привели на выставку с целью оценить ее экстерьер.

«Неужели это прелюдия к предстоящему светскому сезону?» — в страхе подумала девушка.

— Пожалуйста, зови меня просто Адриана, — попросила леди Кроуфорд. — Уверена, мы с тобой станем близкими подругами, *n'est-ce pas?*^[4]

Лорд Кроуфорд ласково взглянул на жену.

— Вот и отлично! Милая, я оставлю Оливию в твоих надежных руках. Может быть, ты дашь ей несколько полезных советов. — Он размашисто зашагал к двери, чтобы поприветствовать двоих прибывших гостей.

Оливия залюбовалась красотой Адрианы. Несмотря на зрелый возраст (ей было уже за сорок), эта женщина сохранила фигуру молоденькой девушки, точеные черты лица с высокими скулами и безупречную кожу слоновой кости. Ее идеальная женственность напомнила Оливии изящных жен индийских махараджей. Да, Адриана сильно отличалась от обычных английских аристократок, грубое телосложение которых позволяло им противостоять суровому британскому климату, а широкие бедра давали возможность выносить и родить целый выводок детишек, необходимых для продолжения рода.

Элегантная хрупкая Адриана, на взгляд Оливии, гораздо лучше смотрелась бы в парижском салоне, чем в продуваемом всеми ветрами английском доме. Разумеется, мать сообщила Оливии, что Адриана — француженка. На ней было простое черное коктейльное платье, скромно украшенное ниткой кремового жемчуга, однако она носила его с несомненным французским шиком.

— Итак, Оливия, ты вернулась в эту жуткую страну с отвратительной погодой и отсутствием солнца, *n'est-ce pas?*

Адриана произнесла это как нечто само собой разумеющееся, и Оливию поразила ее откровенность.

— Наверное, мне долго придется привыкать к такой перемене, — дипломатично ответила она.

Адриана накрыла ее ладонь своей маленькой ручкой.

— *Ma chérie*, на моей родине тоже было много тепла и света. Когда я уехала из нашего шато на юге Франции и поселилась здесь, в Англии, мне казалось, я этого не вынесу. Ты страдаешь не меньше меня. Я вижу по твоим глазам, как сильно ты скучаешь по Индии.

— Да, это так, — прошептала Оливия.

— Что ж, могу лишь пообещать: со временем будет легче. — Адриана грациозно пожала плечами. — А сейчас позволь, я представлю тебе моего сына Гарри. Он твой ровесник и составит тебе компанию, пока я буду играть роль идеальной хозяйки. Дорогая, я сейчас найду его и приведу к тебе.

Оливия посмотрела вслед Адриане, плавно идущей по комнате. Ее искренность и участие обезоружили девушку. На подобных мероприятиях она обычно болтала о разных пустяках, никогда не затрагивая откровенные темы. Британское общество не одобряло разговоры по душам — она знала это по клубу Пуны. Короткая беседа с Адрианой успокоила Оливию, и она позволила себе украдкой улыбнуться.

Мать велела Гарри познакомиться с молодой «индианкой». Он послушно пересек гостиную и за несколько шагов от девушки заметил, что она улыбается. Холодная красота блондинки вдруг ожила, подчеркнутая сиянием кремовой кожи. Гарри, который редко обращал внимание на физические достоинства женщин, понял, что перед ним «роскошная барышня», как выражались его коллеги-офицеры.

Он подошел ближе. Увидев его, девушка спросила:

— Вы, наверное, Гарри? Вас прислала ваша мама, чтобы вы развлекли меня вежливым разговором? — Пока она говорила, в ее бирюзовых глазах блестели веселые искорки.

— Да. Но уверяю вас, я сделаю это с удовольствием. — Он взглянул на ее пустой бокал. — Хотите еще выпить, мисс Дру-Норрис?

— Да, спасибо.

Гарри позвал дворецкого. Оливия поставила пустой бокал на поднос, взяла новый.

— Вы, наверное, считаете меня навязчивой? Простите, но я не хотела быть вам обузой. Мне очень жаль, что вам приходится вести бесконечные беседы с людьми, которых вы видите первый раз в жизни.

Оливия удивилась собственной смелости, решив, что во всем виноват крепкий джин. Она взглянула на «симпатягу Гарри», как описала его Элси, и решила, что служанка права. Гарри удалось унаследовать лучшие физические качества от обоих родителей. Он был рослым, как отец, с тонкокостной фигурой и яркими карими глазами, как у матери.

— Уверю вас, мисс Дру-Норрис, мне не в тягость поговорить с вами. Во всяком случае, вам еще нет семидесяти лет, и это уже приятно. Честно говоря, здесь редко попадаются такие молодые собеседницы.

Оливия засмеялась над его шуткой.

— Бедняжка! Впрочем, в этом вечернем костюме вас можно принять за вашего папу.

Гарри добродушно пожал плечами:

— Напрасно смеетесь, мисс Дру-Норрис. Неужели вы не понимаете, что на эти острова надвигается война и нам всем приходится чем-то жертвовать? Я, например, ношу подержанный отцовский костюм, который мне велик на целых три размера.

— Вы в самом деле думаете, что будет война? — Оливия помрачнела.

— Даже не сомневайтесь, — кивнул Гарри.

— Я с вами согласна, но мой папа отказывается смотреть правде в глаза, — добавила Оливия.

— Проведет день на охоте вместе с моим отцом — изменит свое мнение, — усмехнулся Гарри.

— Сильно сомневаюсь, что герра Гитлера можно усмирить, — вздохнула Оливия. — Он намерен завоевать мир, и его первые шаги говорят о его страстной решимости.

Гарри удивленно уставился на свою собеседницу.

— Позвольте вам сказать, мисс Дру-Норрис, вы очень хорошо информированы. Это весьма необычно для молодой дамы.

— По-вашему, женщинам не пристало говорить о политике? — спросила Оливия.

— Нет, мне даже нравится. Большинство девушек просто не интересуются такими вещами.

— Мне повезло: в Индии у меня был хороший учитель. Он считал, что женщины имеют такое же право на образование, что и мужчины. — Оливия вдруг погрузилась в размышления. — Он раскрыл мне глаза на мир и вселил в меня уверенность в собственной значимости.

— Надо же, и такой человек растрачивал свой талант в Пуне! Хотел бы я, чтобы в Итоне у меня были такие же учителя! Я не мог дожидаться, когда закончится учеба, и я уеду из этого проклятого места. Вы собираетесь продолжить образование?

Оливия печально покачала головой:

— Даже не представляю, что стало бы с моими родителями, если бы я предложила такое. Они пришли бы в ужас: «Что? В нашей семье завелся «синий чулок»?!» Нет, теперь я должна выйти замуж. Конечно, если кто-то пожелает взять меня в жены.

Гарри смотрел на нее с искренним восхищением.

— Уверяю вас, мисс Дру-Норрис, с этим у вас не будет проблем.

— Даже если я сама не хочу? — Оливия посмотрела ему прямо в глаза.

Гарри вздохнул и затушил сигарету в ближайшей пепельнице.

— Что поделаться... Большинство из нас не имеют того, чего хотят. Но постарайтесь не слишком огорчаться. Я думаю, наш уклад жизни скоро изменится, особенно это касается женщин. Пожалуй, единственный плюс будущей войны — это то, что она поспособствует дальнейшим переменам.

— Надеюсь, так и будет, — согласилась Оливия. — А какие планы у вас? — спросила она, вдруг вспомнив золотое правило, усвоенное еще с пеленок: никогда не брать верх в разговоре, особенно с джентльменом.

— У меня? — Гарри пожал плечами. — Я простой солдат. Сейчас нахожусь в отпуске, но боюсь, он будет недолгим. Мы только что получили приказ удвоить численность моего нового батальона за счет солдат Территориальной армии.

— Не могу понять, почему здешние люди живут так, словно ничего не происходит. — Оливия указала на участников вечеринки, весело хохочущих над какой-то шуткой.

— Таков уж британский характер, — заметил Гарри. — Даже если нам будет грозить конец света, в таких домах, как этот, все останется как обычно. А по мне, так и, слава Богу!

— Леди и джентльмены, прошу к столу!

— Что ж, мисс Дру-Норрис, — вежливо склонил голову Гарри, — было очень приятно познакомиться. Кстати, поосторожней с фазаном — в нем могут остаться дробинки: наш повар не слишком аккуратен. — Он подмигнул. — Возможно, мы еще увидимся до вашего отъезда.

Во время обеда Оливия отвечала на ужасные шуточки лорда Кроуфорда и вела себя, как подобает молодой даме ее воспитания. Время от времени она украдкой поглядывала на Гарри, который сидел

на другом конце стола и, тоже выполняя свой долг, развлекал жену майора. Позже, когда мужчины удалились в библиотеку, а женщины перешли в гостиную пить кофе, Оливия сказала уставшей и, извинившись, покинула сборище.

Когда она поднималась по лестнице, ее догнала Адриана.

— Ты плохо себя чувствуешь, *ma chérie*? — участливо спросила она.

— Да, что-то голова разболелась, — вежливо отозвалась Оливия.

Улыбнувшись, Адриана обняла ее за плечи.

— Это английские холода заморозили твои тропические косточки. Я попрошу Элси, чтобы она заново развела огонь в твоём камине и принесла тебе горячего какао. Увидимся завтра. Может, ты прогуляешься со мной по саду, и я покажу тебе то, что напомнит тебе твою родину.

Оливия кивнула, благодарная хозяйке дома за ее искреннюю заботу.

— Спасибо.

— *Je vous en prie*^[5]. Тебе понравилось беседовать с моим сыном Гарри?

— Очень понравилось, спасибо. — Оливия почувствовала, как ее щеки заливаются краской.

«Только бы Адриана не заметила моего смущения!» — в панике подумала она.

Француженка одобрительно кивнула:

— Я знала, что так и будет. *Bonne nuit, ma chérie*^[6].

Оливия устало поднялась на второй этаж. У нее действительно болела голова.

«Наверное, я еще не привыкла к алкогольным напиткам», — решила она.

Впрочем, ей хотелось побыть наедине не только из-за плохого самочувствия: она собиралась прокрутить в голове свой разговор с Гарри и насладиться этими воспоминаниями.

Девушка быстро переоделась в ночную рубашку — приехав в холодную Англию, она научилась делать это с молниеносной скоростью. Нырнув в постель и свернувшись калачиком под одеялом, Оливия услышала стук в дверь.

— Войдите!

Из-за двери показалась сияющая Элси. Она внесла поднос, на котором стояла кружка с какао.

— Это я, мисс Оливия. — Горничная прошла по комнате и поставила поднос на столик рядом с кроватью. — Принесла вам напиток, приготовленный по особому рецепту моей мамы: туда добавлена капелька бренди. Это поможет вам согреться.

— Спасибо, Элси. — Оливия взяла теплую чашку и обхватила ее ладонями, глядя, как служанка разжигает потухший камин.

— Ну как, мисс Оливия, вам понравился сегодняшней вечер?

— Да, Элси, очень.

Элси обернулась и заметила улыбку на устах своей госпожи. В глазах горничной зажглись веселые искорки.

— Вы познакомились с молодым мистером Гарри?

— Да.

— И что вы о нем думаете? — осторожно спросила Элси.

Оливия знала еще одно золотое правило: никогда не сплетничать с прислугой, особенно с чужой. Однако ей до смерти хотелось поговорить о Гарри.

— Мне кажется, он... очень необычный.

— И красивый, не так ли? — продолжала пытаться Элси.

Оливия не ответила, и горничная потупила взгляд.

— Простите, мисс, я забыла свое место. Мне нельзя задавать господам личные вопросы.

— Ты замечательная служанка, Элси, — заверила ее Оливия. — К тому же завтра я уеду, и мы, возможно, больше не увидимся. — Она сделала глубокий вдох. — Если хочешь знать правду, Гарри показался мне... очень милым.

— О, мисс Оливия! — Элси сложила ладони перед собой. — Я знала, что вы понравитесь друг другу.

Оливия отпила из кружки.

— Знаешь, Элси, я еще не пила такого вкусного какао!

— Спасибо, мисс, — поблагодарила Элси, направляясь к двери. — Я приду к вам утром и раздерну шторы на окнах. Спокойной ночи.

Когда Элси вышла из спальни, Оливия откинулась на мягкие подушки и допила какао. Потом закрыла глаза и начала подробно вспоминать свой приятный разговор с Гарри.

Глава 11

На следующее утро Оливия одна позавтракала в столовой: мужчины уже уехали на охоту, а ее мама и Адриана поели в своих комнатах. Потом, желая заняться чем-нибудь полезным, девушка отправилась в библиотеку. В Пуне книги были дорогостоящей редкостью, и Оливия с восторгом увидела полки, заставленные литературой от пола до потолка.

Она взяла роман Вирджинии Вульф «На маяк» и уселась читать его в удобном кожаном кресле у камина. Тут ее внимание привлекли отдаленные звуки музыки. Кто-то играл на пианино. Прислушавшись, девушка узнала полонез Шопена, встала и вышла из библиотеки. Ноги повели ее туда, откуда доносилась мелодия, и, в конце концов, она очутилась перед дверями гостиной.

Оливия остановилась и закрыла глаза, наслаждаясь отличным исполнением одного из ее любимых музыкальных произведений. Когда прозвучали последние ноты, она открыла глаза и украдкой заглянула в комнату, пытаясь рассмотреть пианиста, сидящего на другом конце зала и загороженного от нее высокой китайской вазой с цветами.

Оливия ахнула от удивления, увидев за роялем Гарри. Он сидел, уронив руки на колени, и задумчиво смотрел на парк за окном. Девушка ощутила неловкость: она не хотела вторгаться в чужое пространство. Наконец Гарри вздохнул, поднялся со стула и увидел Оливию.

— О Боже, мисс Дру-Норрис! Я и не знал, что меня кто-то слушает. — Он подошел к ней, смущенно сунув руки в карманы.

— Я была в библиотеке, услышала музыку и... — Оливия пожала плечами, — пошла на звуки.

— Вы любите классическую музыку?

— Да, очень. Особенно в таком замечательном исполнении. Вы прекрасный пианист. — Девушка слегка покраснела. — Где вы учились?

— В детстве со мной занималась мама, а потом я продолжил музыкальное образование в школе. Но... так же, как в случае с вами и

университетом, старый рояль не вписывается в мое будущее. К большому сожалению, — мрачно добавил он.

— Это неправильно, — решительно заявила Оливия. — Я не специалист, но вашу игру можно сравнить с теми записями, которые я слышала в Индии.

— Спасибо, вы очень добры. — Он отвернулся и спросил, глядя в окно: — Хотите со мной погулять? Кажется, сегодня солнце наконец-то пробилось сквозь облака.

— Вообще-то я договорилась пойти гулять с вашей мамой, но я ее еще не видела.

— И вряд ли увидите. Она наверняка лежит в постели с мигренью. Ей часто нездоровится, особенно после таких долгих вечеров, как вчерашний. Может, сходите за пальто, и мы встретимся на террасе через пять минут?

Оливия побежала наверх и надела единственное пальто, которое привезла с собой. Оно гораздо больше подходило для города, чем для прогулок по сельской местности.

Дожидаясь девушку, Гарри курил сигарету, прислонившись к перилам террасы с видом на сад. Оливия робко подошла к нему и встала рядом. Молодой человек показал на одно из деревьев:

— Видите, что там, внизу? Признак жизни: подснежники. — Он кивнул на ступеньки: — Идем?

Они спустились по широкой лестнице в сад.

— Вам нравится наш маленький Версаль? — Гарри обвел рукой красивую, безупречно ухоженную территорию. По краям тянулась изгородь из фигурно стриженных деревьев, а в центре стоял изящный фонтан со статуей мальчика. — Мама хотела создать нечто похожее на ее французскую родину. Она проделала отличную работу. Вы бы видели наш сад в разгар лета, когда распускаются все цветы! Настоящее буйство красок.

— Могу представить! — восторженно выдохнула Оливия, когда они подходили к фонтану.

— Через несколько дней распустится мимоза. Жаль, вы этого не застанете. — Гарри указал на кусты возле террасы. — Она зацветает где-то между январем и мартом и пахнет божественно. Наш садовник сомневался, что ее удастся здесь вырастить: это теплолюбивое

растение предпочитает умеренный климат юга Франции. Но мама победила, и мимоза прижилась.

— Похоже, у нее талант цветовода. Чудесный сад и спланирован идеально! — Оливия огляделась, пытаясь вобрать в себя все подробности, и пошла за Гарри по одной из многочисленных тропинок, проложенных от фонтана.

— По словам вашей мамы, у нее в саду есть нечто такое, что напомнит мне Индию, — заметила Оливия, прервав затянувшееся молчание.

— Думаю, она имела в виду теплицу. Наш садовник, который больше привык ухаживать за турнепсом, чем за экзотическими цветами, провел последние несколько лет, пытаясь прорастить луковицы, которые прислали маме из королевских ботанических садов Кью. Если хотите, мы можем на них взглянуть.

— Конечно, хочу, — с радостью согласилась Оливия.

— До теплицы придется немного пройти, но мы прибавим шагу. Солнце — это хорошо, но погода все же довольно холодная. Значит, сегодня вечером вы с вашими родителями уезжаете домой?

— Нет, сначала мы поедem в Лондон и обсудим с бабушкой мое участие в светском сезоне. Она очень хочет мне помочь, а поскольку мама давно не была в Англии, именно бабушка будет учить меня правилам этикета.

— Может, все сложится не так плохо, как вы думаете, мисс Дру-Норрис...

— Пожалуйста, зовите меня Оливией.

— Оливия, — поправился Гарри. — Пару лет назад я посетил несколько вечеринок с танцами. Было довольно весело.

— Надеюсь, так и будет, хотя, честно говоря, мне совсем не хочется ехать в Лондон. Там ужасно напряженная атмосфера — все ждут, что скоро случится страшное. — Она подняла глаза на своего собеседника, пытаясь оценить его реакцию, и увидела, что он согласно кивает. — Вы читали про безработицу и беспорядки на улицах?

— Конечно, — ответил Гарри. — Мы живем в очень неспокойное время. Если честно, я буду рад, когда обстановка прояснится.

— Как знать? Вдруг мне повезет, и светского сезона не будет вообще, — усмехнулась Оливия. — Ведь во время войны лондонцы не станут устраивать вечеринки, правда?

— Даже не надейтесь! — добродушно воскликнул Гарри, закурил и протянул сигарету девушке. Она отказалась. — Никакие войны не смогут этому помешать.

Они оба улыбнулись, почувствовав полное взаимопонимание.

— Знаете, если война действительно начнется, я не буду расслаиваться в гостиных и гонять чай, — решительно заявила Оливия. — Вступлю в какую-нибудь организацию, потому что хочу помочь своей стране. Не думаю, что папа с мамой сумеют мне помешать.

— Ты смелая девушка, Оливия! А теперь иди сюда.

Гарри открыл деревянную дверь, выкрашенную синей краской и ведущую в огород. Пройдя безупречно ровные грядки с капустой, картошкой и турнепсом, они оказались у входа в теплицу, которая приютилась в углу сада в окружении высокой стены из красного кирпича. Гарри отворил еще одну дверь и вместе со своей спутницей шагнул внутрь помещения.

Резкие цветочные запахи и жара живо напомнили Оливии ее родину. Вдыхая знакомые ароматы, девушка любовалась открывшимся перед ней буйством красок.

— Ох, Гарри! — восхищенно воскликнула она и медленно побрела вдоль длинных грядок с растениями. — Какая божественная красота!

Девушка обернулась к своему спутнику, и Гарри увидел в ее глазах слезы. Она нагнулась к изящному желтому бутону, обхватила его ладонями и понюхала.

— Это плюмерия. Она росла под окном моей спальни в Пуне. Каждый вечер, ложась спать, я наслаждалась ее ароматом. — Она опять зарылась носом в цветы. — Я и представить не могла, что ее можно вырастить в Англии.

Гарри был тронут ее волнением. Только сейчас он понял, как сильно скучает Оливия по теплым краям, изобилующим такими сказочными цветами. Много лет она жила в их окружении и вдруг оказалась в суровых английских условиях.

— Ты можешь взять их с собой, правда, Джек? — Гарри обернулся к садовнику, мужчине средних лет с обветренным морщинистым лицом — свидетелем многолетней работы на открытом воздухе.

— Конечно, мистер Гарри, — с улыбкой ответил садовник. — У меня еще много таких цветов. Я наконец-то научился выращивать плюмерию, а ведь это совсем непросто, — проворчал он. — Вы можете ходить здесь, сколько хотите, мисс. Мне приятно, что кто-то оценил мой труд.

Оливия бродила по теплице, нюхала цветы и гладила их бархатные лепестки.

— Вы проделали отличную работу, Джек, — заметила она. — Эти цветы, как и я, не способны полюбить английский климат.

— Я выращиваю их уже пятнадцать лет и, хоть я ботаник-самоучка, понимаю, что им нравится, а что нет. А мой сын Билл, — Джек показал на высокого симпатичного парня, поливающего цветы в глубине теплицы, — прекрасно чувствует каждое растение. Верно, Билл?

Молодой человек обернулся и кивнул.

— Мне гораздо приятней возиться с цветами, чем с капустой, — заявил он с усмешкой. — Самое интересное, это когда у нас появляется новая луковица и мы еще не знаем, что из нее вырастет.

— Билл — прирожденный цветовод, мистер Гарри. Он будет мне хорошей сменой, — подтвердил Джек, — если его не призовут на войну. Говорят, уже набирают солдат из Территориальной армии. — Джек с тревогой взглянул на своего господина. — Это правда, мистер Гарри?

— Не могу ничего тебе сказать, Джек, — уклончиво ответил Гарри. — Наверное, все мы сейчас находимся в неведении.

Джек обернулся к Оливии:

— Если и впрямь начнется война, я, по крайней мере, уберегу теплицу, мисс. В прошлый раз немецкая пуля разворотила мне ногу, так что меня больше не пошлют на фронт.

— Джек, Билл, вы замечательные работники, — похвалил Гарри. — Молодцы!

— Передайте ее светлости, пусть заглянет в теплицу, когда будет время. Только что зацвела одна из тех новых луковиц, что она мне дала, и я хочу показать ей растение. — Джек дотронулся до своей кепки. — Всего вам доброго, мистер Гарри. И вам, мисс. Наслаждайтесь вашей плюмерией.

— Большое спасибо, вы очень любезны, — сказала Оливия и вместе со своим спутником вышла из теплицы. — Как хорошо, что ты сводил меня сюда, Гарри! — восторженно воскликнула она. — Сразу поднялось настроение.

— Рад, что тебе понравилось, — добродушно ответил Гарри. — Там очень красиво, правда?

Они вновь пересекли огород и молча вернулись к дому. Гарри закурил еще одну сигарету и, сделав несколько затяжек, со вздохом раздавил окурок ногой.

— Знаешь, о чем я подумал? Если действительно начнется война, то ни одна семья нашего поместья не останется в стороне. Вот Билл. В последнее время он ухаживает за Элси, одной из наших горничных.

Оливия улыбнулась:

— Я уже познакомилась с Элси. Умная, хорошая девушка. И жених у нее симпатичный.

— Он перестанет быть симпатичным, если фашистская пуля разнесет ему пол-лица, — проворчал Гарри и обернулся к Оливии, когда они поднялись на террасу. — Прости мой пессимизм, но я невольно спрашиваю себя: что станет с поместьем, когда всех наших молодых работников призовут на войну?

— Вместо них придется работать женщинам, — с усмешкой отозвалась Оливия.

Гарри искренне улыбнулся и отвесил ей полупоклон.

— Вот мы и пришли, миссис Панкхёрст^[7]. Я с удовольствием показал вам наш скромный сад, а теперь пойду поищу ружья, пока никто не заметил моего отсутствия.

— Почему ты не отправился на охоту с остальными мужчинами? — спросила девушка.

— Сказал, что у меня неотложные дела. Но если честно, это отговорка. Я не люблю охотиться. — Он протянул ей руку. — Возможно, мы уже не увидимся до твоего отъезда. До свидания, Оливия. Желаю счастливой поездки в Лондон. Мне было очень приятно с тобой познакомиться.

— Мне тоже, Гарри. — Она пожала ему руку и улыбнулась в ответ.

Глава 12

Леди Варе, бабушка Оливии, и родители девушки договорились, что Оливия приедет в Лондон и будет жить там до окончания светского сезона. Их дом в Суррее находился слишком далеко от столичного блеска, а дебютантке не пристало начинать с глухой провинции. Поэтому, покинув Уортон-Парк, через две недели Оливия прибыла со своими чемоданами в бабушкин дом на Чейни-Уок.

Это жилище хранило на себе печать давно ушедшей эпохи: комнаты были уставлены викторианской мебелью, перегружены тяжелыми парчовыми шторами и узорчатыми обоями. Такая обстановка угнетала Оливию. Хорошо хоть ее поселили на четвертом этаже, в отдельных тесных апартаментах, где, по крайней мере, было довольно светло. По утрам она раздвигала шторы, открывала окна и смотрела на Темзу: речной пейзаж помогал ей справляться с клаустрофобией.

Чтобы стать дебютанткой, надо сначала отметить в Сент-Джеймском дворце. Девушку могли представить ко двору, только если у нее имелась попечительница — дама, прошедшая процедуру представления. На роль такой поручительницы вполне годилась мама Оливии, однако леди Варе вознамерилась сама заняться этим делом. В конце концов, мама Оливии сдалась под ее напором и уехала домой, в Суррей, предоставив собственной матери свободу действий: пожилая дама решительно начала готовить внучку к выходу в свет.

Если не считать бесконечных примерок платьев, Оливии нечем было заняться. У нее оказалось слишком много свободного времени, которое она проводила в мыслях о Гарри Кроуфорде и своем пребывании в Уортон-Парке. Дна дня, проведенных там, казались ей волшебной сказкой. Девушка вспоминала беседы с Гарри и радовалась, что он общался с ней, как с равной по интеллекту. Это не шло ни в какое сравнение с ее теперешней жизнью в Лондоне: здесь она чувствовала себя безмозглой куклой, которую наряжают в красивые одежды. Конечно, как только откроется светский сезон, ее безделью придет конец: она закружится в вихре танцев, ленчей и поздних ужинов, начнет вращаться в высшем обществе и подыскивать себе подходящего жениха.

Оливия понимала, как неуместны все эти великосветские празднества на фоне безработицы, нищеты и тревожных настроений. Колеся по Лондону в старом бабушкином «бентли» с шофером, она видела из окна машины бедняков, живущих на улицах и греющих руки над маленькими костерками, а также мужчин, марширующих перед зданием парламента с плакатными призывами помочь их голодающим детям.

Девушка чувствовала себя изолированной в старом привилегированном мире, оторванном от меняющегося духа времени. Ей хотелось вырваться оттуда и зажечь по-новому. Иногда она прогуливалась по набережной, бросала монеты бездомным, дрожащим под мостами, и ей становилось крайне неудобно в своих теплых богатых одеждах.

Однажды, вернувшись от известного фотографа, который запечатлел ее в белом платье, Оливия услышала стук в дверь. К ней заглянула бабушкина горничная.

— Ее светлость спрашивает, не согласитесь ли вы спуститься в гостиную и попить с ней чаю.

Войдя в комнату, Оливия увидела, что леди Варе сидит перед камином в кожаном кресле с высокой спинкой, напряженно сцепив руки на коленях.

— Пожалуйста, сядь, Оливия. Поскольку твое представление ко двору уже скоро, я хочу поговорить с тобой о людях, с которыми ты можешь встретиться во время светского сезона. В старые времена не было необходимости опасаться кого-то из них, но сейчас... — Леди Варе брезгливо сморщила носик. — К сожалению, стандарты сильно снизились, и в обществе появились... элементы, не подходящие для такой юной дамы, как ты. Прежде всего, это иностранцы. Но не только они. Недавно я разговаривала с женщиной, чья дочь тоже представляется ко двору, и узнала, что среди великосветских дам есть весьма легкомысленные особы. Оливия, — она строго погрозила внучке пальцем, — ты не должна иметь с ними дела.

— Но, бабушка, как же я их узнаю? — Оливия невинно округлила глаза.

— Они красят губы и курят сигареты.

Оливия едва сдержала смех: леди Варе произнесла эти слова с таким страшным лицом, будто хотела предупредить, что эти девушки

носят в своих вечерних сумочках кинжалы.

— Я буду начеку, бабушка, обещаю. Надеюсь, ты сможешь мной гордиться.

— Я уверена в этом, Оливия. — Леди Варе грациозно кивнула. — А сейчас прошу извинить, у меня неотложные дела.

В ту ночь, укладываясь спать, Оливия мечтала, чтобы следующие три месяца пролетели как можно скорее, и она наконец-то смогла спокойно жить дальше.

Вечер презентации прошел довольно гладко и оказался гораздо приятнее, чем ожидала Оливия. Когда она ехала по улице Мэлл к Букингемскому дворцу, по обеим сторонам дороги стояли толпы зевак, сотни людей окружали дворцовые ворота. Люди посылали ей воздушные поцелуи, просили шофера включить освещение в салоне машины, чтобы рассмотреть ее платье, и сопровождали Оливию приветственными возгласами. К удивлению девушки, они вели себя одобрительно и не выказывали зависти к ее привилегированному положению.

Ее машина проследовала по длинной аллее, ведущей во внутренний двор Букингемского дворца. Поднимаясь по парадной лестнице и минуя королевских слуг в напудренных париках, Оливия больше всего боялась испачкать белое платье и лайковые перчатки. Хоть она и не считала эту презентацию самым важным событием в своей жизни, ее охватило легкое волнение в вестибюле во время ожидания, когда ее представят королю и королеве.

— Какая тягомотина! — фыркнула красивая девушка с черными, как смоль волосами, стоящая сзади нее. Она была худой как щепка, а на ее губах красовалась помада, которую так ненавидела бабушка Оливии. — У тебя какой номер?

— Шестнадцатый.

— Значит, я пойду сразу за тобой. Скучища, правда? — лениво протянула семнадцатая. — Прошлый век!

Оливия хотела согласиться, но в ближайшие две минуты ей предстояло войти в тронный зал, поэтому она не стала отвечать девушке и попыталась сосредоточиться на церемонии.

Когда действие завершилось, публика заметно расслабилась. Презентация Оливии прошла без сучка без задоринки. Она не запуталась в юбках, не упала к ногам королевской четы и не

споткнулась, пока шла по залу. Девушки болтали и с аппетитом уплетали вкусные яства. Похоже, все они знали друг друга, а Оливия смущенно стояла в стороне, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Выше нос! Все скоро закончится, — прошептали ей на ухо. — Мы с тобой уже встречались. Я Венеция Барроуз. А тебя как зовут?

Это была девушка под номером семнадцать.

— Оливия Дру-Норрис, — ответила она.

— О Боже, умираю — хочу курить! — пробормотала Венеция. — Как думаешь, когда нас отпустят? — Венеция откинула назад свои длинные черные волосы, не убранные в пышную прическу, как у Оливии и большинства других девушек.

— Понятия не имею. Я даже не знаю, который час: чтобы посмотреть на часы, нужно снять лайковые перчатки, а это такая морока! — пожаловалась Оливия.

— Ты права. — Венеция оглядела комнату. — Мы все похожи на невест графа Дракулы, правда?

Оливия хихикнула. Она знала, что Венеция относится к числу тех самых «легкомысленных» особ, о которых предупреждала бабушка, однако это и создавало интригу.

— Черт побери, я все-таки закурю! — Венеция достала из вечерней сумочки сигарету. — Ну вот, так-то лучше! — Она демонстративно выпустила дым изо рта.

Оливия с испугом заметила, как рядом стоящие девушки начали оборачиваться. Венеция картинно пожала плечами:

— А что со мной сделают? Арестуют и бросят в Тауэр? Да сам король смолит, как простой солдат! Хочешь сигаретку? — Она протянула Оливии пачку.

— Нет-нет, спасибо.

— Что, не одобряешь? Или просто не куришь? Слушай, — протянула Венеция, — я что-то не видела тебя ни на одной чайной вечеринке с танцами и ни на одном званом обеде из тех, что проходят перед светским сезоном. Ты откуда приехала?

— Из Индии, — отозвалась Оливия.

— Ну да? Как экзотично! — Она окинула Оливию оценивающим взглядом. — А ты прехорошенькая! В этом сезоне поймаешь свою «золотую рыбку», если, конечно, захочешь. Я считаю, ты в пятерке лучших невест.

— Не могу сказать, что мне этого хочется, — откровенно призналась Оливия.

— Вот как? Тогда что ты здесь делаешь? — Венеция посмотрела на нее с уважением.

— Наверное, то же, что и ты. Мы берем пример с наших матерей — поддерживаем традицию.

— Точно, — одобрительно закивала Венеция. — Но в отличие от моей мамы, скованной железными правилами, я собираюсь всласть позабавиться. Я, как и ты, не горю желанием поскорей выскочить замуж. Мой девиз: делай то, что положено, и получай от этого как можно больше удовольствия! Ты согласна?

К ним подошла красивая черноволосая девушка с блестящими глазами. На ней было платье, явно сшитое парижским кутюрье, а не частными английскими портными, услугами которых воспользовались большинство здешних дебютанток.

— Привет, дорогая! — Девушка заключила Венецию в объятия. — Жутко хочется курить. Пожалуйста, дай затянуться.

— Конечно, Кик, держи. Можешь докурить мою сигарету.

Красавица американка усмехнулась:

— Вот спасибо! Слушай, ты едешь в «Ритц»? Туда собирается целая компания. Отправляемся через двадцать минут. Папа сказал, присоединится к нам позже.

— Пока не знаю, Кик, — небрежно отозвалась Венеция. — Хочу посмотреть, что еще здесь будет.

— Ладно, милая, увидимся на следующем мероприятии. — Кик выгнула бровь дугой, повернулась и бегло оглядела Оливию. — Кто это? — спросила она таким царственным тоном, каким не говорили даже король с королевой на недавней церемонии представления.

— Оливия Дру-Норрис. Мне кажется, — заговорщицки прошептала Венеция, — она вольется в нашу компанию.

— Отлично! — бросила американка, говорящая типично английскими фразами. — До встречи, Оливия. — Она быстро пошла к выходу.

Венеция проводила Кик глазами. Остальные тоже смотрели ей вслед.

— Ты, конечно, знаешь, кто это? — спросила Венеция у Оливии.

— Да, видела ее фото в газетах, — кивнула Оливия. — Это Кэтлин Кеннеди.

— И некоронованная королева сезона, милая. Ее все любят.

— Это понятно, — вздохнула Оливия. — Она потрясающе красива.

— И современна. Она — как глоток свежего воздуха. Если ты ей приглянешься, — Венеция сжала руку Оливии, — Кэтлин обеспечит тебе увлекательный сезон. Знаешь, ты обязательно должна познакомиться с моей матушкой. Думаю, она тебе понравится. Придешь на танцевальный вечер Типа Чандлера, который состоится завтра и «Савое»?

— Да, приду, — ответила Оливия.

— Там должно быть весело. Будет играть Джеральдо со своим чудесным оркестром. Тогда и продумаем наши планы. — Венеция подмигнула Оливии и увидела, как еще одна девушка, стоящая в другом конце комнаты, машет ей рукой. — Ну, побегу, милая. Надо обойти всех знакомых. До завтра!

В тот вечер, приехав домой, Оливия впервые почувствовала легкое предвкушение при мысли о предстоящем сезоне.

Глава 13

Проснувшись, Элси с радостью увидела майское солнце, которое пробивалось в комнату сквозь тонкие ситцевые занавески. Жуткая зима с морскими туманами и ледяными ветрами наконец-то осталась позади. В последнее время Элси чувствовала себя немного подавленной от того, что ей пришлось опять стать горничной первого этажа. В Уортон-Парке не устраивали вечеринок, и ей некому было прислуживать. Заработок снизился, и она приносила в семью меньше денег.

В доме было тихо: его светлость часто пропадал в Лондоне на военных совещаниях, а госпожа всю зиму серьезно болела. Когда она слегла с гриппом, вся прислуга беспокоилась за ее жизнь. Графиня была хрупким цветком, и когда ей нездоровилось, домашние сильно переживали.

Элси резво вскочила с постели (ее младшая сестра, с которой они спали в одной кровати, недовольно застонала) и раздвинула шторы. Сестренка издала еще один стон, перевернулась на другой бок и накрыла голову подушкой.

Элси посмотрела на солнце и поняла, что сейчас всего лишь начало шестого. До начала работы еще целый час, и можно приготовить нарядную одежду. Сегодня работать полдня, а потом Билл поведет ее в кино. Они хотели посмотреть «До свидания, мистер Чипс» с Робертом Донатом и договорились встретиться в половине второго в квадратном дворике. Билл сказал, что у него есть для нее сюрприз.

«Может, подарит мне кольцо?» — с замиранием сердца думала Элси.

Ей только что исполнилось восемнадцать. Билл уже больше года за ней ухаживал, пора и под венец. Тем более что он недавно вступил в Территориальную армию и два раза в неделю ездил в Дарем на ночные учения (правда, его оружием были швабры и лопаты). Что, если его призовут в армию и пошлют за границу воевать? Элси потеряла двух своих дядюшек в битве на реке Сомме и не хотела, чтобы война отобрала у нее любимого.

Если бы все зависело только от нее, она, не мешкая, вышла бы за него замуж. А пока Элси не разрешала Биллу заходить слишком далеко, когда они целовались и обнимались в лесу. Билл знал, что ему придется подождать до свадьбы, ведь Элси порядочная девушка.

Она уже положила глаз на уютный коттедж садовника, который Билл унаследует от родителей через несколько лет. Коттедж стоял за пределами квадратного двора, в отдельном садике, и был вдвое больше дома, где жила семья Элси из восьми человек.

Она знала, что мама с удовольствием от нее избавится: Элси до сих пор давала родителям деньги, но Билл зарабатывал в два раза больше. Ее светлость явно благоволила молодому талантливому садовнику, который радовал ее красивыми цветами. Каждый раз, приходя в теплицу и глядя на новые выпестованные Биллом растения, госпожа давала ему шиллинг-другой. С годами у него накопилась немалая сумма, которую он хранил в тайнике под половицами спальни. Элси знала об этом и не сомневалась, что они смогут позволить себе достойное празднество в сельском клубе. Ей хотелось сыграть такую свадьбу, какой еще не видывали местные крестьяне.

Элси встряхнулась: хватит терять драгоценное время в мечтаниях! Она выдвинула ящик комода и выложила оттуда шляпку, юбку и блузку. Эту юбку Элси сшила сама из темно-синей скатерти, которую выбросила экономка миссис Кумб, и сшила по моде: короткий подол едва прикрывал колени, пояс плотно облегал талию, а по бедрам шли мелкие складочки. Элси осталась очень довольна своей работой и надеялась, что ее наряд подтолкнет Билла к «правильным» действиям.

Надев костюм горничной, девушка сбежала с лестницы и пожелала доброго утра маме, которая помешивала кашу на плите.

— Хочешь есть? — спросила мама.

Элси покачала головой:

— Я приду на ленч. Только не забудь, потом меня не будет до позднего вечера. — Не дожидаясь, когда мама попросит ее приглядеть за малышами или даст какое-то другое поручение, девушка открыла дверь. — Пока, мам! — Она весело помахала рукой и исчезла из дома.

Проходя по саду, Элси взглянула на теплицу: «Интересно, пришел уже Билл?» Ей нравилось незаметно наблюдать за его работой. Она часто смотрела из окна, как он сосредоточенно склоняется над

растением, и не верила в свою удачу: какого красивого и умного жениха подарила ей судьба!

Родители порой обвиняли Элси: мол, она хочет прыгнуть выше головы.

«Что такого? При чем здесь это? Мы с Биллом молодые, здоровые и работающие, так зачем упускать то, что само идет в руки? Конечно, нам повезло — есть крыша над головой и стабильный доход».

Элси видела в кинохронике, как много горожан голодают на улицах, и радовалась, что у них с Биллом и у их будущих детей есть безопасное убежище — Уортон-Парк. К тому же она боготворила ее светлость, как и остальные слуги.

Элси знала: хозяйка отличается от большинства богатых помещиц. Многие горничные, приходя в гости к Элси, признавались, что их хозяйки держат прислугу в страхе. Леди Кроуфорд относилась к своим работникам с добротой и пониманием, и те редко ее подводили. Она раздавала указания тихим ласковым голосом, и слугам казалось, что они оказывают ей любезность. Если все же случались промахи, госпожа вскидывала бровь или недовольно поджимала губы — этого было достаточно, чтобы провинившийся несколько дней ходил как в воду опущенный.

Ее светлость искренне заботилась о слугах. Элси помнила один случай. Будучи еще маленькой, она сидела за столом в большой кухне и с трудом выводила в тетрадке буквы, а мама пекла разные вкусности к ежегодному празднику садоводов, который отмечался в Уортон-Парке. Госпожа вошла в кухню, внимательно осмотрела противни с пшеничными лепешками и бисквитами, потом увидела сидящую за столом Элси и подошла к ней.

— Тебя зовут Элси, n'est-ce pas?

Элси не поняла это странное выражение, иногда произносимое хозяйкой, но все равно кивнула:

— Да, ваша светлость.

— А что ты делаешь? — Она взглянула на корявые слова в тетради.

— Переписываю текст, ваша светлость, но я не понимаю некоторые слова, — честно сказала Элси.

— А, английский язык, он такой сложный. Дай-ка посмотреть... — Она села рядом с девочкой и минут двадцать помогала ей делать

домашнее задание.

Если верить слухам, ее светлость хотела еще детей, но не могла их иметь по причине слабого здоровья. Родив Гарри, она начала хворать и больше детей не заводила. Элси мечтала о выводке здоровых ребятишек, который она произведет на свет вместе с Биллом. По ее понятиям, смысл жизни заключался в большой семье.

Вот и Уортон-Парк! Помещичий дом возвышался прямо перед ней, его многочисленные окна блестели в лучах утреннего солнца. Элси любила это жилище, от его крепких стен веяло надежностью и безопасностью. Как бы ни менялось все вокруг, Большой дом неизменно стоял на протяжении почти трех столетий и наверняка простоит еще столько же — девушка в этом не сомневалась.

Обогнув здание, Элси вошла через служебный вход, сменила сапоги на домашние тапочки и отправилась на кухню.

— Вы сегодня рано, мисс, — заметила миссис Кумб, которая сидела за столом и изучала меню. — Чайник уже кипит. Сядьте попейте чайку, а потом пойдете в столовую полировать серебро. Ее светлость ждет вас в десять. Думаю, она хочет обсудить большой танцевальный вечер, который устраивается в следующем месяце для мисс Пенелопы, племянницы ее светлости.

Сердце Элси взволнованно забилося.

— Танцы? — спросила она. — Я ничего об этом не слышала.

— А откуда вы могли об этом слышать, мисс? — резко отозвалась миссис Кумб. — Или ее светлость спрашивает у вас разрешения, прежде чем планировать какие-то мероприятия?

Элси понимала, что экономка просто подшучивает над ней. Она старательно выполняла свою работу, и у миссис Кумб не было оснований жаловаться. К тому же их связывали родственные отношения: экономка была троюродной сестрой мамы Элси.

— Намечается большое празднество, миссис Кумб? — живо поинтересовалась Элси. — Сколько будет гостей?

— Это первый выход в свет для мисс Пенелопы, так что ее светлость наверняка размахнется по полной, тем более что у нее самой нет дочери, которую можно представить высшему обществу. Подробности узнаю позже, но, помани мое слово, юная мисс, июнь в Уортон-Парке будет жарким. Лично меня это радует. — Миссис Кумб

восхищенно вздохнула. — Праздники и веселье пойдут нашему поместью на пользу.

— Хотите сказать, другие дебютантки приедут сюда из Лондона, чтобы принять участие в танцах? — спросила Элси.

Миссис Кумб кивнула:

— Они останутся в разных домах графства, но и у нас здесь будет куча народу.

Глаза девушки заблестели. Она восторженно хлопнула ладони.

— Ох, миссис Кумб, вы только представьте: в доме соберутся молодые красавицы! Когда в прошлом месяце Билл водил меня в кино, я видела в хронике, как их представляли во дворце.

— Ладно, хватит мечтать, юная мисс. Пора приступать к работе. Вы не стали пить чай — что ж, ваше право. Поднимайтесь-ка в столовую и принимайтесь за серебряные ложки. Да не забудьте: ровно в десять ее светлость будет ждать вас в библиотеке. И прежде чем туда идти, убедитесь в собственной чистоте и опрятности.

— Слушаюсь, миссис Кумб, — послушно откликнулась Элси.

В десять часов Элси подошла к двери библиотеки, постучалась и услышала:

— Entrez!^[8]

Девушка вошла. Адриана указала на стоящее перед ней кресло:

— Пожалуйста, сядь, Элси. — Она улыбнулась. — Миссис Кумб сказала, что ты талантливый парикмахер.

Элси покраснела.

— Нет, ваша светлость, не совсем так. Мне нравятся современные прически, и я с удовольствием их копирую — только и всего.

— C'est parfait!^[9] — Она хлопнула ладони. — Ты, конечно, слышала про танцевальный вечер, который мы устраиваем в следующем месяце для моей племянницы?

— Да, ваша светлость.

— Сюда приедет много молодых дам, изысканных девушек, которые привыкли получать в Лондоне все самое лучшее. Парикмахеры и прочая обслуга приходят к ним на дом. Кто-то захватит собственных горничных, а кто-то приедет один. Ты хотела бы в вечер танцев поработать над их прическами?

— Ох, ваша светлость! — взволнованно воскликнула Элси. — Как вы сказали, они привыкли к самому лучшему, а я всего лишь

любитель. Но я буду стараться изо всех сил.

— Voila! Значит, договорились. Я сообщу, что у нас работает молодая дама, которая может причесать дебютанток перед танцами.

— Да, ваша светлость, спасибо. Сделаю все возможное, чтобы вас не подвести.

— Знаю, Элси, — с улыбкой отозвалась Адриана, затем медленно встала и подошла к окну. Горничная услышала ее тяжкий вздох. — Я хочу устроить настоящий праздник. — Она вновь обернулась к Элси. — Если начнется война, этот дом не скоро увидит новую вечеринку. — Она кивнула своей горничной. — Ну, все, можешь идти.

— Спасибо, ваша светлость.

Адриана посмотрела ей вслед. Она искренне симпатизировала этой хорошей девушке, одобряя ее отношения с Биллом, сыном садовника. Интересно, знает ли эта чудесная юная пара, насколько страшны грозовые тучи, сгущающиеся у них над головами? Кристофер сказал, ждать осталось недолго. Мощь и поддержка Гитлера растут с каждым днем. Хрупкий мир вот-вот будет нарушен, и тогда...

В прошлую мировую войну Адриана потеряла брата. Муж, по счастью, остался жив. Теперь она боялась за сына. Мысль о том, что его могут убить, была невыносима. Она знала по горькому опыту, что звания и привилегии не играют роли на поле сражений. Это лотерея: кому-то суждено выжить, а кому-то — умереть. Рано или поздно ее мальчика и сына садовника, Билла, отправят на войну. И один Бог знает, вернутся ли они обратно.

С этим ничего не поделаешь.

Британцы не привыкли демонстрировать свои чувства. Адриана же, как ни старалась, не смогла до конца овладеть этой техникой. Во Франции ее учили, что эмоции не следует таить в себе. Однако в такие минуты, как сейчас, легче отдалиться от собственных переживаний. Ее захлестывало желание во что бы то ни стало защитить сына. Она знала, что Гарри не родился солдатом, но вынужден вести жизнь, не отвечающую его характеру и способностям. А теперь ему грозила смерть.

Адриана внутренне встряхнулась, пытаясь выбросить из головы мрачные мысли.

«Гарри не должен видеть мой страх. Надо направить свою энергию на подготовку к вечеринке: племянница впервые выходит в

свет, и я сделаю так, чтобы эти танцы стали заметным событием нынешнего сезона».

Адриана решила прогуляться по парку к теплице, обсудить с Джеком и Биллом многочисленные цветочные композиции, которые станут украшением праздника.

Глава 14

Вернувшись в Лондон, Оливия увидела приглашение на танцевальный вечер Пенелопы Кроуфорд, но обрадовалась не так сильно, как могла бы несколько недель назад. Сначала она без конца думала о Гарри Кроуфорде, но в последнее время, когда сезон набрал полные обороты, ее унесло на волне светской суеты.

Направляясь в столовую, чтобы позавтракать вместе с бабушкой, Оливия сжимала в руке приглашение в Уортон-Парк. Леди Варе уже поела и, по своему обыкновению, завершала утреннюю трапезу чашкой кофе, заодно читая «Телеграф». Тюрбан скрывал ее неприбранные волосы.

Пожилая дама недовольно взглянула на вошедшую внучку.

— Послушай, Оливия, я, конечно, понимаю, что у тебя много дел, но это неприлично — опаздывать к столу. Когда мне было столько лет, сколько сейчас тебе, я не позволяла себе подобные вольности и ходила голодной до самого ленча.

— Прости меня, бабушка. — Оливия потупилась, наблюдая, как горничная выставляет перед ней немного подсохшую яичницу с беконом. — Вчера вечером я была на танцевальном вечере у Хендерсона. Ближе к ночи мы отужинали в «Куаглино». — Девушка глянула на еду и пожалела, что недавно пила джин с итальянским вермутом. В висках отчаянно стучали маленькие молоточки, и она отвернулась от холодного бекона.

— Я слышала, как ты пришла. Было три часа ночи, — строго заметила леди Варе. — Надеюсь, Оливия, ты помнишь о том, что я говорила тебе в начале сезона, и не водишься с плохой компанией?

— Нет-нет, бабушка, — солгала Оливия. — Я уверена, ты одобрила бы круг людей, с которыми я вчера проводила вечер. Там был Джон Кавендиш, маркиз Харлингтон, со своим младшим братом Эндрю.

Оливия знала, что это произведет впечатление на бабушку, поскольку Джон Кавендиш был наследником девонширского поместья, куда входил Чатсуорт-Хаус. Впрочем, она умолчала о том, как шумно они вели себя в ресторане и как метрдотель попросил их уйти.

Хихикая, точно нашкодившие школьники, они покинули заведение и продолжили веселье в чьем-то доме в Мейфэре.

— Кто-нибудь из молодых красавцев оказывал тебе повышенные знаки внимания? — заинтересовалась леди Варе.

По правде говоря, в светском обществе было много так называемых приличных женихов, и все они хотели потанцевать с Оливией, пригласить на званый обед или в ночной клуб. Однако, как говорила бабушка, времена изменились. В недавно обретенной компании было немало молодых людей, но Оливия видела в них друзей, а не потенциальных кандидатов в мужья. Над страной нависла угроза войны, и джентльмены понимали, что их привычная жизнь скоро закончится. Прежде чем отправиться на кровавую бойню, они проживали каждый день как последний.

Оливия не могла рассказать все это бабушке.

— Да, кажется, мной заинтересовалась парочка молодых людей. — Оливия взмахом руки отказалась от еды. Горничная убрала яичницу и принесла столь желанную чашку кофе.

— И кто же они, позволь узнать?

Девушка беспечно пожала плечами.

— Ангус Макджордж — очень забавный малый, он владеет половиной Шотландии. И Ричард Ингейтстоун, его отец — большая шишка в военно-морском флоте, и...

— Что ж, — перебила леди Варе, — будет неплохо, Оливия, если ты приведешь одного из этих юношей к нам на чай. Я хочу с ними познакомиться.

— Ладно, я спрошу у них, бабушка, но сейчас все ужасно заняты: увеселительные мероприятия расписаны на несколько недель вперед. — Она показала приглашение. — В следующем месяце в Уортон-Парке состоится танцевальный вечер для Пенелопы Кроуфорд. Мне предлагают остаться в их доме с ночевкой.

— Лично мне сельские танцы всегда казались скучищей. Ты уверена, дорогая Оливия, что тебе стоит туда идти? В конце концов, Пенелопа Кроуфорд по такому случаю всего лишь одалживает дом у своего дядюшки, — заметила леди Варе. — Ее семья совсем обнищала. Чарльз, отец Пенелопы, был убит во время мировой войны. Сомневаюсь, что там соберется хорошая компания.

Оливия отпила кофе.

— Вообще-то, бабушка, сразу после Рождества я ездила в Уортон-Парк вместе с мамой и папой. И мне там очень понравилось. Можно, я приму это приглашение?

— При условии, что вечеринка не накладывается ни на какие городские сборища и ты дашь мне просмотреть список гостей, пожалуйста, можешь ехать. — Леди Варе встала из-за стола, взяла свою тросточку и спросила: — Ты придешь на ленч?

— Нет, у меня встреча в Беркли. А потом надо зайти к портнихе за платьем, которое я порвала на прошлой неделе. Она обещала починить его, и мне бы хотелось надеть его вечером.

Пожилая дама удовлетворенно кивнула.

— Тогда увидимся за завтраком завтра утром, — бросила она, выходя из столовой. — И пожалуйста, не опаздывай!

— Хорошо, бабушка, — крикнула Оливия вдогонку, а потом облегченно опустила голову и помассировала виски, пытаясь унять головную боль.

Сначала девушку огорчало, что мама не могла опекать ее во время светского сезона, а бабушка в силу старости и немощи не годилась на роль компаньонки. Однако теперь эти обстоятельства безмерно радовали Оливию. Ей была предоставлена полная свобода: она делала, что хотела, и общалась с кем хотела. Леди Варе наверняка осудила бы ее нынешний круг знакомств, но Оливия с удовольствием предавалась веселью.

Венеция взяла ее под свое крылышко. Девушки крепко сдружились, и Венеция познакомила Оливию с наиболее интересными представителями света. Несмотря на репутацию «легкомысленных», эти барышни и молодые мужчины были культурными, образованными и политически подкованными. Большинство из них, как и Оливия, вращались в высшем обществе по необходимости. Но вместо того чтобы обсуждать во время застолий собственные туалеты, девушки часто размышляли о своем будущем. Причем далеко не все стремились поскорее выскочить замуж и нарожать детей. Многие мечтали поступить в университет, а если начнется война — принять в ней активное участие.

В Лондоне любимым местом Оливии стал городской дом Венеции на Честер-сквер. Там собирались необычные люди, богема с интеллигенцией, к которой принадлежали родители Венеции.

Фердинанд Барроуз, отец Венеции, был известным художником-авангардистом, которого мать Венеции, Кристина, вышедшая из знатнейшей семьи, полюбила и взяла н мужа, несмотря на родительский гнев. Оливии хотелось, чтобы ее мама была такой же смелой и независимой, как Кристина Барроуз. Эта дама ходила с черными, как смоль волосами до пояса (правда, Оливия почти не сомневалась, что они крашеные), ярко чернила глаза и курила сигареты через нефритовый мундштук.

По словам Венеции, когда ее мать сказала родителям, что собирается замуж за нищего молодого художника, те наотрез отказались благословить их союз. Кристина сбежала в Лондон, где несколько лет жила с Фердинандом практически впроголодь до тех пор, пока картины ее мужа не начали продаваться. Городской дом на Честер-сквер достался ей от двоюродной бабушки — единственного члена семьи, который сочувствовал ее бедственному положению. Так у молодой пары появилась хотя бы крыша над головой. Однако денег на обстановку не было, пришлось довольствоваться ветхими шторами и подержанной мебелью из благотворительного магазина. Из-за отсутствия прислуги это жилище нуждалось в генеральной уборке и тщательной дезинфекции.

— Сейчас папа жутко богат. Его картины покупают за сотни фунтов стерлингов, и они могли бы купить все, что им пожелается, — рассказывала Венеция. — Но этот дом нравится им таким, какой он есть. И мне тоже! — с вызовом добавила она.

Венеция принимала участие в светском сезоне, чтобы позлить мамину родню, которая пришла в ужас при мысли о том, что дочь простого художника может быть представлена ко двору.

— Я тоже прошла церемонию представления, и теперь им меня не остановить, — со смехом заявила Кристина, мать Венеции, девушкам однажды за бокалом мартини перед тем, как отправиться вместе с ними на танцы. — Моя сестра Летти в шоке: разумеется, ее дочь, уродка Дебора, тоже выходит в свет в этом сезоне. Никогда не забуду выражение лица Летти, когда она увидела меня на балу у королевы Шарлотты. Я думала, бедняжка хлопнется в обморок! — Захихикав, Кристина ласково взъерошила волосы Венеции. — К тому же моя дочь — красавица, а ее — прыщавая, толстая и совершенно безмозглая курица.

Оливии часто казалось, что Венеция ведет себя как мать, а не как дочь Кристины. Возможно, она стала не по годам мудрой и практичной из-за необычного происхождения. В ней интригующе уживались божественный взгляд на жизнь и здравый смысл. Оливия обожала свою новую подругу.

Время от времени Венеция сыпала именами таких знаменитостей, как Вирджиния Вульф, которая вместе со своей любовницей Сэквил-Уэст часто заходила к ним на чай, когда Венеция была маленькой. Оливию восхищали члены Блумзберийской группы и преданность, с какой Барроузы относились к ее идеалам. Несмотря на то, что сейчас группа практически распалась, в доме на Честер-сквер по-прежнему придерживались радикальных мыслей, а Венеция была страстной поборницей прав женщин и равенства полов. Она уже решила, что не станет брать фамилию мужа, когда (и если) выйдет замуж.

Оливия с удовольствием принимала участие в светских мероприятиях: веселые вечеринки в компании новых друзей-единомышленников расцветили ее жизнь яркими красками. Пытливый ум девушки каждый день получал богатую пищу, и теперь она со страхом ждала окончания сезона, понимая, что скоро придется задуматься о будущем.

Она не собиралась возвращаться в Суррей к родителям и тупо ждать, когда к ней посватается подходящий мужчина. Ей исполнится двадцать один, и Оливия начнет получать маленький доход, но в ближайшие два с половиной года никак не избежать финансовой зависимости от родителей. Впрочем, если найти работу...

Оливия встала из-за обеденного стола и поднялась наверх, в свои комнаты, чтобы одеться и ехать на ленч к Венеции.

Отец Венеции, Фердинанд Барроуз, только вчера вернулся домой из Германии, где делал эскизы, отражающие рост мощи Третьего рейха: он хотел завершить серию картин. Оливия много слышала об этом человеке от его любящей дочери и мечтала с ним познакомиться. Возможно, ей повезет и она из первых уст услышит об угрозе нацизма. Приколов шляпку и надев перчатки, девушка взяла сумочку и отправилась на Честер-сквер.

Венеция вышла ее поприветствовать, озабоченно хмурясь, с бледным лицом.

— Что произошло? — встревожилась Оливия, шагая за подругой через холл в кухню, где летом семья принимала гостей: оттуда можно было выйти в симпатичный огороженный сад за домом.

— Будешь джин? — спросила Венеция.

Оливия взглянула на свои наручные часы: только половина двенадцатого! Она покачала головой:

— Нет, спасибо, милая. После вчерашнего что-то не хочется.

— Я бы тоже не стала, но вчера вечером приехал папа, страшно расстроенный. — Венеция щедро плеснула джина себе в рюмку и сделала большой глоток. — Он разговаривал в основном с мамой, но я поняла, что местные газеты слишком бледно освещают те страшные события, которые происходят в Германии. — Глаза девушки налились слезами. — Папа своими глазами видел, как совсем рядом с Мюнхеном группа нацистских молодчиков подожгла синагогу. Ох, Оливия, похоже, герр Гитлер хочет стереть евреев с лица земли!

— Этого не может быть! — Оливия подошла к подруге и обняла ее.

— Еще как может! — Венеция зарыдала у нее на плече. — Мама сейчас наверху, с ним. Он выглядит... совершенно подавленным. Мы даже не представляли, какая опасность ему грозила.

— Успокойся, милая. Он уже дома, целый и невредимый.

— Слава Богу. — Венеция смахнула слезы. — Он сказал, что никогда не сможет нарисовать то, что видел. Там столько жестокости, столько ненависти! Ты знаешь, что арийцам запрещено заниматься любовью с евреями, не говоря уже о законном браке? Что за последние полтора года тысячи синагог сгорели дотла? Евреи не имеют права держать в своих домах радиоприемники, а их дети не могут посещать школы, в которых учатся арийские дети.

Оливия слушала, онемев от потрясения.

— Но почему же мир ничего об этом не знает? — наконец спросила она.

Венеция покачала головой:

— Не имею понятия, и папа тоже. Он сказал, что поставит в известность своих влиятельных друзей-политиков. — Она схватила Оливию за руку. — Ох, милая, мы все время пытаемся забыть о грядущей войне, но она будет, и никуда от этого не деться! И кто знает, чем все закончится?

Глава 15

Проснувшись, Гарри Кроуфорд с удовольствием удостоверился, что он дома. В отличие от многих своих коллег-офицеров, которые понятия не имели о том, куда их отбросит судьба через несколько месяцев, Гарри, по крайней мере, прекрасно осознавал свое ближайшее будущее. Ему предстояло возглавить обучение группы местных новобранцев, зачисленных в Пятый королевский норфолкский полк, и, значит, хотя бы в ближайшие недели, в самую летнюю благодать, он сможет жить в собственном доме и спать в собственной постели.

Офицеры, которых отправляли в иные, отнюдь не такие приятные места, с завистью спрашивали, не шепнул ли его папочка кому следует, но Гарри в этом сомневался. Вряд ли сейчас, когда Германия в любой момент могла напасть на Чехословакию, его отец стал бы думать о комфорте взрослого сына.

Гарри раскрыл окно и с наслаждением вдохнул свежий сладкий аромат жасмина, высаженного Адрианой вдоль террасы.

«Как же здесь тихо! Жаль, что танцы для кухни Пенелопы устраивают именно сегодня, в мой первый день дома, и уже вечером придется обхаживать целый табун девушек с лошадиными лицами...» Впрочем, старый дом возвращался к жизни, и это радовало Гарри. И потом он знал, как много это событие значит для мамы.

Когда Гарри спустился на первый этаж, там вовсю кипела работа. Из деревни вызвали дополнительную прислугу, которая помогала готовиться к вечеринке. Через холл на тележках возили мебель, а в танцевальном зале устанавливали стулья и столы, чтобы разместить полторы сотни трапезничающих. После обеда гостей уведут в гостиную или, если вечер будет теплым, на террасу, из танцзала унесут столы и стулья, поставят там оркестр, и начнутся танцы.

Пробираясь сквозь деловито снующую толпу, Гарри шел к танцзалу, радуясь, что непредсказуемая английская погода словно услышала мамины мольбы: похоже, во второй половине дня будет тепло и сухо. Джек и его сын Билл везли на террасу тачки, доверху нагруженные пестрыми цветами.

— Вам помочь, парни? — спросил Гарри.

— Спасибо, мистер Гарри, управимся сами. Я знаю, сэр, вы только вчера приехали домой, так что отдохайте, — улыбнулся Джек, снимая шляпу в знак приветствия.

Не послушав, Гарри принялся сгружать цветы на террасу.

— Я слышал, Билл, тебя записали в Пятый норфолкский полк?

— Да, это так, мистер Гарри.

— Значит, нам с тобой предстоит познакомиться поближе. Мне поручено привести вас всех в боевую готовность. Встретимся в понедельник на тренировочном плацдарме Дрилл-Холла. Мне будет приятно увидеть знакомое лицо, а ты познакомишь меня с остальными.

— Мы все будем рады служить под вашим началом, сэр. — Билл широко улыбнулся.

Джек развернул свою тачку.

— Билл, иди-ка скажи ее светлости, что мы привезли растения, а я пойду заберу то, что осталось. Она наверняка захочет сама расставить их на террасе. Ты же знаешь, как трепетно ее светлость относится к своим цветочкам. — Джек подмигнул Гарри. — Спасибо за помощь, сэр. До скорой встречи!

Оливия и Венеция выехали из Лондона в десять часов утра. Венеция одолжила у родителей «форд», заверив Оливию, что она опытный водитель. Впрочем, девушка явно лукавила. За последние пять часов Оливия чуть не поседела от страха: Венеция то выскакивала на встречную поносу, то судорожно заводила заглохший мотор, то включила не ту передачу. Они чудом избежали аварии.

Если Венеция была никудышным шофером, то Оливия оказалась таким же никудышным штурманом. Она путалась в карте, и они много раз сворачивали не в ту сторону, из-за чего Венеция совершала лишние опасные маневры. Подруги планировали добраться до места за четыре с половиной часа, но близилось время дневного чаепития, а до Уортон-Парка оставался, по меньшей мере, час езды.

Хорошо хоть сельский пейзаж стал гораздо симпатичнее, и Оливия не сомневалась, что они на верном пути.

— Ты уверена, что мы не скатимся с острова напрямик в Северное море? — спросила Венеция. — Как долго мы едем! Умираю от голода! Папа говорит, у него аллергия на свежий воздух. Мне

кажется, он ни разу не уезжал из города с того дня, как я родилась. Пожалуй, мне следует брать с него пример, — ворчливо добавила она.

Оливия промолчала. Она знала, что, увидев Уортон-Парк, подруга перестанет злиться и поймет, что их поездка была не напрасной.

Полтора часа спустя они свернули на подъездную аллею, ведущую к дому. Низкое солнце озаряло парк мягким светом.

Венеция продолжала жаловаться на свой пустой желудок, затекшую спину и ноги, уставшие без конца менять передачу. Оливия опустила окно и вдохнула ароматы тихого теплого вечера.

— А вот и дом, — радостно возвестила она. — Правда, очаровательный?

Но Венеция не была настроена на лирический лад.

— Что, сюда еще не провели электричество? — раздраженно спросила она.

— Не оstri, Венеция! Конечно, здесь есть электричество. Только свет нам вряд ли понадобится, ведь сегодня двадцать первое июня, самый длинный день в году, — ответила Оливия. — Знаешь что, — добавила она, когда Венеция резко остановила машину перед домом, — если хочешь, можешь дуться все выходные. Я же считаю это место божественным и собираюсь сполна им насладиться, даже если ты меня не поддержишь.

В этот момент парадная дверь отворилась, и с крыльца сбежал смутно знакомый ей молодой человек.

— Здравствуйте, мисс Дру-Норрис, — произнес юноша, когда Оливия вышла из машины и пригласила мятое платье. — Очень рад снова видеть вас в Уортон-Парке.

Оливия узнала Билла, сына садовника, с которым наскоро познакомилась в январе, когда заходила в теплицу.

— Как поживают ваши цветочки? — с улыбкой спросила она. — Моя плюмерия всю цветет на подоконнике в моем лондонском доме.

— Спасибо, мисс Дру-Норрис, с цветами все в полном порядке.

— Мне не терпится увидеть сад, — выдохнула Оливия. — Гарри сказал, в разгар лета там очень красиво.

— Да, это так. К тому же вы выбрали самый удачный момент: сейчас в саду все цветет и благоухает, а к середине июля растения начнут потихоньку увядать. Мисс Дру-Норрис, у вас есть багаж? Я

могу занести его в дом. А если вы дадите мне ключи от вашей машины, я поставлю ее на парковку.

— Вообще-то это моя машина. — Венеция медленно обошла автомобиль, помахала ключами перед носом у Билла и соблазнительно улыбнулась. — Будьте с ней поосторожней, ладно?

— Конечно, мисс, — вежливо отозвался Билл. Он открыл багажник, достал два маленьких чемодана, поднял их на крыльцо и скрылся в доме.

— Божественный мужчина! — воскликнула Венеция. — Кто такой?

— Ты можешь вести себя прилично? — одернула ее Оливия, но Венеция продолжала улыбаться. — Это сын садовника. Тебе вредно читать такие романы, как «Леди Чаттерлей». Пойдем в дом, страшно хочется чаю!

В семь часов Адриана стояла на террасе с бокалом шампанского в руке и наслаждалась чудесным вечером. Лишь в такие теплые моменты Уортон-Парк мог соперничать по красоте с домом в Провансе, где прошло ее детство. Мягко подсвеченное вечернее небо словно сливалось с землей, воздух пропитался запахом свежескошенной травы и ароматом роз.

В доме все было готово. Танцевальный зал выглядел безупречно. Пятнадцать столов, накрытых хрустящими белыми скатертями, были сервированы античным хрусталем; в центре каждого красовалась ваза со свежими тепличными цветами.

Адриана любила такие моменты. Все заботы позади, а праздник еще не начался. Душу наполняли радость и предвкушение. Хотелось надеяться, что званый вечер не обманет ее ожиданий.

— Мама, ты потрясающе выглядишь, — заметил Гарри, подойдя сзади.

— Merci, mon cheri. Я вышла на пару минут подышать воздухом.

Гарри закурил сигарету и оглядел великолепный сад.

— Кругом так спокойно... затишье перед бурей, — улыбнулся он.

Адриана повернулась к сыну и ласково дотронулась до его плеча.

— С тех пор как ты приехал, я тебя почти не видела. Как дела, милый?

— У меня все хорошо, мама, — кивнул Гарри.

— Ты счастлив? — спросила она, уже зная ответ.

— Я... понимаю, что я всего лишь маленький винтик в огромной машине и не в силах изменить вселенную. Чему быть, того не миновать, — вздохнул он, — и надо просто с этим смириться.

— Милый Гарри, — вздохнула в ответ Адриана, — как жаль, что мир так жесток! Mon dieu! — Адриана прикрыла рот рукой. — Я становлюсь слишком сентиментальной. Надо это прекращать. Я счастлива, что ты дома, так давай же насладимся обществом друг друга.

— Все будет хорошо! — Он улыбнулся, глядя на маму и думая о том, как сильно ее любит.

— Твой кузен Хьюго не смог сегодня прийти. Он тоже тренируется со своим батальоном в Уэльсе. Мне кажется, будет неправильно, если твой папа пригласит бедняжку Пенелопу на ее первый танец. Это должен сделать ты, Гарри. Несколько минут назад я поднималась наверх посмотреть, как она выглядит в вечернем туалете. — Адриана элегантно пожала плечами. — Конечно, трудно превратить свиное ухо в шелковый кисет, но я выбрала для нее неплохое платье, а Элси сделала ей прическу, и теперь у Пенелопы вполне презентабельный вид.

— Мама, ты просто кудесница, — заметил Гарри, вспомнив свою невысокую, коренастую простушку-кузину.

— Возможно, она расцветет позже. — Адриана сжала его руку. — Мне пора идти, cheri. Надо найти твоего отца. И последний раз я видела его наверху, он выбирал себе праздничную рубашку. Сегодня в его дом съедутся все юные дебютантки, и он переполнен приятным волнением. — Адриана вскинула бровь. — Позволим ему немножко поиграть, n'est-ce pas?

Она ушла с террасы. Гарри проводил ее взглядом. Сегодня мама выглядела блестяще. Желто-оранжевое шелковое платье выгодно облегалo ее хрупкую безупречную фигуру. Темные волосы были забраны в пучок на затылке, и крупные бриллиантовые серьги-капельки подчеркивали открытую лебединую шею. Гарри вспомнил их разговор и подумал о том, что, имея такую красивую маму, трудно выбрать себе невесту: разве сравнится с ней хоть одна девушка? Иногда ему казалось, что именно поэтому он не испытывает интереса к женскому полу. Его еще ни разу не посетило то волшебное чувство,

которое другие мужчины называют любовью, а некоторые из его коллег-офицеров описывают более грубыми и простыми словами.

Оливия Дру-Норрис, девушка из Индии, с которой он познакомился несколько месяцев назад, показалась ему самой привлекательной из всех. Он знал, что сегодня вечером она тоже будет здесь, и даже собирался пригласить ее на танец.

Со двора донеслось тихое шуршание гравия под автомобильными шинами: прибыл первый гость! Очнувшись от задумчивости, Гарри вернулся в дом, чтобы приступить к выполнению своих обязанностей.

Глава 16

— О Боже, Оливия, ты потрясающе выглядишь! — Венеция зашла в спальню Оливии посмотреть, готова ли она спуститься на первый этаж. — Ослепительно! Тебе так идет новое платье! Розовый идеально сочетается с цветом лица. Мне ужасно нравятся эти розовые бутончики у тебя в волосах! Кто тебе сделал такую прическу?

— Элси, горничная. Она такая милая девушка! К тому же очень добрая. Хочешь, она и тебя причешет?

Венеция тряхнула густой копной распущенных черных волос и покачала головой:

— Нет, милая, стиль «красавица принцесса» не для меня. А как тебе мой наряд?

Вновь поправ традиции, Венеция надела плотно облегающее золотое платье с низким декольте, откуда смело выглядывала аппетитная ложбинка. Она смотрелась сногшибательно, но несколько неуместно в интерьерах английского сельского дома.

— Умопомрачительно, — кивнула Оливия. — Платье замечательно подчеркивает твою сущность.

— Я нашла это платье в мамином гардеробе и собираюсь носить его до конца сезона. — Венеция хихикнула. — Ты же знаешь, милая: я вечно путаюсь в длинных сетчатых и тюлевых юбках, наступая на ноги бедным партнерам по танцам. — Она указала на дверь: — Ну что, идем?

— Идем, — с улыбкой откликнулась Оливия.

Взявшись за руки, подруги пересекли широкую лестничную площадку и спустились по парадной лестнице в холл.

Венеция оглядела толпу внизу.

— Ничего себе! Сегодня вечером в Лондоне будет скучно: все сливки общества здесь.

Адриана увидела девушек и подплыла поближе.

— Оливия, милая, ты великолепно выглядишь! Просто красавица!

— Спасибо, Адриана. — Оливия покраснела от смущения и поспешила представить Венецию: — Это моя подруга, Венеция Барроуз.

Адриана скользнула глазами по золотому платью в обтяжку и неприбранным волосам.

— Вы тоже очень красивы, — заметила она, широко улыбнувшись. — Я восхищаюсь людьми, которым нравится шокировать общество. А вы, как я понимаю, как раз из таких, *n'est-ce pas?* — Она расцеловала Венецию в обе щеки. — Добро пожаловать, *cherie*, приятного вечера!

— Вот это да, — пробормотала Венеция, протискиваясь с подругой на террасу; там собралось большинство гостей, чтобы насладиться теплым вечерним воздухом. — Она мигом меня раскусила. Какая пронизательность!

— Она сразу и безошибочно угадывает характер человека. — Оливия взяла с подноса проходящего мимо официанта два бокала шампанского. — На мой взгляд, Адриана невероятно мила и красива.

— Несомненно, — согласилась Венеция и в следующее мгновение оказалась в объятиях юноши в красном жилете. — О, Тедди, и ты здесь? Не верю глазам своим! Неужели ты соизволил выбраться из бара отеля «Ритц»?

— Моя дорогая Венеция, — отозвался молодой человек, непринужденно оглаживая ее тело, — позволь сказать тебе, что в этом платье ты неотразима. Привет, Оливия! Ты тоже чудесно выглядишь.

— Спасибо, — кивнула Оливия.

Тедди обернулся к Венеции и завел с ней беседу, украдкой заглядывая в ее декольте.

Оливия отошла к балюстраде и залюбовалась цветущим садом. Как и обещал Гарри, в разгаре лета он был великолепен.

— Мисс Дру-Норрис! Оливия, это ты? — Она оглянулась на знакомый голос. — Божественно выглядишь!

— Привет, Гарри.

Девушка почувствовала, как щеки наливаются жарким румянцем. Несколько месяцев она всячески лелеяла его мысленный образ — по ее мнению, совершенно точный, — однако в жизни Гарри оказался куда красивее.

— Как тебе светский сезон?

— Гораздо интересней, чем я думала. Я завела несколько новых, очень приятных знакомств.

— Отлично. Так ты уже освоилась в Англии? — спросил Гарри.
— Сегодня ты кажешься веселей, чем в нашу последнюю встречу.

— Да, — склонила голову Оливия. — А в такие вечера, — она повела рукой, показывая на парк, зеленеющий перед террасой, — трудно не поддаться обаянию сельской природы.

— Это верно, — кивнул Гарри. — Ты уже знаешь, чем будешь заниматься, когда сезон закончится?

— Пока нет. Давай не будем думать об этом сегодня. Я опять приехала в Уортон-Парк и хочу сполна насладиться волшебным вечером. А как твои дела, Гарри?

— Сейчас я живу дома и проведу здесь все лето. Постараюсь сделать свой неожиданный отпуск, как можно более насыщенным. — Он улыбнулся, глядя на девушку. — Очень рад тебя видеть, Оливия, правда!

— Оливия, милая, как поживаешь?

Рядом с ними возник незнакомый для Гарри мужчина, и молодой хозяин счел уместным ретироваться.

— Извини, Оливия, мне надо обойти всех гостей. Я вижу, некоторые молодые дамы, в том числе и моя кузина, скучают без кавалеров. — Гарри кивнул на полную девушку, которая стояла на террасе одна. — Увидимся позже.

— Гарри, приятель, здорово!

— Себастьян! — Гарри сердечно пожал руку старому другу. — Сколько лет, сколько зим! Если не ошибаюсь, мы с тобой расстались два года назад, четвертого июня, в Итоне.

— Точно! — Себастьян снял очки с толстыми круглыми линзами и протер их носовым платком. — Так и думал, что встречу тебя здесь сегодня. Ну как ты? Что, в Сандхерсте все так ужасно, как ты думал?

— Хуже! — пошутил Гарри.

Себастьян был одним из немногих, с кем он мог откровенно говорить на эту тему. Они познакомились в Итоне. Близорукий астматик и книжный червь Себастьян прилепился к музыкальному и болезненно робкому Гарри. Они оба страдали от насмешек и издевательств других учеников и, хотя имели мало общего, сблизились, будучи аутсайдерами.

— Слава Богу, муштра позади. Теперь я жду, когда начнется война, и мне отстреляют ногу в сражении, — мрачно добавил Гарри.

— Что ж, хотя бы от этого я застрахован. — Себастьян вновь водрузил очки на нос. — Ни один здравомыслящий человек не даст мне в руки оружие. Я и прицелиться-то толком не смогу.

— Да, старина, не хотел бы я, чтобы ты служил в моем батальоне! Впрочем, если честно, я и сам не горю желанием идти на войну. — Гарри улыбнулся, взял с подноса пару бокалов шампанского и протянул один Себастьяну. — Чем ты сейчас занимаешься?

— Работаю в торговой компании отца. Я прошел стажировку в лондонском филиале и скоро поеду в головной офис, в Бангкок. Папа целых двадцать лет провел экспатриантом и теперь мечтает вернуться на родину. Его не пугают грозовые тучи, которые нависли над нашими берегами и сгущаются с каждым днем.

— Понятно, — хмуро пробормотал Гарри.

— Если война и впрямь начнется, мне придется организовать морскую перевозку войск и снаряжения в Восточную Азию, но это будет мой единственный вклад в общее безумие. Жду не дождусь этой поездки. Говорят, сиамские девушки — горячие штучки!

— Ты уезжаешь как раз вовремя, — завистливо заметил Гарри. — В Европе началась большая заваруха. Не думаю, что она доберется до Сиамы.

— Я тоже не думаю, хотя кто знает? — отозвался Себастьян. — Конечно, я чувствую себя виноватым, поскольку не могу защитить родину, но, возможно, это маленькая компенсация за то, что природа наградила меня такими плохими глазами и хворой грудью.

Гарри увидел, что Пенелопа по-прежнему стоит в одиночестве, и тронул приятеля за плечо.

— Мне надо идти, старик. Как приедешь на новое место, черкни адресок.

— Договорились. Страшно рад повидаться с тобой, Гарри. Если тебя отправят на войну, постарайся остаться живым, ладно? Я подберу для тебя пару сиамских девушек.

За обедом Оливия с удовольствием общалась с веселыми соседями по столу. В основном это были люди, с которыми она познакомилась в Лондоне. Слева от нее сидел Ангус, шотландский помещик, который, похоже, питал к ней мужской интерес, а справа — Арчи, виконт Маннерс. Кое-кто из ее лондонских подруг говорил, что

Арчи «предпочитает сильный пол». У Оливии не хватало житейского опыта, чтобы судить о подобных вещах.

После обеда всех участников вечеринки выпроводили из бального зала, чтобы вынести оттуда столы. Оливия стояла на террасе с Арчи и курила вместе с ним редкую арабскую сигарету.

Арчи взглянул на парк, тонувший в вечернем полумраке, и вздохнул.

— Какая волшебная красота. Ее прекрасно описал Блейк:

Луна цветком чудесным
В своем саду небесном
Глядит на мир, одетый в тьму,
И улыбается ему^[10].

Грянул оркестр, и люди потянулись обратно в бальный чал.

— Надеюсь, вы не обидитесь, если я не приглашу вас на танец? У меня обе ноги левые, и я боюсь вас покалечить, Оливия, — признался Арчи. — Пожалуйста, найдите себе другого кавалера.

— Мне и здесь неплохо.

— Ну, долго вы здесь не простояте. Я уже вижу, как к нам приближается некий красавчик.

«Неким красавчиком» оказался Гарри. Он подошел поближе и остановился в нескольких шагах от них.

— Я вам не помешаю? — спросил он, внезапно смутившись.

— Нисколько. — Оливия с трудом скрыла радость. — Пожалуйста, подойди сюда, я познакомлю тебя с Арчи. Арчи, это Гарри Кроуфорд, сын хозяина дома.

Мужчины несколько секунд смотрели друг на друга, потом Гарри протянул руку.

— Здравствуйте, Арчи. Очень приятно с вами познакомиться.

— Мне тоже, Гарри. — Арчи вдруг улыбнулся — впервые за весь вечер.

Наконец Оливия прервала затянувшееся молчание:

— За обедом мы с Арчи хорошо провели время, обсуждая великих поэтов-романтиков. Разумеется, Арчи и сам пишет стихи.

— Вот как? — спросил Гарри.

— Да. Для себя, конечно. Не хочу никому навязывать свои скромные вирши. Боюсь, они слишком сентиментальны, — отозвался Арчи.

— Что ж, в этом мы с вами похожи, — усмехнулся Гарри. — Лично я обожаю Руперта Брука.

Арчи просиял.

— Какое совпадение! Я тоже. За обедом я до полусмерти замучил бедную Оливию его поэзией. — Он закрыл глаза и начал цитировать:

Цветы любви, цветы надежды
И с темной памятью легка моя игра.
Словно дитя под небом летних дней,
Сжимаю горсть сверкающих камней;
За них сжигали в прошлом города...

Гарри подхватил:

Любовь теряли, жизни и царей
Бог превращал в летучий горький прах^[11].

Они тепло улынулись друг другу, радуясь, что у них обнаружилась общая страсть.

— Я мечтаю поехать на остров Скирос, чтобы посмотреть на его могилу, — признался Арчи.

— Мне повезло: я побывал в старом доме приходского священника в Грантчестере, где прошло детство Брука, — похвалился Гарри.

Оливия слушала их оживленную беседу и чувствовала себя лишней. Выручила Венеция; подруга, уже слегка навеселе, подошла к ним и улыбнулась:

— Привет, милая! — Она оглядела Гарри с головы до ног. — Это кто? — спросила она, и глаза ее заблестели.

Гарри все еще разговаривал с Арчи, и Оливия прошептала:

— Это Гарри. Я тебе о нем говорила.

— Какой... дивный! — Венеция одобрительно кивнула. — Если он тебе не нужен, — она захихикала, — я его заберу. Гарри, — влезла она в разговор, — меня зовут Венеция Барроуз. Я ближайшая подруга Оливии. Она про вас много рассказывала. — Девушка приподнялась на цыпочки и расцеловала его в обе щеки. — У меня такое чувство, будто мы с вами давно знакомы.

От стыда Оливия хотела провалиться сквозь землю.

Гарри ошеломило столь бурное приветствие, но он быстро оправился от удивления и вежливо произнес:

— Рад с вами познакомиться, Венеция.

— А я с вами, Гарри. Надеюсь, позже мы потанцуем. Кстати, о танцах: предлагаю пойти в дом. Здесь становится прохладно.

— Неплохая идея. — Гарри нежно взглянул на Оливию. — Я шел сюда, чтобы пригласить тебя на танец. Ты согласишься?

Девушка покраснела от удовольствия.

— Мы обязательно поговорим с вами в другой раз. — Гарри взглянул на Арчи.

— Возможно, нам удастся это сделать до моего отъезда.

— Я тоже надеюсь. — Гарри отвернулся и повел Оливию в бальный зал.

Танцуя с Гарри танец за танцем, Оливия вспоминала, как, будучи в Лондоне, мечтала оказаться в его объятиях. И вот ее мечты сбылись: они вдвоем в Уортон-Парке — лучшем месте во всей Англии! — на чудесной летней вечеринке.

Потом Гарри вывел ее на террасу подышать свежим воздухом.

— Что ж, — произнес он, закуривая, — по-моему, вечер удался. А ты как считаешь?

Оливия не отрывала глаз от звезд, мерцающих на ясном ночном небе.

— Все просто замечательно, — пробормотала она.

— Я уже давно не видел маму такой счастливой, — добавил Гарри. — Послушай! Оркестр играет мою любимую песню: Кол Портер, «Когда играют бегин». — Гарри начал напевать себе под нос. — Последний танец, мисс Дру-Норрис? — предложил он, обнимая ее за талию.

— Если вы настаиваете, капитан Кроуфорд.

Они покачивались в такт музыке. Оливия нежно прислонила голову Гарри к своей груди и отдалась во власть момента.

— Оливия, я получил огромное удовольствие, танцуя с тобой этим вечером. Спасибо. — Гарри нагнулся и поцеловал ее в губы.

Адриана, вышедшая на террасу полюбоваться ночным небом, увидела эту парочку и украдкой улыбнулась.

Глава 17

На следующий день Оливия возвращалась в Лондон, окутанная легкой паутинкой счастья. Наконец-то она поняла, что значит «волшебство любви». На обратном пути девушка поделилась с Венецией своими переживаниями, и та насмешливо фыркнула, услышав, как подруга назвала Гарри «своим единственным».

— Брось, милая! Откуда ты можешь это знать? Он был первым парнем, с которым ты поцеловалась. Сумасшедшая!

Оливия тряхнула головой:

— Нет, я не сумасшедшая. Я знаю, какие чувства испытываю, и, может быть, у нас все получится. Посмотри на своих родителей. Твоей маме было восемнадцать, а папе — девятнадцать, когда они встретились и полюбили друг друга.

— Да, но это было давно. Сейчас другие времена. К тому же, Оливия, ты всегда говорила, что не хочешь выходить замуж так рано. Ты даже еще не попробовала «это», — добавила Венеция. — О каких чувствах может идти речь?

Оливия знала, что Венеция уже делала «это», причем не с одним мужчиной, но, похоже, близкие отношения не оставляли в ее душе следа. В этом вопросе их мнения расходились, но ни та, ни другая не желала отказываться от своей позиции. Венеция заявляла, что это ее тело, и она может распоряжаться им как хочет, не испытывая вины. Оливия думала иначе. Может, здесь сыграло роль воспитание, а может, такова была ее натура, но она не собиралась расставаться с девственностью до тех пор, пока не выйдет замуж за любимого человека.

— Физическая близость для меня не важна, — проговорила Оливия. — Это вторично.

— Боже мой, Оливия! В последние месяцы мне казалось, что я сумела внушить тебе некоторые принципы феминизма. И вот, пожалуйста: ты уже гредишь о свадьбе! Только не говори, что это не так! — Венеция погрозила подруге пальцем, при этом машина опасно вывернула на середину дороги. — Все равно не поверю.

Следующие две недели Оливия витала в облаках от счастья. Она не принимала участия в последнем раунде вечеринок и других

светских мероприятий, закрывающих сезон. Все представители высшего общества готовились покинуть Лондон и, подобно рою мух, махнуть в теплые края, на Ривьеру. Она же с замиранием сердца ждала вестей от Гарри. Но их почему-то не было.

Эйфория сменилась растерянностью и болью. Оливия впала в жестокое уныние. Может, Венеция права и для Гарри поцелуй не значил ничего, кроме приятного завершения вечера?

Шотландский помещик Ангус пригласил Оливию вместе с Венецией месяц погостить на вилле в Сен-Рафаэле, которой владели его родители. Девушка знала, что Ангус в нее влюблен; он ясно выразил свои намерения: если Оливия приедет в его дом, это будет означать, что она принимает ухаживания.

— Ты как хочешь, а я поеду, — заявила Венеция. — Дома жуткая атмосфера! Папа заперся в студии, а мама ходит надутая, потому что он запрещает пускать в дом гостей. А на днях я вышла из задней двери дома и наткнулась на гадкое бомбоубежище, которое испортило наш прекрасный сад.

Девушки только что вышли из Дадли-хауса на Парк-лейн, где устраивал танцы Кик Кеннеди, и направлялись к отелю «Ритц».

— Это было бы нечестно с моей стороны, правда, Венеция? — спросила Оливия. — Ангус — замечательный парень, но я не хочу, чтобы он думал, будто я испытываю к нему чувства.

— Милая, в любви и на войне все средства хороши. — Венеция взглянула на подругу. — К тому же красивые девушки рождены, чтобы разбивать мужские сердца. У Ангуса наверняка шикарная вилла. Да и что ты будешь здесь делать, если останешься? — добавила она. — Все лето тосковать по любимому и ждать, когда немцы сбросят на нас бомбы? — Они свернули с главной дороги и подошли к боковой двери «Ритца». — Ради Бога, возьми себя в руки и повеселись, пока есть возможность.

Венеция начала подниматься на крыльцо отеля. Оливия взглянула налево и увидела... знакомую фигуру. Мужчина вышел из парадных дверей и зашагал по улице, быстро удаляясь от «Ритца». Сердце девушки гулко забило в груди. Она схватила Венецию за плечо.

— Кажется, я только что его видела.

— Кого?

— Гарри, кого же еще?

Венеция остановилась на верхней ступеньке и тяжело вздохнула.

— Оливия, милая, у тебя, похоже, нелады с головой. Что Гарри забыл в Лондоне?

— Уверена, это был он.

Венеция взяла ее за руку.

— Ты явно перебрала мартини на танцах у Кика. А ну ка опомнись, милая! Не будь занудой!

Прошло три мучительных дня. Оливия очнулась от беспокойного сна и поняла, что Венеция скорее всего права насчет Гарри. Надо принять приглашение Ангуса и поехать во Францию залечивать душевные раны. По крайней мере, там тепло. Хватит мерзнуть в туманном Лондоне! Возвращаться в Суррей ей тоже не хотелось.

«Сегодня же позвоню Ангусу и скажу, чтобы ждал на своей домашней вечеринке в Сен-Рафаэле», — подумала она.

Оливия уже собиралась отправиться в гости к Венеции и заняться подготовкой к поездке во Францию, когда зазвонил телефон.

— Это оператор. Вам звонят из Кромера. Соединить?

— Да, спасибо. Алло, Оливия Дру-Норрис слушает.

— Оливия! Как раз с тобой-то я и хотела поговорить. Это Адриана Кроуфорд из Уортон-Парка.

— Адриана, я так рада вас слышать! У вас все в порядке?

— Конечно, все замечательно. Правда, мне немного одиноко, и я хотела узнать, что ты делаешь в августе. Если у тебя нет планов, может, приедешь ко мне? Мы будем вместе гулять по саду и наслаждаться чудесной летней погодой. Гарри тоже обрадуется твоему приезду. Бедный мальчик, он так устает на работе — целыми днями тренирует свой необученный батальон!

Оливия резко села в кресло, стоящее рядом с телефоном.

— Я... — Она знала, что должна быстро принять решение. Хотя, по правде говоря, у нее не было сомнений. — Я с удовольствием приеду к вам в гости, Адриана. Спасибо за любезное приглашение.

— C'est parfait! Значит, договорились. Когда сможешь приехать?

— Я собираюсь в Суррей навестить родителей, но уже в начале следующей недели буду у вас. Это удобно?

— Конечно, удобно, — ответила Адриана. — Если хочешь, я пришлю в Суррей нашего шофера, и он отвезет тебя к нам. Ехать на поезде очень утомительно.

— Спасибо.

— Что ж, жду тебя на следующей неделе, Оливия. Большое спасибо, что согласилась составить мне компанию.

— Не стоит благодарности. Уортон-Парк — мое любимейшее место на земле, — искренне заверила Оливия. — До свидания.

— A bientôt, chérie^[12].

Оливия положила трубку на рычаг и прижала руки к пылающим щекам. Сердце бешено колотилось от приятного волнения.

«Целый месяц в Уортон-Парке... с Гарри!»

Она закрыла за собой парадную дверь и чуть ли не бегом припустила к дому Венеции.

Вопреки ожиданиям Оливии эта новость не обрадовала Венецию. Оливия списала реакцию подруги на ее эгоизм. К тому же теперь ей придется одной ехать во Францию.

— Ты говоришь, звонила его мама? — фыркнула Венеция. — Как странно... Тебе не кажется, что он маменькин сыночек?

Но Оливия не обиделась.

— Разумеется, меня пригласила хозяйка дома, как и положено по протоколу. И потом... я люблю Адриану и Уортон-Парк, — добавила она.

— Ты сошла с ума: отказаться от Ривьеры ради забытого Богом холодного мавзолея! — вздохнула Венеция. — Но я буду вспоминать о тебе, купаясь в Средиземном море и потягивая коктейли на солнечном берегу.

«А я совсем не буду тебе завидовать», — счастливо подумала Оливия.

На следующий день Оливия собрала свои вещи, поблагодарила бабушку и уехала в Суррей к родителям. Она провела там два дня, чувствуя себя крайне неловко. Папа и мама остались такими же, как всегда, зато их дочь сильно изменилась. За последние несколько месяцев Оливия превратилась в другого человека. За обеденным столом то и дело повисали долгие паузы, и она с трудом находила общие темы для разговора. Однако о чем бы ни шла речь, родители почти никогда не соглашались с ее мнением.

Вечером накануне отъезда в Уортон-Парк она сидела с мамой в гостиной и пила послеобеденный кофе.

— Значит, — произнесла мама, углубившись в вязание, — как я понимаю, у тебя роман с Гарри Кроуфордом?

— Да, он очень хороший парень. Но сейчас занят — тренирует свой батальон, и вряд ли нам придется часто видеться, пока я буду жить в их поместье.

— Ты не ответила на мой вопрос, Оливия. — Мама оторвалась от вязания и посмотрела на девушку.

— У нас с ним очень хорошие отношения, мама, — осторожно произнесла Оливия.

Мама улыбнулась:

— Когда я виделась с ним в январе, он мне очень понравился. Я только хотела сказать, что мы с твоим отцом одобрим ваш брак.

— Мама! — Оливия вспыхнула от смущения, услышав свою собственную мечту, озвученную другим человеком. — Рано об этом говорить!

— Однако я вижу, что ты в него влюблена. Каждый раз, когда произносишь его имя, твое лицо сияет.

— Да, наверное, ты права, — сдалась Оливия.

— Боже мой, сколько денег мы могли сэкономить на твоём светском сезоне, если бы поняли уже в январе, что жених под самым нашим носом! Леди Кроуфорд любезно пригласила нас с папой в Уортон-Парк на выходные. Я обещала, что мы приедем в конце августа. Надеюсь, к этому времени все изменится к лучшему. Сейчас обстановка в мире крайне нестабильна, Оливия. — Мама вздохнула. — Так что лови момент, милая, и наслаждайся всеми доступными радостями.

Позднее Оливия отправилась наверх, в свою спальню, потрясенная маминой откровенностью. Наверное, в преддверии войны люди стали смелее выражать свои чувства...

Утром Оливия проснулась в шесть, а к восьми оделась и собрала вещи. Фредерикс, шофер Кроуфордов, прибыл ровно в девять.

Мама вышла проводить ее на крыльцо.

— Пиши, милая. Я должна знать, как у тебя дела. — Она поцеловала дочь в обе щеки. — Желаю тебе хорошо провести время.

— Спасибо, мама. — Оливия порывисто обняла мать за плечи и прижала к себе. — А вам с папой счастливо оставаться!

Адриана радушно встретила Оливию на крыльце Уортон-Парка.

— Ma chérie, ты, наверное, устала. Проходи в дом. Сейбл заберет багаж и покажет тебе твою комнату. Ты будешь жить там же, где останавливалась раньше. Отдохни перед обедом. Торопиться нам некуда. Кристофер сейчас в Лондоне, а Гарри вернется не раньше десяти.

Сейбл проводил девушку в ее спальню. Она с приятным удивлением оглядела знакомое помещение: странно, когда-то оно казалось ей холодным и некрасивым...

Предвечернее солнце отбрасывало мягкий свет на симпатичные обои с цветочным рисунком. Оливия с удовольствием забралась в постель и сразу заснула, утомленная долгой дорогой.

Ее разбудил стук в дверь. В комнату заглянула горничная Элси.

— Добрый вечер, мисс Оливия. Я так рада вас видеть! Пока вы здесь, я буду за вами ухаживать. Ее светлость велела вас разбудить: уже восьмой час. Если вы сейчас не встанете, то потом не уснете ночью. Можно мне войти?

— Конечно. — Оливия улыбнулась. Ей было приятно видеть знакомое сияющее лицо девушки. — Я и не знала, что проспала так долго!

— Я набрала вам ванну, мисс Оливия. Можете помыться, а я пока разложу ваши вещи. Обед в восемь. Ее светлость сказала, что он будет неофициальным. Если позволите, я подготовлю для вас симпатичный наряд.

— Да, конечно. Спасибо, Элси. — Оливия откинула одеяло и встала с кровати. — Как твои дела? Вы с Биллом уже назначили день свадьбы?

— Да. Уже через четыре недели я стану миссис Уильям Стаффорд, — с гордостью сообщила девушка. — Возможно, вы еще будете здесь, мисс Оливия. Мне бы очень хотелось, чтобы вы пришли в церковь на наше венчание. Ее светлость подарила мне рулон кружева, и моя тетя шьет мне платье. Ох, мисс, я так волнуюсь!

Радость у горничной была через край, и Оливия невольно почувствовала легкий укол зависти.

Без пяти восемь Оливия спустилась вниз и обнаружила, что Сейбл ждет ее в холле.

— Ее светлость на террасе, мисс Дру-Норрис. Пойдемте, я вас провожу.

Она последовала за дворецким и, шагнув на террасу, увидела в углу маленький столик, накрытый на двоих. Большие свечи, защищенные от ветра стеклянными емкостями, мягко светили в сгущающихся сумерках.

— Проходи и садись, Оливия. — Адриана показала на второй стул. — Надеюсь, тебе не холодно? На всякий случай я принесла шаль. Знаешь, я люблю здесь есть в теплую погоду. Во Франции с мая по сентябрь мы почти не обедали в доме. У меня есть розовое вино, которое мне привозят с наших виноградников возле замка в Провансе. Каждый год я получаю по двенадцать ящиков. Попробуешь рюмочку?

— С удовольствием, — улыбнулась Оливия, усаживаясь. — Спасибо.

Адриана дала знак Сейблу, и он налил им вина.

— Мы будем есть через пятнадцать минут, Сейбл. Merci.

— Хорошо, ваша светлость. — Дворецкий кивнул и исчез в доме.

— Sante. — Адриана коснулась своим бокалом бокала Оливии, и они обе сделали по глотку.

Оливии понравился вкус. Белое вино казалось ей слишком кислым, а красное — слишком тяжелым. Розовое же идеально сочетало в себе достоинства того и другого.

— Ну как? — поинтересовалась Адриана.

— Очень вкусно.

— Мои родители обычно пили его из больших графинов, которые хранились в нашем погребе. — Адриана вздохнула. — Eh bien! Это одна из тех приятностей, которых мне теперь не хватает.

— Но вы счастливы здесь, в Англии, не так ли? — спросила Оливия.

— Да, конечно, но в этом году мне немного грустно. Мы всегда проводили август в моем родовом замке. Но сейчас Кристофер занят в Уайтхолле, а Гарри обучает солдат. Я не захотела уезжать без них. Кристофер считает, что война неизбежна.

— В Лондоне нельзя не обратить внимания на приготовления. В день отъезда я видела, как на набережной Темзы устанавливали

системы воздушной тревоги.

— Понятно. — Адриана ловко переключилась на более приятную тему: — Расскажи, как прошел твой светский сезон. Твои ожидания оправдались?

— С лихвой. Я познакомилась с чудесными людьми, которые оказались вовсе не такими тупыми, как я думала.

— Например, с Венецией Барроуз? Твоя подруга необычна, как и ты сама. Ну, а как танцевальные вечера? Они действительно такие прекрасные, как мне запомнилось?

Сейбл вывез на террасу большую тележку с серебряными подносами. Обед состоял из супа и салата из свежих хрустящих овощей с огорода. За едой Оливия потчевала Адриану веселыми историями, свидетелем которых стала, пока вращалась в высшем обществе.

— *Voilà!* — От удовольствия Адриана захлопала в ладоши. — Все это очень похоже на мои давние похождения. Там наверняка было много юношей, которых очаровала твоя красота. А тебе кто-нибудь понравился?

— Мне... нет. Во всяком случае, я не встретила ни одного молодого человека, который показался бы мне особенным.

— Не сомневаюсь, что он тебе скоро встретится. — Адриана заметила ее смущение. — Оливия, пожалуйста, чувствуй себя здесь как дома. Если нужно, попроси нашего шофера Фредерикса, и он в любое время отвезет тебя, куда только захочешь. Возможно, мы вместе прогуляемся к морю, и ты увидишь, какое красивое графство Норфолк. На выходные Гарри приедет домой и составит тебе компанию. Бедный мальчик так устает! Но когда я сказала, что ты к нам приедешь, он очень обрадовался. Ему тоже будет приятно с тобой пообщаться. Ну а сейчас, думаю, пора спать. — Адриана встала, подошла к Оливии и поцеловала ее в обе щеки. — *Vonne nuit, ma chérie.* Спокойной ночи!

— И вам, Адриана. — Девушка тоже поднялась из-за стола. — Мне очень понравился сегодняшний вечер.

Они вместе прошли в дом и миновали ряд комнат, ведущих в парадный холл.

— Завтра утром, когда тебе будет удобно, Элси принесет в твою спальню поднос с завтраком. А мы с тобой встретимся в час на ленче. Потом я проведу тебя по саду и покажу теплицу. Если захочешь

почитать, можешь взять в библиотеке любую понравившуюся книгу. В левом углу сада, за беседкой, увитой розами, стоит летний домик. Я часто там читаю.

— Спасибо, Адриана, вы очень добры, — отозвалась Оливия, поднимаясь на второй этаж.

— И тебе спасибо за то, что приехала ко мне в гости. А bientôt, Оливия. Приятных сновидений!

Глава 18

Следующие несколько дней Оливия жила по неспешному распорядку: по утрам читала в летнем домике, после ленча гуляла с Адрианой, потом отдыхала. Они с удовольствием вместе обедали на террасе, беседуя об искусстве, литературе и французской культуре, от которой хозяйка дома была без ума.

Красивые пейзажи и неторопливая жизнь в Уортон-Парке убаюкивали разум Оливии, приводя его в состояние покоя, граничащего с оцепенением. Ее уже не волновали ни грядущая война, ни собственное неопределенное будущее. Серьезные мысли выскальзывали из головы подобно тому, как выскальживала из пальцев паутина, снятая с розовых кустов.

Однажды Адриана повезла Оливию на побережье. Девушка ахнула, увидев красоту Холкхэм-Бич, раскинувшегося перед ней, точно огромный золотой фартук. Они устроили пикник в дюнах. После ленча Адриана задремала, надвинув на лицо соломенную шляпку, чтобы защитить от солнечных лучей свою белую кожу.

Оливия спустилась к морю и осторожно опустила пальцы ног в соленую воду, которая оказалась вовсе не такой холодной, как она думала. Ветер трепал ее волосы, солнце сияло, и пустынный пляж поражал великолепием.

«Да, пожалуй, я смогу прижиться в этой части Англии...»

Когда они вернулись в Уортон-Парк, Оливия пересекла холл, собираясь уединиться в своей спальне и снять сырое мятое платье. Но тут на лестнице показался Гарри. Оливия вздрогнула, глядя на его лицо, которое столько раз представляла в мыслях.

— Оливия, страшно рад тебя видеть!

Гарри тепло поцеловал ее в обе щеки, и она пожалела о своем растрепанном виде. Он был в офицерской форме и смотрелся весьма импозантно.

— Привет, Гарри, как дела?

Он закатил глаза.

— Честно говоря, хорошего мало. А ты превосходно выглядишь!

Оливия вспыхнула:

— Правда? Мы с твоей мамой только что были на пляже. Боюсь, я сейчас не в лучшей форме.

— А по-моему, ты очень красива. Я люблю морской воздух: он сдувает с нас всю паутину. Может, съездим туда завтра? Конечно, если ты захочешь повторить прогулку. В эти выходные я не работаю и хочу провести свободное время с удовольствием.

Радостно-беспечное настроение Гарри граничило с эйфорией. Оливия впервые видела его таким.

— Было бы здорово. А сейчас, извини, мне надо переодеться в сухое платье.

— Конечно, — кивнул Гарри. — До встречи на обеде, Оливия.

— Пока, — бросила она, взбегая по лестнице.

Вечером Оливия попросила Элси сделать ей прическу. Горничная приподняла и уложила валиком переднюю часть волос, а остальные рассыпала по плечам густыми золотистыми локонами. Девушка надела свое любимое голубое платье и критически оглядела себя в зеркале.

— Вы просто картинка! — в восторге воскликнула Элси. — Сегодня вечером мистер Гарри будет с вами?

— Да, наверное, — пробормотала Оливия. От волнения у нее отпала охота болтать.

Она спустилась на первый этаж, вышла на террасу и увидела, что Адриана и Гарри уже там.

— Гарри только что сообщил мне, что вы собираетесь завтра на пляж. — Адриана одобрительно улыбнулась. — Оливия, chérie, свежий воздух пошел тебе на пользу. Ты замечательно выглядишь. — Она взяла с серебряного подноса на столе бокал розового вина и протянула его девушке. — Завтра Кристофер тоже будет дома. В воскресенье мы позовем на ленч наших соседей, чтобы ты могла с ними познакомиться. Ну что, садимся обедать?

Вечер удался. Гарри оказывал Оливии знаки внимания, расспрашивал ее про светский сезон и Лондон. Адриана рано ушла спать, сказавшись усталой, и они остались на террасе вдвоем. Оливия изо всех сил старалась унять дрожь и не выказать волнения.

— Я очень рад, что ты здесь, Оливия! Хорошо, что в Уортон-Парке у мамы появилась компания. Она оторвана от своей французской семьи, а папа редко бывает дома. Ты ей очень нравишься, — заметил он.

— Она мне тоже очень нравится, — отозвалась Оливия.

— Ну что, сейчас тебя больше, чем раньше, привлекает красота этих мест? — Гарри улыбнулся, и они оба вспомнили их первый разговор.

— О да! Я в полном восторге! Твоя мама полностью изменила мои вкусы.

— Она умеет быть убедительной. — Гарри засмеялся. — Но я рад, что ты полюбила наше поместье. Оно особенное.

— Как хорошо, что у тебя есть возможность бывать дома, — вздохнула Оливия.

— Да, — кивнул Гарри. — Здесь я хоть немного отдыхаю от проклятой военщины. Во всяком случае, — он загасил сигарету, — моя кровать всегда в моем распоряжении. Я чертовски устал. Ты тоже? — Гарри подал ей руку и помог встать из-за стола, но тут же отпустил девушку, как только они вошли в дом и направились к лестнице. — Спокойной ночи, Оливия. — Гарри вежливо чмокнул ее в обе щеки. — Приятных сновидений! — Он зашагал к своей спальне.

Оливия легла в постель, недоумевая, почему Гарри не предпринял новой попытки ее поцеловать.

«Впрочем, это только начало моего отдыха здесь, — успокоила она себя. — А у Гарри первый выходной день за много недель. Надо дать ему время...»

На следующее утро Гарри повез Оливию к морю. Он явно пребывал в приподнятом настроении.

— Не буду утомлять тебя Холкхэмом. Давай лучше съездим в Кромер. Перекусим и прогуляемся по набережной, — предложил он.

Оливия, которая уже представляла себя лежащей в песчаных дюнах в объятиях Гарри, почувствовала горькое разочарование, но не подала виду: стоит ли портить драгоценные часы совместного отдыха?

Они приятно провели время, пусть и не совсем так, как ей мечталось. За ленчем в гостиничном ресторане Гарри развлекал ее историями о новобранцах из его батальона, среди которых были и жители поместья Уортон-Парк.

— Меня особенно впечатлил Билл Стаффорд, жених Элси, — заметил Гарри, закуривая. — У него все задатки офицера. Он обладает спокойной властью, которая заставляет других мужчин к нему

прислушиваться. Из него получится бравый вояка, каким я никогда не стану, сколько бы времени ни учился.

— Да нет же, Гарри! Уверена, это не так.

— Я знаю, что говорю, моя милая девочка. — Он вздохнул и хмуро раздавил окурок в пепельнице. — Ну что, пойдём обратно?

В этот вечер ужинали в столовой, поскольку из Лондона вернулся лорд Кроуфорд. Адриана искрилась от счастья, глядя на двух дорогих ей мужчин, сидящих вместе с ней за столом. Атмосфера радости ощущалась во всем доме. Казалось, окрестности тоже пропитаны ею. После еды Оливия предложила сыграть в бридж: их как раз четверо. Она и Кристофер выиграли, спасибо мистеру Кристиану и его науке.

В конце вечера Гарри проводил Оливию наверх, и девушка снова внутренне затрепетала, предвкушая прощальный поцелуй. Но он опять невинно чмокнул ее в щечки и ушел к себе в спальню.

На другой день на ленче собралось двенадцать человек. К ним присоединились друзья и соседи лорда и леди Кроуфорд. Оливия с удовольствием общалась с сотрапезниками, так как была привычна к обществу людей более старшего возраста, однако у нее возникло странное ощущение, будто ей устроили смотрины. Она надеялась, что не ударила в грязь лицом. Гарри вел себя так же, как и в предыдущие два дня, — был внимательным, но отчужденным.

В ту ночь, лежа в постели, Оливия с грустью приняла стоическое решение: пришло время подумать о будущем, исключив из своих планов Гарри Кроуфорда.

Лето заканчивалось, приближался сентябрь. Поля опустели, и поместье наполнилось запахом горячей стерни. Оливия, пребывая в ленивой полудреме, запоем читала книги, долго гуляла по парку и частенько заходила к Джеку в теплицу. Она не видела Гарри после того воскресного ленча — последние выходные он провел в Лондоне — и полностью укрепила в своем решении больше о нем не думать. Через несколько дней она уедет из Уортон-Парка и займется другими делами. Оливия уехала бы раньше, но Элси, которая стала ей близкой подругой, уговорила ее остаться до свадьбы.

За три дня до бракосочетания Элси из Лондона неожиданно приехал Кристофер. Он увел Адриану в свой кабинет, где они провели несколько часов. В конце дня бледная хозяйка дома отыскала Оливию, которая читала в библиотеке.

— Ох, милая, — Адриана приложила ладони к щекам, — кажется, война не за горами. Кристофер сказал, что британское правительство получило разведданные, согласно которым Кригсмарине^[13] приказало всем немецким торговым судам немедленно прибыть в порты Германии, чтобы можно было начать оккупацию Польши. Немцы не собираются соблюдать германо-советский пакт о ненападении. — Она резко опустила в кресло, схватившись за голову. — Беда подступила совсем близко, Оливия.

Девушка тут же встала и подошла к Адриане, чтобы ее утешить.

— Неужели герр Гитлер способен на такое? Он же знает, к чему это приведет.

— Да знает и хочет этого. Он всегда этого хотел. Кристофер говорит, уже к завтрашнему утру немцы начнут вторжение в Польшу. И тогда Британия объявит войну. — Адриана схватила Оливию за руку. — Давай пока не будем огорчать Элси, пусть побудет в счастливом неведении, готовясь к свадьбе. Ничего никому не говори, ладно? Потом все сами узнают.

— Конечно, Адриана. Я буду молчать, обещаю.

— Надеюсь, наши жених и невеста проведут свой свадебный день весело, как и любая другая пара. Они должны верить, что у них есть будущее, даже если это не так. — Глаза Адрианы наполнились слезами. Она вытерла их круженным носовым платочком. — *Mon dieu!* Ну, все, хватит! И должна успокоиться. Прости меня, *ma petite*. Многие знания — многие печали. Кристоферу нужно срочно возвращаться в Лондон. Но он решил сам рассказать мне дурные новости.

В тот вечер Адриана долго не ложилась спать — ждала Гарри. Когда тот пришел, она повела его в библиотеку и налила ему и себе арманьяка.

— Мама, я все знаю, — сказал Гарри, увидев тревогу на ее прекрасном лице. — Пожалуйста, постарайся сдержать панику. Пока ничего не известно. Трудно сказать, во что это выльется и какие будут последствия. То, что случилось, нельзя назвать неожиданным потрясением, во всяком случае, для нас, ведь мы знали, что нам грозит. Жребий был брошен, когда Гитлер вошел в Чехословакию. Мы несколько месяцев готовились к войне, и мои парни наверняка

обрадуются тому, что у них появилась возможность применить на деле все, чему их учили.

Адриана поднесла ладонь ко лбу.

— Невероятно! Неужели мне предстоит пережить еще одну войну? Во время последней погибло столько дорогих мне людей! А теперь... — Адриана взглянула на сына. — Мой Гарри... — Она беспомощно пожала плечами.

— Мама, прошу тебя, успокойся, — взмолился Гарри, сжимая ее, рыдающую, в своих объятиях.

Это был один из тех редких моментов, когда он жалел, что его мать не англичанка и в ее характере нет британской выдержки. Ему было тяжело видеть, как она расстроена.

— Но что я здесь буду делать, Гарри? Ты уйдешь на войну, твой папа вернется в Лондон, а в поместье почти не останется молодых мужчин. Я же не смогу в одиночку управлять Уортон-Парком.

— У тебя есть Оливия, — заметил Гарри.

Адриана махнула своей тонкой, изящной рукой:

— Она уедет отсюда, когда начнется война. С какой стати ей здесь оставаться? — От волнения Адриана высказала то, о чем до сих пор молчала. — Я наблюдала за вами, Гарри, и поняла, что девочка тебя любит, но ты... Вряд ли ты разделяешь ее чувства. Признаться, я пригласила ее сюда, потому что заметила вашу взаимную симпатию. Теперь вижу, что ошибалась. Оливия приехала из-за тебя, и скоро оставит меня в одиночестве.

Гарри в изумлении уставился на мать.

— Ты думаешь, Оливия меня любит? — удивленно спросил он.

— Конечно! — в сердцах воскликнула Адриана. — Это же написано у нее на лице, неужели не видишь? Она такая чудесная девушка — умная, интеллигентная, не похожая на других англичанок. Да, я надеялась, что вы будете вместе... ведь ты единственный наследник, и... — Она приложила руки к пылающим щекам. — Мне трудно это говорить, но, если ты не вернешься с войны, Уортон-Парк отойдет племяннику твоего отца, Хьюго, и на этом наша трехсотлетняя родословная закончится.

— Боже правый! — Гарри выпустил ее из объятий и принялся мерить шагами библиотеку, обхватив ладонями спую рюмку с коньяком. — Ты совершенно права. Если я не вернусь, то...

— Ох, Гарри, прости меня, ради Бога! Я сейчас сама не своя. Пожалуйста, забудь, что я сказала.

Он обернулся к маме.

— Ты сказала правду. Оливия — действительно замечательная девушка, и она мне очень нравится. Так же как и тебе. Она осталась бы с тобой, если бы...

— Нет, Гарри! Не слушай меня! — в отчаянии взмолилась Адриана. — Это всего лишь мои догадки. Мне покатилося...

— Наверное, ты права. — Гарри кивнул. — Но я мужчина, и мне не хватает тонкости, чтобы заметить какие-то оттенки чувств.

— Возможно. Но помни: сердцу не прикажешь. Если не любишь человека, тут уж ничего не поделаешь. — Несколько секунд Адриана молча смотрела на сына, потом встала. — У меня ужасно болит голова. Мне надо лечь.

— Конечно, мама, сегодня у всех нас был трудный день.

Адриана направилась к двери, но остановилась на пороге и вновь посмотрела на Гарри.

— Поверь мне, я не хочу, чтобы ты пошел наперекор собственным чувствам. Это не по-французски, и я этого не одобряю. Спокойной ночи, милый. Надеюсь, завтрашний день будет лучше, чем сегодняшней.

Когда она ушла, Гарри налил себе еще коньяка и сел в удобное кожаное кресло, чтобы подумать.

Глава 19

На следующее утро, 1 сентября 1939 года, по радио объявили, что гитлеровские войска вошли в Польшу. Два дня спустя, вечером накануне свадьбы Элси и Билла, Чемберлен обратился с речью к своему народу и объявил, что Великобритания и Германия находятся в состоянии войны.

Из-за надвигающейся катастрофы поместье охватила лихорадка ожидания. На другое утро, когда Оливия складывала свои вещи в чемодан, в дверь ее спальни постучали.

— Войдите! — крикнула девушка.

На пороге стоял Гарри.

— Прости, что потревожил тебя, Оливия, но ведь ты приглашена на свадьбу Элси, верно?

— Да, — холодно отозвалась Оливия.

Объявление войны и равнодушие Гарри остудили в ее душе все романтические чувства. Сейчас она хотела лишь одного — вернуться к прежней жизни.

— Ты не будешь возражать, если я составлю тебе компанию? Мне хотелось бы немножко повеселиться. Элси — хорошая девушка, а Билл — отличный парень, и я с удовольствием пожелаю им счастья.

Оливия удивленно взглянула на Гарри и поняла, что вряд ли сможет ему отказать.

— Конечно, пойдем, если ты хочешь. Церемония начнется в два часа дня.

— Тогда давай встретимся в холле в половине второго и парком прогуляемся к церкви. — Он заметил чемодан на кровати. — Укладываешь вещи?

Оливия кивнула:

— Да. Завтра уезжаю домой, к родителям в Суррей. А оттуда сразу отправлюсь в Лондон, запишусь в женскую службу ВМС, если возьмут.

— Замечательно, Оливия. Но мы здесь будем по тебе скучать.

— Сомневаюсь, — с напускным равнодушием бросила девушка.

— Поверь мне, нам всем будет жаль с тобой расставаться. Так, значит, в половине второго?

— Да. — Она кивнула и продолжила собирать чемодан.

Ее очень смутило необычное поведение Гарри.

Оливия и Гарри сидели на задней скамье церкви и смотрели на Элси, которая, сияя от счастья и гордости, в красивом кружевном платье шла по проходу навстречу своему будущему мужу. Когда венчающиеся произносили клятвы супружеской верности, среди собравшихся не было ни одного человека с сухими глазами. Каждый из присутствующих знал, что совместная жизнь этой пары скоро прервется. Это был тяжелый момент. Взглянув на Гарри, Оливия заметила, что он тоже тронут.

В приемной сельского клуба Оливия с восхищением смотрела, как Гарри, усевшись за стол, по-свойски перешучивается с окружившими его работниками. Было видно, что они уважают и любят этого молодого человека, который когда-нибудь станет их господином. Девушке впервые довелось наблюдать его с этой стороны, и сердце ее немного смягчилось.

После праздничного завтрака зазвучали поздравительные речи. Джек, отец Билла, попросил мистера Гарри произнести тост для счастливой пары. Поощряемый радостными возгласами, Гарри протиснулся вперед и поднялся на кафедру.

— Леди и джентльмены, я имею честь знать Билла и Элси всю жизнь, — начал он. — Кто бы мог подумать, что эти два озорных ребенка, которых я ловил за шкуру, когда они воровали яблоки в саду, в один прекрасный день поженятся? Кстати, они ни разу не угостили меня яблочком!

Слушатели расхохотались.

— По причине весьма неприятных обстоятельств, с которыми мы все недавно столкнулись, за последние несколько недель мне довелось узнать Билла лучше. Хочу заверить его милую женушку, что он все ловчее и ловчее управляется со шваброй. — Гарри улыбнулся, глядя на Элси. — Но я уверен: когда швабру заменит настоящее ружье, Биллу не будет равных. Элси, твой муж — хороший храбрый парень. Береги его и будь счастлива!

Прослезившись, Элси сжала руку своего молодого супруга.

— Спасибо, мистер Гарри. Я буду его беречь, обещаю!

— За Билла и Элси! — Гарри поднял свой бокал.

— За Билла и Элси! — хором подхватили гости, и Гарри сошел с кафедр под громкие возгласы толпы.

Джек хлопнул в ладоши, призывая к тишине.

— Давайте троекратно прокричим «ура» мистеру Гарри, которого мы когда-нибудь с радостью назовем его светлостью, и юной мисс Оливии, которая была так добра к нашей Элси! Спасибо вам обоим за то, что пришли. Возможно, нам стоит спросить у вас, — Джек озорно усмехнулся, — когда вы тоже сыграете свадьбу?

Речь Джека была встречена новыми криками, а Гарри вернулся к Оливии.

— Леди и джентльмены, хватайте своих партнеров — начинаются танцы! — объявил Билл.

Гарри сел рядом с Оливией и весело ей подмигнул.

— Кажется, ты им нравишься.

— А мне кажется, им нравишься ты, Гарри. Ты произнес чудесную речь, — великодушно похвалила она, пытаясь разрядить напряжение, вызванное шутливым замечанием Джека.

Гарри протянул ей руку:

— Потанцуем?

— Почему бы и нет? — улыбнулась девушка.

Час спустя Гарри и Оливия вышли из душного зала в приятную ночную прохладу.

Оливию все приглашали танцевать. Она вальсировала с Джеком, Биллом и даже с Сейблом, дворецким.

Они направились к дому, и Гарри взял ее за руку. Сердце девушки подпрыгнуло от волнения, но она решила просто наслаждаться моментом и не придавать ему большого значения.

— Оливия, ты прекрасно умеешь общаться со слугами. Это особый дар, который есть и у моей мамы.

— Спасибо, — польщенно улыбнулась Оливия, оглядывая окрестности и пытаясь в последний раз вобрать в себя красоту поместья. — Мне грустно от того, что я уезжаю, — призналась она. — Я успела полюбить это место.

Солнце уже садилось за горизонт, когда они шли через недавно опустевшие поля, направляясь к парку.

— Знаешь, Оливия, — тихо проговорил Гарри, — порой мужчина не видит того, что находится прямо у него перед носом.

— Что ты имеешь в виду? — Оливия удивленно взглянула на своего спутника.

— Сегодня утром, увидев, как ты собираешь чемодан, я вдруг понял, как хорошо мне было рядом с тобой. И как сильно я буду скучать по тебе, когда ты уедешь.

— Большое спасибо за добрые слова, Гарри, но ты меня едва замечал. — Оливия пренебрежительно пожала плечами.

— Да, но я знал, что ты здесь.

Девушка промолчала. Они шли по дорожкам парка к фонтану. Внезапно Гарри обернулся к Оливии, обнял ее и поцеловал в губы — на этот раз пылко и страстно.

Оливия растерялась. Она не ожидала такого поворота событий, однако поцелуй оказался очень приятен.

Наконец Гарри оторвался от ее губ и ласково посмотрел на девушку, держа ее за плечи.

— Оливия, я не хочу, чтобы ты уезжала. Прошу тебя, останься со мной в Уортон-Парке.

— Но... Гарри... я не могу, — пролепетала она, запинаясь.

— Почему?

— Что я буду здесь делать? Я должна вернуться в Лондон и записаться в войска.

— Милая Оливия, здесь, в Норфолке, тоже будут набирать войска, — произнес он с усмешкой.

— Ну и что? Гарри, я...

— Выходи за меня замуж.

Она уставилась на него как на сумасшедшего, разум отказывался понимать, что же ответить на столь неожиданное предложение.

Гарри встал на колени и взял ее руки в свои.

— Оливия, я не знаю, питаешь ли ты ко мне какие-то чувства, но если ты согласишься стать моей женой и провести всю оставшуюся жизнь здесь, в Уортон-Парке, я буду безмерно счастлив.

Оливия наконец обрела дар речи:

— Прости меня, Гарри, но я потрясена. Мне казалось, ты... — она судорожно сглотнула, — ко мне равнодушен. Почему вдруг сейчас тебя прорвало?

— Наверное, я понял, что ты мне нужна, только вчера вечером, когда разговаривал со своей мамой. А сегодня утром я увидел, как ты

готовишься к отъезду. Дорогая, пожалуйста, скажи «да»! Обещаю: буду всячески холить тебя и лелеять. Я уверен, вдвоем мы сумеем сохранить Уортон-Парк для следующего поколения.

Девушка смотрела на коленопреклоненного Гарри, любуясь его красивым лицом. Неужели это происходит наяву? Она уже разуверилась в том, что у их отношений есть будущее. Любовь, которая таилась в ее душе и которую она так отчаянно подавляла, вспыхнула с новой силой.

— Пожалуйста, скажи «да», пока у меня не треснула коленная чашечка, которой я опираюсь на гравий, — пошутил он с мальчишеской ухмылкой. — Прошу тебя, милая!

Оливия прислушалась к своему сердцу и поняла, что бесполезно искать поводы для отказа. Она его любит, а остальное не имеет значения.

— Да, Гарри, — сказала она, — я выйду за тебя замуж.

Он встал, обнял девушку и привлек ее к себе.

— О, моя дорогая! Я счастлив! Скорее пойдем в дом и разыщем мою маму. Мне не терпится все ей рассказать.

Вместе с Адрианой они отпраздновали событие шампанским, и только когда Оливия легла в постель, утомленная неожиданным всплеском радости, она поняла, что Гарри ни разу не сказал ей о том, что он ее любит.

Глава 20

Бракосочетание достойного Гарри Кроуфорда и мисс Оливии Дру-Норрис было назначено на начало декабря. Гарри уехал со своим батальоном, которому поручили охранять побережье Норфолка, возводить сторожевые посты, тянуть заграждения из колючей проволоки и закладывать мины. Они будут заниматься этим, по меньшей мере, до января, а потом их отправят на новое место. Другие батальоны уже выдвинулись на материк, поэтому Гарри и все обитатели Уортон-Парка, у многих из которых были родственники в Пятом королевском норфолкском полку, благодарили судьбу за то, что им посчастливилось еще какое-то время побыть на родине.

Адриана предложила Оливии подождать до свадьбы и лишь потом записаться в женские ВМС.

— У тебя еще будет много времени, *ma cherie*. Ты невеста, будущая леди Кроуфорд! Сейчас тебе следует остаться со мной и насладиться приготовлениями к самому торжественному событию в твоей жизни.

Скорая свадьба отвлекла Адриану от мрачных мыслей. Леди Кроуфорд сосредоточила все свои силы на организации предстоящей церемонии. Новости, поступающие из-за моря, с каждым днем становились все серьезнее, но она решила устроить детям шикарный праздник.

Оливии происходящее казалось продолжением светского сезона. Ее жизнь превратилась в очередной раунд походов к портным: вместе с Адрианой она съездила в Лондон и заказала модное платье у самого Норманна Хартнелла. Надо было составить списки гостей, которые придут на помолвку и свадьбу, и разослать им приглашения. Обычно подготовка к таким громким свадьбам занимала год, но Оливия и Адрианна сумели уложиться в несколько месяцев.

Родители Оливии, разумеется, пребывали на седьмом небе от счастья. Они приехали в Уортон-Парк на выходные, чтобы поздравить молодых. После праздничного обеда отец девушки и Кристофер произнесли торжественные речи, одобряя решение своих детей и пожелав им счастья.

Оливия сочувствовала матери, которую отстранили от участия в организации свадьбы, но миссис Дру-Норрис восприняла это без обиды, сказав дочери, что лорд и леди Кроуфорд оплачивают все расходы, и это весьма кстати: папиной военной пенсии не хватило бы даже на платья для подружек невесты, не говоря уже об остальном.

Вечером накануне свадьбы в доме устроили обед для друзей и близких родственников обеих семей. Из Лондона приехала Венеция, прихватив с собой и других подружек Оливии. Она сидела на кровати Оливии, пока невеста красилась за своим туалетным столиком.

— Знаешь, дорогая Оливия, а я на тебя обиделась. Ведь ты меня подвела. Я думала, мы с тобой договорились не выходить замуж, и вот, пожалуйста: прошло всего несколько месяцев, и ты идешь под венец! Ты уверена, что Гарри — тот самый, единственный?

— Я обожаю и его, и Уортон-Парк, — твердо ответила Оливия.

— Но ты же понимаешь: тебе придется до конца своих дней быть привязанной к этому дому. Ты должна родить наследника, а может, завести еще несколько отпрысков.

— Я люблю детей, — вскинулась Оливия. — И хочу, чтобы они у нас были.

— А ты точно знаешь, что Гарри тебя любит?

— Конечно! — резко ответила Оливия. Вопрос Венеции задел ее за живое. — Если бы не любил, не стал бы просить моей руки.

После обеда Оливия устало поднялась на второй этаж и направилась к себе в спальню. Вдруг кто-то обнял ее сзади за талию.

— Привет, моя милая девочка! Как ты себя чувствуешь? — Гарри потерся носом о ее шею. По его дыханию девушка поняла, что он выпил.

— Немножко волнуюсь, — призналась она. — А ты?

— Жду не дождусь, когда закончится вся эта круговерть и мы станем мистером и миссис Кроуфорд. Ты хочешь этого?

— Да.

Он нежно поцеловал ее в лоб.

— Спокойной ночи, милая. Насладись последней ночью свободы. Встретимся завтра в церкви.

Оливия легла в постель, охваченная внезапным волнением. Ее пугала не свадебная церемония, а то, что случится после, когда завтра

вечером они с Гарри войдут в большие хозяйские апартаменты с видом на парк и за ними закроется дверь.

Разумеется, она знала, что ей предстоит: Венеция с удовольствием посвятила ее в подробности физического соития. Но как Оливия ни старалась, ей было трудно представить интимную близость с Гарри.

«А что, если он такой же невинный, как я? Хоть бы у него был какой-нибудь опыт по этой части, тогда, по крайней мере, один из нас будет знать, что делать», — размышляла она.

Она боялась первой брачной ночи, но успокаивала себя тем, что через это прошли все замужние женщины.

«И потом, — подумала Оливия, засыпая, — это единственный способ зачать ребенка».

Утро выдалось солнечное и холодное. В восемь часов в спальню Оливии вошла Элси. Она несла поднос с завтраком, и ее распирало от радостного волнения.

— Торопиться не надо, мисс, у меня все под контролем. Вот, смотрите, — она показала девушке лист бумаги, — я составила график утренних дел, так что мы с вами будем четко знать, чем нам надо заниматься.

Присутствие рассудительной Элси успокоило Оливию.

— Ты чудо! Спасибо, — проговорила она, когда горничная поставила поднос ей на колени.

— Жду не дождусь, когда вы наденете это платье! — воскликнула Элси, показывая на серовато-белое атласное чудо портновского искусства, надетое на манекен в углу спальни Оливии. — Ее светлость сказала, что после завтрака поднимется на вас посмотреть. Потом я наберу вам ванну, и мы уложим ваши волосы.

В девять часов в дверь Оливии постучали.

— Войдите!

Появилась Адриана с большой кожаной коробкой в руках. Она подошла к девушке и поцеловала ее в обе щеки.

— Знаешь, *cherie*, это самый счастливый день моей жизни! Мой сын женится на девушке, которую я люблю, как родную дочку... Что еще я могу желать? Подойди-ка сюда, я покажу тебе свой подарок.

Адриана села на скамеечку и похлопала по сиденью рядом с собой, призывая Оливию присесть, потом открыла коробку и достала изящный бриллиантовый гарнитур: кольцо и крупные серьги-капельки.

— Это тебе, Оливия. Надень их сегодня. В последние двести лет их носили все невесты семьи Кроуфордов. Ты сбережешь комплект, а потом передашь невесте сына в день его свадьбы.

— Как красиво! — ахнула Оливия. — Спасибо, Адриана.

— Не надо меня благодарить, *cherie*. — Женщина встала. — Я лишь хочу, чтобы мы с тобой всегда оставались близкими подругами. Ну, мне пора: пойду проверю, как идут приготовления к торжеству. Я с нетерпением жду момента, когда ты официально вступишь в нашу семью.

В половине двенадцатого Оливия оделась и собралась. Увидев свою юную госпожу, Элси преисполнилась восторженного благоговения.

— О, мисс Оливия, вы так прекрасны! Будь я мужчиной, обязательно на вас женилась бы. — Захихикав, она протянула Оливии длинные перчатки из белого атласа.

— Спасибо. Знаешь, я жутко волнуюсь! — Оливия развела руками. — Иди же сюда да обними меня покрепче. Мне сейчас очень нужна дружеская поддержка.

— Конечно, мисс. — Осторожно, чтобы не помять роскошное платье Оливии, Элси заключила девушку в объятия.

— Эти несколько недель ты отлично за мной ухаживала, спасибо, — улыбнулась Оливия. — Я попросила Адриану, чтобы она оставила тебя со мной.

— Вы хотите сказать, что теперь я всегда буду вашей служанкой? — Элси радостно округлила глаза.

— Да. Никто другой не справится с этой работой лучше, чем ты. Конечно, если не возражаешь. Кстати, твое жалованье повысится на несколько шиллингов.

— Ох, мисс, это чудесно! Большое спасибо, — проговорила Элси срывающимся голосом. — А сейчас вам лучше спуститься на первый этаж, там вас ждут.

— Хорошо. — Оливия несколько секунд постояла, пытаясь успокоиться. — Пожелай мне удачи, Элси.

Горничная посмотрела ей вслед.

— Удачи вам, мисс, — пробормотала она, когда Оливия вышла из комнаты.

Потом Оливия пыталась восстановить в памяти день своей свадьбы, но ей это плохо удавалось. Она помнила Гарри в парадной военной форме, ждущего у входа в церковь, и почетный караул из солдат его батальона, встречающий новобрачных, когда они выходили из церкви. На банкете, устроенном в бальном зале, людей было столько, что они запечатлелись как море лиц. Кого-то из гостей она знала — встречалась в Лондоне, но многих видела впервые. Девушка забыла, что ела на праздничном обеде (хотя, учитывая тугий корсет, ей наверняка пришлось ограничиться малым) и какие речи произносились за свадебным столом.

Она запомнила свой первый танец с Гарри (все хлопали в ладоши). Потом ее кружили в вальсе лорд Кроуфорд, ее отец, Ангус и Арчи.

В десять часов вечера гости собрались в холле, чтобы попрощаться с новобрачными и отпустить их в опочивальню. Гарри надо было сразу вернуться в свой батальон, поэтому медовый месяц пришлось отложить. Гарри взял молодую жену за руку, поцеловал в щечку, и она бросила свой букет с верхней ступеньки лестницы. Под радостные возгласы гостей цветы поймала пятилетняя племянница Адрианы.

— Все в порядке, милая? — спросил Гарри, провожая Оливию по коридору в сторону, противоположную ее старой спальне.

— Кажется, да, — взволнованно ответила девушка.

Он открыл дверь в их новые апартаменты, и они зашли внутрь.

Молодой муж затворил дверь и повалился на большую кровать, с которой заранее откинули одеяла.

— Не знаю, как ты, — проговорил он, — а я не хотел бы еще раз пережить такое. Жутко устал!

Оливия тоже была без сил, но стеснялась лечь к нему в постель. В конце концов, она опустилась в кресло перед недавно растопленным камином.

Гарри внимательно оглядел ее.

— Тебе, наверное, понадобится помощь Элси, чтобы раздеться? Я ничего не понимаю в таких вещах и вряд ли буду тебе полезен.

— Во всяком случае, ты можешь попробовать, — робко предложила девушка. Ее немного покорило, что в столь романтичный момент он говорит о практичном.

Гарри спрыгнул с кровати и подошел к своей молодой жене.

— Тогда встань, я посмотрю, получится ли у меня что-нибудь, — скомандовал он.

Оливия поднялась с кресла и повернулась к нему спиной, демонстрируя ряд мелких перламутровых пуговиц. Утром, чтобы все их застегнуть, Элси потратила целых двадцать минут.

Гарри покачал головой:

— Боюсь, здесь я бессилён. Знаешь что, милая? Я пойду поищу Элси и вернусь, когда она тебя разденет. — Улыбнувшись, он вышел из спальни.

Оливия не знала, смеяться или плакать, столкнувшись с такой бесчувственностью. Через несколько минут к ней зашла горничная.

— Мистер Гарри сказал, вам нужна моя помощь. Неудивительно, эти пуговицы — сущий кошмар! Здесь нужны сноровистые пальцы.

Элси начала расстегивать платье. Оливия стояла, не говоря ни слова.

— Вы в порядке, мисс? — забеспокоилась Элси. — Почему вы молчите?

— Я... ох, Элси... — К своему стыду, она почувствовала, как из ее глаз полились слезы.

— О, мисс, пожалуйста, не плачьте! Вы просто устали и переволновались. Признаться, я тоже плакала в первую брачную ночь. — Элси достала из кармана носовой платок и протянула Оливии. — Вытрите слезы. Не надо портить свое прелестное личико. Я постараюсь все сделать быстро, и вы вернетесь в объятия мистера Гарри.

— Спасибо, Элси. Наверное, ты права. — Оливия высморкалась в платок. — Я веду себя глупо.

— Мы все нервничаем в первую брачную ночь, мисс, — заметила Элси, расстегивая последнюю пуговку, и Оливия шагнула из упавшего платья. — Я уверена, мистер Гарри будет внимательным и осторожным, — добавила девушка, протягивая своей госпоже ночную рубашку. — Вот, наденьте, а я заберу платье и повешу его в вашей старой комнате. Потом спущусь вниз и скажу мистеру Гарри, что вы готовы. Ладно, мисс?

— Да, — кивнула Оливия. — Спасибо, Элси.

Горничная подхватила свадебное платье, повесила его на руку и зашагала к выходу. Открыв дверь, она обернулась с порога и посмотрела на девушку с робкой улыбкой.

— Поверьте, это вовсе не так страшно, как вам кажется. До завтра, мисс Оливия. Спокойной вам ночи.

Немного придя в себя, Оливия вновь села в кресло и стала ждать возвращения Гарри. Десять минут спустя, позевывая, она решила лечь в постель.

«Куда подевался мой муж? Может, пойти поискать? Ну, уж нет, он сам прекрасно знает дорогу в супружескую спальню».

Прошло еще полчаса, а он все не появлялся. Утомленная дневными событиями, Оливия закрыла глаза и уснула.

Ночью она услышала, как отворилась дверь. Матрас ощутимо качнулся: Гарри лег рядом. Девушка в страхе замерла: «Вот сейчас, сейчас он потянется ко мне...» Но ничего не произошло, а вскоре тишину спальни огласил его тихий храп.

Проснувшись рано утром, Оливия ощутила гнетущее беспокойство. Она точно знала, что вчерашняя ночь прошла не так, как положено.

Гарри спал рядом. Девушка осторожно встала с постели и, на цыпочках ступая по ковру, вышла в соседнюю комнату. Их личные апартаменты состояли из спальни, гостиной, ванной и двух гардеробных. В ее гардеробной стоял платяной шкаф, а в гардеробной мужа оказалась узкая кровать.

Оливия знала, что отдельные спальни для мужа и жены — обычное явление, хотя у ее родителей в Пуне никогда не было такой роскоши: они жили в маленьком доме. Девушка присела на кровать и с тоской подумала о том, что Гарри, наверное, предпочел бы именно здесь провести минувшую ночь.

Она поспешно оделась, боясь, что Гарри войдет в комнату и увидит ее полуголой. Тихо вернувшись в спальню, она увидела, что новоиспеченный муж по-прежнему крепко спит. Оливия задержалась на пороге.

«Что же делать? Спуститься вниз? Но тогда домашние удивятся, почему я так рано встала в первое утро супружеской жизни. Или остаться здесь, наедине с Гарри? Но этого мне хочется меньше всего на свете...»

Однако Оливия не успела принять решение. Гарри заворочался, проснулся и увидел ее, стоящую в дверях.

— Привет, милая, — пробормотал он с улыбкой, протирая глаза. — Как спалось?

Она молча пожала плечами. На ее лице читалось отчаяние.

— Иди сюда и обними меня! — Гарри призывно раскинул руки в стороны.

Оливия не сдвинулась с места.

— Ну же, милая, пожалуйста! Я не кусаюсь.

Она осторожно подошла к нему и присела на краешек кровати.

— Ты, наверное, хочешь знать, где я был вчера ночью?

— Да, хочу.

— Когда я шел к тебе по коридору, меня перехватил один парень и позвал в мужскую компанию, предложив по-быстрому выпить коньячку в честь моей свадьбы. Я знал, что ты устала, и решил тебя не тревожить. — Он потянулся к Оливии и сжал ее руку. — Милая, ты, кажется, расстроена?

— Конечно, Гарри! Черт возьми, ведь это была наша первая брачная ночь! — вскричала она, не в силах сдержать разочарования.

— Да, я понимаю. Прости. — Он сел в постели и погладил ее по спине. — Знаешь, милая, у нас впереди целая жизнь. Мы еще успеем узнать друг друга поближе. К чему торопиться?

— Да, пожалуй, ни к чему, — неуверенно согласилась девушка. — Просто... я не хочу, чтобы об этом кто-то узнал.

— Я никому не скажу, клянусь. Только давай не будем спешить, ладно?

Оливия сама не знала, как прожила этот день. Она нарочно хваталась за разные дела и уваливала от вопросов Венеции и Адрианы, стараясь казаться спокойной и счастливой, как и подобает новобрачной. Вечером, когда гости разъехались и она легла в постель, в спальню явился Гарри. Он сел на кровать и взял Оливию за руку.

— Милая, думаю, будет лучше, если сегодня ночью я посплю в своей гардеробной. Завтра мне придется встать на рассвете, и я не хочу тебя будить. — Он нагнулся к ней и поцеловал в щеку. — Спокойной ночи, приятных сновидений.

Он встал и вышел из спальни. Оливия до поздней ночи лежала без сна, чувствуя себя глубоко несчастной и понимая, что в ее только что

начавшейся супружеской жизни есть какой-то ужасный изъян.

Глава 21

Прошло две недели, приближалось Рождество. За это время Гарри ни разу не попытался вступить с Оливией в интимные отношения. Она вообще редко видела своего молодого мужа. Он возвращался домой поздно, иногда за полночь, несколько часов спал в своей гардеробной, а утром, около шести, опять уезжал. В выходные младший Кроуфорд тоже пропадал на службе.

Оливия мысленно оправдывала супруга, зная, что война набирает обороты. Немецкая подводная лодка уже потопила британский военный корабль, и из поместья с каждым днем исчезало все больше молодых мужчин — надо было пополнять учебные батальоны.

Оливия надеялась, что на Рождество, когда Гарри получит два выходных, они проведут какое-то время вместе и, по крайней мере, обсудят их странные отношения.

По счастью, в поместье у нее было много дел, так как количество мужчин-работников постепенно убывало. Билл уже не мог помогать Джеку, и Оливия на пару с садовником ухаживала за огородом и поливала цветы в теплице. Работая на свежем воздухе, она почти не думала о своих проблемах: мысли словно цепенели от холода. Но порой ей было трудно сохранять бодрое и веселое расположение духа. Самое печальное, что она не могла ни к кому обратиться за советом, в котором так нуждалась.

Адриана чувствовала настроение своей молодой невестки, но объясняла это тем, что девушка редко видится с мужем в первые недели совместной жизни. Она предложила Оливии перед самым Рождеством устроить домашнюю вечеринку и позвать в гости лондонских друзей девушки.

Даже Гарри пришел в восторг от этой идеи.

— По-моему, отличная мысль, милая. Ты наверняка пригласишь Венецию. Эта девушка развеселит любую компанию. А как насчет того поэта... Арчи? И Ангуса, твоего шотландского приятеля?

Друзья Оливии приехали в Уортон-Парк, полные жутких историй про Лондон и скорое введение карточной системы. Венеция, затянутая в строгую форму женской службы ВМС, сообщила Оливии, что

проходит обучение, но по причине крайней секретности не может ничего об этом рассказывать.

После обеда обе девушки уединились в библиотеке и, сев у камина, предались традиционной беседе с глазу на глаз. Венеция придирчиво оглядела Оливию.

— Знаешь, милая, для сельской жительницы ты выглядишь неважно. Может, ты уже в положении, а? — усмехнулась она.

Шутливый вопрос Венеции больно задел Оливию. На глазах у нее выступили слезы.

— О Боже! Прости меня, милая. Я сказала что-то не то? — всполошилась Венеция.

— Нет... да... ох, Венеция, все так ужасно! Даже не понимаю, как это выразить словами.

Венеция подошла к подруге и обняла ее за плечи.

— Не знаю, что случилось, но уверена: все не так плохо, как тебе кажется. Ты ведь не болеешь, милая?

— Нет, не болею... Я... Дело в том, Венеция, что я... до сих пор девственна!

Венеция удивленно взглянула на нее:

— Как это? Ох, милая, пожалуйста, расскажи. Может, я сумею помочь, — ласково попросила она.

Запинаясь и срываясь на плач, Оливия поведала свою печальную историю.

— Ничего не понимаю, — пробормотала Венеция. — Большинство мужчин всю жизнь пытаются получить то, что Гарри мог бы свободно брать от своей жены каждую ночь.

— Не надо! — вскричала Оливия. — Я все знаю. Только не знаю почему.

— Ты спрашивала его об этом?

— Нет. Все время твержу себе, что должна с ним поговорить, но... никак не могу решиться.

— Ты обязана это сделать, милая, потому что такая ситуация ненормальна, — с нажимом произнесла Венеция. — И потом ты такая красавица! Трудно представить, что какой-то мужчина смог бы противиться твоим женским чарам.

Оливия слабо улыбнулась:

— Спасибо, Венеция, но я действительно не знаю, что и думать. Моя свекровь то и дело намекает про будущего наследника Уортон-Парка, но я-то прекрасно понимаю, что ее мечты несбыточны. Возможно, — она вздохнула, — я просто не в его вкусе.

— Не говори глупости! — возмутилась Венеция. — Ты не можешь не нравиться мужчинам. Скорее всего, это проблема твоего мужа, а не твоя. Постарайся это запомнить. — Она задумчиво прошла по библиотеке, потом остановилась и обернулась к Оливии. — А что, если он трусит? Тогда тебе ничего не остается, как только самой на него запрыгнуть.

— О Боже, нет! Я не могу!

— Если остальное не помогает, — Венеция зевнула, — ты можешь утешиться тем, что он вряд ли пробудет здесь слишком долго. В стране полным ходом идет мобилизация, и твой Гарри, скорее всего, скоро отправится морем во Францию. А ты, — она усмехнулась, — заведешь себе любовника. В конце концов, замужней женщине любовник необходим. А сейчас, дорогая Оливия, я пойду спать. Я нашла себе нового сердечного друга, с которым пропела в Лондоне слишком бурную ночь, и теперь просто валюсь с ног. Мы продолжим разговор завтра утром. Поверь, ты здесь ни при чем. Спокойной ночи, милая. Сладких тебе снов!

Оливия задумалась над словами подруги.

«Может, Венеция права, и Гарри просто очень робок? Тогда действительно остается только одно — самой на него запрыгнуть».

В этот вечер она надела свой самый красивый пеньюар и, не дожидаясь, пока ослабеет решимость, прошла через гостиную к гардеробной Гарри. Но, открыв дверь, девушка увидела, что его кровать пуста. Часы на прикроватном столике показывали, что время перевалило за полночь.

«Странно... Куда же он подевался, ведь мы вместе встанем и из-за обеденного стола?»

Оливия вышла из комнаты, пересекла лестничную площадку и на цыпочках спустилась на первый этаж.

Свет нигде не горел. Сейбл уже закрыл входную дверь, и это означало, что все домочадцы спят. Оливия двинулась через парадный холл и остановилась, заметив луч света, пробивающийся из-под двери библиотеки.

Подкравшись поближе, девушка тихо повернула ручку, отворила дверь и... остолбенела. Оливия едва сдержала крик. Гарри стоял у камина спиной к ней и обнимался с Арчи. Глаза поэта были закрыты, он страстно целовал ее мужа, не догадываясь о присутствии непрошеной гостьи. Постояв на пороге несколько секунд, она почувствовала, как к горлу подкатила тошнота, и, зажав рот ладонью, бросилась к ближайшему туалету.

Проведя почти бессонную ночь, Оливия забылась только под утро и очнулась, опустошенная, к сочельнику. Слава Богу, у нее появилась возможность отвлечься: она взялась помогать Адриане украшать елку, срубленную на территории Уортон-Парка и установленную в парадном холле. Где-то вдалеке играло радио — передавали рождественские гимны, и все, кроме Оливии, были преисполнены праздничного веселья. Девушка изо всех сил старалась держаться, больно кусая губы, чтобы не разрыдаться от горя.

Венеция, Арчи и Ангус собирались возвращаться в Лондон. Оливия спряталась наверху, у себя в спальне. Мысль о том, чтобы встретиться с Арчи и завести с ним вежливую беседу, была ей невыносима. Венеция отправилась на ее поиски.

— Милая, я за тебя сильно волнуюсь. Ты сегодня сама не своя. Если понадобится, ты знаешь, как меня найти. — Венеция поцеловала Оливию на прощание.

— Спасибо, — выдавила Оливия.

Она не могла заставить себя рассказать подруге о том, что увидела прошлой ночью.

Каким-то образом ей удалось пережить этот день и традиционное открывание подарков, которое состоялось после обеда. При первой же возможности она ушла к себе и легла в постель, разбитая и несчастная. Пытаясь согреться, свернулась калачиком под одеялом: холод пробирал до костей.

Час спустя в спальню вошел Гарри.

— Милая, ты не спишь?

Оливия не ответила. Гарри обогнул кровать, и она почувствовала, как он нагнулся к ее лицу.

— Нет!!! — закричала Оливия, резко сев в постели. — Не прикасайся ко мне!

— Что случилось? — Гарри отступил назад, потрясенный ее реакцией.

Она спрыгнула с кровати, охваченная желанием убежать куда подальше.

— Да, я по глупости вышла за тебя замуж, и с этим уже ничего не поделаешь! Но прошу тебя, дай мне слово, что больше никогда до меня не дотронешься! Ты... мне противен!

Оливия прошагала к камину, дрожа от холода и гнева. Гарри озадаченно пошел за ней.

— Милая, ради Бога, успокойся! Не понимаю, о чем ты.

Она посмотрела на него в упор. В ее взгляде читалось отвращение.

— Я видела тебя с ним, — выплюнула она. — Вчера ночью, в библиотеке.

Гарри отвел глаза, посмотрел куда-то вдаль, потом кивнул:

— Понятно.

— Все эти недели я ломала голову, почему ты не испытываешь желаний к своей жене и не занимаешься с ней любовью, как положено супругу. Почему ты ни разу даже не попытался ко мне прикоснуться. Я была в полном отчаянии, думая, что все дело во мне — что я как-то не так себя веду. А оказывается, — Оливия невесело рассмеялась, — я тебе вообще не интересна, потому что у меня другой пол!

Гарри тяжело опустился в кресло у камина и обхватил голову руками. Она смотрела на него без всякого сочувствия.

— Я страшно виноват перед тобой, Оливия. Тебе не следовало видеть то, что было вчера ночью...

— А тебе не следовало делать то, что я видела вчера ночью! Как ты мог, Гарри? В этом доме! Ведь туда мог зайти кто угодно...

— Клянусь, это случилось со мной впервые и больше не повторится. Я... мы... были пьяны... и потеряли голову...

— Только не надо оправдываться, Гарри! — Оливия в отчаянии заломила руки. — Ты что, в самом деле не можешь устоять против объятий другого мужчины? — Она изо всех сил сдерживала себя, чувствуя, что находится на грани истерики.

— Дорогая...

— И не называй меня «дорогая»! Я не твоя «дорогая», это он твой «дорогой»! — Оливия разрыдалась, подошла к кровати и опустилась

на край матраса. — Как ты мог быть таким жестоким, Гарри? Как ты мог на мне жениться, зная, что я тебе не нужна?

— Я не знал... не знаю... Оливия, может, ты не понимаешь, но в школе...

— Мне плевать, что было в школе! — Она брезгливо взглянула на него. — Сейчас ты семейный человек, у тебя есть жена! Как ты мог позволить мне загубить свою жизнь с тобой, если тебя привлекают мужчины, и ты никогда не сможешь меня полюбить? Я знаю, что ты робок, Гарри, но только сейчас поняла, какой ты жестокий.

— Пожалуйста, выслушай меня, Оливия! Я действительно испытываю к тебе нежные чувства. А после вчерашней ночи я понял, что... то, что ты видела... это не для меня, поверь!

— О да, теперь, когда тебя застали на месте преступления, это самое лучшее, что ты можешь сказать! — бросила девушка. — Ведь ты прекрасно понимаешь, что за такие дела тебя могут с позором выгнать из армии. А твои бедные родители? — Она покачала головой. — Твоя мама все время спрашивает у меня, когда я рожу вам очередного наследника. Ох, Гарри, — выдохнула Оливия из последних сил, — как мне все это выдержать?

— Пожалуйста, не плачь, дорогая! — Он попытался к ней подойти, но она выставила перед собой руки.

— Я сказала, не прикасайся ко мне!

Гарри вновь отступил к креслу. Какое-то время они сидели молча.

— Знаешь, Оливия, — наконец заговорил Гарри, — нет ничего странного в том, что мужчины иногда борются со своей природой. После вчерашней ночи я точно понял, кто я такой. И если ты мне позволишь, я заглажу свою вину, докажу состоятельность нашего брака. Конечно, прошлой ночью я вел себя неправильно, но я действовал из лучших побуждений. Пожалуйста, дай мне объяснить, как...

— Прошу тебя, — Оливия содрогнулась, — избавь меня от подробностей. Я не горю желанием вступать в твой грязный мирок. — Она протяжно вздохнула. — Думаю, когда мы с тобой успокоимся, то обсудим, что делать дальше. Не знаю, смогу ли я с этим смириться. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Если я не смогу, ты дашь мне развод, Гарри?

— В нашей семье никогда не было разводов! — На его лице отразился неподдельный ужас.

— Возможно, потому что в вашей семье никогда не было гомосексуалистов! — Она четко произнесла это слово и с удовольствием увидела, как Гарри вздрогнул.

— Пожалуйста, Оливия, не надо! — взмолился он. — Поверь, я не такой! Да, какое-то время я думал, что у меня другие наклонности, и мне надо было это проверить. Но поверь, милая, я нормальный! Сегодня в моей голове многое прояснилось. Вот почему я пришел к тебе сейчас: хотел наконец-то исполнить супружеский долг.

— Как благородно с твоей стороны, Гарри! — Оливия внезапно почувствовала усталость. — Но я тебе не верю. Сомневаюсь, что ты испытываешь ко мне нежные чувства, и жалею, что когда-то в тебя влюбилась. А теперь прошу: давай закончим разговор. Завтра еще один трудный день, и мне надо хоть немного поспать. — Она вопросительно взглянула на мужа: — Ты можешь мне кое-что пообещать?

— Все, что угодно, Оливия, дорогая!

— Пообещай, что не подойдешь ко мне близко и не дотронешься до меня до тех пор, пока я не решу, что нам дальше делать.

— Хорошо, — печально согласился Гарри, — я все понял.

Глава 22

В последующие недели Оливии не пришлось волноваться о том, что Гарри до нее дотронется: он редко бывал дома, круглыми сутками пропадая на учебном плацу и готовя личный состав для береговой обороны северного Норфолка. Была введена карточная система распределения продуктов; Уортон-Парк посетили представители министерства сельского хозяйства и велели засадить зерновыми и овощными культурами поля, которые стояли под паром.

Оливия отправилась на местный призывной пункт, чтобы записаться в женскую вспомогательную службу ВМС. Но, услышав, что она живет в Уортон-Парке, офицерша посоветовала ей встретиться с местным начальством женской «Земледельческой армии» — возможно, эта служба устроит ее больше.

— Многих девушек расквартируют в поместья графства, в том числе и ваше. Учитывая ваши личные качества, вы можете найти себе достойное применение в «Земледельческой армии».

Оливия послушно отправилась по указанному адресу. Начальница пришла в восторг от того, что им согласилась помочь жительница поместья да к тому же ровесница девушек, которые приедут сюда позже. Оливия взяла на себя роль секретаря-организатора, отвечающего за контакты с местными фермами. Ей предстояло решать, сколько девушек понадобится для работы и где их следует разместить.

Кроме того, она по мере сил помогала Адриане вести домашнее хозяйство, ибо штат прислуги стремительно убывал. Девушка целыми днями работала. Размышлять было некогда, и ее душевная рана постепенно затягивалась. На войне не время думать о себе и о будущем. Как ни иронично, тяжелая ситуация спасала Оливию от отчаяния, и она принимала каждый день таким, как он есть. К тому же сейчас она точно знала ответ на вопрос «зачем?», и от этого становилось легче.

В те редкие часы, когда Гарри бывал дома, он делал все возможное, чтобы доказать ей свою любовь: переписывал красивым почерком любимые романтические поэмы Оливии и оставлял их под дверью ее спальни, каждый день присылал ей цветы из теплицы, и их

апартаменты все время утопали в чудесных ароматах, заказывал из Лондона книги, которые ей особенно нравились.

Именно такого поведения она ждала, когда он ухаживал за ней перед свадьбой, но сейчас... его жесты ничего для нее не значили.

Ее сердце окаменело.

Девушки из «Земледельческой армии», которых направили в Уортон-Парк, приехали на автобусе в начале марта. Представители службы предупредили Оливию, что многие из них родились в промышленных городках и понятия не имеют о работе, которая им предстоит. Оливия выделила для них три коттеджа, где когда-то жила прислуга, — эти дома уже много лет пустовали в ожидании ремонта. Заручившись помощью Элси и остальных, молодая хозяйка поместья принялась чистить и обустраивать сырые и темные коттеджи, чтобы сделать их жилыми.

В тот вечер, когда прибыли девушки, Оливия собрала их всех в кухне. Всех ее юных подопечных поразили размеры дома. Немного освоившись, они принялись наперебой рассказывать, откуда приехали и какую ужасную форму им приходится носить.

— Вы только примерьте рубашку «Аэртекс», миссис Кроуфорд! — воскликнула девушка с сильным бирмингемским акцентом. — Она такая колючая!

— А какая огромная! — заметила светловолосая красотка. — Мы просто утопаем в этих нелепых костюмах! Похоже, их шили на мужчин, а не на женщин. Завтра утром мы все превратимся в чучел, правда, девочки?

Барышни захихикали, и Оливия с радостью увидела, что в их компании царит добродушное веселье. Начальница «Земледельческой армии» предупреждала, что девушки приедут из разных мест и в отряде, собранном из незнакомых молодых женщин, возможны мелкие ссоры.

После ужина Оливия встала из-за стола и хлопнула в ладоши, призывая к тишине.

— А сейчас, девочки, прежде всего я хочу вам сказать: добро пожаловать в Уортон-Парк! Это красивое поместье расположено в чудесном уголке страны, и вам крупно повезло, что вы попали именно сюда. Мистер Кумб подробно расскажет о тех сельскохозяйственных работах, которые вам предстоят, а я вкратце ознакомлю вас с нашим

распорядком дня. На завтрак в ваши коттеджи принесут хлеб, молоко и яйца. Работа начнется в восемь утра. Вы соберетесь в квадратном дворике, там мистер Кумб со своим персоналом раздаст вам задания на день. В полдень — пятнадцатиминутный перерыв на ленч. Вам принесут сэндвичи на ваши рабочие места. Дневная смена начинается в час и заканчивается в пять. Ужинаем здесь, в этой кухне, в шесть вечера. Неплохо, если за этот час, с пяти до шести, вы помоеетесь и переоденетесь: не стоит приходить сюда в грязной рабочей форме, — улыбнулась Оливия.

— Не волнуйтесь, миссис, — прощепетала девушка с лицом, усыпанным веснушками, — к вечернему чаепитию я надену бальное платье и тиару.

Раздался взрыв смеха.

— У каждой из вас будет один выходной в неделю, — продолжила Оливия, — в соответствии с графиком очередности. Если вы захотите поехать в город за покупками, то можете воспользоваться автобусом, который отходит в Кромер от подъездной аллеи в одиннадцать утра и возвращается в половине пятого. В ваших коттеджах висят расписания. Многие из вас не привыкли к сельской жизни, — добавила она. — Здесь нет кинотеатров и ночных клубов. Предлагаю вам самим организовать свой вечерний досуг: викторины, настольные игры и прочее.

Оливия заметила, что предложение не вызвало у девушек большого энтузиазма, и быстро продолжила:

— Кроме того, мы решили устроить в Уортон-Парке соревнование по вязанию. Моя свекровь, леди Кроуфорд, организовала поставку носков, шапок и шарфов из Норфолка нашим парням, воюющим за морем. Если вы не умеете вязать, вас научат. Девушка, которая за месяц свяжет больше всего вещей, получит... — она открыла бумажный пакет, стоящий на столе, и достала оттуда пару нейлоновых чулок, — вот это!

Девушки восхищенно заахали, и Оливия с облегчением увидела, что ее метод кнута и пряника возымел должный эффект.

Когда Оливия вышла из кухни, Адриана, которая всю неделю неважно себя чувствовала и почти не выходила из спальни, встретила ее в парадном холле.

— Пойдем выпьем по рюмочке в библиотеке, Оливия, — предложила она. — Мне определенно нужно подкрепить силы.

— Конечно, — согласилась Оливия, хоть и устала после трудного дня: сейчас ей меньше всего хотелось принимать алкоголь.

Сейбла временно подрядили работать на тракторе, и Адриане пришлось самой разливать спиртное.

— Джин? — спросила она Оливию.

— Да, пожалуй. — Девушка плюхнулась в кресло.

— Ну, как ты управляешься с девочками? И что они вообще собой представляют? — озабоченно спросила Адриана, протягивая Оливии рюмку и усаживаясь напротив.

— Кажется, все хорошо, хотя сейчас трудно сказать, что будет дальше. Девушки совсем неопытные, но со временем научатся, — сказала Оливия. — И потом на безрыбье...

— Да, — кивнула Адриана. — К тому же, какие бы трудности мы здесь ни переживали, нашим мальчикам достанется куда больше. Потерпи, Оливия, все скоро кончится. — Она вздохнула. — Хорошо хоть у вас с Гарри есть возможность изредка видаться. Так повезло далеко не всем.

— Да, — механически ответила Оливия.

Адриана пристально посмотрела на невестку.

— *Cherie*, я не хотела бы вмешиваться в ваши отношения, но скажи мне, пожалуйста, у вас с Гарри все в порядке?

— Да, — кивнула Оливия, удивляясь, как у Адрианы развита интуиция. — Мы наслаждаемся отпущенным нам временем.

Старшая хозяйка поместья внимательно взглянула в лицо девушки.

— Да, возможно, это от того, что вы с ним действительно редко бываете вместе. Но когда я вижу вас вдвоем, мне кажется, между вами есть... какое-то отчуждение.

— Вы правы, Адриана. — Оливия подхватила нить рассуждений свекрови. — За последние недели мы с ним виделись от силы несколько часов.

— Возможно, если бы Гарри дали отпуск, вы бы с ним съездили куда-нибудь отдохнуть. Ведь у вас не было медового месяца.

Перспектива уехать с Гарри и провести с ним наедине несколько недель вызвала у Оливии почти физическое отвращение.

— Адриана, мы оба понимаем, что сейчас главное — победить в войне. У нас с Гарри впереди целая жизнь.

— Это весьма благородно с твоей стороны, Оливия... — Адриана обхватила себя руками. — Будем надеяться, что ты права.

* * *

В апреле Германия вторглась в Данию и Норвегию. Одновременно началась британская кампания. Однако, несмотря на страшные военные события и напряжение, с каким соотечественники ждали немецкого нападения на британские берега, Оливия обнаружила, что ей нравится новая жизнь. «Земледельческая армия» завалила ее делами, и она неплохо поднаторела в решении организационных проблем, связанных с размещением девушек, которые прибывали в графство, и распределением сельхозработ.

Девушки, работавшие в Уортон-Парке, в основном были веселыми и дружелюбными. Доставляя им сэндвичи во время ленча, Оливия часто садилась вместе с ними в полях и с удовольствием слушала их беспечную болтовню. Когда Оливия не заботилась о девушках, не возилась со сломанным трактором и не загоняла в свинарню убежавшего поросенка, она проводила время в доме, с Адрианой. Танцевальный зал стал местом сбора сотен вязаных шлемов, шарфов и носков, которые вязали женщины Норфолка для своих воюющих мужчин. Как ни странно, в Уортон-Парке стало оживленнее, чем до войны: повсюду сновали девушки, а в танцевальном зале женщины упаковывали вязаные вещи в посылочные коробки.

Оливия начала понимать, насколько слаба Адриана. При малейшем признаке проблемы она жаловалась на головную боль и уходила к себе в спальню, иногда на несколько дней. Оливия с ужасом думала, что бы стало с Уортон-Парком, если бы ее здесь не было. Домашняя прислуга все чаще обращалась за указаниями именно к ней.

Если зимой Великобритания фактически не участвовала в боевых действиях (этот период был назван «Странной войной»), то с приходом весны ситуация на фронтах резко изменилась: немцы вторглись во

Францию и продолжили оккупацию Европы, захватив Нидерланды и двинувшись на запад через Бельгию.

Гарри со своим батальоном переместился в местную школу-интернат в Холте. Теперь, когда фашисты подобрались к Ла-Маншу и возникла реальная угроза вторжения, охранные части вдоль норфолкского побережья были приведены в полную боевую готовность.

В конце мая началась битва при Дюнкерке. Оливия все вечера проводила в коттеджах, где жили девушки из «Земледельческой армии». Она сидела, склонившись над радиоприемником, и слушала новости. У двух девушек, Бридж и Мэри, молодые люди принимали участие в этом сражении. Два дня спустя диктор объявил, что Данкирк эвакуирован, а британские войска отступают. В поместье больше не было слышно ни шуток, ни веселой болтовни. Все затаив дыхание ждали, чем закончится это сражение.

Когда их новый премьер-министр Уинстон Черчилль в своем ежевечернем обращении к нации сообщил, что на побережье и в гаванях Дюнкерка было спасено триста тридцать восемь тысяч солдат и офицеров союзнических войск, девушки кричали «ура» и плакали от радости, хоть и понимали, что это ужасное поражение.

— Только бы Чарли оказался в их числе! — плакала Мэри на плече у Оливии. — Я бы отдала все на свете, лишь бы он был цел и невредим!

Чтобы поднять дух девушек, Оливия решила устроить пирушку. Ей удалось раздобыть два кувшина сидра, и они сели праздновать. Элси в отсутствие Билла сдружилась с Мэри. Она ездила вместе с девушками в Кромер и была для них там неофициальным гидом.

Оливия увидела, что Элси тихо сидит в углу, и подошла к ней.

— Почему ты такая мрачная, Элси? У тебя все в порядке?

— Если честно, нет, мисс Оливия. Я сидела здесь, слушала радиосообщение и думала о том, что придет черед моего Билла и вашего Гарри. Не представляю, как буду жить без него, если он погибнет! — Элси утерла слезу.

— Постарайся не волноваться, Элси. — Оливия крепко обняла девушку, чувствуя себя слегка виноватой от того, что мысль потерять собственного мужа не вызвала в ней сильного душевного отклика. — Гарри говорит, что Билл чуть ли не лучший солдат в его батальоне, а

одна маленькая птичка напела мне, что скоро его произведут в сержанты. Только, — Оливия приложила палец к губам, — никому не говори о том, что я тебе сказала.

Элси просияла:

— Ух ты! Это правда, мисс Оливия? Если он станет сержантом, это будет самый счастливый день в моей жизни! — радостно объявила она.

Глава 23

В середине июня, когда в Уортон-Парке был самый разгар цветения, и поместье щедро одаривало всех своей красотой, Оливия проснулась утром и услышала по радио, что Франция капитулировала. Гитлер вступил в Париж и теперь осматривал свои последние трофеи.

«Интересно, — думала Оливия, — сколько пройдет времени, прежде чем начнется «битва за Британию», как выразился в сегодняшнем утреннем радиовыступлении мистер Черчилль?»

Собирая в огороде фрукты и овощи, чтобы накормить обитателей поместья, девушка тщетно пыталась представить масштаб смертей и разрушений, которые она видела с девушками два дня назад в кинохронике. Войдя в кухню с двумя тяжелыми корзинами свежих продуктов, она увидела Гарри. Он сидел за столом мрачный, усталый и пил чай из кружки.

— Привет, милая. — Гарри слабо улыбнулся. — Угадай, почему я здесь? Мне дали выходной!

— Отлично! — Оливия продолжала разбирать корзину с овощами. Ее не вдохновила перспектива провести день с мужем. Честно говоря, это привело ее в уныние. — Уверена, тебе хочется лечь в постель и, как следует выспаться.

— Вообще-то я думал, мы с тобой куда-нибудь пойдём вместе. Может, устроим пикник на пляже?

Кухарка миссис Дженкс, намывая в раковине посуду, улыбнулась:

— Да, мистер Гарри, сводите жену на прогулку. Насколько я вижу, она за последние недели в одиночку управляет со всем нашим хозяйством. Ей так же, как и вам, нужно как следует отдохнуть. — Кухарка с обожанием взглянула на Оливию. — Вы выбрали себе хорошую супругу. Она просто замечательная девушка! Мы все так считаем.

Оливия покраснела от комплиментов и лихорадочно принялась искать отговорки.

— Но мне надо развозить девушкам сэндвичи, и потом...

— Молчите, миссис Кроуфорд! Предоставьте это дело мне, а сами спокойно отдыхайте с мужем.

Поняв, что ей нечем крыть, Оливия сдалась.

— Сейчас, только сбегаяю наверх, сниму грязные брюки.

— Жду тебя у машины через десять минут, дорогая! — крикнул Гарри ей вдогонку.

— О Господи, как же здорово хоть на несколько часов вырваться из этого ада! — выдохнул Гарри, когда они отъехали от дома. — Сегодня прекрасный день, а у меня в багажнике лежит корзина для пикника, собранная миссис Дженкс. Я решил отправиться в Холкхэм. Пожалуй, это единственный пляж, не испорченный колючей проволокой и азростатами заграждения. — Он вопросительно посмотрел на жену.

Они поставили машину в нескольких минутах ходьбы от пляжа и побрели к дюнам. Гарри нес корзину с продуктами. Пляж был совершенно пустынным: ни одной живой души. Гарри повалился на песок, повернулся на спину и закрыл глаза от солнца.

— Какое блаженство! — воскликнул он. — Вот она, жизнь! Здесь вполне можно представить, что война — всего лишь кошмар, который приснился мне вчера ночью.

Оливия молча села на песок в нескольких футах от него и стала смотреть на море, мечтая, чтобы этот день как можно быстрее закончился. Обернувшись к мужу, она наткнулась на его внимательный взгляд.

— Хочешь, прогуляемся к самой воде? — предложил он.

— Давай, если хочешь.

Они встали и вместе зашагали к морю.

— Я хотел сказать, Оливия, что ты прекрасно протрудилась дома. Я даже не знаю, что было бы, если бы мама осталась в поместье одна. У нее такое слабое здоровье, и потом она так легко огорчается! Я знаю, что на тебя пришлась львиная доля всей хозяйственной работы.

— Я делала это с удовольствием, — призналась девушка. — Мне было приятно, что у меня есть дела.

— Ты очень мила, и все жители Уортон-Парка тебя обожают. — Он ласково улыбнулся, посмотрев на жену. — Я тоже.

— Ох, Гарри! — Оливия вдруг разозлилась. — Тебе больше нет смысла притворяться.

Они пошли дальше молча. Когда до моря оставалось всего несколько шагов, Гарри остановился и обернулся к своей спутнице.

— Послушай, Оливия, я... много думал о том дне, когда мы с тобой познакомились. О наших отношениях до того, как... это случилось. Помню, я подумал, что мне впервые посчастливилось встретить такую умную девушку. Ты была не похожа на тех глупых тщеславных пустышек, которые попадались раньше. Я сразу почувствовал в тебе интеллект и цельный характер. Мне кажется, тогда я тоже тебе понравился.

— Конечно, понравился, Гарри, — тихо согласилась Оливия.

— Помнишь, как мы в шутку поддразнивали друг друга и вместе смеялись?

— Да...

— Наверное, — с упором продолжил он, — мне надо было сразу сказать, что для меня ты самая красивая девушка на свете.

Оливия в досаде покачала головой:

— Прекрати, пожалуйста, Гарри. Я прекрасно понимаю, чего ты добиваешься. Но уже слишком поздно!

— Милая, прошу, выслушай! Как знать, возможно, у нас с тобой больше не будет шанса побыть вдвоем. Я должен все объяснить! Умоляю тебя, Оливия! Мне надо хотя бы рассказать, что со мной произошло. Давай сядем...

Оливия печально взглянула на мужа и уступила.

— Вряд ли это что-то изменит, но если ты так настаиваешь... я тебя выслушаю.

Они сели на песок.

— Я расскажу все с самого начала. Да, согласен: возможно, это ничего не изменит, но тебе, по крайней мере, стоит это знать.

— Говори, Гарри, я слушаю.

— Хорошо. Клянусь, я не жду от тебя сочувствия. Это просто честное объяснение. Ну ладно... — Гарри явно собирался с мыслями. — В ту ночь я пытался сказать тебе, что когда мальчики живут вместе в школе-пансионе — а это, признаться, далеко не лучшее место для подростков, — иногда, от отчаяния и одиночества, они влюбляются друг в друга.

Оливия вздрогнула.

— Я был особенно одинок и жутко скучал по маме. В моем классе учился мальчик, с которым я подружился. Мы стали близки — нет, не в физическом смысле, но это были самые теплые отношения в моей

жизни. Он выказывал ко мне симпатию, Оливия, и, похоже, я был ему небезразличен. Если совсем откровенно, в то время мне казалось, что я в него влюблен. И все последующие годы моего отрочества я пытался найти ответ на вопрос: может быть, я, как ты прямо выразилась, гомосексуалист?

Гарри взглянул на Оливию, но она опустила глаза: что ему на это сказать?

— Разумеется, — вел свой рассказ Гарри, — в Сандхерсте это чувство усилилось. Как ты знаешь, меня трудно назвать прирожденным солдатом, и я начал думать, что мое нежелание сражаться и проявлять агрессию в сочетании с пристрастием к игре на пианино происходит от того, что во мне недостает мужественности. Когда мы с тобой впервые встретились, признаюсь, я сильно смутился. Мне редко доводилось общаться с женщинами, и я ни разу не имел с ними близких отношений. Если уж говорить все до конца, они меня пугали до полусмерти. Я не понимал, чего они хотят, и не знал, как им угодить. А потом... — Гарри вздохнул, — в тот вечер, на танцах у Пенелопы, я познакомился с Арчи. Мне показалось, он очень на меня похож — во многих отношениях. Его чувствительность, любовь к искусству... Я, конечно, сразу понял, что он гомосексуалист. Он был очень настойчив, и я пару раз ездил к нему в Лондон.

— Однажды я видела тебя в Лондоне, — сказала Оливия. — Поздним вечером заходила в отель «Ритц», а ты поднимался на крыльцо клуба, расположенного на той же улице.

Гарри кивнул:

— Да, я там был. Арчи познакомил меня с некоторыми своими... друзьями. Он с самого начала воспринял как само собой разумеющееся, что я «один из них», и приложил немало усилий, чтобы меня соблазнить. — Гарри повесил голову. — Приехав на нашу свадьбу, он пытался отговорить меня от женитьбы на тебе — говорил, что это ужасная ошибка. Сказать по правде, Оливия, в те дни я был настолько растерян, что просто не знал, что и думать. Арчи рассказал мне кучу страшных историй, убеждая, что я не смогу выполнить свой супружеский долг в нашу первую брачную ночь. — Он посмотрел в глаза Оливии. — Я боялся, что он окажется прав. Поверь мне, Оливия, я очень сожалею о том, что случилось в ту ночь! Если честно, я был напуган до умопомрачения.

Оливия сразу решила не верить ни единому слову Гарри, но сейчас, взглянув в его затравленные печальные глаза, невольно почувствовала, что его рассказ абсолютно искренен. Если он обманывает, значит, в нем пропадает великий актер.

— В ту ночь, — продолжил Гарри, намереваясь закончить свое нелегкое откровение, — оставив тебя в спальне вместе с Элси, я зашел в библиотеку выпить коньяку для храбрости. Арчи нашел меня там и сказал, что давно меня любит. Я попросил оставить меня в покое: я был очень зол и страшно растерян. — Гарри вздохнул. — Пока ты ждала меня в спальне, недоумевая, куда я запропастился, я гулял по парку в обнимку с бутылкой коньяку. И это, моя дорогая, чистая правда. Клянусь жизнью моей матери.

— Понятно. — Не смея взглянуть на мужа, Оливия сосредоточенно просеивала сквозь пальцы мягкий песок.

— Как ты знаешь, три недели спустя, на Рождество, Арчи появился снова. Я был в полном замешательстве и не видел выхода из сложившейся ситуации. Я любовался твоей красотой, грацией и женственностью, но в то же время прекрасно видел, как ты смущена и обижена...

— Значит, ты понимал, что поступаешь плохо? — перебила его Оливия. — Вернее, здесь речь скорее идет об отсутствии поступка.

— Конечно, понимал, дорогая! Только не представлял, как мне это исправить. А в ту ночь, когда ты застала меня с Арчи, я как раз сказал ему, что больше не желаю его видеть, что убедился в своей любви к тебе и хочу стать для тебя настоящим мужем. Он очень рассердился, а потом схватил меня и стал целовать.

— Насколько я видела, ты не слишком сопротивлялся, — заметила Оливия.

— Если бы ты подождала еще несколько секунд, то увидела бы, как я пытаюсь вырваться из его объятий. Он меня чуть не задушил! — В глазах Гарри стояли слезы. — Это было отвратительно, гадко и неестественно! Можешь мне не верить, но я мужчина!

Он сел рядом с ней. Оливия видела его искреннее отчаяние, но молчала, потому что пока не знала, что говорить.

Гарри пришел в себя, крепко схватил жену за руку и, резко обернувшись, заглянул ей в глаза.

— И напоследок, милая, скажу тебе вот что: за последние месяцы я почувствовал к тебе не только еще большее уважение и восхищение, но и любовь. Теперь, когда я уже не сомневаюсь в своих мужских качествах, и Арчи не нашептывает мне на ухо сомнительные комплименты, во мне проснулись здоровые желания. Я понимаю, Оливия, ты, наверное, находишь меня омерзительным, но я должен сказать, что хочу тебя — так же, как любой нормальный мужчина хочет свою красавицу жену.

Другой рукой он нежно погладил ее по щеке. Оливия не отпрянула.

— Ты очень красива, — ласково проговорил он. — Я сильно виноват перед тобой. Прости меня, если сможешь.

— Ох, Гарри, я... — Оливия глубоко вздохнула, в замешательстве принимая его неожиданные и такие приятные ласки. — Я была совершенно раздавлена, — прошептала она.

Гарри придвинулся ближе и обнял ее за плечи.

— Знаю, моя дорогая девочка. Я жестоко тебя обидел и уже никогда не сумею загладить свою вину. Но, Оливия, прошу тебя, найди в своем сердце хоть каплю сочувствия и дай мне последний шанс! — В его голосе сквозили умоляющие нотки. — Клянусь тебе всем, что мне дорого: я тебя не подведу.

Оливия вдруг разрыдалась, уткнувшись лицом ему в грудь. Он крепко обхватил ее обеими руками и прижал к себе.

— Ты сильная, смелая и красивая девушка, Оливия. О лучшей жене нельзя и мечтать. Я знаю, как сильно мне повезло, и сделаю все, чтобы не потерять тебя.

— Ох, Гарри, я так сильно тебя любила! Но теперь я тебе не верю. Как знать? Возможно, ты говоришь все это только ради того, чтобы спасти свою собственную шкуру.

— Поверь мне, моя дорогая! — Он гладил ее волосы. — Ведь ты уже видела, что я не смог утаить от тебя правду.

Она криво усмехнулась:

— Это верно. Я прекрасно понимала, что между нами происходит странное, еще до того, как мы поженились.

— Ну, вот видишь? У меня всегда душа нараспашку! Оливия, не знаю, сколько я еще пробуду здесь перед отплытием на континент: в лучшем случае — пару месяцев, в худшем — несколько дней. Не хочу

на тебя давить, но и оставить в таком состоянии тоже не могу. Мне невыносимо думать, что я разрушил твою жизнь. Даже если не вернусь с войны, тебе будет трудно довериться другому мужчине, потому что я так дурно с тобой обошелся.

Оливия оставила его слова без ответа. Она прекрасно поняла, что он имеет в виду.

— Даже если ты мне скажешь — сейчас или в ближайшие дни, — что никогда не сможешь меня простить, то, уезжая на войну, я хотя бы буду знать, что поступил правильно, открыв тебе правду. И что бы ты ни думала, знай: я действительно тебя люблю.

Теперь настал его черед плакать. Оливия опустила голову на колени, слушая, как он рыдает и жалуется на свое нежелание уезжать за границу.

— Да, я должен поддерживать в своих солдатах боевой дух и укреплять в них чувство товарищества, рассказывая армейские байки и анекдоты, но я прекрасно знаю, что такое война. Нет, я не боюсь умереть. Меня пугает осознание того, что это может случиться в любую секунду. Если повезет, смерть наступит мгновенно. Если нет, придется провести в агонии несколько дней. В любом случае от меня останется лишь еще одно имя на надгробном камне. Мне страшно, Оливия. Черт возьми, я так устал притворяться храбрым!

Когда Гарри успокоился, Оливия предложила вернуться к дюнам и перекусить. Миссис Дженкс положила в корзинку для пикника еще и бутылку вина, присланного с французских виноградников Адрианы. Гарри откупорил бутылку и протянул жене бокал.

— Только, пожалуйста, не надо пить за мое здоровье! Сейчас я отдал бы все, лишь бы у меня оказались плохое зрение, плоскостопие или астма. — Он улыбнулся. — Наверное, я жалкий трус.

— Вовсе нет, Гарри. Ты просто озвучил то, что остальные мужчины в твоём положении чувствуют, но держат при себе.

— Я люблю тебя, Оливия, — произнес он неподдельно искренним тоном. — Вот только можешь ли ты мне поверить?

Она долго молчала, внимательно вглядываясь в его глаза, и, к своему приятному удивлению, увидев в них правду, наконец, ответила:

— Да, Гарри, могу.

Глава 24

Саутуолд

Я смотрю на снежинки за стеклом, которые летят с неба и кружатся в воздухе, подобно пухленьким падающим ангелам. Из-за снега на крыльце дома Элси то и дело вспыхивают лампочки охранной сигнализации, и подсвеченные белые хлопья превращаются в сказочную декорацию к истории, которую рассказывает мне пожилая женщина.

Пока эта история почти не имеет ко мне отношения, и я не улавливаю в ней ничего важного, однако она почему-то меня успокаивает. Слушая, как другие люди, в том числе моя бабушка, боялись потерять своих близких и какую сложную жизнь они вели в стенах Уортон-Парка, я понимаю, что страдания выпали не только на мою долю.

Возможно, разница в том, что со мной все случилось внезапно. У меня не было душевного разговора на продуваемом ветрами пляже, и я не успела сказать им о своей любви, не успела попрощаться...

Бедра пришла неожиданно. Я не была к ней готова. В отличие от женщин, которые проводили своих мужей на войну, а потом утешали и поддерживали друг друга, я чувствую себя совершенно одинокой: мне не к кому обратиться за сочувствием.

Земля по-прежнему вращается, а жизнь вокруг меня идет, как ни в чем не бывало. Никто не устраивает дней поминовения по двум погибшим душам. Только жена и мать скорбят в своем неразделенном трауре.

И все же... Я не прошла сквозь тяготы войны, и моим мальчикам не довелось, подавляя страх, идти на смерть, как бедному Гарри Кроуфорду и дедушке Биллу. И если мои драгоценные муж и сын, в конце концов, умерли, то я могу хотя бы надеяться, что это случилось быстро.

Однажды кто-то сказал мне, что смерть так же естественна, как и рождение, что это такая же неотъемлемая часть бесконечного цикла человеческой радости и человеческого горя. Она приходит ко

всем нам, однако мы не в состоянии спокойно воспринимать мысли о бренности нашего бытия и о кончине наших любимых.

Какой бы легкой ни была смерть, это нисколько не умаляет тяжесть потери для тех, кто остается жить.

Джулия потрянула головой, отгоняя мрачные мысли.

— И что было дальше, бабушка?

— Ну, так вот. Оливия вернулась с холкхэмского пляжа совсем другой девушкой. Она опять начала смеяться и улыбаться... будто солнце выглянуло из-за туч, — вспоминала Элси дальше. — Они оба лучились счастьем. Когда Гарри был дома, он больше не спал в своей гардеробной, и я часто видела, как они гуляют по парку, держась за руки. Они выглядели, как любая молодая влюбленная пара. Конечно, все это длилось недолго, но они успели провести несколько недель вместе. А к тому времени, когда Гарри с Биллом уехали на континент, Оливия уже была в положении.

— Она забеременела? Значит, он не был геем?

Элси вздохнула и печально покачала головой:

— Нет, Джулия. Я могу в этом поручиться, учитывая то, что произошло позже. Наверное, для Оливии было бы лучше, если бы он все-таки оказался геем. Тогда бы не случилось ужасной трагедии.

— Что ты имеешь в виду, бабушка? — в замешательстве спросила Джулия. — Ведь они счастливо прожили остаток своих дней, не так ли?

— Ох, Джулия, — Элси ласково взглянула на девушку, — не все в жизни имеет счастливый конец, и ты это прекрасно знаешь. Самое большее, на что мы можем надеяться, — это мгновения счастья. Нам надо научиться радоваться им, пока есть возможность. У Оливии и Гарри были такие мгновения. — Элси зевнула. — Прости, но я очень устала. Долгий рассказ меня утомил. Мне надо пойти прилечь.

— Конечно, иди. Может, принести тебе попить? — предложила Джулия, когда Элси тяжело поднялась с дивана и выключила газовый камин.

— Да, было бы неплохо. В кухонном шкафчике есть какао. — Элси указала в сторону кухни, а сама побрела по узкому коридору к себе в спальню.

— Сейчас принесу, — кивнула Джулия, выходя вместе с ней из гостиной.

Она приготовила какао и вошла с чашкой в комнату, где под розовым атласным покрывалом лежала Элси.

— Спасибо, милая, — улыбнулась пожилая женщина, когда Джулия поставила чашку на прикроватный столик. — В последнее время мне редко приносят горячие напитки в постель.

Девушка нагнулась и поцеловала Элси в лоб.

— Спокойной ночи, бабушка. Спасибо за интересный рассказ.

— Как ни грустно говорить, но это только начало. Продолжим нашу беседу завтра. В соседней комнате для тебя приготовлена постель. Спи крепко, милая, и пусть тебя не кусают клопы.

Джулия вышла из спальни Элси, открыла соседнюю дверь, потом разделась и забралась под расшитое цветочками пуховое одеяло. Она не стала задергивать шторы, чтобы видеть, как падает снег за окном. Ей нравилось смотреть на кружащиеся снежинки — это тихое зрелище успокаивало.

Ксавьер вырос в Москве, и для него снег был таким же обычным явлением, как дождь в Норфолке, — обычным и раздражающим. Однажды он взял ее с собой... Джулия повернулась на другой бок и переключилась на другие мысли.

«Я пока не готова думать о прошлом...»

Проснувшись, Джулия ощутила запах жарящегося бекона. Она протянула руку, взяла с прикроватного столика свой мобильный телефон и посмотрела на время. Почти десять! Девушка вздохнула и вновь улеглась на подушки.

«Неужели я так долго спала? И ни разу не проснулась за ночь!»

Раздался стук в дверь.

— Войдите!

В спальню заглянула Элси.

— Доброе утро, милая. Через десять минут для тебя будет готов полноценный английский завтрак. А пока сходи прими душ и оденься.

Джулия послушно выполнила указания бабушки, по-прежнему чувствуя жуткую усталость, потом вошла в кухню и села за стол, чтобы приняться за завтрак: такого утреннего пиршества она уже давно себе не устраивала. Однако через пять минут ее тарелка была пуста, и Элси положила ей вторую порцию бекона.

— Тебе всегда нравились горячие завтраки, правда, милая? — спросила она с улыбкой.

— Должно быть, сказывается свежий воздух Уортон-Парка. Помню, когда жила там, все время много ела.

— По-моему, тебе стоит вернуться к прежним привычкам. — Элси показала на худые руки девушки.

— Уверяю, бабушка, я чувствую себя гораздо лучше. — Джулия посмотрела мимо Элси, в окно, и увидела, что снег уже начал таять. — Наверное, мне надо ехать, пока погода не испортилась.

— Да, — рассеянно ответила Элси, занятая мытьем посуды.

— Ты отдохнула? Расскажешь, что было дальше?

Руки в мыльной пене на секунду замерли — Элси задумалась.

— Признаться, вчерашний разговор меня сильно утомил. Может, приедешь ко мне в следующий раз, и тогда я расскажу тебе конец этой истории?

— Ладно. Ответь мне только на один вопрос, бабушка: что стало с тем ребенком, которого, как ты сказала, носила Оливия, когда Гарри ушел на войну?

Пожилая женщина перестала мыть посуду.

— На пятом месяце у бедняжки случился выкидыш. А она уже чувствовала, как он шевелится. Это стало для нее страшным ударом. Пока Оливия ходила беременной, я просила ее поменьше работать, но бесполезно — она часами носилась по полям, как угорелая. Адриана, ее светлость, занедужила, как только Гарри уехал, и Оливия взяла на себя львиную долю забот о поместье. Я знаю, что некоторые женщины могут дергать репу на огороде до той минуты, пока младенец не вылезет из утробы, но Оливия, хоть и хотела казаться сильной, была прирожденной леди. Этот ребенок очень много для нее значил. Он должен был стать долгожданным наследником Уортон-Парка.

— Но когда Гарри вернулся с войны, Оливии было лет двадцать пять, не больше, и, значит, она могла родить еще, верно?

Элси отвернулась от раковины и взглянула на внучку, покачивая головой:

— Прости, милая, но на все эти вопросы я отвечу тебе в другой раз.

— Хорошо. — Джулия потупилась.

— Мне бы хотелось оставить этот дневник у себя. Можно? Я его никогда не читала, — пробормотала Элси.

— Конечно, бабушка. Ты имеешь больше прав на него, чем кто-то еще.

— Не совсем так, милая... — Элси замолчала. Джулия заметила, как она с трудом взяла себя в руки. — Давай оставим эту тему до следующего раза, идет? Ну, девочка моя, тебе пора ехать. Я принесу тебе твою пальто.

Элси стояла на крыльце и смотрела, как Джулия съезжает с подъездной аллеи. Когда машина стала набирать скорость, бывшая служанка весело помахала ей вслед, потом закрыла дверь, прошла в гостиную и взяла с кофейного столика дневник. Держа его между ладонями, она закатила глаза, словно в молитве.

— Ох, Билл, — прошептала Элси. — Как жаль, что тебя нет рядом, и ты не можешь подсказать мне, как поступить. Я не знаю, что рассказывать ей, а что нет.

Тяжело опустившись в кресло, она положила дневник себе на колени, медленно перевернула обложку и принялась читать.

* * *

На обратном пути Джулия вдруг почувствовала себя плохо. Когда подъезжала к дому, у нее ломило все тело, а в висках стучали молоточки. Поставив машину и устало поднявшись на парадное крыльцо, она вошла в дом и без сил рухнула на диван.

В коттедже стоял жуткий холод. Надо было включить на полную мощность накопительные водонагреватели и затопить камин, но у нее не было на это сил. В конце концов, девушка кое-как взобралась по лестнице на второй этаж, решив, что короткий отдых поможет ей восстановиться, нашла в шкафчике ванной комнаты парацетамол и, запив пару таблеток стаканом несвежей воды, стоящей на ее прикроватном столике, упала в постель.

Ночью Джулию мучили кошмары, ее лихорадило. Проснувшись, она с трудом вспомнила, где находится — во Франции, в Москве, в Уортон-Парке, в теплице с дедушкой Биллом...

Джулия так ослабела, что с трудом добрела до ванной. Пытаясь унять сильную жажду, девушка выпила воды. Эта «экспедиция» отняла у нее последние силы. Обрато в постель она добиралась ползком.

Краешком сознания она понимала, что должна позволить Алисии или отцу — попросить их помочь, но ей снилось, что мобильный находится за пределами досягаемости. А если удавалось схватить его, он выскользывает из рук и падает в глубокую пропасть. А рядом был Ксавьер. Да, да, это точно был он...

— Джулия! Джулия! Очнись!

Чья-то ласковая рука потрясла ее за плечо, и девушка открыла глаза. Перед глазами стоял туман, а лицо, склонившееся над ней, расплывалось, но она узнала голос.

— Джулия, что случилось? Пожалуйста, не молчи! Ты можешь говорить? — Теперь в голосе зазвучали настойчивые нотки.

Джулия сосредоточила взгляд и увидела стоящего над ней мужчину.

— Кит, — с усилием прошептала она.

— Слава Богу! — с облегчением выдохнул он. — По крайней мере, ты меня узнала. Ты что-то приняла, Джулия? Скажи, что именно. Это очень важно.

Боясь снова потерять сознание, Джулия закрыла глаза и слабо покачала головой:

— Нет-нет, я ничего не принимала... Просто... ужасно себя чувствую... Мне так жарко!

Холодная рука легла ей на лоб.

— О Боже, да ты горишь! Когда это началось?

— Ночью, — пролепетала Джулия. — Я вдруг... почувствовала себя плохо.

— У тебя что-нибудь болит?

— Все тело... Это кошмар... голова кружится... в висках стучит...

— Понятно. — Кит достал из кармана сотовый телефон. — Это наверняка грипп, но я все равно позвоню врачу. Пусть приедет и осмотрит тебя.

— Послушай, не стоит беспокоиться... Все будет хорошо... я...

Полчаса спустя пожилой доктор закончил осматривать Джулию.

— Что ж, милочка, лорд Кроуфорд прав: у вас сильный грипп. Сейчас я спущусь вниз и поговорю с ним. — Доктор убрал в сумку

градусник. — Он выглядел весьма встревоженным, когда встретил меня в дверях.

Кит ходил взад-вперед по гостиной, точно обеспокоенная мамаша.

— Ничего страшного, лорд Кроуфорд. Как вы и думали, это грипп, но у юной леди очень высокая температура. Кто-то может прийти сюда и поухаживать за ней? Ей нельзя оставаться одной до тех пор, пока не пройдет лихорадка.

— У нее есть сестра. Я с ней свяжусь. Лечение будет обычным? Парацетамол каждые четыре часа, а если температура не спадет, обратиться к старому, но верному средству: смачивать тело прохладной водой? — внимательно посмотрел на доктора Кит. — И давать ей пить как можно больше жидкости?

— Точно. — Врач прищурился. — Вы изучали медицину, лорд Кроуфорд?

— Да, немного, — ответил Кит. — Спасибо, что так быстро приехали.

— Всегда рад вам помочь, лорд Кроуфорд. Я очень был привязан к покойной леди Кроуфорд. Жаль, что ее больше нет с нами! Впрочем, может, это и к лучшему. В последние годы она сильно сдала.

— Это верно. — Кит почувствовал неловкость оттого, что не удосужился приехать домой на похороны.

— Что ж, оставляю больную в ваших надежных руках. До свидания, лорд Кроуфорд.

Когда Джулия, наконец, проснулась, она не могла понять, сколько прошло времени. Знала лишь, что ее самочувствие слегка улучшилось: перед глазами больше не плыло, а тело ломило меньше.

«Надо принять ванну!»

Дрожащей рукой откинув одеяло, она спустила ноги на пол, встала и, кое-как добравшись до двери, в полном изнеможении села на ковер.

На лестнице слышались шаги, потом в дверь постучали.

— Джулия, у тебя все в порядке?

Дверь открылась, ударив Джулию по коленке, и она с трудом отодвинулась, давая Киту войти.

— Господи, что ты делаешь на полу? — спросил он, одновременно прикладывая руку к ее лбу.

— Пытаюсь добраться до ванной, — смущенно пробормотала девушка.

— М-м-м... По крайней мере, температуры у тебя уже нет. Давай-ка я тебя подниму.

Кит поставил ослабевшую Джулию на ноги и отвел ее, как беспомощного инвалида, через маленькую лестничную площадку в ванную комнату. Когда Кит открыл дверь, девушке показалось, что он собирается зайти туда вместе с ней.

— Не волнуйся, я справлюсь сама.

— Я подожду здесь, а потом помогу тебе вернуться в спальню. И на всякий случай не запирайся: если потеряешь сознание, я не смогу до тебя добраться.

— Да, спасибо, — прошептала Джулия, закрывая за собой дверь ванной.

Когда она вышла, Кит, деликатно удалившийся в спальню, тут же подбежал и отвел ее в кровать.

Как только Джулия улеглась под одеяло, он сел на край постели и внимательно посмотрел ей в лицо.

— Доктор Кроуфорд полагает, что его пациентка, в конце концов, пошла на поправку, — произнес он с улыбкой, потом взял стакан с прикроватного столика и поднес к ее губам. — Пожалуйста, выпейте это, мисс Форрестер. Здесь много глюкозы, она поможет вам восстановить силы.

Напиток был настолько приторным, что Джулия чуть не поперхнулась.

— Фу, — пробормотала она. — Какая гадость!

— Зато намного лучше, чем лукозайд. Во всяком случае, так мне сказал доктор.

Выпив лекарство, Джулия благодарно кивнула и вновь откинулась на подушку.

— Какой сегодня день? — спросила она.

— Кажется, четверг. Вчера была среда.

Джулия испуганно ахнула.

— Хочешь сказать, я провалялась в постели целых три дня?

— Да, мисс Форрестер. И все три дня вы метались и бредили как безумная. Однажды ночью так громко кричали, что я уже собирался отвезти вас в психиатрическую клинику.

Джулия покраснела.

— Ох, Кит, прости меня, ради Бога! Неужели ты все это время был здесь?

— Нет, не все время, — любезно ответил он. — Алисия не могла остаться с тобой — у нее же дети. Я мог положить тебя в местную больницу, к старикам и старухам, но подумал, что это слишком жестоко.

— Бедный Кит, — простонала девушка. — Я прибавила тебе хлопот! Ко всем прочим делам ты взял на себя роль сиделки.

— Вообще-то у меня появился отличный повод на несколько дней уехать из Уортон-Парка. К тому же, прежде чем бросить учебу, я успел закончить первый курс медицинского колледжа в Эдинбурге, так что ты попала в руки не к какому-то там профану. Думаю, это тебя успокоит.

— Спасибо... — Джулия почувствовала, как тяжелеют иски, закрыла глаза и задремала.

Улыбнувшись, Кит убрал со лба девушки прядь волос, потом на цыпочках прошел к двери и тихо удалился.

Глава 25

Вечером Кит принес миску с супом, и Джулия, кое-как усевшись в постели, принялась за еду.

— Ну как, вкусно? — поинтересовался он, кормя ее с ножечки. — Этот суп завезла Алисия, пока ты спала. Она сказала, что навестит тебя позже, когда Макс вернется домой и возьмет детей на себя. Она очень за тебя переживает. Так же, как и мы все.

— Послушай, ты можешь ехать домой, — виновато проговорила девушка. — Мне уже гораздо лучше, правда.

— Что? Уехать домой и пропустить первый разумный разговор за последние четыре дня? Ну, уж нет! — Он покачал головой. — Боюсь, тебе придется терпеть мое общество до тех пор, пока не начнешь вставать с постели.

Снизу раздался стук в дверь.

— Это, наверное, Алисия, — сказал Кит. — Ты готова с ней встретиться?

— Конечно! Я же сказала: чувствую себя лучше.

— Ладно. — Кит в два размашистых шага преодолел расстояние до двери. — Похоже, у больной началась фаза раздражительности. Я сейчас схожу за твоей сестрой.

Через несколько минут в дверях спальни появилась Алисия. Ее симпатичное лицо было тревожно нахмуренным.

— Слава Богу, Джулия, что с тобой все в порядке! Мы все так за тебя волновались! — Она подошла к кровати, наклонилась и крепко обняла сестру. — Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, — кивнула Джулия, — гораздо лучше.

Алисия села на край кровати и взяла Джулию за руку.

— Я так рада! Ты не на шутку разболелась, бедняжка. Наверное, твоя иммунная система ослабела после... пережитой трагедии.

— Наверное! — Джулия не собиралась тратить драгоценную энергию на споры. — Спасибо, что принесла мне суп.

— О Господи, не за что! Кого надо поблагодарить, так это Кита. Он просто молодец! Поняв, что я не смогу приехать из-за детей, он решил остаться здесь, с тобой. Во всей этой драматической истории я была всего лишь подсобным рабочим.

— Мне так неудобно, что я причинила вам столько хлопот! — вздохнула Джулия. — В последнее время я никому не даю покоя.

— Перестань, Джулия, не надо себя корить... Ты же не виновата, что заболела. Это может случиться с каждым. Мы все тебя любим и заботимся о тебе с удовольствием. Надеюсь, когда полегчает, ты поделисься, что сказала бабушка по поводу дневника.

Джулия кивнула. Сейчас ей казалось, что путешествие во времени, которое она совершила вместе с бабушкой в Саутуолде, перенесясь в Уортон-Парк 1939 года, состоялось целую вечность назад.

— Конечно, расскажу. Это замечательная история!

— Мне не терпится услышать подробности. Что тебе привезти завтра? Может, что-то из еды? — спросила Алисия.

— Я не голодна. — Джулия покачала головой. — Совсем недавно поела твоего супчика. Хотя, возможно, мне стоит перейти на хлеб.

— Я испеку свежий батон, — согласилась Алисия. — Киту тоже не мешает подкрепиться. Ну, до завтра. — Она нагнулась и поцеловала сестру. — Ты выглядишь лучше. Я так рада, что ты поправляешься, милая! Выздоровливай поскорее!

— Постараюсь. — Джулия слабо помахала рукой выходящей из спальни Алисии.

Алисия спустилась на первый этаж и увидела, что Кит разводит огонь в камине.

— Кажется, она пошла на поправку — слава Богу! Спасибо тебе. Ты настоящий друг, Кит, — добавила она с благодарностью.

— Не стоит. Хочешь выпить перед уходом бокал вина? Мне не помешает короткая беседа со здоровым человеком. — Он усмехнулся.

Алисия быстро взглянула на часы.

— Ладно, давай. Мне пора ехать домой, но ничего страшного не случится, если Макс еще немного посидит с детьми.

— Отлично. — Огонь в камине уже разгорелся, и Кит встал. — Сейчас принесу бокалы.

Алисия села в кресло возле камина. Кит принес бутылку, откупорил ее и протянул девушке бокал с вином.

— Ну, — провозгласил он, поднимая свой бокал, — за то, чтобы Джулия поскорее поправилась!

— Точно, — кивнула Алисия. — Бедняжка, в последнее время ей пришлось пережить столько горя!

— Верно. Можно спросить, что же все-таки произошло?

Алисия сделала глоток вина.

— Прошлым летом муж и сын Джулии погибли в автокатастрофе на юге Франции. Самое страшное, — Алисия поежилась, — что машина съехала с дороги, взорвалась на пригорке, и начался лесной пожар. Их останки не подлежали официальному опознанию, и трагедия не имела завершения. Не было тел, а значит, не было и похорон.

— О Боже, — выдохнул Кит. — Бедная Джулия! Сколько лет было ее сыну?

— Около трех. Его звали Габриэль. Он был... — слова застряли у Алисии в горле, ее глаза наполнились слезами, — настоящим ангелом. — Она выпила еще вина. — Потерять мужа — это ужасно, но вместе с ним потерять и ребенка... Не знаю, как Джулия выдержала. Конечно, она сломалась, но... Никто не знает, как к ней подступиться. Она замкнулась в своем горе. Я чувствую себя такой... ненужной. Не знаю, что говорить и что делать, все попытки ее утешить по большей части оказываются бесплодными. Прости. — Алисия быстро вытерла глаза. — Плакать должна не я. Это трагедия Джулии. Но я очень за нее беспокоюсь и не знаю, как ей помочь.

— Все дело в том, что ты ничем ей не поможешь. — Кит подался вперед и снова наполнил бокал Алисии. — Окружающие хотят что-то сделать, но никто не в состоянии смягчить ее боль. Если ты любишь человека, который страдает, ты стараешься подарить ему свою доброту, но он испытывает чувство вины от того, что его сердце глухо к твоим увещаниям, и лишь еще больше уходит в себя. — Кит взглянул на огонь и вздохнул. — Оставайся рядом с ней, Алисия, но помни: Джулии поможет только она сама.

— Ты говоришь так, будто тебе знакомы эти чувства.

— Да, знакомы. Просто дай время. Я успел немного понаблюдать за ней и могу сказать, что она справится. Джулия — настоящий боец, Алисия. Я знаю, она переживет эту трагедию.

— Беда в том, — со вздохом произнесла девушка, — что Джулия обожала своего мужа Ксавьера. Я еще никогда не видела женщину, которая так сильно любила бы мужчину. Честно говоря, — призналась

она, — он казался мне тщеславным и напыщенным эгоистом. Он тоже был пианистом, но считал себя звездой сцены, и Джулия с радостью потакала всем его прихотям. Но он был далеко не так талантлив, как она. Надеюсь, мое мнение не предвзято.

— Разумеется, нет. Похоже, Джулия была с ним счастлива.

— Да. Я радовалась, что она, в конце концов, нашла человека, перед которым смогла открыть душу. После смерти нашей мамы я боялась, что она никогда не сможет это сделать. Тогда Джулия изменилась, Кит. Сильно изменилась. Она ушла в себя, отгородилась от меня, от папы, от всего мира. У нее осталась одна отдушина — ее любимый рояль. А сейчас она забросила даже его.

— Ты не спрашивала почему?

— Мне кажется, я знаю ответ, — мрачно произнесла Алисия. — Она только отыграла сольный Второй концерт для фортепиано с оркестром Рахманинова в Париже, когда ей позвонили и сообщили про катастрофу. Могу лишь догадываться, но, по-моему, рояль ассоциируется у нее с болью.

— И виной, — вставил Кит. — Ей, наверное, казалось, что она должна была быть с ними в момент их гибели.

— Думаю, ты прав. Я знаю, Джулия не любила расставаться с Габриэлем и уезжать на концерты. Она, как и многие работающие мамы, разрывалась между ребенком и карьерой.

— Почему после этого она вернулась в Норфолк? — спросил Кит.

— На следующий день я прилетела в Париж. Приехав к ней домой, я не знала, что делать. Я не могла бросить ее одну во Франции, но и не могла остаться с ней из-за моих детей. Джулия была слишком расстроена и не могла принять никакого разумного решения, поэтому я забрала ее к себе. Потом она уехала в этот коттедж, хоть я упрашивала ее остаться с нами.

— Она нуждалась в уединении, и я ее понимаю. Люди по-разному реагируют на трагедию. За это их нельзя осуждать, — добавил Кит. — Однажды я потерял близкого мне человека... и, мягко говоря, чувствовал себя неважно. Как сказал Джон Леннон? — Вспоминая, Кит посмотрел на потолок. — Ах да: «Жизнь течет до тех пор, пока ты планируешь будущее». Отличные слова! Никто из нас не в силах управлять своей судьбой, и, как ни больно сознавать, чем быстрее мы

научимся принимать каждый день таким, как он есть, тем быстрее наладится наша жизнь.

— Ты очень мудр. Кит, — с восхищением произнесла Алисия. — Лично я до смерти боюсь выпускать события из-под контроля. Ладно, мне пора ехать, чтобы снова взять бразды правления в свои руки. — Она улыбнулась и встала. — Когда мои дети долго сидят с Максом, они становятся неуправляемыми.

Кит тоже поднялся с кресла.

— Спасибо, что рассказала о моей пациентке. Я постараюсь восстановить ее физическое здоровье, а душевное состояние зависит только от нее самой.

— Это верно, — вздохнула Алисия, направляясь к двери. — Спасибо за помощь, Кит.

— Поверь, я делаю это с удовольствием.

Час спустя, выйдя из ванной, Джулия почувствовала, что ее ноги наконец-то перестали быть ватными, и осторожно спустилась по ступенькам на первый этаж. Кит сидел перед пылающим камином и читал книгу. Он задернул шторы, чтобы защитить комнату от вечернего холода, и в гостиной стало гораздо уютнее.

— Привет, — сказала она с лестницы, потому что не хотела его пугать.

Он обернулся и вскочил на ноги.

— Джулия, зачем ты встала с постели? Простудишься!

Кит бросился к ней, собираясь увести обратно в спальню, но девушка покачала головой:

— Как я могу простудиться? Здесь жарко, как в бане! И потом мне надоело торчать наверху, захотелось сменить обстановку.

Она стояла, ожидая одобрения Кита и чувствуя себя непослушным ребенком.

— Ну, хорошо, оставайся, только ненадолго. — Кит взял ее под руку и подвел к дивану. — Ложись сюда, а я сбегаю наверх и принесу тебе одеяло.

— Не надо, Кит, здесь и так тепло! Хватит мне париться под одеялами. — Она со вздохом легла на подушки, которые он подложил ей под голову.

— Хочешь есть или пить? — поинтересовался он. — Давай я чего-нибудь принесу.

— Нет-нет. Сядь, пожалуйста. Со мной все в порядке, — повторила она.

— Ты хочешь сказать: «Перестань суетиться»? — Кит снова уселся в кресло у камина. — Прости.

— Ох, Кит, тебе не за что просить прощения! — сокрушенно проговорила девушка. — Ты такой молодец! Я тебе очень благодарна. Просто мне неловко, вот и все. Это ты прости мне мою ворчливость. — Она взглянула на него с усмешкой. — Я не хотела тебя обидеть.

— Извинения принимаются, — кивнул Кит. — По мне, так лучше ты будешь ворчливой, лишь бы не потела и не металась в бреду. Рад, что тебе стало лучше.

— Мне действительно стало лучше, так что завтра можете ехать домой, доктор Кроуфорд.

— Да, мне и впрямь пора ехать. В Уортон-Парке накопилась куча дел. Но послушай: раз уж ты немного пришла в себя, расскажи, как твоя бабушка восприняла дневник узника Чанги?

— Ладно... — Джулия принялась вспоминать разговор, состоявшийся всего несколько дней назад. Казалось, с тех пор прошла целая вечность. — Не знаю, что тебе известно про Кроуфордов из Уортона...

— В последнее время я узнал про них много интересного. Не забудь, что мой прадед Чарльз был младшим братом лорда Кристофера Кроуфорда, поэтому он вырос в Уортон-Парке. К несчастью, в тысяча девятьсот восемнадцатом году он подорвался в окопе, и его жена Леонора осталась одна с двумя маленькими детьми на руках, один из которых стал моим дедом Хьюго.

— Это было еще до того, как в имение пришла работать Элси, — задумчиво пробормотала Джулия. — Я много слышала про лорда Кристофера...

— Он был моим тезкой, — вставил Кит. — Прости, больше не буду тебя перебивать. Пожалуйста, начинай. — Он откинулся на спинку кресла и приготовился слушать.

Джулия принялась пересказывать историю Элси, стараясь как можно красочнее описать тот мир, в котором когда-то жила ее бабушка. Кит сидел молча. Наконец девушка завершила свое повествование.

— Вот это да! — выдохнул он. — Пенелопа — девушка, которая приезжала на танцы в Уортон-Парк, — это моя двоюродная бабушка, сестра моего деда Хьюго, который тоже погиб во время Второй мировой войны. Его жена Кристиана, моя бабушка, в тысяча девятьсот сорок третьем году родила моего отца Чарльза, который стал наследником Уортон-Парка после смерти Гарри Кроуфорда, случившейся перед самым моим рождением. Мы по каким-то причинам не переехали в Уортон-Парк. Мой папа терпеть не мог это поместье, к тому же у него наверняка не было денег на его ремонт. И потом тогда еще была жива тетя Кроуфорд, а она очень ревностно вела здесь хозяйство. Спасибо за рассказ, Джулия. Это всегда интересно — узнать подробности семейного прошлого.

— Да, наверное. Сказать по правде, из того, что мне успела рассказать Элси, я поняла, что вся эта история имеет, куда большее отношение к Кроуфордам и, значит, к тебе, чем к прошлому моей семьи.

— Уверен, дальше появится какая-то связь, — покачал головой Кит, — хоть я не совсем понимаю, каким образом наши два семейства могли пересечься. Есть лишь один общий момент: во время войны Гарри и Билл служили в одном батальоне. Да, — он кивнул, — держу пари, все дело в этом! Возможно, где-то на страницах дневника Билла спрятана какая-то мрачная тайна...

— Может быть, — согласилась девушка. — Но я не хочу ломать над этим голову до тех пор, пока не услышу всю историю целиком. К тому же мне было странно узнать, что моя бабушка прислуживала твоей семье, а мой дедушка все еще работал у них, когда я была маленькой. Как много может измениться за два поколения!

— Хочешь сказать, внучка простого садовника сумела добиться славы и богатства, которые Элси и не снились? — с подковыркой спросил Кит.

— Вот именно. — Джулия покраснела. — Но больше всего меня поражает, что всего семьдесят лет назад Уортон-Парк жил по законам совершенно другой эпохи.

— Как раз это чувство я испытывал, когда оставался там на лето. Оливия, которая не связана со мной кровным родством, но которую в нашей семье всегда называли тетей, не покидала поместье до самой

смерти, — заметил Кит. — Уверен, ее постоянное присутствие сильно повлияло на не современный уклад Уортон-Парка.

— О Господи! — воскликнула Джулия. — Я только что поняла...

— Что? — спросил Кит.

— Та жуткая старая дама с холодными голубыми глазами, которая пришла и потребовала, чтобы я прекратила играть на пианино в тот день, когда мы с тобой познакомились, и была Оливией Кроуфорд!

— Да, — кивнул Кит. — Бедняжка, над ней все тайком потешались! Одному Богу известно, что ей пришлось пережить, но, наверное, на ее долю выпали нелегкие испытания, если из милой девушки, которую ты описала, она превратилась в хмурую старую гримзу, которую я знал.

— Подбирай выражения, Кит, — усмехнулась Джулия.

— Я несколько не преувеличиваю: она и впрямь была старой гримзой! Уезжая к ней на каникулы, я трепетал от страха.

— Вообще-то это, наверное, ужасно — застать мужа целующимся с другим мужчиной, — сочувственно заметила Джулия.

— Но из того, что ты рассказала, я понял, что Оливия и Гарри все-таки справились с проблемами до того, как он ушел на войну.

— Да, похоже.

Кит увидел, как Джулия зевает.

— Ну, все, давай-ка в постель! Не хочу, чтобы ты растратила последние силы. Пойдем, помогу тебе подняться наверх.

Он встал и подошел к девушке. Джулия с радостью оперлась на его руку.

Когда Кит укрыл ее одеялом, она взглянула на него с улыбкой.

— Жаль, что ты бросил медицинский колледж! У тебя не плохо получается выхаживать больных.

— Жизнь уготовила для меня другую стезю. — Он пожал плечами и протянул Джулии таблетку парацетамола и стакан воды. — На, выпей.

— Почему ты так долго жил за границей? — вдруг спросила она, возвращая стакан.

— Это долгая история, — усмехнулся Кит. — Спи!

— Хорошо.

Девушка свернулась калачиком под одеялом. Кит пошел к двери, но задержался на пороге.

- Знаешь, я понимаю.
- Что понимаешь?
- Твое горе. Спокойной ночи, Джулия.
- Спокойной ночи, Кит.

Глава 26

На следующий день Джулия приняла ванну и оделась. Правда, натягивая джинсы и джемпер, она успела утомиться и снова прилегла на кровать. Взглянув в окно, девушка вдруг поняла, что за то время, пока она болела, пришла весна. Щебетание птиц и легкие свежие ароматы недвусмысленно возвещали: природа вновь возвращается к жизни.

Джулия чувствовала, что это метафора ее собственного существования: несмотря на физическую слабость, она явно окрепла духом. Она уже не думала об ушедших близких каждую секунду — иногда они покидали ее мысли сразу на несколько минут. Это не значило, что Джулия стала меньше их любить или меньше по ним скучать. Просто природа постепенно дарила ей весеннее возрождение, помогая исцелиться.

Она услышала, как Кит поднялся на второй этаж и закрыл за собой дверь ванной комнаты. Он спал на одной из узких кроватей, предназначенных для детей, а не для взрослых. Джулия улыбнулась. Кит — настоящий добрый самаритянин, который выручил ее в час беды. Его забота была ей крайне приятна.

Джулия не сомневалась, что Ксавьер ее любил, однако ведущей в их отношениях была она. Слишком поглощенный музыкой, он не думал о хозяйственных и практических нуждах Джулии и, подобно избалованному ребенку, ждал от нее постоянных поощрений и похвал.

Джулия затушила огонек вины, теплящийся в ее душе и беспрерывно твердивший о том, что она должна помнить мужа. Последние восемь месяцев она только это и делала.

В дверь спальни тихо постучали.

— Входи! — крикнула она.

Из-за створки показалась голова Кита с копной курчавых волос. Увидев Джулию одетой, он улыбнулся:

— Думаю, можно не спрашивать о твоём самочувствии. Кажется, я в любую минуту рискую стать лишним.

— Уверена, ты воспримешь это с облегчением, — быстро ответила девушка и указала на окно. — Мне так хочется выйти на улицу и подышать свежим воздухом! Я уже почти неделю торчу в

доме... О Боже! — выдохнула она, пораженная внезапной мыслью. — Сегодня пятница?

— Насколько я помню, да, — подтвердил Кит.

— О нет! — вскричала она, откидываясь на подушки. — Вчера я должна была встретиться с моим агентом на ленче в Кларидже. Никто не смеет перечить Олаву Стейну. Мне надо немедленно позвонить ему и все объяснить.

— Не надо. Он уже знает, — спокойно ответил Кит.

— Откуда? — Джулия озадаченно взглянула на него.

— С разрешения твоей сестры я прослушал твою голосовую почту. Этот парень, Олав, оставил тебе сообщение в среду — хотел, чтобы ты подтвердила вашу встречу. Пришлось позвонить ему и объяснить, что ты на грани между жизнью и смертью. Он все понял. Шлет тебе наилучшие пожелания и просит позвонить ему сразу, как только ты оклемаешься. Кстати, там есть и другие сообщения.

— Расскажешь позже. — Джулия сомневалась, что прямо сейчас сумеет справиться с потоком информации из внешнего мира. — Спасибо, Кит, я ценю твою заботу.

— Признаюсь, мне было неудобно слушать твои личные сообщения, но в сложившихся обстоятельствах у меня не было выбора. — Он пожал плечами. — Сейчас я пойду и приготовлю нам обоим завтрак, а потом предлагаю ненадолго выйти прогуляться к пристани и обратно — тебе надо немного подышать свежим воздухом и размять ноги. Увидимся через несколько минут на первом этаже.

На завтрак Кит приготовил овсяную кашу, щедро приправив ее сливками и коричневым сахаром. Затем Кит и Джулия медленно пересекли пристань и прошли по узкой косе. Джулия вспомнила, как в последний раз гуляла здесь одна, вне себя от мрачного отчаяния. Сейчас, вместе с Китом, на берегу, залитом весенним солнцем, мир казался ей куда более радостным.

— К сожалению, мне скоро придется уехать, — вздохнул Кит. — Помимо прочих дел, мне надо встретиться с адвокатом по делам поместья. С продажей Уортон-Парка возникли проблемы. Я уже заключил договор с покупателем, но он пытается изменить его в свою пользу.

— Мне очень жаль, — сочувственно посмотрела на него Джулия. — Надеюсь, ты сумеешь все уладить.

— Не сомневаюсь: так или иначе мы договоримся. Какие странные сюрпризы иногда преподносит нам судьба! Кто бы мог подумать, что мне придется продавать Уортон-Парк? — произнес он, когда они повернули к дому.

— Разве ты не знал, что когда-нибудь унаследуешь поместье?

— Знал, конечно, но думал, что до этого еще очень далеко, и предпочитал не вспоминать про свои обязательства. К тому же юридически, по умолчанию, поместье было только моим, ведь линия Кроуфордов, которая изначально владела Уортон-Парком, осталась без наследников.

— У меня сложилось впечатление, что тебе не терпится от него поскорее избавиться.

— Нет, это не так. Я... — В кармане у Кита зазвонил мобильник. — Извини, Джулия. Алло? А, Энни, привет! Как дела?

Пока Кит разговаривал, Джулия деликатно прошла вперед. Он догнал ее у порога коттеджа.

— Прости. Похоже, мне пора ехать. — Кит открыл дверь, и они вошли внутрь. — Уверена, что с тобой ничего не случится, если я оставлю тебя здесь одну?

— Конечно. Я семь месяцев жила здесь одна, и, как видишь, со мной все в полном порядке. Не волнуйся за меня.

— Приготовить тебе ленч? — спросил он.

— Надеюсь, я сумею доковылять до кухни и сделать себе сэндвич. Поезжай.

— Хорошо. У тебя есть мои телефоны — и мобильный, и домашний. Алисия обещала проведать тебя позже.

— Отлично. — Джулия закатила глаза и устало опустилась на диван.

— Алисия любит тебя и поэтому хочет тебе помочь.

— Я знаю. — Джулия испытала легкий укол совести. — Просто в ее присутствии я чувствую себя никчемной дурой. Она чертовски организованная особа!

— Это ее способ выживания. У всех нас есть свой особый способ, даже у тебя. — Кит улыбнулся и поцеловал ее в макушку. — Не пропадай, ладно? Держи меня в курсе своих дел.

— Ладно, — пообещала девушка и вдруг ощутила прилив слабости. К глазам подступили слезы. Она снова встала, растерянно

пожала плечами. — Спасибо тебе за все.

— Не за что. Ну, до встречи, — бросил он, открывая входную дверь.

— До встречи, — кивнула Джулия.

Когда Кит ушел, Джулия поднялась наверх, собираясь немного вздремнуть. Но сон все не шел. Девушка попыталась читать книгу, которая уже давно валялась на прикроватном столике, но не смогла сосредоточиться на сюжете. В конце концов, ее сморило, потому что, когда она открыла глаза, было почти шесть часов.

Захотелось есть. Джулия пожалела, что Кит уехал и теперь некому приготовить ужин. С трудом встав, она поплелась на кухню. Весенний день испарился, словно воспоминание, наступил холодный вечер. Она растопила камин, постаравшись как можно точнее повторить методику Кита, но огонь упорно не хотел пылать так ярко, как у него.

Поужинав тостом с сыром, Джулия поняла, что впереди — долгое вечернее одиночество.

«Надо купить телевизор, — решила она. — Пусть хоть он разгонит эту гнетущую тишину в доме».

Позже Джулия поднялась в спальню и легла в постель. Когда часы на церковной башне пробили полночь, девушка призналась себе в том, что скучает по Киту.

Утром Джулия сидела на скамейке перед коттеджем, наслаждалась теплым весенним воздухом и размышляла о будущем. Уже одно то, что она верила в собственное будущее, было для нее откровением. Вот только как знать, что именно уготовила ей судьба? Наверняка она знала только одно: больше не желает оставаться в коттедже.

После отъезда Кита часы тянулись бесконечно медленно. Впрочем, ей нечем себя занять, потому и лезут в голову разные мысли... А еще дело, наверное, в ее эмоциональной уязвимости. Она не сомневалась, что скучает по Киту только потому, что он проявил к ней доброту и пришел на помощь в трудную минуту. По крайней мере, чувства, вызванные его отъездом, заставили ее наконец-то принять решение.

От досады на собственную слабость Джулия хлопнула рукой по деревянной скамье так, что две стоящие неподалеку утки недовольно взъерошили перья и подняли хвосты.

— Все, хватит, — пробормотала она себе под нос. — Надо как можно скорее возвращаться во Францию.

«Пусть меня ждут тяжелые воспоминания, но там я дома. А здесь мне нечего делать!»

Зазвонил мобильный. Джулия достала телефон, радуясь возможности отвлечься.

— Алло, — произнесла она.

— Привет, Джулия, это Кит.

— Привет! — Девушка ощутила, как зарделись ее щеки.

— Просто звоню узнать, как чувствует себя моя пациентка.

— Гораздо лучше, спасибо.

— Отлично. Значит, ты сможешь доковылять до Уортон-Парка и поужинать со мной сегодня вечером?

— Думаю, смогу, — улыбнулась Джулия.

— Часиков в восемь?

— Хорошо. Принести с собой что-нибудь?

— Не стоит. Мне достаточно одной тебя.

Щеки Джулии запылали еще жарче.

— Ну, до встречи.

— До встречи, Джулия.

Девушка положила мобильный телефон на скамейку и уставилась в пространство, с ужасом чувствуя в душе странный прилив счастья.

«Неужели я... заинтересовалась мужчиной? Нет-нет, это невозможно! Сейчас, когда после смерти мужа прошло всего несколько месяцев...»

И все же это случилось.

Джулия резко встала, будто физическое движение могло прояснить мысли. Но по спине уже бегали предательские мурашки. Звуки его голоса, мысль о скорой встрече заставили ее испытать внезапное острое волнение...

Она побрела в дом, смущенная и полная угрызений совести. Впрочем, в глубине ее души притаилось приятное предвкушение радости.

После ленча Джулия съездила в Холт — купила шелковую блузку, джинсы, два мягких кашемировых джемпера и пару сапог.

«Вечером надену блузку и джинсы», — решила она, шагая по главной улице к своей машине, чтобы загрузить пакеты с покупками.

Тут она мысленно одернула себя: «О чем я думаю, черт возьми? Это же не свидание... Впрочем, все равно надо немножко пополнить гардероб: джинсы и летний топ, в которых я приехала из Франции вместе с Алисией, да пара вещей, одолженных у сестры за время пребывания в Англии, вряд ли можно назвать богатым выбором».

Подходя к автостоянке, Джулия услышала, как кто-то окликнул ее по имени, обернулась и увидела Алисию.

— Привет, Джулия! — Алисия подошла к ней. — Ты избавила меня от долгой ходьбы. Я как раз шла тебя навестить. — Она оглядела пакеты. — Ходила за покупками?

— Да, — кивнула Джулия.

— Значит, тебе уже лучше?

— Да, намного лучше, спасибо.

— Отлично! — Сестра кивнула. — Отлично, — повторила она. — Послушай, Джулия, если ты не против, я бы хотела пригласить тебя к нам на ужин. Сегодня у нас соберутся друзья. Думаю, тебе не помешает познакомиться с местными жителями.

— Нет, я не могу, но спасибо за приглашение.

— Не можешь или не хочешь? — Алисия подозрительно взглянула на сестру.

— Не могу. — Джулии не хотелось ничего объяснять.

— Но почему? — не отставала Алисия.

Джулия досадливо вздохнула:

— Потому что я уже приняла другое приглашение.

— Вот как? — В глазах Алисии читалось неподдельное удивление. Насколько она знала, сестра ни с кем здесь не знакома и никуда не выходила из коттеджа с момента приезда. — Куда же?

— Ну, знаешь, Алисия! — не выдержав, рявкнула Джулия. — Кит пригласил меня поужинать в Уортон-Парке. Все, ты довольна?

— Да-да, прости. Я... — Она с усмешкой показала на пакеты. — Собираешься надеть что-то новенькое?

— Возможно. — Джулия от души надеялась, что ее щеки не начнут пылать огнем. — Слушай, Алисия, мне надо идти покупать телевизор — магазин закрывается в пять. Я тебе позвоню. — Девушка торопливо пошла к парковке.

— Обещаешь? — крикнула вслед Алисия.

— Да. Пока!

— Желаю приятного вечера! — Алисия улыбнулась, подивившись на скрытность сестры, и отправилась в химчистку забирать рубашки Макса.

Глава 27

Джулия остановила машину перед осыпающимися каменными ступеньками, ведущими к главному парадному крыльцу Уортон-Парка. Дом погрузился во тьму, величественные дубовые двери стояли наглухо закрытыми.

«Надо было спросить Кита, в какой подъезд входить. Похоже, здесь их несколько».

Выйдя из машины с бутылкой вина в руке, Джулия заперла дверцу автомобиля и, обогнув угол дома, двинулась в сторону более знакомого служебного входа.

Девушка чувствовала нарастающее волнение.

«Почему я так нервничаю? В конце концов, это всего лишь ужин в компании с другом — мужчиной, о котором я почти ничего не знаю. Возможно, он женат и у него куча детей... Кит никогда не говорил об этом, а я и не спрашивала...»

Джулия стояла перед служебным входом. Хорошо хоть в этой части дома, кажется, есть свет. Глубоко вдохнув, она постучалась. Через несколько секунд Кит отпер дверь.

— Привет, Джулия! — Он поцеловал ее в обе щеки. — Входи.

— Спасибо. — Джулия послушно прошла вслед за ним через прихожую в кухню. — Я привезла вино. — Она поставила бутылку на тот самый сосновый стол, за которым когда-то сидела в детстве.

— Спасибо. — Кит внимательно посмотрел на гостью. — Выглядишь гораздо лучше. Тебе идет этот цвет, — восхищенно заметил он, показывая на блузку. — Похоже, доктор Кроуфорд умеет творить чудеса. Белое или красное? — спросил он, стоя возле дверцы буфета.

— И то и другое. — Джулия надеялась, что спиртное поможет расслабиться.

Кит подошел к холодильнику. Его длинные ноги были обтянуты джинсами, а торс закрывала свежесглаженная рубашка.

— Тогда начнем с белого. — Он взял бутылку из холодильника и вернулся в кухню, чтобы ее открыть. — Боюсь, нам придется заняться дегустацией. В подвале полно французских вин: есть совсем старые,

есть помоложе. Внутри может оказаться или нектар, или уксус. — Он откупорил пробку и понюхал ее. — Ни то и ни другое, но пить можно.

— Может, тебе нанять специалиста, чтобы он осмотрел запасы? Среди них наверняка есть ценные вина. Ксавьер, мой... муж однажды купил на аукционе бутылку за две тысячи евро.

— Ну и как оно оказалось на вкус? Потянуло на две тысячи евро? — Кит протянул ей бокал.

— Да так, ничего особенного. Наверное, был пьян, когда покупал эту бутылку, — с усмешкой ответила Джулия.

— На мой взгляд, это просто барские замашки. — Кит осторожно попробовал вино. — Так же как икра и трюфели. Можешь считать меня обывателем, но я не понимаю, что хорошего в рыбьих яйцах и обычных грибах. Впрочем, я ем, чтобы жить, а не наоборот. А может, мне просто жаль денег, которые приходится платить за подобные прихоти. В моей иерархии ценностей еда стоит чуть ли не на последнем месте. Ладно, Джулия, давай выпьем за твоё возвращение в Уортон-Парк!

— Спасибо, что пригласил меня в гости, — натянуто отозвалась Джулия, сделав большой глоток — ей хотелось как можно скорее избавиться от внутреннего напряжения. — Как прошла твоя встреча с юристом?

— Вообще-то именно поэтому я и позвал тебя. Мне нужно с кем-то посоветоваться, а ты всегда любила это старое поместье. — Он подошел к древней черной плите. — Я сейчас приготовлю пасту с соусом и заодно расскажу о своих проблемах.

— Давай, — одобрила девушка. — Мне надоели собственные горести, для разнообразия послушаю про чужие.

— Мне не удалось продать Уортон-Парк.

— Не может быть, Кит! Почему?

— Обычная история, — спокойно ответил он. — Вчера мы должны были завершить сделку, но когда дело дошло до подписания бумаг, адвокат покупателя объявил, что хочет снизить цену на миллион, так как с момента нашего первого договора цены на жилье упали. Как я понял, финансовые дела мистера Хедж-Фанда пошатнулись и он потерял платежеспособность.

— И ты ему веришь? — спросила Джулия, только сейчас с удивлением заметив, какие у Кита красивые глаза.

— Не знаю, что и думать. По-моему, он просто-напросто хитрый негодяй, — пробормотал Кит, тыча вилкой в кипящие спагетти. — Прекрасно понимает, что я попытаюсь найти другого покупателя, и хочет меня надуть.

— Действительно, хитрый негодяй, — сочувственно отозвалась Джулия, стараясь сосредоточиться на его словах. — А ты можешь продать поместье за меньшую сумму?

— Нет. У Уортон-Парка большие долги, к тому же придется платить налог на наследство за ту небольшую часть, которая мне останется. Но, ко всему прочему, мистер Хедж-Фанд потребовал, чтобы я продал ему дворик с садом и теплицами. Он решил, что ему не нужны ближайшие соседи. Честно говоря, — признался Кит, — это меня здорово разозлило.

— Могу представить, — усмехнулась Джулия. — Тем более, что он объявил об этом в последнюю минуту.

— Что ж, — отозвался Кит, — именно так богатые становятся еще богаче. Я не включил в договор продажи садовый дворик, решив там поселиться, и это помогло мне смириться с мыслью о продаже Уортон-Парка. — По правде говоря... — Кит поднял руки, — мне дорого это место. Странно, ведь я никогда не испытывал к нему привязанности, бывая здесь в детстве. Однако чем дольше я тут живу, тем труднее расстаться с именем.

— И что же ты решил?

Кит откинул пасту на дуршлаг и разложил ее по двум тарелкам, полил соусом.

— Это вопрос на миллион долларов. Вот, обед готов! — Он снова наполнил бокалы и сел за стол напротив Джулии.

— Спасибо, Кит. Пахнет изумительно!

— Отлично. Я люблю готовить — или, по крайней мере, экспериментировать. Ешь, пока не остыло.

— Боюсь, я не большой специалист по части кулинарии, — призналась Джулия, принимаясь за спагетти.

— Это дело практики, а у тебя ее было мало, учитывая твой образ жизни. К тому же, если ты порежешь палец, шинкуя овощи, случится ужасная катастрофа. — Глаза Кита весело блеснули. — Ты пропустишь несколько нот, играя «Этюды» Шопена.

— Так что же ты все-таки собираешься делать с Уортон-Парком?

— Не знаю, — признался Кит. — А что бы ты сделала на моем месте?

— Ох, Кит. — Джулия покачала головой. — Из меня вряд ли получится хороший советчик. Ты знаешь, как я люблю это место. К тому же я терпеть не могу мошенников и послала бы твоего мистера Хедж-Фанда куда подальше, — улыбнулась она. — Но это мое личное мнение, и оно никак не связано с финансовыми соображениями. Если ты сейчас не продашь поместье, хватит ли тебе денег на хозяйство, чтобы дождаться нового покупателя?

— Вчера вечером я просмотрел бухгалтерские книги, а сегодня утром съездил к аудитору поместья. Похоже, доход с фермы и арендная плата жителей коттеджей не покрывают расходов. Но все потому, что прибыль уходит на оплату долгов. — Кит налил себе еще вина. — Аудитор сказал, что поместье легко может стать рентабельным, если собрать долги в единую закладную с минимальными процентами, а на высвободившиеся деньги закупить современное оборудование и найти толкового управляющего.

— Звучит оптимистично, — заметила Джулия.

— Да, но как быть с домом? — вздохнул Кит. — Инспектор, которого я пригласил, впервые задумавшись о продаже, прикинул, что ремонт здания обойдется, по меньшей мере, в пару миллионов, иначе оно рассыплется прямо у меня на глазах. И это без учета внутренних переделок. Надо обновить кухню и туалетные комнаты: сейчас, забравшись в ванну, можно еще больше испачкаться. А ведь в доме шестнадцать ванн. Разумеется, у меня нет таких денег.

— Ты сможешь подождать несколько месяцев — до тех пор пока не найдется другой покупатель? — спросила девушка.

Кит кивнул:

— Да, если возьму на себя труд по управлению поместьем и, значит, отложу остальные планы. Но чем дольше я живу в Уортон-Парке, тем меньше мне хочется с ним расставаться. А ты еще больше осложняешь ситуацию, — добавил он.

Джулия удивленно уставилась на него:

— Спасибо. Что ты имеешь в виду?

— Слушая историю моей семьи, я начинаю все больше ценить поместье. К тому же это наша общая история. Если бы не было Уортон-Парка, мы бы с тобой не встретились.

Он внимательно посмотрел на девушку, и ей вдруг стало неуютно под его взглядом.

— Что ж, — голос Джулии прозвучал неестественно сухо, — тебе предстоит принять непростое решение.

— Да, причем скоро. По правде говоря, сегодня вечером я хотел поговорить с тобой о другом. Я собирался рассказать о своем душевном состоянии. Знаешь, я так привык кормить тебя супом и вытирать твой мокрый лоб, что теперь мне этого не хватает.

— Бог знает почему, — Джулия упрямо не желала поддаваться перемене атмосферы, — но я была не слишком хорошей собеседницей, так как почти все время находилась в ступоре.

Кит положил вилку в пустую тарелку и задумчиво посмотрел на девушку.

— Да, но твой ступор был странно красноречив. Куда лучше молчать в обществе приятного человека, чем выслушивать непрерывную болтовню того, кто тебе противен.

Повисла неловкая пауза. Джулия доела пасту, опустила вилку и уставилась в свою тарелку.

— Во всяком случае, — продолжил Кит, — наша новая встреча доставила мне удовольствие. Я никогда не забуду день, когда услышал твою игру на рояле... Ты собираешься остаться здесь, в Норфолке?

— Даже не знаю, Кит, — честно ответила Джулия. — Только в последние две недели я начала размышлять о будущем.

— Понимаю, — кивнул он. — Когда-то давно мне пришлось пережить нечто подобное. Моя жизнь безвозвратно изменилась... Как и я сам. Я почувствовал, что не способен создавать долгосрочные отношения. Это был настоящий кошмар! Только пару лет назад я, наконец, пришел в себя. — Он усмехнулся. — Это для тебя откровение?

— Да, — пробормотала Джулия, не зная, что еще сказать.

— Надеюсь, теперь я стал лучше. Но с тех пор мне ни разу не встретился подходящий человек. — Он помолчал и посмотрел на нее через стол. — Ты ведь тоже нечасто встречала родственную душу?

— Нет. — Джулия почувствовала, как глаза наполняются слезами. Она взглянула на часы. — Послушай, Кит, мне пора домой. Я... устала.

— Да, конечно. — Кит подался вперед и накрыл ее руку своей ладонью. — Мы еще увидимся, когда тебе станет лучше? Мне очень

этого хочется, Джулия.

— Хорошо. — Джулия резко выдернула руку, встала и зашагала к двери.

Кит пошел за ней.

— Как насчет вечера в понедельник?

— Не знаю.

Джулии хотелось поскорее уйти и освободиться от странного томления.

Кит взялся за щеколду, преградив ей дорогу, потом нагнулся и поцеловал. От прикосновения его губ Джулию, словно током ударило. Она отпрянула, но Кит удержал ее в крепких объятиях.

— Прости, если сказал что-то не то. Наверное, я слишком тороплюсь. — Он вздохнул. — Просто я по тебе соскучился. Обещаю, впредь не буду так спешить. Я прекрасно тебя понимаю.

— Я... — Джулия выпуталась из его рук, ошеломленная бурей противоречивых чувств. — Спокойной ночи, Кит.

— Я позвоню тебе на днях. Может быть, в понедельник мы...

Но она уже открыла дверь, выскочила на крыльцо и бросилась в убежище своей машины.

Глава 28

Прошло два дня, а Джулия все никак не могла отойти от встречи с Китом. Слонялась по коттеджу, не глядя на экран новенького телевизора с плоским экраном, который ей недавно доставили. Она пристроила его в углу гостиной, но телевизор работал вхолостую: Джулия не обращала внимания на бешеные повороты сюжета сериала или на то, как пытаются раскрыть очередную тайну НЛО. Она долгими часами гуляла по болотистому берегу, пытаясь понять причину своего странного беспокойства.

Мысли путались, и причиной тому был Кит. То он пугает ее своим «кошмарным» характером, а то вдруг говорит, что хочет еще раз с ней увидеться, и целует.

«Почему меня это волнует? Я только что овдовела и еще скорблю по покойному мужу... Всего две недели назад у меня не было сил повернуться лицом к окружающему миру, и вот теперь лежу в постели, вспоминая его поцелуй и представляя себе... большее. Каким образом Киту удалось так на меня повлиять?»

Самое ужасное, что каждые пять минут ей хотелось проверить, нет ли сообщений на мобильном телефоне. В коттедже сигнал очень слабый, и ей приходилось выходить ради этого на улицу.

Однако вот уже четыре дня в телефоне не было ни одного сообщения.

Миновала неделя, а Кит по-прежнему молчал. Очнувшись от беспокойного сна, Джулия поняла, что ей надо забыть его и жить дальше. Если он обещал позвонить, а сам исчез, значит, ему нельзя верить.

Джулия принимала душ, когда мобильник, лежащий на краю ванны, вдруг затрещивает. Не обращая внимания на льющуюся с нее воду, она схватила трубку.

— Алло?

— Это я, Алисия. Как у тебя дела?

Сердце Джулии ухнуло вниз.

— Спасибо, все в порядке. А у тебя? — спросила она, вытираясь полотенцем и с трудом удерживая аппарат под подбородком.

— Тоже. Прости, что долго не звонила. У меня была сумасшедшая неделя. Как прошел ужин с Китом?

— Хорошо, — сердито буркнула Джулия.

— Ты виделась с ним после?

— Нет.

— Понятно, — отозвалась Алисия. — Значит, у вас с ним нет... никакого романа?

— О Господи, нет! Мы просто друзья.

— Я рада.

— Рада? Почему? Мне казалось, он тебе нравится! — В голосе Джулии прозвучало невольное возмущение.

— Да, он мне нравится. Во всяком случае, нравился раньше... Ну, да ладно, забыли. Я просто подумала...

— Что ты подумала? Говори же, Алисия! — настаивала Джулия.

— Успокойся, Джулия. К тому же, если у вас с ним ничего нет, это не имеет значения. Я только хотела тебя предупредить: возможно, лорд Кроуфорд не так прост, как мне казалось. Впрочем, это не мое дело.

— Вот именно, — огрызнулась Джулия и сменила тему: — Как дети?

— В полной боевой форме. Даже слишком боевой, — вздохнула Алисия. — Мы с Максом хотим пригласить тебя к нам завтра на воскресный ленч. Ты придешь?

— Спасибо, Алисия, нет. Я... — Джулия лихорадочно подыскивала предлог для отказа, — гуляю.

— Гуляешь?

— Да. — Джулия перешла в спальню, понимая, что там сигнал совсем пропадет. — Я тебе позвоню. Пока!

Она в досаде швырнула мобильник на кровать, мысленно ругая Алисию и Кита: эти двое умеют вывести из себя! Однако в эту минуту она больше всего ненавидела себя. «Почему я так бурно на них реагирую?»

От отчаяния Джулия поехала в Холт, чтобы убить там пару часов. Она купила еду, хотя не испытывала аппетита, и ароматические свечи, которые почти наверняка забудет зажечь, потом прошлась по главной улице к маленькому магазинчику, где неделю назад покупала себе одежду, и небрежно просмотрела вешалки. Ничего интересного. А с каким радостным волнением она ходила здесь в прошлый раз! Рядом

проковылял малыш, ровесник Габриэля — такой же кудрявый, с такими же большими голубыми глазами, но далеко не такой красивый... он крутился по залу, пока его мама расплачивалась за покупки.

Джулия вышла из магазинчика и, борясь с подступающими слезами, побрела к автостоянке. И тут она увидела их: он выбрался из своей машины, обошел капот и открыл пассажирскую дверцу; она поблагодарила его со счастливой улыбкой; он отступил к задней дверце машины и осторожно поднял с сиденья крошечного младенца, нежно поцеловал его в макушку и передал на руки маме, потом достал из багажника прогулочную коляску. Усадив малыша, парочка направились в сторону Джулии; он по-хозяйски обнимал девушку за плечи.

Когда они проходили мимо, Джулия инстинктивно спряталась за ближайшей машиной. Она слышала, как Энни что-то сказала своим гнусавым американским говорком, и Кит засмеялся в ответ.

— О Боже, — выдохнула Джулия, когда они исчезли из виду, подбежала к своей машине и плюхнулась на водительское сиденье. — Боже, как он мог? — закричала она, с силой ударив ладонями по рулю. Сердце отчаянно колотилось. Девушка завела авто и выехала с парковки.

В ту ночь она выпила целую бутылку вина, с каждой рюмкой злясь все больше. Кит просто играл с ней, это ясно как день! Все его душевные разговоры были насквозь фальшивыми. «Я понимаю твои чувства!» Да его сердце не мягче граненого алмаза!

«Наверное, — думала Джулия, допивая остатки вина, — именно таким способом он получает удовольствие. Обыкновенный бабник, только с хорошей родословной!»

— Бедный ребенок, бедная Энни, — прошептала она, нетвердой походкой поднимаясь по лестнице на второй этаж, и, не раздеваясь, повалилась на кровать.

«Но когда я болела, он был таким добрым, таким заботливым...»

По щеке скатилась слеза. Злость уже не спасала. Она безумно по нему соскучилась.

— О, нет! — простонала Джулия. Алкоголь заставил ее быть честной перед собой и посмотреть в глаза правде. А правда

заклучалась в том, что она каким-то непостижимым образом по уши влюбилась в Кита Кроуфорда.

В понедельник утром Джулия опять поехала в Холт, в туристическое агентство, и заказала авиабилет во Францию. Накануне, в воскресенье, мучаясь от похмелья, она провела несколько часов за просмотром дневных телепередач, потом приготовила себе ужин и, как следует обдумала ситуацию.

«Нельзя допустить, чтобы короткая встреча с Китом помешала мне вернуться к нормальной жизни!»

Она по опыту знала, какой уязвимой делает ее любая форма привязанности. Сначала надо окончательно прийти в себя, а потом уже заводить романы.

Положив в сумочку билет на самолет, Джулия поехала домой. Настроение немного улучшилось.

«Я улетаю в среду, и, значит, есть еще парадней, чтобы попрощаться с родными, собрать вещи и подготовиться».

Когда она вернулась в Блэки-Виллидж, зазвонил мобильник — два коротких звонка с перерывом в несколько секунд. Взглянув на экран, она увидела, что пришло голосовое сообщение. Джулия подумала, что это, наверное, Алисия хочет узнать, как у нее дела. Она забежала в универсам купить пакет молока и поднесла телефон к уху.

— Привет, Джулия, это Кит. Прости, что не звонил. Неделя была сумасшедшая. Может, встретимся завтра на ленче? В любом случае надеюсь, что тебе уже лучше. Перезвони мне в любое время. Пока.

— Ха!!! — вскрикнула Джулия, напугав пожилого мужчину, который стоял рядом и доставал пачку масла из холодильника. — Простите, — бросила она ему, положила молоко на прилавок, расплатилась и стремительно выскочила из магазина.

Подъехав к своему коттеджу, девушка запрокинула голову и громко расхохоталась.

— Ха, ха! Сумасшедшая неделя, да, Кит? Ха, ха! Ну конечно, кто бы сомневался, ведь твоя подружка, а может быть, даже жена — кто знает? — родила тебе! Ха! Ха! Ха!

Итак, Кит оказался негодяем, как она и думала. Или даже хуже. Эта мысль вселила в нее странное веселье. Продолжая истерически хохотать, Джулия вошла в коттедж и лихорадочно принялась

укладывать в чемодан вещи, которые хотела взять с собой во Францию.

Через пятнадцать минут сборы были закончены. Джулия в изнеможении плюхнулась на диван и снова покачала головой: сообщение Кита потрясло ее до глубины души. Подумать только: она сравнивала его с Ксавьером, своим бедным покойным мужем! Да, Ксавьер тоже не был идеалом, однако он безмерно ее любил!

— О Боже, — пробормотала она, потом вскочила и вышла из коттеджа: надо ехать к Алисии и попрощаться с ее семьей.

— Я буду скучать по тебе, милая, — вздохнула Алисия, — но я рада, что ты чувствуешь в себе силы вернуться. Конечно, первые недели будет нелегко. Если захочется поговорить, пожалуйста, звони, — добавила она со значением.

— Постараюсь не пропадать, — пообещала Джулия. — Прости, раньше я редко с тобой общалась. Бесконечные дела, поездки, Ксавьер и Габриэль...

Девушка осеклась, но попыталась взять себя в руки. Надо научиться говорить о них, если хочешь выжить там, где все их знали и любили.

— Пожалуй, больше всего я боюсь войти в пустой дом. — Джулия закусила губу, сдерживая слезы. — Но ты права: когда-нибудь мне станет легче. Я должна найти в себе мужество и преодолеть эту боль.

— Ты справишься, Джулия. — Алисия села рядом с ней и взяла ее за руку. — Я только хочу сказать, что... восхищаюсь тобой.

— Восхищаешься мной? Не говори глупости, Алисия. Я такая распустиха, а ты всегда собранная и спокойная. Это я должна тобой восхищаться.

— Просто у нас разные характеры. Если честно, я вряд ли смогла бы пережить то, что пережила ты. Да, я очень организованная — хорошая хозяйка, мать и жена. Но на твоём месте я бы просто не выдержала.

— Неужели?

— Да. Стоит случиться неприятности, и я тут же опускаю руки. Иногда меня это пугает.

Джулия редко видела свою сестру слабой и почувствовала угрызения совести.

— Ты чудесная, Алисия. Спасибо тебе за все. Если когда-нибудь захочешь побывать во Франции, добро пожаловать в мой дом!

— Я бы с удовольствием, но, боюсь, это невозможно. — Алисия обвела рукой свою чистенькую кухню. — Мои милые детки ни за что не отпустят маму из дома. — Она улыбнулась.

— Как бы то ни было, мое приглашение в силе.

— Спасибо. Ты уже собрала вещи?

— Да. Это заняло всего десять минут. Папа еще здесь, в Норфолке? Я должна с ним попрощаться.

— Когда я разговаривала с ним в последний раз, он был в Лондоне, готовился к экспедиции на Галапагоссы. Но ты ему позвони, — посоветовала Алисия. — А как же Элси и продолжение ее рассказа?

— Вообще-то я хотела попросить тебя. Может, съездишь навестишь ее как-нибудь? Она будет рада.

Сейчас Джулии меньше всего хотелось слушать про семейные интриги Кроуфордов.

— Хорошо. А с Китом ты прощаешься?

В глазах Джулии вспыхнул странный огонек.

— Нет. Мне кажется, он сейчас занят.

— Возможно... — неуверенно отозвалась Алисия. — Что ж, счастливого пути, сестренка. — Она крепко обняла Джулию. — Только, пожалуйста, не пропадай!

— Хорошо, и спасибо за все.

— Ты же знаешь, я всегда рада тебе помочь.

— Да. Пока, Алисия. Привет детям.

По пути домой Джулия прослушала до середины новое сообщение Кита.

«Сколько можно?»

Еще раз громко воскликнув «ха!», она стерла сообщение и выключила телефон.

На следующий день Джулия сидела в тенистом дворике перед пабом и звонила Элси и папе, чтобы сообщить им о своем решении вернуться домой. Элси выздоравливала после гриппа (ее случай был полегче, чем у Джулии) и едва могла говорить, а Джордж, похоже, мысленно уже перенесся на Галапагосские острова.

— Едешь домой, милая? В коттедж? Отлично. Очень рад тебя слышать.

— Нет, папа, во Францию, — терпеливо объяснила Джулия: она прекрасно знала, как он бывает рассеян перед экспедицией.

— А, понятно. Какая же ты молодчина! Ты должна, наконец, вернуться к привычной жизни. И к своему роялю.

— Не все сразу, папа, — вздохнула Джулия.

— Да-да, конечно. Знаешь, в эти выходные я уезжаю. Будем, как обычно, переписываться по электронной почте. Правда, я понятия не имею, есть ли там Интернет.

— Береги себя, папа.

— И ты тоже, милая. Помни: я горжусь тобой.

— Спасибо, папа. Пока.

— До свидания, дочка.

Завершив разговор, Джулия увидела, что пришло сообщение от Кита. Она нажала «удалить», не читая, допила свой бокал вина и доела сэндвич, думая о завтрашнем дне и следующем трудном этапе своего путешествия. Теперь, когда он был уже близок, ее охватил страх. Возвращаясь к коттеджу, девушка размышляла, готова ли уехать из этих мест. Как бы ее ни раздражали навязчивые заботы Алисии, они давали чувство защищенности. Приехав во Францию, она останется наедине со своими воспоминаниями.

«Но есть ли выбор? Нет, здесь меня ничего не держит».

Глава 29

К восьми вечера Джулия сдала машину, взятую напрокат на несколько месяцев, прибралась в коттедже, заказала такси до аэропорта на завтрашнее утро, на половину восьмого. Ее чемодан ждал у двери.

«Все, я готова ехать!»

Девушка оглядела гостиную. Ей вдруг стало жаль покидать эти стены, которые видели ее отчаяние и служили надежным прибежищем в часы мрачной тоски. Она встала, подошла к входной двери, открыла ее и вдохнула прохладный, чистый воздух Северного моря, в последний раз посмотрев на качающиеся на водной глади в гавани суда.

— Привет, Джулия! — раздался голос из темноты, и ее сердце подпрыгнуло к самому горлу. — Это я, Кит. — В круге тусклого света, сочившегося из дома, появилась фигура.

Джулия застыла на месте. Ей очень хотелось отступить, захлопнуть дверь, запереть ее на засов и, затаившись за диваном, дожждаться его ухода. Но тело не слушалось, и она продолжала стоять на пороге.

— Послушай, я знаю, ты завтра уезжаешь...

— Откуда? — резко спросила она, радуясь тому, что хотя бы голос не отказал.

— Я звонил твоей сестре. Ты не отвечала на мои сообщения, и я забеспокоился.

— Ха! — невольно вырвалось у девушки.

— Джулия... — Кит приблизился к ней еще на пару шагов, и она инстинктивно потянулась к дверной щеколде. — Похоже, случилось недоразумение. Можно мне войти? Я все объясню.

— Вряд ли в этом есть необходимость. Никакого недоразумения не случилось, Кит. Я все прекрасно поняла. Извини, мне завтра рано вставать, и я хочу лечь. Спокойной ночи. — Она шагнула за порог и собралась закрыть дверь.

— Пожалуйста, Джулия, — Кит вытянул руку и ладонью удержал дверь, — дай мне хотя бы объясниться! Я не хочу, чтобы мы расстались врагами.

Девушка вздохнула, пожала плечами и наконец, отступила в сторону.

— Раз ты так настаиваешь... У тебя пять минут. — Она села на диван.

Кит прошел вслед за ней и остановился перед камином.

— Я не звонил тебе на прошлой неделе, потому что Энни родила ребенка.

— Да, я знаю. Поздравляю. — Джулия вымученно улыбнулась.

— Спасибо. Я передам твои поздравления, как только мы с ней созвонимся.

Джулия презрительно скривила губы:

— Только не надо меня дурачить, Кит! Я видела вас троих в Холте, вы смотрелись довольно мило. Прекрасная компания.

— Да, Джулия, компания действительно прекрасная... Послушай, — Кит раздраженно почесал затылок, — ты хочешь узнать правду или тебе достаточно сплетен, которые ходят обо мне в последнее время по всему северному Норфолку? Решай сама.

— Говори, — Джулия уклончиво пожала плечами, — если хочешь.

— Я чувствую, что должен рассказать правду, даже если тебе неинтересно. Короче... — Кит вздохнул. — Мы с Энни давние друзья. Двенадцать лет назад она помогла мне пережить трудный период. Потом переехала в Штаты, и я часто у нее там бывал. А в прошлом году Энни сообщила мне, что наконец-то встретила настоящую любовь. У нее был такой счастливый голос! Единственная трудность, по ее словам, заключается в том, что ее парень патологически боится обременять себя обязательствами. Энни не сомневалась, что молодой человек ее любит, но он никак не хотел жить с ней, не говоря уже о свадьбе. И тут Энни обнаружила, что ждет ребенка. В тридцать четыре года, от любимого человека! У нее и мысли не было прервать беременность.

— Я бы на ее месте тоже не стала это делать, — согласилась Джулия.

— Ну, а Джек, патологически боявшийся обязательств, разумеется, порвал с ней отношения. Энни жутко расстроилась, но решила выбросить из головы романтические воспоминания и думать только о беременности. Поэтому позвонила мне и спросила, можно ли

ей пожить у меня до тех пор, пока не родится ребенок. Я, конечно же, согласился. В то время я только переехал в Уортон-Парк, и там было полно места. Честно говоря, я был даже рад ее обществу. На прошлой неделе Энни родила — на две недели раньше срока, и теперь я пытаюсь играть роль заботливого друга.

— Как мило с твоей стороны, — проворчала Джулия.

— Это самое меньшее, что я могу сделать для человека, который поддержал меня в трудную минуту, — повторил Кит. — Но я чувствую себя не в своей тарелке. Представляешь, одна медсестра даже сказала, что малыш похож на меня! — Он усмехнулся. — Когда Чарли родился, я отправил Джеду в Штаты сообщение по электронной почте про то, что у него есть прекрасный сын, и послал фотографию, которую сделал сразу после родов...

— А Энни об этом знала? — перебила его Джулия.

— Нет. Но я был уверен, что ей хочется сообщить Джеду о ребенке. Мне казалось, увидев симпатичную крошку — свое продолжение, он непременно оттаит, каким бы каменным ни было его сердце. И это сработало, — с улыбкой продолжил Кит. — Два дня назад в Уортон-Парке объявился настоящий папаша. Он сразу влюбился в своего сыночка и забрал его вместе с мамой в Штаты, чтобы свить ним уютное семейное гнездышко.

— Вау! — ахнула Джулия. — Вот так история!

— Да еще со счастливым концом! Теперь у них все прекрасно — во всяком случае, пока.

— Неужели леопарды способны сменить окраску? — задумчиво пробормотала Джулия. — Я бы, наверное, не простила мужчину, который так подло меня бросил. Энни опять ему доверилась?

— Ей не оставалось ничего другого. Она любит его, Джулия. И если что-то и способно повлиять на окраску леопарда, как ты выразилась, то крохотный младенец — самое лучшее оружие. Добавь сюда колечко с очень крупным бриллиантом и свадьбу, которая состоится, как только Энни будет готова... не говоря уже о расписании встреч с риелторами в Гринвиче. По-моему, неплохое новое начало. Энни поступила смело, и получила награду за верность. Очень надеюсь, что у нее все получится. Видит Бог, она это заслужила. Последние месяцы бедняжка жила в крошечном аду. Я изо всех сил старался ее поддержать, но служил лишь бледной заменой любимого.

— Ей повезло, что ты был рядом, Кит, — признала Джулия.

— Да, но тем самым я доставил тебе лишние страдания. Пойми, Джулия, я не мог оставить ее одну.

— Конечно. — Джулия уставилась в огонь. — Кит, почему ты не говорил мне, где был? Я думала, мы с тобой друзья.

— Ох, Джулия, Джулия... — Кит в досаде покачал головой. — Неужели ты не понимаешь?

— Нет. Прости, даже не догадываюсь.

— Ну, хорошо, объясняю: я прекрасно помню боль в твоих глазах, когда несколько недель назад ты встретила Энни в тепличном дворике. Я знаю причину этой боли — совсем недавно ты потеряла собственного сынишку. Я подумал, что вид беременной женщины и сообщения из больницы разбередят твои свежие раны. Приехав ко мне в Уортон-Парк, ты увидела бы новорожденного малыша. Я пытался оградить тебя от этого, Джулия, вот и все. Не хотел тебя расстраивать, ведь ты потихоньку начинала оправляться от горя.

— О! — Глаза Джулии налились непрошеными слезами.

Кит подсел к ней на диван и взял за руку.

— Прости, я поступил глупо. Недооценил этот маленький городок, где слухи распространяются быстрее ветра и всем до меня есть дело, как сказала на днях моя уборщица. Понимаешь, я всегда был невидимкой — переезжал с места на место и нигде не жил подолгу. Мне нужно время, чтобы к этому привыкнуть. Сейчас на меня тарачится добрая половина графства, гадая, куда подевались моя «жена» и новорожденный малыш.

— Могу представить, — согласилась Джулия. — Когда я видела вас в Холте, вы и впрямь казались счастливой семейкой. Я тоже решила, что это твоя женщина.

— А твоя сестра разговаривала со мной с такой брезгливостью, будто у нее под носом куча дерьма. Я прекрасно сознаю, что сам во всем виноват. Наверное, надо было сразу все тебе рассказать, но поверь, я не сделал этого из лучших побуждений! Не хотел врать — говорить, будто я куда-то уехал, поэтому лучшим выходом было молчание. Прости меня, Джулия, пожалуйста, прости! Теперь, оглядываясь назад, я вижу, что поступил нехорошо. Ты наверняка решила, что я законченный негодяй. Я целовал тебя, а потом

встречался с другой, и разгуливал по Холту с новорожденным младенцем...

— Да, все так, — согласилась Джулия. Она чувствовала, что теряет почву под ногами. Ей очень хотелось ему верить. Если его рассказ — правда, значит, он просто замечательный человек. А ведь совсем недавно она считала его мерзавцем... — У вас с Энни когда-нибудь... был роман? — тихо спросила она.

— Нет, — решительно ответил Кит. — Мы с ней всегда дружили — редкий случай близкой дружбы между мужчиной и женщиной без сексуального влечения. Энни мне как сестра — вернее, сестра, о которой я мечтал бы, не будь у меня Беллы. Боюсь, я вообще не в ее вкусе: Энни всегда нравились качки-хулиганы с мощными бицепсами и бугристой грудью. — Кит с усмешкой взглянул на собственный стройный торс. — Я же совсем другой, верно? А она — абсолютно не мой тип. Слишком хваткая и напористая. Я видел, как она пожирает мужиков, выплевывая косточки. Конечно, это продолжалось до тех пор, пока ей не встретилась любовь всей ее жизни. Теперь она превратилась в мягкую и пушистую кошечку.

— Где ты с ней познакомился?

— В университете. Когда учился в Эдинбургском медицинском колледже, мы жили в одном доме. А потом меня отчислили.

— Почему?

Кит вздохнул:

— Знаешь, я не люблю об этом вспоминать. Не слишком приятная история. Ты, в самом деле, хочешь ее услышать?

— Да, — кивнула девушка, интуитивно чувствуя, что здесь кроется то самое недостающее звено, которое поможет ей понять личность Кита. — Очень хочу. Но только если ты сам готов рассказать.

— Ну, ладно, — вздохнул Кит. — В этом доме еще осталось вино? Рюмочка мне бы не помешала.

— В холодильнике есть полбутылки, но оно стоит там открытым уже пару дней.

— В бурю сгодится любая гавань, — усмехнулся Кит. — Я разведу огонь в камине, пока он окончательно не угас, а ты сходи за вином и рюмками.

Джулия прошла на кухню, пытаясь справиться с волнением. Всего пару часов назад она готовила себя к мысли о том, что Кит навсегда

остался в прошлом, а теперь пытается переварить его весьма правдоподобную историю. Когда он держал ее за руку, ее тело пронзало током, а по спине бегали мурашки...

— Вот, держи. Наверное, оно уже потеряло вкус. — Джулия разлила остатки вина и протянула Киту его бокал. — Теперь выкладывай.

— Вино так себе, — отозвался Кит. — Но это не страшно. Ладно... если не возражаешь, я расскажу в подробностях. Так легче. — Он вздохнул. — Как я уже говорил, в универе мы с Энни жили в одном доме. Она училась на архитектора. Кроме нас, там снимали комнаты еще двое студентов. Как-то на выходные к Энни из Лондона приехала ее лучшая подруга Мила. Тогда мне было двадцать два года, и я с первого взгляда страстно влюбился в Милу, красивую, обворожительную. Когда она входила, комната наполнялась светом. Мила училась в театральном... — Кит покачал головой. — Могла стать успешной актрисой, если бы не...

— Если бы не что? — поторопила его Джулия.

— Сейчас узнаешь, подожди. Энни предупреждала, чтобы я не связывался с Милой. Говорила, что она ветреная девица с кучей комплексов, но я бросился в этот омут с головой. Кажется, Миле я тоже понравился, хотя мы с ней были очень разными. У нас начался роман. Следующие несколько месяцев я провел больше времени на автострадах между Эдинбургом и Лондоном, чем на работе. Она была подобна наркотику. Я просто не мог вынести разлуку с ней.

— Первая любовь, — прошептала Джулия, вспомнив Ксавьера и момент их знакомства.

— Совершенно точно, — подтвердил Кит. — Меня угораздило влюбиться в самую сложную и непредсказуемую женщину на свете. Но сейчас я понимаю, что это и было отчасти причиной моего влечения. Наши отношения напоминали «американские горки» — я никогда не знал, что произойдет в следующую секунду и могу ли я считать Милу своей. Она говорила, что безумно меня любит, а потом пропадала на целую неделю. Разумеется, я стал работать спустя рукава и забросил учебу, но мне было на это плевать. — Кит сдавленно хохотнул. — Я сделался психом, Джулия.

— И что же случилось дальше?

— Я мотался в Лондон и обратно, а потом даже мне стало ясно, что Мила ведет себя странно. У нее всегда было много энергии, она могла не спать всю ночь напролет, танцевала и гуляла сутками. Но эта энергия стала приобретать болезненный характер. Иногда Мила бодрствовала все выходные. Я знал про ее сомнительные лондонские компании и заметил, как она похудела. А однажды застал ее в ванной со шприцем в руке. Она кололась героином.

— Боже! — ахнула Джулия. — Она призналась?

— У нее не было выбора: я застал ее на горячем. Я знал, что Мила балуется кокаином, но это совсем другой уровень. Она поклялась завязать с наркотиками, но сказала, что ей нужна моя помощь.

— И ты согласился?

— Да, как овца, идущая на заклятие. Я бросил медицинский колледж и помчался в Лондон спасать Милу.

— Ох, Кит, после стольких трудов! Ты должен был доучиться и стать врачом.

— Да, — мрачно согласился Кит. — Я же сказал, что стал форменным психом.

— Так ты спас Милу?

— Нет. Тогда я еще не знал, что спасти наркомана может только он сам. Мила пыталась отказаться от героина. Ломка продолжалась пару недель, иногда месяц, но потом все начиналось сначала. Я стал для нее врагом — злодеем, который отбирает деньги, не выпускает одну на улицу и прослушивает телефонные разговоры, чтобы она не связалась со своим наркодилером. Мила меня возненавидела... — Кит прочесал пятерней всклоченные волосы. — Так прошло несколько месяцев. А однажды я вернулся из супермаркета и обнаружил, что ее нет в квартире. На другой день Милу подобрала полиция, она валялась без сознания в сточной канаве — передоз. Из больницы ее направили в реабилитационный центр. Она опять клялась, что соскочит с иглы, и отчаянно просила, чтобы я ее не бросал. Я обещал при условии, что Мила останется в центре и пройдет полный курс лечения. А возьмется за старое, я уеду навсегда.

— А что тебе еще оставалось делать, Кит? Ты должен был так поступить ради Милы и ради самого себя.

— То же самое мне говорили профессионалы, — кивнул Кит. — Когда она выписалась из реабилитационного центра, в наших

отношениях настал хороший период, последний, как оказалось. Мы провели три чудесных месяца. Рядом со мной была прежняя Мила. Она даже хотела вернуться в театральный колледж, а я подумывал продолжить учиться на врача в Лондоне. — Кит пожал плечами. — Это было нормально и, значит, замечательно.

— Но все закончилось?

— Да. — Кит печально покачал головой. — К тому времени я уже изучил симптомы: безумный взгляд, темные круги под глазами, потеря веса... хоть я и бросил университет, но разбирался в поведении Милы и наркомании не хуже профессора. Мила отрицала, но я знал, что она опять подседа на героин, и привел в действие свою угрозу, надеясь ее встряхнуть. Господи, Джулия, это было ужасно! Она кричала и плакала, умоляя меня остаться. Говорила, что покончит с собой, если я ее брошу... — Кит обхватил голову руками. — Мне еще никогда не приходилось совершать такие страшные поступки. Я сильно любил ее, но осознавал, что ничего не изменится, если я не уеду. И потом к тому моменту я уже понял, что опускаюсь на дно вместе с ней.

Джулия инстинктивно протянула руку, чтобы его успокоить.

— Кит, я не представляю... — прошептала она. — Это помогло?

— Нет! Конечно, нет. — Он мрачно ухмыльнулся. — Я уехал на неделю, по двадцать раз на дню порываясь вернуться к ней, а потом приехал и застал пустую квартиру. Естественно, обратился в полицию. Пару недель спустя они обнаружили ее в притоне наркодилера. Она была мертва.

— Мне очень жаль, Кит, — прошептала Джулия, понимая, что слова бесполезны, как и пожелания продолжать жить, которые ей твердили окружающие.

— Да. Мне тоже было очень жаль. Она сказала, что наложит на себя руки, если я уеду, и, по сути, так и сделала. Вскрытие показало, что Мила умерла от сильной передозировки. Но дело обстояло еще хуже: по свидетельству патологоанатома, перед смертью ее несколько раз изнасиловали. Видимо, она стала заниматься проституцией, чтобы заработать себе на дозу. Я и раньше замечал синяки на ее теле в довольно странных местах, но закрывал на это глаза. Теперь же мне пришлось признать, что она, скорее всего, спала с мужчинами за деньги, когда встречалась со мной.

Он замолчал и уставился на огонь. Джулия видела боль в его глазах.

— Я... о, Кит, даже не знаю, что и сказать, — прошептала Джулия.

— Есть золотое правило: если сказать нечего, лучше промолчать. После этого я... совсем потерялся. Винил себя в том, что бросил ее, злился за то, что она ни в грош не ставила собственную жизнь. Но больше всего меня терзала мысль: она предпочла героин и смерть, но не меня! Я утратил веру в человечество. Все эти красивые слова: «надо жить правильно», «любовь побеждает все» — чушь собачья! Вместо «счастливого конца» — окоченевший труп молодой женщины и горе мужчины, который остался жить. — Кит вымученно улыбнулся.

— То есть ты понял, что не властен над обстоятельствами? Что иногда не имеет значения, сколько сил и любви отдаешь миру, и исход событий не зависит от твоих поступков? Во всяком случае, за последние месяцы я пришла именно к такому выводу, — тихо проговорила девушка.

— Пожалуй, ты права. Потом, через много лет, я понял: мы все-таки можем что-то изменить в этом мире, и нельзя терять веру. Подобные трагедии, в конце концов, делают нас мудрее, заставляют принимать слабость человеческой природы. Но, черт возьми, мне понадобилось столько времени, чтобы с этим смириться! После смерти Милы во мне что-то надломилось.

— И тогда появилась Энни?

— Да. Энни — удивительная девушка. Узнав о случившемся, она тут же прилетела в Лондон и увезла меня в Эдинбург, где окружила нежной заботой, о которой много написано в книжках. Без устали объясняла, что Мила всегда была психически неустойчивой, что я сделал все возможное, что я любил ее и заботился о ней и что я не виноват в ее смерти. Я, разумеется, не слушал, — усмехнулся Кит. — Продолжал самобичевание и добровольно изолировался от мира. Поверь мне, Джулия, — он посмотрел ей прямо в глаза, — я барахтался в собственном горе и потакал своим слабостям. Так продолжалось годами. Я злился на весь белый свет!

— Это вряд ли можно назвать потаканием слабостям, Кит. Ты пережил страшное потрясение. И каким же образом ты успокоился?

— У меня случилось то, что можно назвать озарением, пару лет назад. Во время путешествий я делал трехмесячную норму: обучал

английскому языку в лагере сирот бирманских детей на границе с Таиландом, — объяснил Кит. — Я и раньше видел ужас нищеты, болезни, смерть — эти сцены запали мне в душу. Большинство детей имели одежду, в которой и спали, и жили. Их родители пропали, были застрелены в Бирме или исчезли, некоторые бежали в тайские деревни в надежде найти работу. Эти дети бродили по необитаемой земле. Они не были в безопасном месте — тайское правительство не разрешило им въехать в страну. Но они встретились бы со смертью, если бы и вернулись домой. У них просто не было будущего. И все же... — в глазах Кита впервые блеснули слезы, — все они были так благодарны за то малое, что мы им давали. Новый футбольный мяч казался им билетом на финальный матч чемпионата мира. Каждый из них питал надежду и мечтал о будущем. Они упорно цеплялись за жизнь, хоть жизнь не хотела их принимать. — Он резко провел рукой по глазам. — За свою недолгую жизнь они успели перенести страдания, которые мне и не снились, и все-таки каждое утро просыпались с улыбкой на устах и радостно встречали наступающий день... Возможно, это прозвучит банально, но рядом с ними я заново воскрес. Я получил тот самый импульс, в котором нуждался. Если говорить прямо, я понял, что был просто эгоистичным придурком, который потратил последние десять лет на жалость к себе. Если эти дети верили в будущее и, что важнее, в человеческую доброту, то, как мог я, со всеми данными мне привилегиями, опустить руки и сдаться?

Некоторое время они сидели молча, погруженные каждый в свои мысли. Наконец Джулия прочистила горло и заговорила:

— Когда я была маленькой, мама рассказывала мне про игру «Поиск радостей», описанную в книге «Поллианна». Ты должен думать о том, что у тебя есть, а не о том, чего нет. Банально и просто, зато действительно.

— Да. Именно так бирманские дети смотрели на жизнь. — Кит вдруг улыбнулся. — Слушай, а мы с тобой отличная пара! Ты встречаешь трудности с таким... — он помолчал, подыскивая слова, — достоинством. Да, — повторил он, — с достоинством. Прости, если своим недавним поведением заставил тебя сомневаться в людях. Клянусь, я совсем не такой, как ты обо мне подумала. Я просто пытался оградить тебя от лишних неприятностей.

— Все в порядке, Кит. Я верю тебе, правда. — Джулия с удивлением прислушивалась к собственному сердцу.

— Понимаешь, в чем дело... — Кит пожал плечами. — Между нами есть одна разница. Раньше я бы не стал даже слушать ничьих объяснений. Мне не хватало на это великодушия. Я искал повод отстраниться от чужих проблем. Но сейчас я изменился, поверь. Особенно по отношению к тебе, Джулия.

— Не надо так сильно себя корить. Ты заботился об Энни, когда она нуждалась в твоей поддержке.

— Да, похоже, я начинаю исправляться. Во всяком случае... — Кит помолчал и взглянул на Джулию, — мне впервые захотелось примчаться к женщине и объяснить ей свои поступки, пока она не улетела во Францию и не встретила там рассвет без меня.

— Я ценю это, Кит.

— Ты действительно уезжаешь, Джулия? Я не хочу этого. Правда, не хочу, — неожиданно выпалил он.

Повисла долгая пауза: Джулия переваривала слова Кита. Ее вдруг бросило в жар, и она почувствовала неловкость.

— Не надо, Кит, пожалуйста, — прошептала Джулия. Мне... очень трудно.

— Ты сомневаешься во мне, да? Из-за Энни и ее ребенка?

— Прости, — пробормотала девушка.

— Черт побери! — Кит вскочил и зашагал взад-вперед по маленькой комнате. — Какой же я болван! Первый раз после Милы испытал какие-то чувства к женщине, и вот к чему это привело: сам все испортил! Извини! — Он в досаде махнул рукой. — Я говорил про мою склонность к эгоизму, но пойми, Джулия... — Он продолжал расхаживать из угла в угол, все убыстряя шаг. Речь стала сбивчивой. — Я должен тебе сказать: кажется, я в тебя влюбился. Я понял это, когда ухаживал за тобой, пока ты болела, и даже не пытался бороться с чувствами. Столько лет убегал от женщин как от огня, если они требовали моей заботы, но сейчас мне это понравилось. Это было... восхитительно!

Кит улыбнулся. Его открытая улыбка, лучившаяся искренней радостью, ослепила Джулию. Ей захотелось броситься в его объятия, но она удержалась от столь безрассудного порыва. В конце концов, они взрослые люди, а не глупые подростки, потерявшие голову от первой

любви. У обоих за плечами, по меньшей мере, треть отпущенного им жизненного пути, оба навсегда отравлены горечью невосполнимых утрат...

— Это Энни все испортила, — заторопился Кит. — Она догадалась о моих чувствах и только ехидно усмехалась, когда я о тебе говорил. — Он опять принялся мерить шагами гостиную. — В тот вечер, когда ты приехала на ужин в Уортон-Парк, Энни нарочно ушла из дома, и это наверняка лишь усилило твои подозрения, когда ты про нас узнала. Энни умоляла меня рассказать тебе о своих чувствах, но я сказал, что ты не готова. Она настаивала и говорила, что ты сумеешь меня принять.

— Я не готова, Кит. — Эти слова сорвались с губ Джулии помимо воли. — Прошло слишком мало времени с тех пор, как... мне казалось, я... — Она закусила губу. — Но это не так.

Кит будто съежился у нее на глазах.

— Ладно, — наконец произнес он, — хорошо. Что ж... Думаю, это послужит мне хорошим уроком. И это точно не эгоизм. Черт побери! В любом случае я больше не буду тебе докучать.

— Прости. Я... просто... не могу.

— Я все понимаю, правда. — Кит сунул руки в карманы, пошел к двери, потом вернулся и сделал глубокий вдох. — Я только хочу сказать... если тебе когда-нибудь захочется... э... рискнуть и вновь попытаться создать со мной отношения, знай: я буду ждать. А ждать я умею. Во всяком случае, умел раньше. Я никогда не причиню тебе боль — ни нарочно, ни случайно.

— Спасибо, Кит.

— А самое странное, — он остановился на пороге, — что ты всегда была в моей жизни.

Джулия не могла на него взглянуть — глаза застили слезы.

— Ты знаешь, где меня искать, — бросил Кит. — И пожалуйста, береги себя. До свидания, милая. — Он вышел, захлопнув дверь.

Глава 30

Утром, усталая и измученная после бессонной ночи, Джулия спустилась на первый этаж и стала дожидаться такси. Обхватив ладонями кружку с кофе, она тупо смотрела в остывший, полный холодной золы камин. Ею овладело странное оцепенение: она была не в силах осмыслить слова Кита, сказанные прошлой ночью, и близость, которая между ними возникла...

«Нет! — Джулия резко одернула себя. — Возможно, вернувшись во Францию, я сумею спокойно во всем разобраться и оценить эти внезапные чувства. Но только не сейчас! Я не могу себе позволить влюбиться еще раз».

Услышав шаги у парадной двери, Джулия встала и пошла к порогу, прихватив рюкзак: она решила, что это такси. Но оказалось, почтальон. Джулия отложила рюкзак.

— Хорошо, что я вас застала. Я уезжаю во Францию. Всю почту, в основном, конечно, это будут счета, надо переправлять туда... — произнесла она слабеющим голосом: у нее просто не было сил на обыденные разговоры.

— Я понял, мисс Форрестер. Все почтовые отправления я буду относить обратно, на сортировочный пункт, чтобы их отсылали вам во Францию. — Он протянул ей какой-то счет и кремовый конверт с ее адресом, написанный незнакомой рукой.

— Спасибо, — слабо улыбнулась Джулия.

— Bon voyage, мисс Форрестер.

Джулия закрыла дверь, села на диван, вскрывая кремовый конверт.

*Аэропорт Хитроу
16 марта, понедельник*

*Дорогая Джулия!
Спешу отправить тебе это письмо.*

Меня зовут Энни. Мы виделись один раз, несколько недель назад. Кит рассказал, какое горе тебе пришлось пережить. Ему тоже досталось от

жизни. Он тебя понимает и приложит все силы, чтобы помочь, потому что впервые за много лет в его сердце вновь поселилась любовь. А раз уж это произошло (и поверь, это большая редкость!), тебе больше не стоит в нем сомневаться. Уверяю тебя, он твой!

Сейчас я отправляюсь навстречу новой жизни — в основном благодаря Киту. Он здорово меня поддержал, и это когда все от меня отвернулось. Он замечательный человек, и, прежде чем уехать, я хочу отплатить добром за добро. Ты же знаешь, как коротка жизнь. В последнее время мы все много думали и анализировали события. Оставь все размышления и следуй зову сердца — именно так поступаю я, и, видит Бог, сейчас на свете нет никого меня счастливей!

Боль можно исцелить только любовью. Она нужна вам обоим, я это чувствую. Второй шанс должен быть у каждого. Мы все это заслуживаем.

С наилучшими пожеланиями, Энни.

Джулия услышала стук в дверь и пошла открывать.

— Здравствуйте, — оцепенело бросила она таксисту. — Подождите во дворе, я сейчас выйду.

— Ладно, мэм. Я остановился на пригорке слева. Боюсь, вам придется немножко пройти пешком. Здесь негде припарковаться. Просто какой-то ужас!

— Спасибо.

Джулия еще раз быстро проверила, везде ли отключены электрические приборы, потом взяла рюкзак, заперла коттедж и стала медленно подниматься на пригорок к такси: эта машина сейчас увезет ее из Норфолка... и от Кита.

— О, вот и вы, мэм! Позвольте, я помогу. — Таксист придержал дверцу, пока Джулия садилась в машину, потом уложил ее рюкзак в багажник. — Все, готовы?

— Да.

— Если повезет, доедем до аэропорта за пару часов.

Водитель съехал с пригорка и повел такси по узкой дорожке, ведущей в гавань. Джулия смотрела в окно, в последний раз любуясь на лодки, качающиеся на волнах. Берег был пуст, лишь какой-то мужчина сидел на скамейке и смотрел на море.

— Стойте! Простите, вы не могли бы остановиться на пару минут? Я... подождите меня здесь.

Джулия вышла из машины, прошла несколько шагов назад и остановилась возле скамейки. «Нет, не обозналась: это действительно он. И он меня не видит...»

— Кит, что ты здесь делаешь?

Он удивленно обернулся и уставился на девушку.

— Я думал, ты уже уехала. Только что заходил в коттедж, там никого не было.

— Мне пришлось пешком подниматься на пригорок к такси. Видимо, мы с тобой разминулись, — объяснила Джулия.

— Понятно. — Кит кивнул. — Значит, уезжаешь?

— Да.

— Ладно. А я просто хотел попрощаться. — Он пожал плечами.
— Еще раз прости за бестактное поведение.

Джулия присела на краешек скамейки рядом с ним.

— Не надо извиняться, Кит. Я все понимаю.

— Правда?

— Конечно.

Кит задумчиво оглядел свои пальцы.

— Хорошо. Вообще-то, Джулия, я пришел не прощаться.

— Вот как?

— Да. — Он посмотрел на нее и улыбнулся. — Я собирался броситься к твоим ногам и умолять, чтобы ты не уезжала.

— О!

— Заготовил целую речь. Хотел просить тебя дать мне шанс. Хотел сказать, что люблю тебя и понимаю: нам не следует торопиться, ведь ты еще не готова. Что я сделаю все возможное, лишь бы сохранить любовь. Это чувство приходит только один или два раза в жизни, и я смертельно боюсь его потерять. Знаю, это эгоистично, — добавил он. — Сегодня рано утром я решил, что не сдамся без боя, и потому пришел сюда. Только что я сидел и с горечью думал о том, что

мне, как всегда, не повезло и мы с тобой разминулись. Но оказалось, это не так.

— Не так. Похоже, у тебя появился второй шанс, Кит, — прошептала она, обращаясь скорее к самой себе.

— Да, черт побери! Ты права! Итак... — Кит встал перед ней на колени и взял ее за руки. — Джулия, прошу тебя, не уезжай во Францию! Я хочу, чтобы ты осталась здесь, со мной. Я люблю тебя, правда, люблю! И я... в отчаянии! — Он вдруг усмехнулся. — Пожалуйста, дай мне еще один шанс, и я больше никогда тебя не подведу, обещаю!

— О Господи, Кит... я... — Джулия пыталась размышлять здраво, но потом вспомнила слова Энни о том, что не надо анализировать, и спросила свое сердце, чего оно хочет.

— Ладно, — еле слышно выдохнула она.

— Ладно? Хочешь сказать, остаешься?

— Да. Во всяком случае, пока. Может, нам стоит попробовать? Что мы теряем?

— О Боже! Ты серьезно?

— Еще как серьезно.

— Тогда я встаю. У меня жутко болят колени.

Кит поднялся с земли и тут же заключил Джулию в объятия.

— Обещаю, милая: буду заботиться о тебе всегда.

— А я буду заботиться о тебе.

— Правда? — Кит приподнял подбородок Джулии и заглянул ей в глаза. — Это что-то новенькое. — Улыбнувшись, он нежно поцеловал ее в губы. — То есть мы можем заботиться друг о друге?

— Да. Тем более что мы пережили одно и то же... несчастье.

— Мы с тобой — два сапога пара, ты это имеешь в виду?

— Примерно, — пробормотала Джулия, пока он покрывал ее лицо поцелуями.

Слегка отстранившись, она заметила, что таксист внимательно наблюдает за ними, прислонившись к заднему бамперу своей машины и скрестив на груди руки.

— Я схожу за рюкзаком и отпущу водителя, — пробормотала Джулия.

— Ладно, а потом, моя дорогая Джулия, я отвезу тебя домой.

— Куда домой? — озадаченно спросила она.

— В Уортон-Парк, разумеется. Именно там твое место.

Часть 2

ЛЕТО

Глава 31

Уортон-Парк

Иногда, просыпаясь и глядя, как утреннее солнце струится в незашиторенные окна Уортон-Парка, я с трудом верю, что обрела спокойствие и мир в душе, о которых уже и не мечтала.

Я, как кошка, греюсь в теплых лучах. Поворачиваюсь и вижу на подушке рядом со мной Кита. Он только что постригся (на волосах остались следы парикмахерских ножниц) — по моей просьбе, чтобы я могла видеть его глаза. Одна прядь падает на закрытое веко, рука за головой — он спит крепко, доверчиво.

Мне нравится смотреть на него спящего, и у меня часто бывает такая возможность, ведь я обычно просыпаюсь первой. Это мои тайные мгновения, когда я могу отбросить все свои страхи и просто наслаждаться любимым. Он, невинная жертва сна, ничего об этом не знает. Не знает, что я изучаю и записываю в памяти каждую черточку его лица.

В последнее время я поняла, как важны подобные вещи. Уже не могу представить лицо моего мужа, только смутный контур — очертания, в которых подробные детали стали размытыми и неразличимыми.

Закончив свое исследование, я откидываюсь на спину и оглядываю комнату, в которой спали множество поколений Кроуфордов. Сомневаюсь, что интерьер изменился с того дня, когда Оливия Кроуфорд вошла сюда в свою брачную ночь, семьдесят лет назад. Некогда роскошные обои ручной росписи выцвели; теплый сливочно-желтый цвет превратился в мрачный и мутный оттенок рисового пудинга; нарисованные на них цветы и бабочки стали едва заметны.

У одной стены стоит массивный туалетный столик красного дерева с трюмо. Он так уродлив, что никто не захотел купить его во время распродажи, и я вернула столик на прежнее место. Иногда я воображаю, как за этим столиком сидит Оливия и накладывает макияж, необходимый для девушки тех лет, а Элси старательно делает ей прическу.

Тихонько, чтобы не потревожить Кита, я выбираюсь из постели. Ковер под моими ногами протерт, но по периметру спальни еще видны первоначальные толщина и плетение.

Я иду в ванную. Пол здесь покрыт потрескавшимся линолеумом. Ванна испещрена пятнами зеленого известнякового камня, кран безнадежно потускнел.

Одеваясь, я улыбаюсь самой себе: как приятно находиться в Уортон-Парке! Неуклюжее, нефункциональное, раздражающее в своей непредсказуемости поместье напоминает малыша, который недополучил мамино внимание, но остался таким милым, что никто не в силах устоять перед его обаянием.

На цыпочках возвращаюсь в спальню, чтобы спуститься на первый этаж и включить чайник. Мне очень нравится жить здесь вместе с Китом. Такое ощущение, что это мой родной дом.

Джулия сидела на террасе Уортон-Парка, греясь в теплых лучах утреннего солнца, и смотрела вниз, на сад. Июнь для нее имел статус любимого месяца. В эту пору распускались цветы, час за часом являя миру свою быстротечную красоту. Парковые деревья уже обзавелись густой листвой и играли всеми оттенками зелени на фоне ясного нежно-голубого неба, которое бывает в Англии только летом.

Допив кофе, девушка спустилась по ветхой каменной лесенке в сад — творение Адрианы Кроуфорд — и вдохнула почти тошнотворный аромат жасмина, высаженного вдоль террасы. За этими кустами, как и за всем садом, годами никто не ухаживал, только лужайки были небрежно пострижены единственным садовником, на попечении которого находилось слишком много земли, чтобы уделять внимание каждому растению. Розы на клумбах вокруг фонтана превратились в буйно разросшуюся массу, однако им явно не повредило такое безразличие: все кусты были усыпаны невероятно крупными розовыми цветами луковичной формы.

Габриэль любил цветы...

Джулия грустно улыбнулась, вспомнив, как сын вошел в ее кабинет, сжимая в пухлой маленькой ручке пестрый букет из увядающих диких орхидей и лаванды: они с Агнес нашли их, пока гуляли по французскому пригороду.

— Для тебя, мамочка, — произнес он, с гордостью протягивая ей букет.

Джулия долго возилась, пристраивая цветы в стеклянную вазочку: стебли, неуклюже сорванные малышом, были разной длины.

Габриэлю очень понравилось бы здесь, в Уортон-Парке. Он любил бывать на открытом воздухе — так же как и его мама. Джулия иногда рассказывала сынишке про красивый дом в Англии, где гостила в детстве. И обещала когда-нибудь свозить его туда, чтобы он увидел поместье своими глазами.

Джулия тяжело вздохнула. Этого уже никогда не будет.

Она шла, а ее пальцы томились по работе: хотелось восстановить этот райский уголок. Пока не поздно, вернуть ему былую красоту.

— Дедушка Билл перевернулся бы в могиле, — обратилась она к херувиму, по-прежнему украшающему вершину неработающего фонтана.

Джулия медленно побрела обратно к дому, испытывая странное чувство, будто оказалась в зазеркалье. В душе по-прежнему таились боль от утраты мужа и драгоценного ребенка, угрызения совести и страх от того, что она посмела быть счастливой. Но любовь Кита в отличие от любви Ксавьера казалась абсолютно нетребовательной.

— Милая, — прошептал Кит, когда они лежали, обнявшись, в постели после первой ночи любви, — я понимаю, что тебе рано заводить новые отношения. Ты совершила смелый поступок, оставшись здесь, со мной. Должно пройти время, чтобы ты смогла исцелиться от горя. Если испытываешь дискомфорт или я тебя притесняю, можешь уехать — я не обижусь.

С тех пор прошло три месяца, но у Джулии ни разу не возникло такого желания. К тому же дом был достаточно большим, и она не страдала от отсутствия личного пространства. Кит отверг предложение мистера Хедж-Фанда и почти каждый день уезжал по делам, а Джулия оставалась одна. Но она не чувствовала одиночества.

Поднявшись на крыльцо, Джулия толкнула дверь кухни. Этот дом казался ей знакомым и невероятно уютным. Странно, ведь раньше она редко сюда заходила, а на втором этаже вообще не была никогда. Возможно, все дело в рассказе Элси: дом мало изменился с того времени, которое описывала бабушка.

Джулии нравилась здешняя атмосфера. Она часами бродила по длинным коридорам, осваиваясь со всеми углами и закоулками, разглядывая выцветшие стеганные одеяла и пыльные орнаменты, хранящие на себе печать истории.

Сейчас, летом, многие вещи, требующие ремонта, не так сильно бросались в глаза, как зимой: например, протекающие крыши и древняя система отопления, которая крайне плохо справлялась с нагревом чугунных батарей и воды в ванной комнате.

Тот факт, что Джулия фактически переехала жить в Уортон-Парк, никогда «официально» не обсуждался. Это произошло естественно, по взаимному согласию. После драматического начала их романа между Китом и Джулией установились упоительно легкие отношения. Влюбленные с удовольствием погрузились в повседневный быт: в шесть часов вечера Кит заходил на кухню, они выпивали по бокалу вина, а потом вместе готовили ужин, болтая о том, как прошел день. Джулия с удовольствием осваивала новое для нее кулинарное искусство. В постель ложились рано, чтобы заняться любовью. У них редко возникало желание куда-то пойти — им было хорошо вдвоем.

Кит и впрямь, похоже, понимал, что скорбь Джулии по умершим близким временами прорывается наружу, часто неожиданно. Воспоминания, возможно, вызванные косвенными замечаниями, делали ее молчаливой и задумчивой. Он был на удивление терпим к ее прошлому — принимал, уважал его и не заставлял Джулию ни о чем рассказывать, если она сама не хотела.

Отношения с Китом для Джулии были полной противоположностью отношениям с Ксавьером: никаких громких фраз, которые так любил изрекать ее муж, никаких пустых ссор, душевной незащищенности и перепадов настроения — все это утомляло, но и делало жизнь с Ксавьером волнующей.

Джулия поднималась по лестнице на второй этаж, чтобы расстелить постель, и думала о том, как стабильно и спокойно ей с Китом. Их общение лишено драматизма, знакомого ей по браку с Ксавьером, зато наполнено умиротворением, исцеляющим с каждым днем все больше и больше. Она надеялась, что ее присутствие в жизни Кита действует на него так же благотворно.

Недавно Джулия поняла, что последние десять лет Кит вовсе не прожигал жизнь, потакая собственному эгоизму, как он утверждал.

Наоборот, будучи за границей, без устали работал на международные благотворительные организации — применял свои научные знания и медицинские навыки, помогая тем, кто больше всего в них нуждался.

— Я не дорожил своей жизнью и потому лез в такие места, куда другие опасались даже соваться, — пояснил Кит, когда Джулия принялась восторгаться его приключениями в опасных точках планеты. — Не надо меня хвалить, Джулия. Я просто пытался убежать от себя.

Судя по его рассказам, Кит был гораздо мудрее и смелее, чем сам о себе думал. Джулия, время от времени досадуя на его самоуничижение, говорила ему об этом, и он постепенно начал рассуждать о будущем — о своем желании консультировать и лечить детей, пострадавших от войн и катастроф.

— Я видел так много невинных жертв, — вздохнул он как-то за ужином. — Честно говоря, заботясь обо всех детях, которых встречал во время путешествий, я просто компенсировал отсутствие собственной личной жизни. Боялся вступать в новые отношения с женщинами, а дети... Да, они нуждались во мне, но я всегда мог от них уехать и продолжить практику в другом месте. В этом не было никакого альтруизма.

— Это понятно, Кит, — ответила Джулия, — но я уверена, твое участие, пусть и недолгое, пошло им на пользу.

— Дети — это кирпичики, на которых держится человеческое общество. Если они плохие, то следующее поколение тоже будет плохим. И теперь, вспоминая страдания, которые мне довелось увидеть, я должен признаться, что нашел себе дело по душе.

Джулия посоветовала ему поступить на факультет детской психологии, чтобы время учебы в медицинском колледже не прошло даром, и он бы приобрел дополнительные профессиональные навыки.

— Почему нет? — согласился Кит. — Только сначала надо отремонтировать дом. — Он обернулся. — Я уже давно не позволял женщинам учить меня жизни.

— Кит! Я...

Он повернулся на бок и начал щекотать Джулию. Потом посмотрел на нее сверху — глаза его были серьезными.

— Спасибо, Джулия. Мне очень приятно, что ты обо мне заботишься.

— Мы вместе проживаем это мгновение, — объявил Кит как-то ночью, когда они лежали в парке, глядя на полную луну. — Оно бесконечно, как наша вселенная. У него нет ни конца, ни начала.

Эта мысль понравилась Джулии. Она цеплялась за нее, вспоминая о другой насущной проблеме, которая не давала покоя в последнее время. Безмятежность Уортон-Парка и непритязательная любовь Кита благотворно действовали на нее: она постепенно справлялась со своим горем, но всякий раз, приближаясь к гостиной и берясь за тусклую медную ручку двери, чтобы подойти к большому роялю, чувствовала, что мужество ее покидает.

Две недели назад она ездила поездом в Лондон и обедала с Олавом, своим импресарио.

— Послушай, я получаю предложения от множества концертных залов, которые по-прежнему ждут твоих выступлений. Среди них... — Олав выдержал театральную паузу, — «Карнеги-холл».

— Правда? — Джулия невольно затрепетала: на эту концертную площадку ее еще ни разу не приглашали, а она всегда мечтала там сыграть.

— Истинная правда, — кивнул Олав. — Твоя история попала в заокеанские газеты и произвела там фурор: янки любят драму. Поэтому концерт в «Карнеги-холле» станет олицетворением твоего возвращения к жизни. Откровенно говоря, милая, это связано не столько с твоим талантом, сколько с шумной пиар-акцией.

— Когда планируется концерт? — спросила Джулия.

— Через десять месяцев, в конце апреля будущего года, — веско проинформировал Олав. — Так что у тебя есть время, чтобы снова погонять пальчики по клавишам и обрести былую уверенность. Ну, что скажешь, Джулия? Чертовски заманчивое предложение, и, поверь мне, второго такого не будет.

Прижимая к груди подушку, Джулия подошла к окну спальни и уставилась на раскинувшийся внизу сад. Меньше чем через неделю она должна сообщить Олаву о своем решении.

«Смогу ли я это сделать? — в сотый раз спросила себя Джулия. — Как преодолеть чудовищную пустоту, которая поселилась в душе?»

Она закрыла глаза и представила себя за роялем. Как обычно, по жилам побежали волны адреналина, а тело покрылось холодным потом.

Она еще не обсуждала это с Китом. Как объяснить, что некогда любимый инструмент стал для нее источником дикого страха?

«Что, если Кит сочтет меня глупой и заставит музицировать? А вдруг у меня ничего не получится? Но с другой стороны, — подумала Джулия, отходя от окна и кладя на кровать подушку, от которой чудесно пахло Китом, — возможно, он поймет мое отчаяние и сумеет помочь. Да, надо ему довериться».

В тот вечер за ужином она небрежно упомянула о предложении «Карнеги-холла».

— Вау! — вскричал Кит. — Джулия, это же чудесно! Возьмешь меня с собой? Я сяду в первом ряду, буду смотреть на тебя и показывать тебе язык во время особенно сложных крещендо.

Она натянуто улыбнулась, потом покачала головой:

— Даже не знаю, смогу ли. Наверное, еще слишком рано. Я не в состоянии объяснить, почему это так пугает, но меня бросает в дрожь каждый раз, когда я подхожу к роялю. О Боже...

Кит посерьезнел и, потянувшись через стол, положил ладонь на ее руку.

— Знаю, любимая. Сколько у тебя времени на размышление?

— Несколько дней.

— Как бы я хотел тебе помочь — взмахнуть волшебной палочкой и прогнать все твои страхи, — вздохнул Кит. — Но, к сожалению, это невозможно. Тебе придется самой уладить проблему.

— Да. — Джулия медленно кивнула и убрала руку. — Если не возражаешь, я пойду прогуляюсь по парку. Мне надо подумать.

— Хорошая идея, — согласился Кит.

Джулия вышла из кухни. Кит проводил ее взглядом, а потом принялся мыть пустые тарелки, погруженный в задумчивость.

Через два дня, перед тем как уехать с утра пораньше в местную контору на встречу с управляющим, Кит принес Джулии чашку чаю и сел на кровать рядом с ней.

— Мне пора. — Он нагнулся и поцеловал ее в губы. — У тебя усталый вид, милая. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — солгала Джулия. — Удачной тебе поездки.

— Спасибо. — Кит встал с кровати. — Кстати, у меня есть один приятель, которому я разрешил ловить рыбу в нашем ручье. Он сказал,

что, возможно, привезет нам сегодня к ужину парочку форелей. Должен заехать днем.

— Но я никогда не готовила форель. Что с ней делать? — растерянно спросила Джулия.

— Позже покажу, как ее разделывать, — ответил Кит, направляясь к двери. — Ах да, чуть не забыл: если меня еще не будет, в одиннадцать утра придет настройщик роялей. Сомневаюсь, что этот красивый старинный инструмент, который собирает пыль в гостиной, звучал с тех пор, как ты в последний раз на нем играла. А поскольку это довольно ценная вещь, думаю, его стоит привести в рабочее состояние. Ну, пока, милая! — Он послал ей воздушный поцелуй и исчез за дверью.

Ровно в одиннадцать зазвенел ржавый дверной звонок, и Джулия впустила в дом настройщика роялей.

— Спасибо, мэм, — почтительно произнес старик. — Пожалуйста, покажите мне, где стоит рояль. В последний раз я был здесь больше пятидесяти пяти лет назад. Леди Оливия попросила моего отца настроить инструмент перед тем, как лорд Гарри вернется с войны.

Джулия взглянула на него с удивлением.

— Боже, как давно это было! Идите сюда. — Она провела его через анфиладу комнат, подошла к гостиной и взялась за знакомую медную ручку двери. Пальцы предательски задрожали.

— Позвольте мне, мэм, — вызвался старик.

— Спасибо. Очень... туго открывается, — смущенно пробормотала Джулия.

Настройщик легко повернул дверную ручку, и ей ничего не оставалось, как войти в комнату следом за ним. Он подошел к роялю и снял с него защитный чехол. Джулия стояла на пороге и настороженно следила за его действиями.

— Замечательный инструмент! — восхищенно заметил старик. — Отец всегда говорил, у этого рояля самый чистый звук из всех, что ему доводилось слышать. А уж он-то слышал немало, — с усмешкой добавил он. — Ну-с, так. — Настройщик открыл крышку, осмотрел пожелтевшие клавиши и, любовно дотронувшись до них пальцами, сыграл быстрое арпеджио, потом вздохнул и покачал головой. — О Господи, рояль и впрямь совсем плох! — Старый мастер обернулся к

Джулии: — Мне понадобится время, но я справлюсь, мэм, не волнуйтесь.

— Спасибо, — тихо отозвалась Джулия.

— Ага. — Нагнувшись, настройщик открыл свой чемоданчик с инструментами. — Отец рассказывал, что лорд Гарри, вернувшись домой, больше уже не играл на рояле. Очень печально.

— Вот как? — удивилась Джулия. — Я слышала, он был чудесным пианистом.

— Да, но почему-то... — настройщик со вздохом взял первые аккорды Сонаты си-минор Листа, — после войны забросил это занятие. Наверное, на фронте с ним что-то случилось. Жаль, что он зарыл свой талант в землю, правда?

Джулия больше не могла это слушать.

— Ладно, работайте, а я пойду! — резко бросила она. — И пожалуйста, отправьте счет лорду Кроуфорду. — Она развернулась и поспешно покинула гостиную.

Джулия отправилась в огород набрать овощей с пустеющих грядок, чтобы вечером приготовить их с форелью. Ей хотелось привести участок в порядок, прополоть его и засеять новыми семенами, но поскольку им предстояло уехать из поместья сразу, как только найдется новый покупатель, эта работа казалась ей бессмысленной.

Внезапно Джулия обратилась в слух: прохладный ветерок донес из гостиной Второй концерт Рахманинова. Опустившись на колени посреди сорняков, она зажала уши руками.

— Прекратите! Прекратите!!!

Но музыка по-прежнему звучала, просачивалась сквозь пальцы. Ноты, которые она не могла играть, терзали душу. Джулия перестала закрывать уши, уронила руки вдоль тела и дала волю слезам.

— Ну почему вы играете именно это? Что угодно... что угодно, только не это... — Она покачала головой и вытерла нос тыльной стороной ладони.

Эта мелодия стала символом ее горя. В тот жуткий вечер, пока она играла для восторженных слушателей, поглощенная прекрасной музыкой, потерянная в собственном мире, а потом наслаждалась аплодисментами, ликующими возгласами и букетами, с эгоистичной

радостью упиваясь успехом, ее маленький сын и муж умирали мучительной смертью.

Джулия снова и снова изводила себя воспоминаниями, гадая, когда именно во время концерта они испустили последний вздох.

«Может, Габриэль, лежа на земле, страдая от чудовищной боли и страха, звал меня? Недоумевал, почему рядом нет его мамы, почему она не поможет ему, не утешит и не спасет? Я предала сына — бросила, когда он так сильно во мне нуждался...»

Эта мысль была невыносима.

И самое страшное: рояль — инструмент без души и мыслей — украл любовь и внимание Джулии, заслонил собой ребенка и мужа и теперь служил воплощением самолюбивой, гадкой стороны ее личности. В отчаянии она сгорбилась. Ее успокаивало лишь то, что найденные ею несколько тощих морковок и единственный кустик салата латука были самосевом — потомками растений, некогда посаженных ее любимым дедом.

— О, дедушка Билл! — плача, воззвала она к небесам. — Что бы ты сказал мне сейчас, если б мы, как раньше, сидели с тобой в теплице?

Разумеется, он вел бы себя спокойно и здраво — как всегда, когда Джулия обращалась к нему со своими проблемами. Дедушка рассматривал факты, а не эмоции, твердо верил в судьбу и Бога. После похорон ее мамы дедушка Билл обнял Джулию. Она безутешно рыдала, уткнувшись ему в плечо и с ужасом представляя, как одиноко и холодно маме лежать в сырой земле.

— Твоя мама сейчас на небесах. Ей хорошо и спокойно, я знаю, — утешал дед. — Это мы, оставшиеся на земле, страдаем без нее.

— Почему врачи не смогли ей помочь? — жалобно спросила Джулия.

— Пришло ее время уйти, милая. А когда приходит такое время, уже ничего нельзя сделать.

— Но я хотела спасти...

— Не надо себя казнить. Никто из нас больше ничем не мог ей помочь. Мы, люди, думаем, что способны управлять событиями, но это неправда. Я достаточно повидал на своем веку, чтобы понять это.

Джулия тихо сидела в траве и вспоминала, что говорил ей в тот день дедушка Билл. Может, его слова относятся и к Ксавьеру, и к

Габриэлю? Может, пришло их время? И она ничего не изменила бы, даже будучи рядом с ними?

На этот вопрос не было ответа.

А что касается музыки... Джулия решительно вытерла слезы.

«Я могла с таким же успехом сидеть дома и ждать, когда двое дорогих мне людей вернутся с местного пляжа, проехав той же коварной дорогой. Может, я, как сказал дедушка Билл много лет назад, напрасно себя казню, лишаясь единственной цели в жизни, которая способна дать утешение и пролить бальзам на израненную душу?»

Настройщик заиграл последние ноты, и ей вспомнились слова деда: «У тебя Божий дар. Прошу тебя, Джулия, не растрать его впустую».

Когда музыка в гостиной стихла и наступила тишина, Джулия вдруг четко сказала: «Я потеряла немало любимых людей, но у меня осталось то, что никто и никогда не отнимет — талант».

Наконец настройщик уехал. Джулия встала и медленно побрела к дому. Остановилась на террасе в задумчивости. Внезапно ее словно озарил луч надежды и прозрения: «Мой дар — единственное, на что я могу рассчитывать. Он останется со мной до самой смерти, потому что он — часть меня. И я не имею права от него отказываться. Разве Ксавьер и Габриэль сказали бы спасибо за то, что я решила никогда больше не притрагиваться к клавишам рояля? Разве они хотели бы, чтобы с их смертью умер и мой Божий дар? Нет».

Джулия инстинктивно зажала рот рукой, впервые ясно поняв, что ее сознание, одержимое горем и чувством вины, сыграло с ней злую шутку. Будучи такой уязвимой, она впустила в свое сердце демонов, позволив им там угнездиться. Их надо изгнать.

Она решительно прошагала к гостиной, переполненная воспоминаниями обо всех, кто ее любил и любит сейчас, и села за рояль. Не обращая внимания на реакцию собственного тела, прикоснулась дрожащими руками к клавишам.

«Я буду играть ради них всех.

И ради себя».

Час спустя Кит приехал домой со встречи и уловил доносящиеся из гостиной «Этюды» Шопена. Его глаза наполнились слезами, он резко сел на ступеньки лестницы парадного холла, на то место, где

впервые увидел Джулию, и стал благоговейно слушать, мысленно преклоняясь перед ее волшебным талантом.

— Я так горжусь тобой, любимая! — пробормотал он себе под нос. — Ты не только обладаешь редким даром, ты еще храбрая, красивая и сильная женщина. Господи, помоги мне. — Кит вытер глаза рукой. — Надеюсь, я смогу быть достойным тебя, и ты навсегда останешься со мной.

Глава 32

Тишина, которая столько лет довлела над Уортон-Парком, была нарушена. Дом наполнился звуками прекрасной музыки: Джулия изгнала своих демонов и часами играла на изумительном рояле в гостиной, наслаждаясь возвращением к инструменту, который был частью ее души.

— Спасибо тебе, ты помог мне воскреснуть, — прошептала она Киту в постели в тот вечер, когда ее пальцы впервые коснулись клавиш.

— Не надо меня благодарить, любимая. Ты сама нашла в себе смелость разбить злые чары, — великодушно ответил он. — К тому же рояль и впрямь нуждался в настройке.

Но Джулия знала, что без участия Кита она не смогла бы справиться со своими страхами: он осторожно, но настойчиво подтолкнул ее в нужном направлении.

* * *

— Сегодня я разговаривала с Элси, — сообщила Джулия за ужином пару недель спустя. — Она очень рада, что я теперь живу в Уортон-Парке, и хочет на этих выходных приехать к нам в гости. Ты не возражаешь, если она останется у нас ненадолго?

— Конечно, не возражаю, — быстро ответил Кит. — Могла бы не спрашивать, ведь это и твой дом тоже. Вообще-то меня попросили в этот уик-энд сыграть в крикет за сельскую сборную, так что, по крайней мере, в субботу меня здесь не будет.

Джулия видела, что он рад приглашению на крикетный матч.

— А еще я хотела позвать на воскресный ленч Алисию с семьей. Они много лет не виделись с Элси.

— Отличная идея, — одобрил Кит. — А если Элси продолжит свой рассказ о прошлом — вообще замечательно. Этот старый дом полон воспоминаний, и мне очень интересно узнать, чем занимались здесь мои предки.

После ужина они вышли на террасу и сели на облюбованной Джулией старой и ржавой металлической скамейке — видимо, кто-то до нее тоже понял, что это лучшее укромное местечко, откуда открывается панорама парка.

— Какой чудесный вечер! — произнес Кит, наслаждаясь теплым вечерним воздухом. — Большую часть своей взрослой жизни я провел в поисках новых пейзажей и вот теперь сижу на террасе собственного дома, думая, что на свете нет места прекрасней. Я наконец-то прервал свой бег. И я счастлив. Мне так приятно быть здесь, с тобой! Спасибо, любимая: ты помогла мне остановиться.

— Кит, ты сам не велишь тебя благодарить, потому что решение приняла я сама. — Джулия хлебнула марочного арманьяка, найденного Китом на пыльной полке погреба. — Вообще-то я хотела... кое-что с тобой обсудить.

— Звучит серьезно. Что случилось? — Он нахмурился.

— Мне надо вернуться во Францию, — тихо отозвалась она.

Повисла пауза: Кит переваривал услышанное.

— Хорошо. Я знал, что тебе когда-нибудь придется это сделать.

— Я не хочу уезжать, — вздохнула Джулия, — но у меня там дела. И потом, если я собираюсь окончательно разобраться с прошлым и наконец отпустить его, мне просто необходимо вернуться.

— Понимаю, — кивнул Кит. — Хочешь, поеду с тобой?

— Нет. Я должна это сделать одна. К тому же я знаю, что в ближайшие недели ты будешь очень занят: наступает пора урожая.

— Да, это точно. Вот уж не думал, что когда-нибудь буду учиться управлять комбайном! Но все силы заняты: у нас очень мало рабочих рук. Ты надолго уедешь?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Вернусь, как только переделаю все дела и приму кое-какие решения.

— А-а... — Кит какое-то время молча смотрел в темноту. — Джулия, знай: сколько бы ты ни отсутствовала, я буду тебя ждать.

— Спасибо, — прошептала она, ухватившись за его руку, как утопающий за соломинку.

Ночью они с особенной страстью занимались любовью, а когда Джулия заснула, Кит долго лежал, глядя на нее и тщетно борясь с непонятной тревогой, поселившейся у него в душе с той минуты, как Джулия сообщила о своем отъезде.

В субботу утром Джулия убралась в одной из спален, подготовив ее для Элси. Она вдруг поняла, что бабушка впервые придет в Уортон-Парк в качестве гостя, а не служанки. Ей хотелось, чтобы Элси чувствовала себя здесь, как можно уютнее.

Потом она села в машину и отправилась в Холт за продуктами. Денек выдался теплым и солнечным, и обычно тихий городок кишел туристами и владельцами летних домов, которые наводняли здешние края в летние месяцы.

Сгружая пакеты с покупками в багажник, Джулия думала о своих карьерных планах. Сейчас она была уверена, что готова к сольному концерту в «Карнеги-холле», однако решила не возвращаться к прежнему гастрольному графику. За последние месяцы она научилась находить удовольствие и красоту в самых простых житейских мелочах. И научилась их ценить.

Ее не на шутку пугала мысль о поездке во Францию. Не хотелось терять только что обретенное чувство покоя и отрываться от сильного плеча Кита.

«Но я должна это сделать, — убеждала себя Джулия, — чтобы полностью освободиться от прошлого и подарить ему любовь, которую он заслуживает».

В половине четвертого Джулия услышала, как к дому подъехала машина. Выбежав на парадное крыльцо, она увидела шофера, который помогал бабушке выйти из салона, и поспешила ей навстречу.

— Джулия, милая, иди же скорей сюда, обними свою старую бабушку! — воскликнула Элси.

Джулия радостно прижалась к ней и чмокнула в щеку. Элси отступила на шаг назад.

— О, Боже! — вскричала она. — Я всегда говорила, что воздух Уортон-Парка творит с тобой чудеса! Только посмотри, какой ты стала красавицей!

Джулия в запачканном мукой фартуке покраснела.

— Никакая не красавица, но я и впрямь чувствую себя гораздо лучше, чем в нашу последнюю встречу.

Она заплатила водителю, подхватила маленький чемоданчик Элси и пошла вместе с ней к дому. Пожилая дама остановилась у подножия крыльца и взглянула наверх.

— Все точь-в-точь, как раньше! Странное дело: у всех нас в жизни произошло столько перемен, а этим кирпичам и известке хоть бы что!

— Если бы... — вздохнула Джулия, помогая бабушке подняться по ступенькам. — Может, дом и выглядит прежним, но, к сожалению, он сильно пострадал от времени и нуждается в срочном ремонте, иначе, не ровен час, обвалится.

— Как и я сама, — усмехнулась Элси. — Знаешь, я столько лет жила в Уортон-Парке, но сегодня впервые вхожу в дом через парадную дверь.

— Утром я думала о том, что тебе может показаться странным возвращение в это поместье. Давай я провожу тебя в твою комнату — ты освежишься, а потом мы попьем чаю.

Пока они добрались до спальни на втором этаже, Элси запыхалась.

— Ох, батюшки, ноги уже не те, — проговорила она, тяжело дыша. — Раньше я носилась вверх-вниз по сорок раз на дню и даже не замечала этого.

— Я приготовила тебе вот эту комнату, бабушка. — Джулия открыла дверь спальни. — Здесь уютно и не слишком просторно.

Элси шагнула за порог и ахнула от радостного удивления.

— Боже мой! Из всех комнат ты выбрала именно ту, где остановилась леди Оливия, только приехав в Уортон-Парк. Здесь я ее впервые увидела. Мне кажется, — добавила Элси, оглядывая спальню, — с тех пор ничего не изменилось. — Она прошла в изножье кровати и села на табурет, обитый вытертым гобеленом, пытаясь отдышаться. — Прости, Джулия, но грипп меня здорово подкосил, и я еще не совсем окрепла.

Джулия взглянула на нее с участием.

— Может, приляжешь? А я принесу тебе чай.

— То же самое я обычно говорила леди Оливии, — усмехнулась Элси. — Я и впрямь немного устала, но это, наверное, от потрясения: я так давно здесь не была!

— Отдохни, бабушка. Мы никуда не торопимся. А когда будешь готова, спускайся вниз — поболтаем. У нас полно времени: Кит уехал играть в крикет за сельскую сборную и вернется не раньше семи.

— Юный Кристофер... — задумчиво проговорила Элси. — Как интересно, что вы с ним, в конце концов, сошлись! Помню, как он приезжал сюда погостить. Мы с кухаркой в шутку называли его леденцом на палочке: такой худой — кожа да кости! — а сверху большая голова с копной курчавых волос.

— Он не изменился, — хохотнула Джулия, — и очень хочет с тобой увидеться.

— А я с ним. — Элси тяжело укладывалась на кровать. — Как странно поворачивается жизнь, правда? Мы все снова собрались в этом старом доме. Ну, ладно, милая, иди и не суетись с чаем. Я немножко вздремну, а потом спущусь в кухню.

— Буду ждать, — прошептала Джулия и, нагнувшись, поцеловала бабушку в лоб. Элси уже лежала с закрытыми глазами.

Через полтора часа Элси появилась на кухне. Вид у нее был посвежевший.

— Так уже лучше, — сообщила она. — Ну и где обещанная чашка чаю? Я хочу услышать все подробности твоего романа с Китом.

Они уселись за обеденный стол, и Джулия рассказала бабушке, как Кит спас ее, когда она болела, и как потом переехала в Уортон-Парк.

— Я так рада за тебя, милая Джулия! Вижу по твоим глазам, ты счастлива. Трудные времена миновали. — Элси покачала головой, в глазах ее стояли слезы. — Замечательно, что вы с Китом полюбили друг друга. — Она отхлебнула чай. — Если честно, как раз поэтому я сегодня и приехала. То, что вы с Китом соединились, как бы символизирует полный круг — своего рода оборот судьбы. И я решила, что ты должна узнать всю историю до конца. Возможно, — Элси оглядела кухню, — здесь, в том месте, где происходили эти события, мне будет легче вспоминать.

Спустя двадцать минут Кит вошел в кухню. Белый крикетный костюм подчеркивал его стройную загорелую фигуру.

— Элси, я так рад тебя видеть! Сколько лет, сколько зим! — Он подошел к пожилой женщине и тепло поцеловал ее в щеку. — Ты совсем не изменилась.

— Лыстец! — усмехнулась Элси. — А вот ты, мастер Кит, изменился. Вырос, возмужал, превратился в симпатичного молодого человека.

— Значит, я уже перестал быть леденцом на палочке? — Кит строго взглянул на старушку. Элли покраснела, и он расплылся в улыбке. — Однажды я потихоньку подслушал, как вы с кухаркой меня обсуждаете. Но не обиделся. Вы хорошо меня кормили, и за это я был благодарен вам обеим.

— Ты всегда был слишком худым, — начала оправдываться Элли. — Впрочем, вы оба были такими.

— А посмотри на нас теперь. — Кит ласково обнял Джулию за плечи. — Хочешь бокал вина, Элли? Надо бы отпраздновать победу. Я сделал две серии бросков, и меня объявили главным игроком матча.

Пока Кит открывал вино, Элли одобрительно кивнула Джулии.

— Какой он стал красавчик, а? Кто бы мог подумать?

Кит сел за стол рядом с Элли и принялся весело болтать, вспоминая годы, проведенные в Уортон-Парке. Джулия сновала по кухне, готовя ужин. Она видела, что дружеское подтрунивание Кита помогло Элли расслабиться. Выставив на стол запеченного цыпленка и вареную молодую картошку, она под села к собеседникам.

— Как вкусно, Джулия! — сказала Элли, с аппетитом жуя. — Вот уж не думала, что ты умеешь готовить!

— У Джулии масса скрытых талантов. — Кит подмигнул.

После ужина Джулия сварила кофе и предложила перейти в библиотеку. Усадив Элли в удобное кресло у камина, она устроилась рядом с Китом на диване, стоящем напротив. В воздухе повисло напряженное ожидание.

— Так вот. — Элли сделала глоток кофе и поставила чашку на столик. — Как я уже говорила Джулии, я долго думала, стоит ли рассказывать вам эту историю. Но учитывая обстоятельства...

— Какие обстоятельства? — спросил Кит.

— Наберитесь терпения, молодой человек. Когда я закончу, вы все поймете. Ну, хорошо. — Элли глубоко вдохнула. — В прошлый раз мы подошли к тому месту, когда лорд Гарри и леди Оливия поссорились перед самым уходом Гарри на войну, так?

— Да, — кивнула Джулия.

— А теперь я расскажу вам историю Гарри. Это происходило очень далеко отсюда, но, уверяю, мой рассказ будет правдивым, хоть его окончания нет в написанном им дневнике.

— В дневнике, написанном Гарри? — с удивлением спросила Джулия.

— Да, — кивнула Элси, — это дневник Гарри. У него всегда был отличный почерк. Мой Билл не смог бы так написать, — добавила она с усмешкой. — Он с трудом ставил свою подпись, царствие ему небесное. Пожалуйста, милая, не перебивай, а то я что-нибудь напутаю. Во время войны Билл, твой дедушка, был вместе с Гарри в Малайе. Потом, когда Гарри, наконец, вернулся домой, мы с Биллом неожиданным образом оказались втянуты в его историю. Это произошло уже после того, как закончилась война, когда твой дед и Гарри вышли из тюрьмы Чанги после трех с половиной лет плена...

Глава 33

*Бангкок
1945 год*

Очнувшись, Гарри пришел в замешательство: как странно — за долгое время сна его ничто не тревожило. Обычно, лежа на жесткой кровати, которую ему с трудом удалось раздобыть, он то и дело ворочался, просыпаясь от боли в бедре и меняя положение тела. Почему же сейчас, насколько он помнил, его не донимали назойливые насекомые? Он не шлепал бесконечных mosкитов и не потирал места укусов рыжих муравьев.

Обычно при пробуждении Гарри обнаруживал, что его худой торс весь покрыт липким потом, но сейчас не было и этого. Лицо приятно холодило легкий ветерок. Но может, это ему только кажется? Словом, он чувствовал себя вполне комфортно — приятное, почти забытое ощущение.

Или это галлюцинации?

За долгих три с половиной года плена ему часто снился Уортон-Парк. Он видел весьма странные картинки: например, как отец дает ему банку сардин, как он сам прыгает в холодную чистую воду фонтана в центре маминого сада, как Оливия протягивает ему новорожденного сына...

Но чаще всего ему снилась еда. Он и другие парни провели немало долгих сырых ночей, обсуждая лучшие кулинарные рецепты своих матерей. Это помогало им сохранить здравый рассудок, если можно вести речь о здоровом рассудке применительно к обитателям тюрьмы Чанги.

Каждое утро, просыпаясь, Гарри удивлялся, что все еще жив, а иногда и жалел об этом.

Он решил не открывать глаза и наслаждаться комфортом, мысленно поражаясь, что его организм выдержал голод и тяжелые нагрузки, которые истощили бы здорового мужчину и в умеренном климате, не говоря уже о местной страшной жаре. Многие парни сломались: на кладбище Чанги похоронено больше тысячи пленных, и порой Гарри завидовал их вечному покою. Во время приступов

тропической лихорадки (ее называли лихорадкой, ломающей кости, из-за мучительной боли в руках и ногах) он думал, что может в любой момент присоединиться к усопшим. Но госпожа Удача (впрочем, провести здесь еще один день живым — удача несколько сомнительная) была на его стороне, и он до сих пор не умер.

Теперь Гарри понимал, что жизнь и смерть зависят лишь от слепого случая: многие из тех парней, с кем ему довелось столкнуться в лагере, были физически сильнее его, однако их безжалостно скосили малярия и дизентерия. Диета из риса и зеленого чая, иногда дополненная парой унций шлифованного риса и приправленная белковыми добавками из личинок мух, требовала невероятно крепкого здоровья. И, похоже, Гарри, хоть и не был прирожденным солдатом и вообще боялся, что он «не мужчина», обладал генетической способностью выживать в подобных местах.

Он уже какое-то время бодрствовал — во всяком случае, ему так казалось — и по-прежнему ощущал комфорт. Поэтому попытался собраться с мыслями и воспроизвести в памяти события последних дней.

Он помнил, как лежал в больнице Чанги с высокой температурой. Потом вроде бы над ним склонилось знакомое лицо — Себастьян Эйнсли, его старый друг по Итону, который сейчас работал в судоходной компании отца на Дальнем Востоке. А потом, кажется, его, Гарри, внесли на носилках в кузов грузовика.

Откуда вдруг эти долгая тишина, физический покой и свежий воздух? Что-то явно переменилось к лучшему. Может, он, в конце концов, искупил все свои грехи и попал в рай? Гарри решил открыть глаза и проверить.

Ослепительно белые стены, глянувшие на него сквозь противомоскитную сетку, резко отличались от темных грязных внутренностей запущенного деревянного барака, пропитанного густой вонью невымытых человеческих тел.

И тут он увидел... женщину... женщину! Она тоже была в белом и подходила к его кровати.

— Ну что, капитан Кроуфорд, решили, наконец, проснуться? Действительно пора. Откройте-ка пошире рот, пожалуйста.

Не успел Гарри ответить, как ему под язык сунули градусник. Женщина взяла его тонкое запястье в свои мягкие руки и проверила

пульс.

— Гораздо лучше, — одобрительно кивнула она, потом с улыбкой добавила: — Думаю, вы не имеете понятия о том, где находитесь?

Он покачал головой: термометр мешал говорить.

— Вы в Бангкоке, в частной клинике. Вас не хотели отправлять в государственную больницу: не хватало только, чтобы вы опять подцепили тропическую лихорадку. Поэтому ваш добрый друг, мистер Эйнсли, привез вас к нам. Он навещает вас каждый день и наверняка скоро сюда зайдет.

Женщина вынула градусник у него изо рта. Гарри облизнул губы и попытался глотнуть, но в горле совсем пересохло.

— Можно мне стакан воды? — прохрипел он.

— Конечно. Сначала давайте сядем. — Женщина подхватила Гарри под мышки и приподняла его в постели. Он попытался ей помочь, но почувствовал, как от усилия со лба стекает пот. — Вот молодец.

Женщина, которая, как уже понял Гарри, была медсестрой, поднесла к его рту стакан воды с торчащей из него соломинкой.

— Пейте медленно. Последние несколько дней в вашем желудке ничего не было, нам пришлось кормить вас внутривенно. Лихорадка никак не уходила. — Медсестра глянула на градусник. — Хорошая новость: температура начала снижаться. Мы уже думали, теряем вас, но вы, похоже, крепкий орешек.

Гарри с трудом напряг мышцы горла, чтобы глотнуть, размышляя о том, что никогда еще не чувствовал себя таким слабым.

— Вы должны гордиться собой, молодой человек, — улыбнулась медсестра. — Вы выстояли не только в войне, но и в этой адской сингапурской дыре, о которой сейчас все говорят. Выздоровливайте и поедете на родину, в Англию. Вы рады?

Гарри откинулся на подушки, преодолевая обморочное головокружение. Ему было сложно разом осознать столько новостей. Он вспомнил: действительно поговаривали, что японцы сдались, и лагерь вот-вот освободят. Но за несколько лет он с товарищами наслушался столько небылиц, что уже боялся верить в хорошее.

— Мы победили? Это правда? Все кончилось? — Он сумел выдать лишь эти короткие отрывистые предложения.

— Да, капитан Кроуфорд. Все кончилось. Вы свободный человек. Сейчас вам стоит часок отдохнуть, а потом я принесу куриный бульон.

Куриный бульон... В Чанги все жаждали поесть куриного мяса, и если кому-то удавалось раздобыть живую курицу, чтобы она несла яйца, не проходило и суток, как бедная птичка попадала в чье-то рагу. Гарри вздохнул. Он годами мечтал о подобном блюде, и вот сейчас, когда мечты готовы стать явью, у него, как назло, пропал аппетит!

— Спасибо, — ответил он все таким же хриплым, не своим голосом.

Медсестра направилась к двери.

— Я зайду к вам позже, — бросила она на ходу.

Гарри проводил ее взглядом, потом лег и задумался. Будь у него силы, он бы встал с кровати и вышел во двор.

«Господи, наконец-то я могу находиться за стенами клиники, сколько захочу, и никто не нацелит на меня оружие. Могу даже, насвистывая, пройтись по улице, и никто не обратит на меня ни малейшего внимания. Это не укладывается в голове!»

Через пять минут в дверь постучали, и в палату вошел Себастьян: лысая макушка, круглые очки с толстыми стеклами.

— Мне не повезло, Себастьян, — прохрипел Гарри. — Как видишь, я все еще жив.

— Я очень этому рад. Судя по тому, что я видел, Чанги — не слишком приятное местечко.

— Как ты узнал, что я там? — спросил Гарри.

— Твоя мать написала, что ты в заключении. Узнав, что Чанги освобождают, я решил поехать и встретить тебя, а может, и чем-то помочь, ведь я почти местный житель. Конечно, я и подумать не мог, что застаю тебя в таком состоянии. Пришлось заплатить малайцу, чтобы он отвез тебя к тайской границе, где ждала моя машина с водителем.

— Молодец, что приехал, — похвалил Гарри.

— Не бери в голову. А для чего еще нужны старые друзья? — Себастьян покраснел. — К тому же я своими глазами увидел обстановку. Честно говоря, в пути мне пришлось пережить несколько страшных моментов. Что творилось в Сингапуре! Полный бедлам. Я хотел там остановиться, ведь ты был сильно болен, но все больницы

оказались переполнены. Я молил Бога, чтобы ты дотянул до Бангкока, где можно найти хорошую клинику.

— Спасибо, — задыхаясь, просипел Гарри.

— Знаешь, здесь, в Таиланде, тоже несладко, — продолжил Себастьян. — Страну оккупировали японцы. Они устроили грандиозный спектакль, приехав целыми толпами в гражданской одежде и притворившись рабочими для новых фабрик, которые они здесь строили. Ходили повсюду, фотографировали, будто туристы, а потом в день наступления отправили своих жен и детей на лодках подальше от опасности, а сами надели военную форму и вышли из своих домов. Так было во всех городах страны. Фотографов, видимо, отослали обратно, в штаб-квартиру Токио, разрабатывать план размещения войск, с тем, чтобы взять страну под контроль.

— О Боже! — выдохнул Гарри. — Неужели они это сделали?

— Да, — подтвердил Себастьян. — Надо отдать должное, у них оказалась безупречная организация. Ну и, конечно, сработал элемент неожиданности: остановить их было уже невозможно. Они хотели захватить Таиланд, чтобы обеспечить себе беспрепятственный путь из Бирмы в Малайю. В результате сиамцы, или тайцы, как мы должны их сейчас называть, были вынуждены объявить войну Великобритании и Америке.

— Я об этом не слышал, — слабо отозвался Гарри.

— Вообще-то у них ничего не вышло, но нам пришлось иметь дело с гадкими желтыми людишками, которые ломали здесь комедию на протяжении последних двух лет. Лично я с удовольствием посмотрю, как они побегут. Сейчас они толпами покидают Бангкок, их головы болтаются поплавками в реке Чаопрайя. По меньшей мере, шестьдесят япошек уже искупались, — усмехнулся Себастьян. — Пусть уматывают, гадкие коротышки!

Гарри согласно кивнул. Себастьян пододвинул стул и сел рядом с ним.

— Знаю, тебе здорово досталось, старина. Как только более-менее поправишься, мы посадим тебя на корабль и отвезем домой. Разумеется, первым классом, — усмехнулся он. — И ты опять попадешь на зеленые английские лужайки. Если от них что-то осталось после немецких бомбежек.

— Я почти ничего не знаю о том, что там было, — с трудом прошептал Гарри.

— Сейчас тебе надо знать только одно: мы победили. Твои родители и Оливия живы-здоровы и с нетерпением ждут, когда ты вернешься домой.

— Хорошие новости, — пробормотал Гарри. Себастьян подался вперед, чтобы его услышать. — Пока сидел в Чанги, я получал письма только от мамы. От жены писем не было.

Себастьян вскинул бровь.

— Уверен, Оливия тебе писала. Но цензоры были очень строги.

— Ты думаешь? Значит, я?.. — Гарри вздохнул. — Мама ничего не сказала про ребенка. Оливия была беременна, когда я уезжал из дома. Ты слышал об этом?

Повисла неловкая пауза: Себастьян прикидывал, как помягче сообщить другу о неприятности.

— Мне очень жаль, старина, — осторожно начал он, — но так иногда бывает. У твоей жены случился выкидыш. Впрочем, ты вернешься домой и заведешь целую кучу детишек. И потом у тебя будет возможность быть рядом с ними и видеть, как они растут.

Гарри на мгновение закрыл глаза, пытаясь осознать услышанное. Мысль о возвращении в Уортон-Парк казалась ему странной: он до сих пор не верил, что это возможно.

— Как бы то ни было, приятель, ты только что вернулся с того света, и теперь не время сожалеть о былых потерях, — утешил его Себастьян. — Как только тебе полегчает, я увезу тебя отсюда. Думаю, ты до конца жизни возненавидел разные казенные учреждения. Так что набирайся сил и поскорей выздоравливай, и тогда я напомню тебе о том, что жизнь прекрасна и в ней всегда есть место веселью, особенно здесь, в Бангкоке.

— Я постараюсь, Себастьян, обещаю.

— Вот и молодец, старина! Я зайду к тебе завтра около одиннадцати. А еще пошлю в Уортон-Парк телеграмму. Сообщу, что с тобой все в порядке.

— Спасибо.

Кивнув, Себастьян размашисто зашагал к двери.

— Ну, поправляйся. До скорой!

Гарри кивнул в ответ и слабо улыбнулся другу, а когда тот вышел из палаты, откинулся на подушки и с разочарованием подумал, что не чувствует радости от долгожданной свободы. У него было ощущение, что он просто устал и не может прийти в себя после болезни. Поэтому вольный воздух не казался ему сладостным.

Никто из узников Чанги никогда всерьез не размышлял о том, каково ему будет на воле. Они только и говорили, что о доме, семье и еде, — это не давало им пасть духом и вселяло надежду. Гарри видел двоих парней, которые не выдержали тюремных тягот и повесились, связав вместе носки, обрывки шнурков от ботинок и бельевые лоскуты.

На секунду Гарри захотелось обратно в Чанги — к знакомой размеренной жизни, общим страданиям и целям, братству товарищей по несчастью.

«Неужели я не избавлюсь от повадок, привитых в тюрьме, и от тяжелого отпечатка на сердце? Смогу ли когда-нибудь вернуться к нормальной жизни?»

Гарри задремал, надеясь проснуться в более радужном настроении.

Неделю спустя врачи сочли Гарри достаточно окрепшим и выписали из больницы. Себастьян приехал за ним на «роллс-ройсе» — этот автомобиль его отец привез морем в Бангкок двадцать лет назад.

Когда они выходили из больницы, Гарри ощутил минутное удовольствие: наконец-то настоящая свобода! За три с половиной года он впервые осознанно покинул замкнутое помещение! Тайский шофер Себастьяна с уважением распахнул дверцу машины и усадил его на заднее сиденье. Себастьян сел рядом. Пока они ехали по оживленным улицам, водитель то и дело сигналил велосипедным такси, воловьим упряжкам и даже паре слонов, создающим пробки.

Впервые с тех пор, как высадил свой батальон с борта «Герцогини Атол» — корабля, который привез в Сингапур Пятый королевский норфолкский полк, — Гарри впитывал экзотическую атмосферу города с интересом, а не со страхом.

— Лучше всего осматривать город с лодки, плывя по узким каналам, которые здесь называют клонгами, — сообщил Себастьян. — Люди живут в домах, построенных прямо на реке, на сваях. Это так странно! Может, до твоего отъезда в Англию мы возьмем лодку, и я

покажу тебе местные достопримечательности. Еще здесь есть великолепные храмы. Ага, приехали. Водитель, останови прямо у входа. Жизель нас ждет. — Себастьян обернулся к Гарри: — Гарри, дружище, добро пожаловать в отель «Ориенталь»!

Себастьян быстро провел Гарри по вестибюлю и переговорил с женщиной по имени Жизель — то ли управляющей, то ли хозяйкой отеля. Усталый и переполненный впечатлениями Гарри уже перестал обращать внимание на происходящее. Вдобавок автомобильная поездка по перегруженным транспортом дорогам вызвала в нем приступ клаустрофобии.

«Может, я теперь до конца жизни буду бояться замкнутых пространств», — с горечью думал он, шагая по коридору следом за тайским портье (пареньку не пришлось тащить багаж, так как у Гарри не было вещей).

В память врезалось время, проведенное в бараках Селаранг, когда японцы вывезли весь лагерь, потому что британские офицеры отказались подписывать пакт об отказе от побега. Селаранг был рассчитан на тысячу человек, а туда прибыли восемнадцать тысяч заключенных Чанги. Целых два дня пленники часами стояли под палящим солнцем, так плотно прижавшись друг к другу, что невозможно было поднять руку почесать нос, а потом ночью спали вповалку на бетонном полу — сардинам в банке и то комфортнее и просторнее.

Чтобы спасти людей от эпидемии дизентерии, которая в таких ужасающих условиях наверняка унесла бы тысячи жизней, англичане под давлением полковника Холмса, командующего войсками в Чанги, все-таки подписали пакт об отказе от побегов.

С тех пор Гарри постоянно мучили ночные кошмары. Он знал, что после такого испытания ему будет страшно находиться в толпе.

Портье отпер дверь в его номер, и Гарри с удовольствием отметил, что там царит восхитительная прохлада. Окна закрыты ставнями, над кроватью висит противомоскитная сетка, а мебель хоть и простая, но удобная. Он отдал гостиничному бою последние оставшиеся у него центы, закрыл за ним дверь, подошел к кровати и лег, наслаждаясь простором и покоем.

Проснувшись пару часов спустя, Гарри подумал, что уже ночь, но часы показывали только шесть вечера. Темно было из-за ставней. Он

встал, подошел к окну, распахнул деревянные створки и ахнул от восторга перед открывшейся панорамой. Сразу под окном виднелась большая зеленая лужайка, уставленная соломенными креслами и тентами. За ней простиралась широкая гладь реки, на которой покачивалось деревянное судно. Гарри даже прослезился от красоты и открытости пейзажа.

Кран над маленькой раковиной в углу комнаты выдал лишь тонкую струйку воды, но и это показалось неземным блаженством: за годы тюремного заключения ему удавалось помыться, только когда шел дождь. Гарри надел рубашку и брюки, которые любезно выдал Себастьян до тех пор, пока он не купит собственные вещи. Брюки с трудом налезли на «рисовое пузо» — у всех пленных отросли огромные животы. Парни шутили, что выглядят как беременные на шестом месяце.

Гарри отправился искать террасу с видом на реку. Найдя нужное место, он устроился в кресле под зонтиком. Тут же к нему подлетел тайский юноша.

— Принести вам чаю, сэр? — прощепетал он.

Гарри чуть не расхохотался. Там, откуда он прибыл, сама мысль о подобном сервисе казалась нелепой, и вот, пожалуйста: он сидит в удобном кресле, укрытом зонтом от солнца, и ему предлагают чай!

— Спасибо, чай — как раз то, что надо, — ответил он, и паренек улетел выполнять заказ.

«Наверное, — подумал Гарри, — мне еще долго придется привыкать к свободе, удивляться самым обычным вещам. Вряд ли кто-то, кроме тех, кто вместе со мной сидел в тайской тюрьме, поймет, какой ад я пережил за эти годы...»

— Пожалуйста, сэр, ваш чай с молоком и сахаром. — Юноша поставил поднос на маленький столик рядом с креслом.

Гарри едва удержался от желания схватить сахарницу и высыпать в рот горсть сладкого песка. За три с половиной года он впервые увидел сахар!

Через полчаса, когда солнце начало опускаться в реку, к нему присоединился Себастьян. Он заказал джин с тоником для себя и для Гарри, но тот, понюхав рюмку, воздержался от выпивки. Алкоголь он не пробовал с тех пор, как уехал из Англии. А в теперешнем состоянии мог выключиться после капли спиртного.

— Кстати, пока не забыл: кажется, это твое. — Себастьян положил на стол маленький кожаный дневник. — Когда в больнице Бангкока перебирали остатки твоей одежды, медсестра нашла это в твоих панталонах. И отдала мне на хранение.

Гарри ревностно берег дневник с того момента, как его корабль отчалил от английского берега. Если бы японцы нашли его в Чанги, они бы убили автора, поэтому Гарри пришил к панталонам внутренний карман и повсюду носил дневник с собой.

— Спасибо, Себастьян, я очень тебе благодарен, хоть и сомневаюсь, что в ближайшем будущем осмелюсь раскрыть эти страницы и совершить путешествие по аллеям памяти.

— Я тебя понимаю. Что ж, старина, через три недели сюда прибудет лодка, на которой ты с комфортом доплывешь до Феликстоу, а оттуда доберешься домой. Советую послать родным телеграмму и сообщить о своем приезде. Они наверняка с удовольствием встретят тебя в гавани, — улыбнулся Себастьян.

— Потрясающе! Спасибо, что все это организовал, но, если не возражаешь, давай поговорим о планах на будущее в другой раз. Это моя первая настоящая ночь свободы, и я хочу просто насладиться моментом.

— Конечно, старина! Нам спешить ни к чему. Я просто подумал, ты захочешь уехать отсюда как можно быстрее, — объяснил Себастьян.

— Поговорим об этом завтра, — отозвался Гарри. — А сейчас расскажи мне все, что знаешь про этот прекрасный город.

— Странно, что тебя больше не интересуют события в Англии, — заметил Себастьян в тот же день за обедом, с аппетитом уплетая большой австралийский стейк.

Гарри глянул на свою тарелку, где лежал такой же кусок мяса, сочащийся кровью, и понял, что не сможет его есть. Смущаясь, он подозвал официанта и изменил заказ: вместо стейка попросил порцию рисового супа.

— Конечно, это интересует меня, Себастьян, — ответил он, — но есть ощущение, будто я отсутствовал на родине всего несколько часов. К тому же сегодня вечером мне совсем не хочется говорить о войне.

Себастьян посмотрел на него сквозь толстые линзы очков и сочувственно кивнул:

— Еще слишком рано, старина. Завтра к тебе придет мой портной, он снабдит тебя полным комплектом гражданской одежды. Здесь отличные мастера швейного дела. Он сделает все, что пожелаешь, приятель.

— Очень любезно с твоей стороны, хоть я понятия не имею, что сейчас носят.

— Я бы не сказал, что мужская мода сильно изменилась. Сомневаюсь, что наши английские парни ходят в юбках, как местные жители, — усмехнулся Себастьян.

— Наверное, пока меня не демобилизовали, я должен носить военную форму, — уныло произнес Гарри. — Но все, что у меня осталось от нее в Чанги, — это пара трусов, залатанных палаточной парусиной, и один носок.

— Об этом не беспокойся. В Британию возвращаются тысячи военнопленных, и властям сейчас не до формальностей. Я бы на твоём месте рассматривал это как внеочередной отпуск. Думаю, ты его заслужил, приятель. Когда будешь готов, я покажу тебе кое-какие достопримечательности, идет? Знаешь, здесь такие девочки! Они... как бы тебе сказать... чуть раскованнее, чем англичанки. — Брови Себастьяна вылезли из-под очков. — Впрочем, ты, наверное, еще не окреп после тюрьмы. Что, здорово тебе досталось?

— Не то слово, — откровенно признался Гарри. — Причем мне еще повезло. Я офицер, и со мной обращались немного лучше, чем с солдатами. К тому же я умею играть на рояле, а япошки обожают фортепианную музыку. Они часто приводили меня к себе на квартиры и заставляли для них играть. — Гарри вздохнул. — Если уж на то пошло, рояль спас мне жизнь.

Себастьян просиял:

— Ну, конечно! Я совсем закрутился и забыл про твой талант! Мне надо поговорить с Жизель. Она хочет открыть здесь маленький бар для экспатриантов и ищет музыкантов в оркестр. Может, в ближайшее время соберет здесь бывших пленников, и ты сыграешь для всех нас?

— Может быть, — пробормотал Гарри без энтузиазма. — Интересно, что стало с Биллом?

— Кто такой Билл? — Себастьян нахмурился, озадаченный столь внезапной сменой темы.

— Сержант из моего батальона. Он приехал из Уортон-Парка и был со мной на протяжении всего срока заключения. Билл спас мне жизнь во время падения Сингапура и постоянно навещал меня в госпитале Чанги, когда я болел тропической лихорадкой. Надеюсь, он благополучно вернулся в Англию. Я пошлю домой телеграмму и спрошу, там ли он. — Силы Гарри постепенно убывали. — Извини, Себастьян, я устал. Мне надо поспать.

— Конечно, — кивнул Себастьян. — Иди в свой номер, старина, и, как следует отдохни. Мой портной зайдет к тебе в десять утра.

Гарри встал, чувствуя сильную дрожь в ногах.

— Огромное спасибо, Себастьян, за все, что ты для меня сделал. Скажи, сколько я должен тебе за труды, и я пришлю деньги из Англии телеграфом.

— Считай это моим вкладом в победу. — Себастьян махнул рукой, решительно отменяя все разговоры о финансах. — Не бери в голову. Я рад тебе помочь.

Гарри пожелал ему спокойной ночи и медленно побрел к себе в номер, с удовольствием думая о том, что сегодня ночью его больные кости отдохнут на прохладных, чистых и белых простынях, под ветерком от потолочного вентилятора. Засыпая, он тревожился лишь об одном — о судьбе своего друга Билла.

Глава 34

В течение следующей недели Гарри много отдыхал и набирался сил. Его желудок начал привыкать к полезной пище, о которой в Чанги он мог лишь мечтать.

По ночам его по-прежнему мучили кошмары. Он просыпался в холодном поту и тянулся к лампе, которая часто не включалась из-за того, что в Бангкоке то и дело устраивали затемнения. С бешено скачущим сердцем Гарри трясущимися пальцами зажигал свечу, видел свой уютный номер и убеждался, что ужас тюрьмы действительно закончился.

По утрам он спускался на веранду позавтракать, а потом брал газету и уходил в сад, под тенистые кроны огромных пальм. На реке кипела жизнь: деревянные лодки с дизельными двигателями создавали ровный гул, который убаюкивал. Поверх газеты Гарри наблюдал за другими посетителями отеля — среди них были военнопленные с железной дороги Бирмы, — но в разговоры ни с кем не вступал.

Себастьян, офис которого располагался неподалеку, часто заходил его навестить. Они вместе обедали, после чего Гарри удалялся к себе в номер на дневной сон. Он не покидал пределы гостиницы. Спокойная атмосфера и любезная прислуга, с деловитой фацией снующая вокруг, вселяли в него чувство защищенности. Ему не хотелось покидать отель «Ориенталь»: это был его маленький рай.

Себастьян каждый день спрашивал, не хочет ли Гарри послать телеграмму в Уортон-Парк и сообщить родным о своем приезде, но тот отмалчивался. Мысль о дороге домой и о тех обязанностях, которые его там ждут, была для него невыносима. Здесь, в тихом гостиничном мире, он исцелялся душой и телом.

Однажды, в спокойный жаркий день, возвращаясь вестибюлем с обеда, Гарри увидел, как Жизель командует тайскими рабочими, которые тащат по коридору старое, перевернутое вверх дном пианино.

Поспав, он спустился вниз и заглянул в комнату, куда отнесли инструмент. Под потолком висели только что прикрепленные бамбуковые вентиляторы, на полу стояли столы и стулья. В одном углу виднелась недостроенная барная зона, в другом маячили пианино и

ударная установка. Подойдя поближе, Гарри открыл крышку пианино, придвинул стул, сел и дотронулся пальцами до клавиш.

Да, он играл в Чанги, но японцы, как ни странно, заказывали только популярные американские мелодии. Непослушными пальцами Гарри воспроизвел вступительные такты полонеза Шопена. Постепенно руки вспомнили прежнюю манеру игры, и знакомые ноты полились потоком невысказанной боли. Впервые с начала войны Гарри нашел умиротворение в музыке.

Доиграв до конца, он остался сидеть, вспотев от усилия и волнения. От двери донеслись чьи-то хлопки. На пороге комнаты стояла молодая тайская горничная: в руке — швабра, на лице — изумление. Гарри улыбнулся девушке, подумав о том, как она красива даже в мрачном платье горничной.

— Простите, сэр, что побеспокоила вас. Я мыла пол на террасе, услышала музыку и пришла послушать.

— Ничего страшного. — Гарри взгляделся повнимательнее, отметив про себя по-детски изящную, идеально сложенную фигурку и симпатичное личико. — Вы любите музыку?

— Очень, — кивнула девушка. — До войны я тоже училась играть на фортепиано.

— Вы ходили в музыкальную школу?

— Нет. Просто брала уроки раз в неделю. Но я обожаю Шопена!

— Хотите сыграть? — предложил Гарри, вставая.

— Нет, мадам это не понравится. К тому же я... — горничная помолчала, подбирая нужное английское слово, и улыбнулась, вспомнив, — любитель. А вы, наверное, профессионал.

— Вовсе нет, — пробормотал Гарри. — Но я тоже люблю играть на фортепиано.

— Вы будете играть в новом баре, да? — Девушка снова улыбнулась, показав идеальные жемчужно-белые зубы в обрамлении пухлых розовых губок.

— Возможно, если Жизель пригласит. — Гарри пожал плечами. — Но для посетителей бара я не буду играть Шопена. Вы работаете здесь горничной? — спросил он, только чтобы не прекращать разговор.

— Да, — кивнула девушка.

— Знаете, довольно странно, что горничная говорит по-английски и играет на фортепиано, — заметил Гарри.

Тайка пожала плечами:

— За время войны многое изменилось.

— Да, это правда, — с чувством согласился он. — Но вы образованны. Почему вы здесь работаете?

Ее глаза наполнились грустью.

— Мой папа участвовал в освободительном движении, попал в плен к японцам и пропал без вести год назад.

— Ясно.

— До этого он был издателем местной газеты, — продолжила девушка. — Мы хорошо жили. Я училась в британской школе здесь, в Бангкоке. Но у мамы трое маленьких детей, и она не может их бросить. Поэтому я работаю, чтобы кормить семью. — Горничная говорила спокойно, не требуя у него сочувствия, а просто объясняя ситуацию.

— Кажется, мадам Жизель тоже раньше была журналисткой? — вспомнил Гарри.

— Да, — подтвердила девушка, — французской военной корреспонденткой. Она помогла мне — дала работу, потому что знает и уважает моего отца.

— Понятно, — кивнул Гарри. — Возможно, когда хаос войны уляжется, вы снова сможете воспользоваться своим образованием.

— Но вам, сэр, досталось куда больше, чем мне, — отозвалась горничная. — Мадам сказала, вы сидели в тюрьме Чанги. Я слышала, это жуткое место.

Увидев в ее глазах сочувствие, Гарри чуть не заплакал. Эта девушка понимала, как жестоко война обходится с людьми. Они постояли, внимательно глядя друг на друга, и в это мгновение их обоих охватило необъяснимое чувство.

— Мне надо идти, — проговорила девушка, первой нарушив молчание.

— Да.

Она сложила ладони, словно в молитве, у себя под носом и наклонила к ним голову — этот традиционный тайский жест был уже знаком Гарри.

— Кор khun ка, сэр. Мне очень понравилось, как вы играли. — Она повернулась, чтобы уйти.

— Меня зовут Гарри, — крикнул он вслед.

— Гарри, — повторила девушка, и ему очень понравилось, как она произнесла его имя.

— А вас как зовут?

— Меня? Лидия.

— Лидия. — Гарри так же, как и девушка, «попробовал» имя на вкус.

— До свидания, Гарри. До скорой встречи.

— До свидания, Лидия.

* * *

После этой встречи Гарри каждый день наблюдал за Лидией, любуясь ее грациозными движениями, когда она занималась повседневными делами. Он сидел на террасе в своем любимом кресле с книгой Сомерсета Моэма «Джентльмен в гостиной» (написанной в этом самом отеле несколько лет назад) на коленях, но лишь делал вид, что читает, а на самом деле подсматривал за Лидией и восхищался ею, не понимая причины этого чувства. Все в ней было преисполнено изящества, хрупкости и невероятной женственности. По сравнению с этой девушкой Оливия казалась ломовой лошадкой, хоть и считалась стройной.

«Я нашел свою Золушку, настоящую, а не сказочную», — думал Гарри, мысленно усмехаясь.

Лидия не подозревала о том, что он ее принц. Куда уж ему, черт возьми! Она порой улыбалась ему, но никогда не подходила. А он не осмеливался подойти к ней.

Гарри понятия не имел о возрасте Лидии. Его внимательный взгляд отмечал женские округлости под форменным платьем горничной, но ей могло быть от четырнадцати до двадцати четырех. Он боялся, что его интерес постепенно превращается в одержимость. Зная, в какое время Лидия подметает веранду и террасу, он старался быть поблизости, чтобы ее видеть. И чем больше на нее смотрел, тем прекраснее она становилась. Он часами лежал на кровати в номере, пытаясь найти предлог для нового разговора: ему так хотелось узнать ее получше!

Как-то утром, проходя по вестибюлю, он увидел Лидию, сидящую за конторкой портье. Сейчас на ней вместо формы горничной были блузка и юбка западного стиля.

Поощренный ее улыбкой, Гарри подошел поближе.

— Привет! Вас повысили в должности?

— Да. — Ее огромные янтарные глаза засияли от удовольствия. — Теперь я помогаю мадам с бумагами и занимаюсь гостями.

— Здорово! — Гарри обрадовался так, словно это случилось с ним самим. — Я рад, что мадам признала ваши способности и обратила их на пользу.

— Дело в том, что я говорю по-английски и по-тайски, а мадам говорит по-французски. Мы вдвоем — хорошая команда. А еще мне повысили жалованье, и мои родные счастливы. Завтра вечером открывается новый бар. Я сказала мадам, что у нас есть гость, который замечательно играет на пианино. Надеюсь, вы не сердитесь? Как я поняла, она собирается побеседовать с вами об этом.

— Хорошо. А вы там будете?

— Конечно, — ответила Лидия. — До скорой встречи, Гарри. — Она кивнула и вновь занялась бумагами.

Завтракая на веранде, Гарри с тайной улыбкой вспоминал этот неожиданный разговор с Лидией. Если завтра вечером она будет в баре, то он обязательно сыграет — для нее.

Этим утром Гарри понял, что его физическое состояние улучшилось — он уже давно не чувствовал себя так хорошо. По телу разливалась жизненная энергия. Она дарила ощущение силы и бодрости, почти стертые из памяти ужасами Чанги. Наверное, сыграло роль ожидание будущего — того, о котором он не смел и мечтать.

Красота тропического пейзажа сегодня казалась особенно яркой. Все, что он видел и к чему прикасался, блестело и сияло. Дело явно идет к поправке, и, значит, настало время подумать о возвращении домой.

Гарри зажег сигарету и отпил кофе. Когда четыре с лишним года назад он уезжал из Уортон-Парка, его совесть была чиста: он знал, что загладил свою вину перед Оливией. Она наверняка поняла суть эпизода с Арчи, а за последующие недели, что они провели вдвоем, им удалось забыть все обиды.

Он оставил ее беременной, и это еще больше успокаивало. К тому же это физически доказывало, что их брак нормален. К несчастью, ребенок так и не появился на свет — печальное обстоятельство... и, безусловно, сильный удар для жены.

В тюрьме душными влажными ночами Гарри мучительно размышлял о своих чувствах к Оливии. Среди его товарищей были парни, которые со слезами вспоминали своих дорогих женушек, бесконечно о них говорили и хранили у сердца потрепанные выцветшие фотографии. Они твердили о страстной любви и физических наслаждениях, которых им сильно не хватало. Гарри терпеливо слушал, со стыдом понимая, что не испытывает столь романтических чувств к собственной супруге.

Оливия ему очень нравилась, всегда. Он уважал ее ум, силу, красоту и хозяйственность: когда Адриане понадобилась ее помощь, она умело взялась управлять Уортон-Парком. Из нее получилась идеальная помещица, удачно заменившая мать на этом нелегком посту.

«Но... Люблю ли я ее?» — вздохнул про себя он.

Гарри сделал глоток кофе, который на жаре остался обжигаяще горячим, и закурил вторую сигарету. Конечно, парни, изливавшие ему душу, в отличие от него сами выбрали себе спутниц жизни, однако это мало утешало. Да, у него не было возможности подыскать себе жену. Мать посоветовала вступить в брак, указала на преимущества такого шага, и он послушался. Если бы не она, Гарри ушел бы на войну холостяком. Ему просто не пришло бы в голову жениться на Оливии или какой-то другой женщине.

Впрочем, его ситуацию нельзя считать необычной. Во все времена и во всех странах люди часто заключали браки, основываясь не на любви, а на иных соображениях.

Как всегда, его собственные чувства стояли на втором месте после статуса наследника поместья. Что ж, и это тоже нормально.

Гарри затушил сигарету в пепельнице.

«Может, я слишком многого хочу? Что, если я в самом деле ее люблю? Откуда мне знать, что такое любовь мужчины и женщины?»

Он поздно повзрослел эмоционально и до сих пор не обрел мужской уверенности. Оливия была его первой женщиной, и как только он приловчился, дела пошли сносно.

Хорошо хоть его опасения насчет собственного скрытого интереса к мужскому полу за последние три с половиной года оказались безосновательны. Он видел, как другие мужчины в лагере находили утешение друг в друге. Все закрывали на это глаза. Любые способы облегчить адское существование и выжить считались приемлемыми. Но его ни разу, даже в самые мрачные моменты, не потянуло в мужские объятия.

«Что ж, — подумал Гарри, — значит, больше не придется бороться с порочными наклонностями. Вернусь домой и займусь музыкой».

За завтраком он сказал Себастьяну, что чувствует себя вполне окрепшим и готов подумать об отплытии в Англию.

— Отлично, старина! Насколько я знаю, в начале следующей недели туда отходит корабль. Надеюсь, мне удастся пристроить тебя на борт. Чем раньше, тем лучше, ведь так?

Гарри не разделял энтузиазма Себастьяна по поводу собственного возвращения на зеленые английские луга и топил свои печали в горячительных напитках, употребляя их гораздо больше обычного. После обеда, нетвердой походкой возвращаясь к себе в номер, он решил насладиться последними днями в Бангкоке и, осмелев от выпитого, сделал глубокий вдох, двинулся к конторке портье. Лидия посмотрела на него и улыбнулась:

— Чем я могу вам помочь?

— Э... — Гарри прочистил горло. — Я подумал, Лидия... прежде чем уехать в Англию, мне надо хоть немного осмотреть город. Раз уж вы сейчас отвечаете за обслуживание гостей, может, сопроводите меня на речной экскурсии? Это входит в сферу вашей компетенции?

— Простите, Гарри, — растерянно проговорила Лидия. — Что означает слово «компетенция»?

— Я спрашиваю вас, Лидия, не согласитесь ли вы стать на сегодня моим гидом? — объяснил Гарри с бьющимся сердцем.

— Мне надо спросить мадам. — Во взгляде Лидии появилось сомнение.

— Мадам здесь, у вас за спиной. Что вы хотели у меня спросить? — произнес голос с сильным акцентом, и из кабинета вышла Жизель.

Гарри повторил свою просьбу:

— Я буду очень признателен, если мне поможет человек, который хорошо знает местность и, разумеется, неплохо владеет английским. — Он чувствовал себя подлым обманщиком, но отступать не собирался.

Жизель на мгновение задумалась, потом решительно кивнула:

— Что ж, капитан Кроуфорд, думаю, мы могли бы достичь взаимовыгодного согласия, *n'est-ce pas*? Лидия и месье Эйнсли говорили, что вы отлично играете на пианино. Вы, наверное, слышали, что завтра вечером здесь, в отеле, открывается бар? Так вот, мне нужен пианист. Если сыграете для меня, я отпущу Лидию с вами на речную прогулку, и она покажет вам Бангкок.

— Идет, — радостно улыбнулся Гарри.

— *C'est parfait*, капитан Кроуфорд. — Жизель пожала ему руку. — У меня есть саксофонист и ударник. Они будут в баре завтра в шесть вечера. Вы сможете подойти к этому часу, чтобы прорепетировать с ними? Я договорюсь, чтобы ваша оплата компенсировала вашу экскурсию с этой юной леди.

— Конечно. *Merci, madame*, — ответил он.

Когда Жизель исчезла в своем кабинете, Гарри с удовлетворением налег на стойку и посмотрел в прекрасные янтарные глаза Лидии.

— Вопрос улажен. Итак, куда вы меня поведете?

Глава 35

На открытие «Бамбукового бара» пришли толпы экспатриантов, которые после нескольких лет страданий под японским игмом радовались возможности хоть что-то отпраздновать. Они залпом пили местное виски «Меконг» и веселились.

Репетиция длилась меньше часа. Гарри радовался своему искусству пианиста и практике, которую получил, играя джаз для японцев в Чанги. Помимо него, в оркестре были голландский барабанщик, тоже бывший военнопленный, и русский саксофонист, подвизавшийся в Бангкоке по неизвестным причинам. Им удалось составить список мелодий, которые знали все трое.

В помещении было жарко, дымно и пахло потом. Гарри еще никогда не играл вместе с другими музыкантами и теперь наслаждался приятным чувством локтя. Когда его пальцы летали по клавишам в виртуозном соло, публика энергично аплодировала, и он испытывал редкое для себя радостное волнение.

Лидия, чудесно смотревшаяся в шелковом саронге, плавно скользила по комнате с подносом, уставленным напитками.

Наконец вспотевшие и уставшие музыканты объявили, что больше не могут играть на бис. Гарри вышел из бара, пересек террасу и вступил на лужайку, спускающуюся прямо к реке. Из-за режима затемнения остаток вечера горожане проводили при свечах, и единственным источником света служила полная луна, висящая прямо над головой.

Гарри закурил и тяжело вздохнул. В эти часы он чувствовал себя очень комфортно. И не важно, что он был скитальцем среди скитальцев в этом пестром сборище людей, волей трагических обстоятельств заброшенных сюда с разных концов света. Он не армейский капитан и не потомственный английский лорд, который должен унаследовать огромное поместье. Он всего лишь пианист, и его талант доставляет радость другим.

Он просто был самим собой, и это ему нравилось.

На следующий день, как и договорились, Лидия встретила с ним в вестибюле отеля. «Мадам» арендовала для них деревянную лодку и лодочника, готового отвезти, куда скажет Лидия. Гарри шагнул

на борт на ватных ногах: за последние дни он впервые чувствовал такую слабость — сказывались недосып и четыре порции виски.

— Капитан Кроуфорд, давайте поплывем вверх по реке и посмотрим сначала Большой храм, — предложила Лидия, усаживаясь на деревянную скамью напротив него. — А потом отправимся на плавучий рынок, о'кей?

Было странно слышать американское выражение из уст восточной женщины.

— О'кей, — кивнул Гарри. Ему показалось, что даже к его устах это словцо прозвучало странно.

— О'кей, Гарри, — улыбнулась Лидия.

Они отплыли от гостиничного пирса и присоединились к речному движению. Река Чаопрая служила главной транспортной магистралью города, и Гарри удивлялся, с какой ловкостью лодочники лавируют в опасной близости друг от друга, чудом избегая аварий.

На горизонте появлялись похожие на грозных китов огромные черные баржи, иногда по четыре-пять в ряд. Их, связанных обрывками веревки, тянули крошечные суденышки. Их лодка дважды еле ушла от столкновения, и Гарри заметил, что у него дрожат руки.

Лидия почувствовала его напряжение.

— Не волнуйтесь, Гарри. Наш лодочник, Сингту, водит эту лодку уже тридцать лет и ни разу не попадал в аварию.

Она подалась вперед и похлопала его по руке. Этот ласковый жест наверняка ничего не значил для Лидии, но для мужчины, годами тоскующего по любви, это был драгоценный момент.

— Смотрите, Гарри!

Он проследил взглядом за ее изящной протянутой рукой и увидел здание, которое с полным основанием можно было назвать дворцом. Крыши в тайском стиле были покрыты золотом и украшены огромными камнями, похожими на изумруды и рубины, блестящими в солнечном свете. Это напоминало картинку из исторической книги — одной из тех, что читала ему в детстве мама.

— Это дом наших короля и королевы. Сейчас у нас новый король, потому что старого застрелили.

Гарри рассмешила прямота Лидии, и он засмеялся. Он не сомневался, что ее манера говорить по существу объясняется скорее

скудным запасом английских слов, чем особенностями характера, и это еще больше притягивало к ней.

— Хотите, зайдем туда и посмотрим на Изумрудного Будду в «wat»? Он очень красивый и знаменитый. За ним ухаживают многочисленные монахи.

— Почему бы и нет? — согласился Гарри. — А что такое «wat»? — с усмешкой поинтересовался он.

В это время лодочник повернул свое суденышко и зацепил веревку за деревянный шест возле пирса.

— По-вашему «храм», — пояснила Лидия, ловко выбираясь из лодки и подавая руку Гарри.

Дворец и храм Изумрудного Будды окружали великолепные сады, полные ярких красок и ароматов жасмина. Гарри остановился перед чудесным цветущим растением с нежными розово-белыми бутонами.

— Орхидеи, — заметил он. — Они росли в лесах вокруг Чанги. В Бангкоке я видел их повсюду, а в Англии это большая редкость.

— Здесь они растут, как сорняк, — пожала плечами Лидия.

— О Боже! Хотел бы я, чтобы у нас на родине были такие сорняки! — воскликнул Гарри, решив взять с собой несколько растений для мамы.

Он поднялся за Лидией по ступенькам храма и так же, как она, снял туфли. Внутри было темно и просторно. Монахи в желто-оранжевых балахонах стояли на коленях и молились перед роскошным и на удивление маленьким Изумрудным Буддой. Лидия тоже преклонила колени, молитвенно сложив перед собой руки и склонив голову. Гарри последовал ее примеру.

Через несколько минут он поднял голову и замер, наслаждаясь спокойствием и умиротворяющей тишиной храма. За время пребывания в Чанги, желая заняться хоть чем-то интересным, он посетил пару лекций по религии. Одна была посвящена буддизму, и ему показалось, что это учение по духу ближе всего к его собственному мироощущению.

Наконец они вышли из храма и вновь оказались под ярким солнцем.

— Ну что, теперь на плавучий рынок? — спросила Лидия, когда они вернулись в лодку. — До него долго плыть, но думаю, вам понравится.

— Давайте, — согласился Гарри.

— О'кей. — Лидия быстро переговорила с лодочником по-тайски, и они двинулись по реке на предельной скорости.

Гарри улегся на корме и смотрел на проплывающий мимо Бангкок. Несмотря на прохладный речной ветерок, было очень жарко, и он жалел, что не купил шляпу — она защитила бы голову от палящих лучей.

Вскоре лодочник свернул в узкий «клонг» и принялся лавировать по запруженному лодками водному пути. Добравшись до плавучего рынка, они остановились. Их окружали деревянные лодки, полные товаров и людей, которые выкрикивали цены покупателям, а те кричали им в ответ со своих суденышек.

Экзотическая картина поражала воображение: повсюду пестрые шелка и специи, высыпающиеся из дерюжных мешков, а в воздухе — запах кур, жарящихся на вертелах, смешанный с ароматами свежесрезанных цветов.

— Хотите есть, Гарри? — спросила Лидия.

— Да, — выдавил Гарри, хоть и испытывал довольно странные ощущения.

Наверное, из-за солнца у него кружилась голова. Лидия встала и крикнула лодочнику, торгующему куриным шашлыком, и они сторговались. Гарри закрыл глаза, преодолевая тошноту. На лбу выступил пот, уши закладывало от жуткого шума. Эти пронзительные голоса, резкие запахи и жара... О Боже, какая жара! Надо срочно выпить воды...

— Гарри, Гарри, очнитесь!

Он открыл глаза и увидел склонившуюся над ним Лидию, которая прижимала к его лбу холодную тряпку. Они находились в темной комнате. Он лежал на полу на узком соломенном тюфяке.

— Где я? — прошептал Гарри. — Что... случилось?

— Вы упали в обморок в лодке и ударились головой о дерево. Как вы себя чувствуете? — Огромные глаза Лидии были полны тревоги.

— Понятно. Простите. — Он попытался сесть. — Можно воды?

Пересохшее горло и отчаянная жажда напомнили ему Чанги.

Лидия протянула фляжку, и он с жадностью приложился к горлышку.

— Мы отвезем вас в больницу, ладно? — предложила Лидия — Вы нездоровы.

— Нет-нет, все в порядке. Я напился воды, и теперь мне станет лучше. Наверное, я просто перегрелся на солнце, и произошло обезвоживание организма.

— Вы уверены? — Лидия смотрела на него с сомнением. — У вас была тропическая лихорадка. Может, болезнь вернулась?

— Нет, Лидия, я здоров.

— Тогда давайте вернемся в гостиницу. Вы в состоянии ехать?

— Конечно.

Гарри с трудом поднялся на ноги и с помощью Лидии и лодочника вышел из лачужки, в которой девушка укрыла его от солнца. Они снова сели в лодку и тронулись в путь. Гарри невольно усмехнулся: надо же — упасть в обморок на плавучем рынке! За все время заключения в Чанги, даже в самых чудовищных условиях, он ни разу не потерял сознание.

— Вот, наденьте. Пусть мое лицо станет темным и уродливым. — Лидия сняла свою широкополую соломенную шляпу и нахлобучила ее на голову Гарри. — И выпейте еще воды. — Она подала ему фляжку.

— Что значит «темным и уродливым»? — спросил Гарри, ложась на спину. Шляпа давала приятную тень.

— Так в Таиланде различают общественные классы, — объяснила Лидия. — Если у вас бледная кожа, то вы аристократ. А если темная, то крестьянин!

— Ясно, — улыбнулся Гарри.

Тем временем лодочник отъехал от плавучего рынка и повел суденышко к реке Чаопрайя. Лидия сидела, не сводя внимательного взгляда с его лица. Он закрыл глаза, чувствуя, что слабость постепенно проходит и сердце наполняется необъяснимой радостью.

Они подплыли к отелю, и Лидия помогла Гарри выйти из лодки и подняться на веранду.

— Идите в свой номер и отдохните, Гарри, — велела она. — Я скажу мадам, что вы заболели.

Гарри проспал до вечера. Его разбудил мальчик-коридорный, который постучался к нему в дверь и сообщил, что его хочет видеть мистер Эйнсли.

— Пусть войдет, — отозвался Гарри, мысленно застонав от знакомой боли в костях.

— Привет, дружочек! Я узнал от Жизель, что сегодня днем на плавучем рынке тебе стало плохо, — сказал Себастьян, входя. — Что, опять нездоровится?

— К сожалению, да, — подтвердил Гарри. — Я думал, это из-за толпы, но теперь понимаю, что дело гораздо серьезней.

— Черт побери! — Себастьян уселся в плетеное кресло. — Значит, ты вряд ли сможешь ехать домой через пару дней. А я пришел сказать, что тоже забронировал место на корабле и собирался уплыть в Англию вместе с тобой.

— Мне очень жаль, старина, но сомневаюсь, что смогу составить тебе компанию.

— Я вызову врача. Пусть срочно тебя осмотрит, — мрачно проговорил Себастьян. — Какая досада! А я-то думал, мы с тобой совершим веселую морскую прогулку! Я проторчал здесь целых четыре года и решил воспользоваться возможностью съездить домой, навестить родителей. Места уже заказаны, приятель. Что ж, — Себастьян поднялся с кресла, — пойду скажу бою, чтобы немедленно послал за врачом. Тебе придется остаться в Бангкоке. Как, справишься без меня?

— Конечно, — заверил Гарри.

— Странно, что домой уезжаю я, а не ты. Но что поделать. Разумеется, я оставлю тебе денег. В Англии отдашь. Я загляну к твоим, скажу, что ты вернешься позже, а то еще подумают, будто ты подался в бег.

— Хорошо, — пробормотал Гарри, ощутив новый прилив слабости.

— Да, и еще. — Себастьян задержался в дверях. — Эта страна кажется весьма обольстительной, и чем дольше здесь живешь, тем больше к ней привязываешься. Смотри не потеряй голову, старина, иначе никогда не вернешься домой.

Врач подтвердил, что у Гарри очередной приступ тропической лихорадки.

— Ты слишком рано отказался от постельного режима, парень, — сказал он, давая Гарри изрядную дозу хинина, чтобы сбить температуру. — Я слышал, вчера вечером ты играл в баре, — он

улыбнулся, — и отлично играл! Музыка и алкоголь на время отменяются. Сам знаешь, как лечиться: спать, пить побольше жидкости, по мере необходимости принимать хинин. И будем надеяться, что на этот раз обойдется без госпитализации.

— Да, доктор.

— Еще я выпишу тебе витамины. Гостиничный бой сбегает за ними в аптеку. А я зайду завтра. Попрошу мадам, чтобы прислала кого-нибудь за тобой приглядеть.

— Сколько я вам должен, доктор?

Врач с усмешкой обернулся.

— Это я тебе должен, парень. Благодаря таким храбрым солдатам, как ты, мы победили в проклятой войне. До свидания, капитан Кроуфорд.

Гарри забылся беспокойным горячечным сном. Спустя какое-то время к нему в номер тихо постучали.

— Войдите, — пробормотал он.

Дверь отворилась, и на пороге появилась встревоженная Лидия.

— Мадам сказала, вам все еще нездоровится, у вас новый приступ тропической лихорадки. Это моя вина. Мне не следовало везти вас в такое жаркое людное место, ведь вы только что после болезни.

— Перестаньте, Лидия. Это же я попросил вас устроить мне прогулку по городу.

Несмотря на ужасное самочувствие, Гарри невольно залюбовался девушкой. Она казалась такой безупречно красивой в мягком свете лампы! Его лихорадочный взгляд ощупывал ее с головы до ног. Неуместная волна желания накрыла его с головой.

— Можно, я посмотрю ваш лоб? — спросила Лидия, подходя к его постели.

— Пощупаете мой лоб? Конечно, — кивнул он и с удовольствием ощутил на своем лице ее прохладную ладонь. А как от нее божественно пахло!

— Да, у вас жар, — объявила девушка и достала из кармана юбки маленький мешочек с травами. — Дома мы всегда применяем китайскую медицину. Эта травка особенно полезна при температуре и боли в костях. Хотите попробовать? Я могу заварить вам чай.

— Я попробую любое лекарство, Лидия, лишь бы поскорее выздороветь, — с пылом ответил Гарри. — Мне страшно надоело

болеть!

— Тогда я принесу травяной чай, и к утру вам станет легче, обещаю. Это волшебное средство.

— Надеюсь, — проговорил Гарри, с трудом улыбнувшись.

— Пойду приготовлю прямо сейчас.

— Спасибо.

Лидия ушла, а Гарри вновь откинулся на подушки.

«Что ж, — подумал он, глядя на потолочный вентилятор, — пожалуй, нет худа без добра».

Лидия вернулась через десять минут со стаканом в руке.

— Только предупреждаю, Гарри, это очень невкусно, — сказала она, подсаживая его в постели.

— Значит, поможет. Во всяком случае, так говорила мама, когда в детстве пичкала меня противными лекарствами, — слабо пошутил Гарри.

— Очень невкусно, — повторила девушка, поднося стакан к его губам.

Сделав первый глоток, Гарри чуть не поперхнулся, но потом вспомнил живые личинки мух, которые ел в Чанги, взял себя в руки и залпом выпил местное снадобье.

— О Боже, — закашлялся он, — вы были правы.

Лидия протянула ему воду — запить гадкий привкус.

— А теперь поспите. Если вам что-нибудь понадобится, позвоните. Мадам попросила меня заночевать сегодня в номере напротив. Я приду через час. Скоро вам станет очень-очень жарко, но это действие трав: они помогут справиться с лихорадкой.

— Жду с нетерпением, — выдохнул он, когда девушка пошла к двери.

«Может, я зря ей так доверяю?» — пронеслось у него в голове.

— Не волнуйтесь, Гарри. Я буду рядом.

Лидия не ошиблась: через час Гарри пылал огнем и метался в яростной лихорадке. Девушка принесла холодные тряпки, чтобы смачивать ему лоб. Пару часов спустя жар утих, и измученный Гарри заснул.

Глава 36

На следующее утро Гарри проснулся поздно, чувствуя себя гораздо лучше, чем ожидал. Боль в костях еще осталась, но была уже не такой сильной. Пришедший врач с удивлением отметил, что температура его пациента всего на один градус выше нормы.

— Отлично, — похвалил лекарь. — Я думал, у тебя начинается очередной тяжелый приступ, но, похоже, все обошлось. Молодец, так держать!

Когда врач ушел, в номер заглянула Лидия. В руке у нее был очередной стакан дурно пахнущего травяного отвара.

— Как вы себя чувствуете, Гарри?

— Спасибо, уже лучше. — Он с подозрением взглянул на стакан. — Вы что, хотите, чтобы у меня опять начался жар?

Лидия захихикала, показав безупречные зубки.

— Нет, конечно, — ответила она, гордясь, что выучилась у него новым английским словам. — Это чтобы прибавить сил, подкрепить организм и предотвратить новый приступ тропической лихорадки. У вас появятся энергия и аппетит. Никакого жара не будет, обещаю.

— А вкус такой же гадкий, как и у того напитка? — поинтересовался Гарри, с трудом усаживаясь в постели.

— Даже хуже, — призналась девушка. — Зато вам станет гораздо лучше.

Гарри выпил отвратительное пойло, потом лег на спину, отдуваясь и стараясь сдержать тошноту.

— Вы колдунья? — спросил он. — Доктор сильно удивился, как быстро я пошел на поправку.

— Может, и колдунья, — улыбнулась Лидия, — только добрая. Сейчас мне надо идти: скоро придут новые гости. Я приду попозже — посмотрю, насколько вы окрепли.

Когда девушка вышла из комнаты, Гарри усмехнулся: она все больше ему доверяла и постепенно раскрывалась душой. Ему было приятно наблюдать за этими переменами. А ее таинственные отвары и впрямь помогали.

К ужину Гарри проголодался и заказал в номер порцию лапши. Усевшись в подушках, он принялся за еду.

«Как хорошо, что у меня еще не закончились приступы ужасной тропической лихорадки! Мне повезло, ведь Лидия стала моей сиделкой и спасительницей».

Следующие два дня Гарри много спал и ел все, что ему приносили. В минуты бодрствования он думал о Лидии. Она заходила к нему при любой возможности, и в ее глазах светилась радость от того, что он выздоравливает.

С каждым днем она казалась ему все прекраснее. Гарри с нетерпением ждал ее, а потом мечтал, как заманит в постель, обнимет гибкое стройное тело, поцелует идеально очерченные губы и пройдет языком по мелким острым жемчужно-белым зубкам... В моменты отрезвления Гарри пытался внушить себе, что его страсть вызвана долгим вынужденным воздержанием, однако за всю свою взрослую жизнь он еще никогда не испытывал таких сильных чувств к женщине.

Они были едва знакомы. Он почти ничего не знал о ее жизни, кроме того немногого, что она рассказала. Но Лидия казалась ему такой близкой, такой родной... Добрая, с чувством юмора и острым умом.

Удивительно, как быстро она научилась выражать свои мысли по-английски, несмотря на скудный словарный запас! Девушки-англичанки, прекрасно владеющие языком, обычно изъяснялись загадками и полунамеками, а Лидия прямо говорила то, что думает, обходясь всего несколькими словами, и это было чудесно.

А ее красота? Раньше Гарри с трудом достигал физического возбуждения, не говоря уж о том, чтобы прийти в «боевую» готовность от одних только мыслей. Теперь же стоило ему вспомнить ее образ, и у него в паху тут же начиналось движение. Наверное, этому стоило порадоваться, ведь после всех телесных и душевных мытарств, пережитых в Чанги, его организм по-прежнему нормально функционировал. Сомнения Гарри в собственной мужественности тоже отпадали: наконец-то ему встретилась женщина, которая вызывала в нем столь сильную реакцию.

С Оливией — женой! — у него никогда такого не было.

Гарри опять вспомнил, как его сокамерники в Чанги обсуждали свои чувства — влечение и любовь.

«Может, то, что я испытываю к Лидии, и есть любовь?»

На четвертый день своего «заклечения», когда Лидия, против обыкновения, не заглянула справиться о его самочувствии, на закате Гарри вышел из номера и направился по вестибюлю к «Бамбуковому бару», выискивая, чем бы заняться. По пути он бросил взгляд на стойку портье.

— Вам уже лучше? — спросила Жизель, вдруг возникшая за его спиной.

— Да, намного лучше, спасибо. Не подскажите, где Лидия?

— Она взяла выходной, — рассеянно ответила хозяйка отеля. — Кажется, у нее семейные неприятности.

— С ней все в порядке? — встревожился Гарри.

— Не знаю, капитан Кроуфорд. Я ее начальница, а не мама, но Лидия мне очень нравится. У нее трудная судьба.

Снедаемый беспокойством Гарри зашел в «Бамбуковый бар», который открывался только через час. Он пересек пустой зал, сел за рояль и, открыв крышку, начал играть.

Вскоре в бар подтянулись другие музыканты и бармен.

— Где ты был? — спросил Йоги, голландский барабанщик. — Нам тебя не хватало.

— Болел.

— А сегодня вечером будешь играть?

— Да, буду, — кивнул Гарри, решив, что это поможет ему на время забыть о Лидии.

Гарри играл до полуночи, пинтами хлебая воду, пока посетители бара накачивались виски. Две подвыпившие женщины среднего возраста предложили показать ему достопримечательности Бангкока, если он сыграет для них голым. Гарри подумал, что это шутка: он по-прежнему был худым, как скелет, с увесистым «рисовым брюхом» и шелушащейся от недостатка витаминов кожей.

Проснувшись на другое утро, он первым делом подумал о Лидии: вернется ли она сегодня? Встав с постели, Гарри спустился на веранду позавтракать. Проходя мимо конторки, с досадой отметил, что Лидии до сих пор нет.

Позже пришел портной примерить на него новую одежду. «Рисовое брюхо» Гарри немного уменьшилось, и портной проворчал, что придется ушивать пояс брюк.

Гарри то и дело навевался в вестибюль, тщетно надеясь увидеть Лидию. На третий раз к нему подошла Жизель.

— Сегодня ее тоже нет. — Она покачала головой. — Боюсь, как бы она не исчезла совсем, как делают многие местные.

От этой мысли Гарри сделалось плохо. Он вернулся к себе в номер, чтобы поспать после обеда, но сон не шел. Тогда Гарри встал с постели и начал мерить шагами комнату.

«Интересно, у Жизель есть адрес Лидии? Если она и завтра не придет, поеду ее искать...»

— Вот дурак! — вслух обругал он себя. — Кто ты для нее, черт возьми? Всего лишь очередной клиент. С какой стати ты будешь бегать по всему Бангкоку, разыскивая едва знакомую тебе девушку?

Но никакое самовнушение не помогало. Гарри не мог думать ни о чем другом. Остаток дня прошел в мучительной неизвестности.

«Что же случилось с Лидией?» Эта мысль словно преследовала его. Разыгравшееся воображение рисовало ужасы. В три часа ночи, когда он лежал на спине, подложив руки под голову, до него вдруг дошло: «Это не случайное увлечение. Я безнадежно влюбился!»

Когда на следующее утро он вышел в вестибюль и увидел Лидию на обычном месте за стойкой, его накрыла волна облегчения. Захотелось подбежать и обнять девушку. Но Гарри сдержался.

— Вы пришли, Лидия! У вас все... в порядке?

— Да, Гарри. — Ее глаза будто слегка потускнели, а плечи ссутулились. — Все нормально.

— Вы уверены? — Он внимательно посмотрел на нее.

— Конечно.

— Хорошо. Я рад.

Ему не хотелось от нее уходить, но он не знал, что еще сказать, поэтому медленно побрел к лестнице.

Гарри метался по комнате и никак не мог успокоиться. Прекрасное настроение исчезло, как только исчезла Лидия из гостиницы. В ее отсутствие Гарри захлестнула самая настоящая паника.

«Что со мной творится, черт побери? Как можно любить почти незнакомую женщину?»

Не в силах больше сидеть в номере, он вышел на веранду, к реке, и закурил.

«Себастьян, наверное, уже далеко в море... Жаль, что болезнь помешала поплыть вместе с ним! Да, я влюбился в Лидию, но мои душевные метания бессмысленны: я — капитан британской армии, наследный пэр английского королевства, будущий хозяин крупного родового поместья... К тому же у меня есть жена».

Гарри яростно швырнул в реку недокуренную сигарету. Она угодила в островок из спутанных водорослей, которые постоянно проплывали мимо.

«Наверное, тропическая лихорадка подействовала на мозг, а может, сказались годы заключения в Чанги. Первая встречная женщина, проявившая ко мне чуть-чуть сочувствия, вскружила голову!»

Он вернулся в гостиницу и решительно прошагал в вестибюль.

«Надо заказать билет на следующий морской рейс и Англию и как можно быстрее уехать домой!»

Лидия сидела за стойкой портье, но Гарри изо всех сил старался не обращать на нее внимания. Однако боковым зрением он увидел, как девушка достала из корзинки носовой платок и промокнула глаза. Сердце его тут же оттаяло, и он обернулся к ней.

— Лидия, что случилось? — тихо спросил Гарри, подойдя к стойке.

Она покачала головой. Ком в горле мешал говорить.

— Скажите же, ради Бога, в чем дело?

— Пожалуйста, Гарри, уйдите, — испуганно попросила она. — Я не хочу привлекать внимание. Мадам рассердится, если увидит меня на рабочем месте в таком виде.

— Да-да, понимаю. Я уйду, но только если вы пообещаете выйти ко мне в обеденный перерыв. Буду ждать вас в конце этой улицы, возле маленькой продуктовой палатки на углу.

— Ох, Гарри, мадам...

— Я позабочусь, чтобы нас не увидели. Скажите «да», и я уйду.

— Ну, хорошо, давайте встретимся у палатки в полдень.

— Договорились. — Он улыбнулся и пошел из вестибюля, совершенно забыв о том, зачем вообще сюда заходил.

Как они и условились, Лидия ждала его на углу, беспокойно поглядывая по сторонам.

— Я знаю, куда можно пойти. — Она жестом велела ему следовать за ней и споро зашагала по оживленной улице.

Через пару минут девушка свернула в узкий проулок, кишачий передвижными лотками, где продавались самые разные продукты. Дойдя до середины проулка, она указала на грубо сколоченную деревянную скамью, укрытую от солнца ветхим зонтом.

— Хотите есть? — спросила Лидия.

Гарри тошнило от запаха сточных вод, смешанного с жарящимся сомнительным мясом.

— Нет, спасибо. Я бы выпил пива, если здесь оно есть.

— Конечно, есть.

Лидия быстро переговорила по-тайски с уличным торговцем, и перед ними появились бутылка с пивом и стакан с водой.

Гарри старался отвлечься от давящей атмосферы и сосредоточиться на Лидии. Чувствуя, что на лбу выступил пот, он открыл пиво и сделал большой глоток.

— Скажите, Лидия, почему вы плакали сегодня утром?

Она обратила на него глаза, полные грусти:

— Ох, Гарри, у меня дома большие неприятности.

— Знаете, Лидия, на моих глазах столько раз умирали люди, что теперь меня трудно чем-то напугать.

— О'кей, Гарри, я скажу. — Лидия вздохнула. — Моя мама... выходит замуж.

— Разве это плохо?

— Да, потому что он... японский генерал. — Глаза Лидии наполнились слезами.

— Ах, вот оно что! — Гарри понял, почему она так расстроена.

— Они познакомились здесь, во время оккупации. Мама ничего не говорила, потому что знала, как я отреагирую. Сейчас генерал вернулся в Японию и хочет, чтобы она к нему приехала — вместе со всеми нами.

Гарри немного помолчал, потом кивнул:

— Вы правы, это ужасно.

— Как она могла так поступить? — прошептала Лидия. — Предательница! Ведь мой отец погиб в борьбе за освобождение Таиланда от японцев!

— Он погиб?

— Год назад его посадили в тюрьму: он выпускал подпольную газету. Перед самым концом войны, полгода назад, мы узнали, что его расстреляли.

Гарри инстинктивно потянулся через деревянный стол и дотронулся до маленькой хрупкой руки девушки.

— Я вам искренне сочувствую, Лидия.

— Спасибо. — Она смущенно вытерла мокрые от слез щеки. — Теперь я даже не верю, что моя мама вообще когда-то любила отца, и это самое страшное. Как она могла?

— Она наверняка любила его, Лидия. — Гарри пытался рассуждать здраво. — Но люди совершают поступки, руководствуясь самыми разными причинами. У вас много братьев и сестер, а денег, насколько я понял из ваших слов, не хватает. Этот генерал богат?

— Да, очень богат. К тому же он влиятельный человек и имеет в Японии большой дом. Моя мама очень красива, все мужчины в нее влюбляются, — вздохнула Лидия. — Но вы правы. Она хочет, чтобы ее дети ни в чем не нуждались. Так мама мне объяснила. Сказала, что не любит его, но должна выйти замуж ради нашего будущего, которое должно быть лучше, чем в то время, когда она была вдовой.

— И что вы будете делать? — спросил Гарри, заранее страшась ответа.

— Она хочет, чтобы я ехала с ней. Дескать, Япония — нам не враг, а оккупация — всего лишь мирное политическое решение. — Лидия покачала головой. — Но японцы убили моего отца, потому что боялись, вдруг из-за него начнутся волнения. Как я поеду в эту страну?

— Не знаю, Лидия, — покачал головой Гарри. — Можно спросить, сколько вам лет?

— Шестнадцать. Через шесть недель будет семнадцать.

— Значит, через несколько недель вы станете взрослой и сможете принимать самостоятельные решения. Разве вы обязаны туда ехать?

— Если не поеду, то, возможно, больше никогда не увижу маму, братьев и сестер. — Лидия взволнованно крутила в руке стакан. — Я уже потеряла папу и не хочу терять остальных.

— Да, вы попали в трудное положение. — Гарри сделал глоток пива. — Но вы уже не ребенок. Вам пора подумать о собственной жизни и собственных желаниях.

— Но мама говорит, я должна ехать в Японию. Я не могу ее послушаться.

— Послушайте, Лидия, семья — не единственная ценность.

В ее янтарных глазах зажегся страстный огонь.

— Вы ошибаетесь, Гарри. Здесь, в Таиланде, семья — это все. Мы должны подчиняться родителям.

— Даже будучи взрослыми?

— Да, — ответила Лидия, уже не сдерживая слез.

— Мне очень жаль. Похоже, я еще больше вас расстраиваю. — Гарри достал из кармана брюк носовой платок и подал его девушке.

— Нет, что вы! Мне надо выговориться. — Она громко высморкалась. — Мадам тоже говорит, что мне не стоит ехать, что у меня хорошая, перспективная работа.

Гарри мысленно возблагодарил Бога за благоразумие Жизель.

— Война все повернула с ног на голову. Мир и люди изменились. Постарайтесь простить вашу маму. Она хочет как лучше, но то, что хорошо для нее и ваших младших братьев и сестер, может оказаться неприемлемым для вас. У вас есть другие родственники здесь, в Таиланде?

— Да, родители отца. Они живут на острове, за много миль отсюда. — Лицо девушки вдруг прояснилось, и она улыбнулась. — Это очень красивое место. В детстве я бывала там много раз. Остров называется Слоновий, он стоит посреди моря, точно бриллиант.

— Значит, вы не останетесь одна в этой стране?

— Нет.

— И у вас есть работа.

— Да. — Она посмотрела на него. — Вы полагаете, я должна остаться?

— Решать вам, Лидия. Но если надумаете остаться, то ничто не помешает вам ездить в гости к маме, братьям и сестрам. Вы сможете часто их навещать.

— Но Япония так далеко, Гарри! До нее много тысяч миль, и там холодно. — Лидия вздрогнула. — Ненавижу холод!

«Интересно, что бы ты сказала, если бы побывала в Норфолке в самый разгар зимы?» — подумал Гарри.

— Все просто, — обронил он, допивая пиво. — Вам надо решить, чего вы сами хотите.

— Я хочу... — Лидия вздохнула, — вообще не думать об этом.

— Но вы должны. Когда ваша мама уезжает в Японию?

— Через десять дней. Генерал заказал билеты для нее, моих братьев-сестер... и для меня, — добавила она, нахмурившись.

— Так, может, стоит подождать, пока осядет пыль? Так говорят у нас в Англии, имея в виду, что надо справиться с шоком, успокоиться и подумать. У вас в запасе есть несколько дней.

Девушка слабо улыбнулась:

— Вы правы. Спасибо, Гарри. Который час?

— К сожалению, четыре года назад мои часы разнесло гранатой вместе с моим вещевым мешком, а новыми я не обзавелся, — признался он.

Лидия встала.

— Думаю, мне пора возвращаться на работу. Кор khun ка, Гарри.

— Что это значит?

— Это значит — спасибо за все. Вы мне очень помогли. — Она одарила его улыбкой и поспешила к отелю.

В следующий раз Гарри увидел Лидию днем в гостиничном вестибюле и отметил, что выглядит она гораздо спокойнее. Девушка протянула ему телеграмму. От Оливии. Супруга сообщала, что в Уортон-Парке все хорошо, и они надеются, что Гарри скоро поправится и сможет уехать домой.

— Из Англии, от ваших родных? — поинтересовалась Лидия.

— Да, — кивнул он.

— От мамы?

— Да.

Гарри вернулся в номер, держа телеграмму в руке и ругая себя за то, что солгал Лидии.

На следующее утро к нему пришел врач. После осмотра объявил, что Гарри вполне окреп для морской поездки. Тот и сам понимал, что надо как можно скорее отправляться на родину. Пора вернуться к реальной жизни и перестать мечтать о несбыточном: эта страна и эта женщина никогда не будут его.

Он послал телекс в контору Себастьяна и попросил его сотрудников заказать ему билет на ближайший корабль в Англию.

Днем, когда Гарри лежал в постели, пытаясь заснуть, в дверь тихо постучали. Это пришла Лидия. Увидев ее, Гарри просиял от радости.

— Простите, что побеспокоила вас, но я пришла сказать, что уезжаю на выходные. Не хочу, чтобы вы за меня волновались. Мы будем отмечать Сонгкран, тайский Новый год. В вашей стране этот праздник называется Водным фестивалем.

— И долго вас не будет? — Гарри почувствовал, как сердце замедлило ход.

— Три дня. Я думала о ваших словах и решила провести Сонгкран с папиными родителями на Ко Чанге.

— Когда вы уезжаете? — взволнованно спросил Гарри.

— Завтра рано утром. Дорога долгая. Мне понадобится целый день, чтобы туда добраться.

— Можно поехать с вами?

Она удивленно уставилась на него.

— Простите, Лидия. — Гарри смутился из-за собственной смелости. — Конечно, вам совсем не хочется, чтобы я, как хвостик, ходил за вами повсюду. Просто я мало видел тайские провинции. Пожалуйста, забудьте о моей просьбе. Это было бы для вас слишком утомительно.

Ее янтарные глаза излучали задумчивость.

— Ах, Гарри, вам, наверное, так одиноко без ваших родных? — Не дав ему ответить, она продолжила: — Сонгкран — семейный праздник, в этот день принято приглашать в дом гостей. — Она вдруг широко улыбнулась, решившись. — Думаю, мои дедушка с бабушкой будут счастливы, если к ним приедет храбрый английский воин, который помог нам победить японцев. Да, — кивнула девушка, — я возьму вас с собой.

— Правда? — Гарри был вне себя от радости.

— Правда. Я покажу вам прекрасный остров, на котором родился мой папа. Так я отблагодарю вас за то, что вы помогли мне принять решение.

— А вы его приняли?

— Как вы сказали, я взрослый человек. Я не могу уехать в Японию и жить с людьми, которые убили моего отца и многих других. Я остаюсь здесь. В стране, которую люблю.

Гарри расплылся в довольной улыбке:

— Рад, что вы приняли решение, Лидия. Лично я считаю, оно правильное.

— Я буду скучать по братьям и сестрам, но даже ради них не могу это сделать. Когда-нибудь обустроюсь и заработаю хорошие деньги здесь, в Бангкоке, и тогда смогу привезти их обратно, если они захотят вернуться. Ну что, встретимся на углу возле продуктовой палатки завтра в шесть утра? Там возьмем «тук-тук» и поедem на станцию.

— Завтра в шесть утра, — согласился Гарри.

— Да, должна вас предупредить: в Ко Чанге нет ничего этого. — Лидия обвела руками комнату. — Ни электричества, ни водопровода. Зато там есть чудесное море.

— Меня это не пугает, Лидия.

После Чанги Гарри без труда мирился с бытовыми неудобствами.

— Мне пора, — сказала девушка. — До завтра.

Гарри подошел к Жизель и сообщил ей, что в следующие три вечера не будет играть в баре.

— Можно узнать, куда вы собрались?

— Мне захотелось немного посмотреть страну, прежде чем уехать на родину.

— Хорошо, — одобрила Жизель. — Я слышала, Ко Чанг — очень красивый остров, хоть сама я там никогда не была.

По его лицу Жизель прочла все, что ее интересовало.

— Я вернусь в понедельник.

— Капитан Кроуфорд! Гарри! — остановила она его.

— Да?

— Лидия — чудесная девушка. К тому же у нее сейчас трудный период в жизни. Я очень к ней привязана и надеюсь, что она будет работать со мной долгие годы. Не обижайте ее, ладно?

— Ладно, — ответил Гарри, возмущенный такой просьбой.

— D'accord. Приятного вам купания! — Она улыбнулась и пошла к себе в кабинет.

Глава 37

Лидия ждала в назначенном месте. Она взяла «тук— тук», и они тронулись в путь. Солнце еще всходило, и в Бангкоке было тихо. Гарри любовался смешением колониальной архитектуры, деревянных лачуг и домиков в тайском стиле. Жаль, что из-за болезни он не смог как следует посмотреть этот удивительный город!

Они приехали на железнодорожную станцию, где царил хаос и суматоха. На боковых путях стояли древние поезда, покрытые ржавчиной, которая образовалась после многолетних муссонных дождей. Лидия купила билеты, отказавшись взять деньги у Гарри, и зашагала по платформам в поисках нужного поезда. Они вошли в уже переполненный вагон и протиснулись по узкому проходу к свободной скамье. Гомонящие местные жители восхищенно таращились на Гарри.

Гарри изучил карту в кабинете Жизель и знал, что они едут на восток по побережью, в район под названием Трат. До Ко Чанга, затерянного в море крошечного островка, наверное, придется добираться на лодке.

— Сколько времени займет дорога? — поинтересовался Гарри.

— Четыре часа до Чантабури, потом пересадка и еще три часа до Трата, — ответила Лидия, ловко отрезав и протянув ему дольку свежего манго, извлеченного из корзинки. — Там нас встретит мой дядя и отвезет на своей рыбацкой лодке на Ко Чанг.

— Ваши родственники знают, что вы приедете со мной?

— Я не могла с ними связаться: на острове нет телефона. Но вы не волнуйтесь, Гарри, они не будут возражать. В Чантабури, — она с улыбкой взмахнула ножом, — мы купим вам кое-какую одежду.

— У меня есть одежда, Лидия. — Гарри указал на маленький чемоданчик, лежащий на полке над его головой.

Девушка захихикала.

— Нет-нет, Гарри, ваша одежда не годится для фестиваля Сонгкран. Сами увидите, что я имею в виду. — Она загадочно улыбнулась.

Поезд, изрыгнув облако дыма, проехал деловые окраины города и покатил по дороге, окруженной сотнями огромных банановых

плантаций. Дети радостно улыбались и махали им руками. Лидия дремала, устроившись рядом с Гарри. Он не представлял, как ей удалось заснуть на жесткой деревянной скамье. Но ее голова, покоящаяся у него на плече, и сладкий аромат масла, которое она втирала в волосы, наполняли его блаженным умиротворением.

«Я проведу рядом с ней целых три дня! Большого счастья нельзя и придумать!»

Должно быть, он тоже задремал и проснулся, только когда поезд остановился. Лидия ласково трясла его за плечо. Поднявшись, Гарри взял с полки свой чемоданчик и вышел вслед за спутницей на платформу. Их тут же окружили коробейники, наперебой предлагая еду, напитки, гирлянды из жасмина и грубо сработанных резных деревянных зверушек. Лидия увела Гарри в сторонку и усадила на лавку под бамбуковым навесом.

— Ждите здесь, я схожу за обедом.

К лавке, робко улыбаясь, подошла маленькая тайская девочка и стала восторженно его разглядывать. Гарри промокнул лоб и отпил немного воды. Лидия принесла еду и выложила перед ним кучу тонких хлопчатобумажных простыней.

— Примерьте.

— Вы хотите, чтобы я это надел? — удивился Гарри, приподнимая красную скатерть. Оказалось, это брюки с фартучком впереди. Здесь же была свободная рубаша из белого хлопка.

Она показала на стоящую рядом бамбуковую хижину:

— Идите туда и примерьте.

С удовольствием сбросив с себя плотные саржевые брюки и фирменную хлопчатобумажную сорочку, Гарри надел вещи, принесенные Лидией. Пришлось немного повозиться с необычными штанами длиной чуть ниже колена, а когда он, наконец, на манер местных жителей, обмотался фартучком, получилось некое подобие юбки.

Тайская девочка ждала его на выходе из хижины, стоя рядом с Лидией. Увидев Гарри, она звонко засмеялась.

— Я, наверное, выгляжу ужасно глупо, — смущенно произнес он.

— Нет, Гарри, — успокоила Лидия. — Теперь вы выглядите как настоящий тайландец. Как раз в такой одежде и надо ехать на остров праздновать Сонгкран. А теперь я пойду переоденусь.

Лидия скрылась в домике, а Гарри ради забавы принялся учить девочку английским словам. Малышка мило улыбалась и коверкала незнакомые фразы.

Когда Лидия вышла, Гарри не сдержал восторженного вздоха. Вместо западного костюма на ней были брюки, такие же как у него, и простая китайская блуза розового цвета. Но больше всего поражала ее новая прическа: она распустила тугой пучок на затылке, и волосы черной блестящей копной ниспадали по плечам до самого пояса.

Гарри невольно протянул руку — ему захотелось погладить роскошные пряди. Он глянул вниз и замер от восхищения, увидев ее босые ноги — маленькие, изящные ступни и идеальной формы пальчики. В Англии ему не доводилось видеть босых женщин. Эта картина подействовала на него возбуждающе. По счастью, странный фартук прикрыл его раздувшийся пах.

— А теперь нам надо пересесть на другой поезд, — сказала Лидия.

Гарри попрощался с маленькой девочкой, встал с лавки и пошел за Лидией.

— Тили-тили тесто, жених и невеста! — прокричал детский голос у них за спиной.

Они ехали три утомительных часа. Когда поезд, наконец, остановился, Гарри почувствовал сильное облегчение. Потом автобус быстро довез их до пристани, и, выйдя из салона, Гарри с восторгом увидел идиллическую бирюзовую гладь моря и скрытые облаками горы вдаль.

— Это Ко Чанг, — сообщила Лидия. — А вон там мой дядя, он нас ждет!

Гарри пошел вслед за Лидией к одной из многочисленных рыбацких лодок, которые тихо покачивались у пирса. Пока девушка тепло здоровалась с дядей, Гарри стоял в сторонке. Потом они быстро заговорили по-тайски, Лидия кивнула на Гарри и поманила его рукой.

— Познакомьтесь, Гарри, это Тонг, мой дядя, но он не говорит по-английски.

Дядя Тонг склонился в традиционном тайском приветствии, потом выпрямился, широко улыбнулся беззубым ртом и сердечно пожал гостю руку. Лидия перевела его слова: он рад, что Гарри вместе с его родными будет отмечать Сонгкран.

— Пожалуйста, скажите вашему дяде, что для меня большая честь побывать у него в гостях, — ответил Гарри, когда Тонг усаживал его в лодку.

Вскоре они поплыли к Ко Чангу.

Между тем закатное солнце вдруг нырнуло в море, и начало смеркаться. Через пятнадцать минут, когда они уже причаливали к берегу, тьма сгустилась. Нагнувшись, Тонг достал из-под сиденья две масляные лампы и зажег их. Лидия взволнованно смотрела на Гарри. Ее дядя помог ему выбраться на сушу, и он ощутил под ногами мягкий песок.

— Вот мы и приехали, Гарри. Добро пожаловать на остров, где живет мой дядя, — улыбнулась Лидия.

Гарри с трудом различал пейзаж: вокруг было черным-черно. Однако он понял, что они идут вдоль берега. Среди высоких пальм ютились деревянные хижины, мягко освещенные масляными лампами. Когда они подошли поближе, от одного домика отделилась группа детей. Впереди виднелся силуэт пожилой женщины. Они криками приветствовали Лидию, и та побежала к ним. Женщина обняла спутницу Гарри, и он понял, что это ее бабушка. Когда Лидия обернулась, он заметил в ее глазах влажный блеск.

— Идите сюда, Гарри, познакомьтесь с моими родственниками. Они рады, что вы будете праздновать Сонгкран вместе с нами.

Лидия представила ему свою большую семью: бабушку, дедушку, дядю, тетю и их четверых детей, еще одну тетю с мужем и тремя детьми.

Тонг протянул Гарри бутылку пива. Он сел на мат, расположенный на песке, и его немедленно окружили маленькие племянники и племянницы Лидии. Все дети немного говорили по-английски, они засыпали его вопросами: как он воевал, убил ли хоть одного японца? Гарри старательно отвечал, но сомневался, что они его понимают, поэтому подкреплял свою речь выразительной мимикой. Когда нацелил воображаемый пистолет на воображаемого японского солдата, малыши начали бегать по пляжу, кричать «Бах-бах!» и размахивать воображаемыми пистолетами.

Лидия вышла из темноты и грациозно присела рядом с ним.

— Сегодня ночью вы будете спать здесь, в домике на берегу. Моя тетя сейчас все для вас подготовит.

— Спасибо, — ответил Гарри. — А где разместитесь вы?

— В доме моей бабушки, в деревне за пляжем.

— А кто здесь живет? — поинтересовался он.

— Дядя Тонг, тетя Китима и их дети. Он рыбак, поэтому поселился поближе к морю. Сейчас они строят большой дом в деревне и когда-нибудь переедут туда.

— Я бы с удовольствием заночевал прямо здесь, — пробормотал Гарри, взглянув на луну.

В Чанги долгими бессонными ночами он рассматривал этот белый диск. Судя по его размеру и форме, завтра будет полнолуние. Волны с тихим плеском набегали на песок, принося умиротворение в окружающую среду.

— Как здесь чудесно! — тихо произнес Гарри.

— Я рада, что вам нравится. Будете ужинать? — Лидия показала на дымящийся костер и подвешенную над ним решетку с жирной свежей рыбой.

Гарри кивнул и тяжело поднялся на ноги.

Все уселись за длинный деревянный стол — дети пристроились на матах — и приступили к трапезе. Гарри еще никогда в жизни не ел такой вкусной рыбы. Малыши держали в руках большие кокосовые орехи и с удовольствием пили из них молоко. Он мало понимал из того, что говорили вокруг, но язык счастливого, теплого и уютного семейного собрания универсален. Лидия, сидя между бабушкой и дедушкой, то и дело поглядывала на Гарри, спрашивая глазами, все ли в порядке.

Он улыбался в ответ: все просто замечательно!

Примерно через час Гарри почувствовал, что его одолевает усталость. Он украдкой зевнул, но Лидия сразу это заметила и пошептала с тетей, сидящей напротив. Та хлопнула в ладоши, и дети, копошащиеся вокруг нее, умолкли. Она что-то им сказала, малыши грустно закивали, понимая, что игры на берегу окончены и пора идти спать.

— Тетя проводит вас к месту вашего ночлега. — Лидия подошла к Гарри. — Я зайду за вами завтра, о'кей?

— Не стоит торопиться, Лидия. Пожалуйста, общайтесь с семьей, а я с удовольствием еще посижу здесь. Ваши родственники — очень гостеприимные люди. Поблагодарите их от моего имени.

— Вы и сами можете это сделать, Гарри, — подбодрила девушка.

— Да, конечно. Кор khun krup, — произнес он и неловко поклонился.

Сидящие за столом одарили его теплыми признательными улыбками, в которых не было и тени насмешки. Тетя Лидии повела его по пляжу к самой дальней хижине.

— Мистер Гарри, мы рады... что вы с нами, — последовав его примеру, произнесла она на ломаном английском.

— Спасибо, — отозвался Гарри, поворачивая деревянную ручку двери. — Спокойной ночи.

Он шагнул в домик, закрыл за собой дверь и огляделся. В хижине было пусто, если не считать матраса на полу, свежей стираной простыни и противомоскитной сетки. Гарри так устал, что не раздеваясь лег в постель и тут же заснул.

Глава 38

Гарри проснулся от слабой боли в бедренной кости — матрас был слишком тонким, — и его на мгновение охватила паника. Потом он сообразил, где находится, и открыл глаза. Комната по-прежнему тонула во мраке, свет проникал только из маленького, затянутого сеткой оконца, за которым виднелись пальмы, растущие позади хижины. Гарри потянулся, встал, открыл дверь и... ахнул от восхищения.

Он стоял на великолепном пляже. Пудрово-белый песок тянулся вдаль широкой дугой, которая заканчивалась зеленым холмистым полуостровом. Песок плавно спускался к спокойному изумрудно-зеленому морю. Гарри взглянул налево, потом направо и не увидел ни одной живой души.

Скинув одежду, он в одних панталонах побежал по обжигающе горячему песку и нырнул в море. Несколько минут энергично плыл, потом повернулся на спину и стал смотреть сначала на чистое лазурное небо, потом на берег, где идиллически гнулись и покачивались кокосовые пальмы, окаймляющие пляж. Далеко за пляжем виднелись горы, увенчанные облаками и поросшие непролазными джунглями.

Гарри долго лежал на воде, с трудом веря, что этот рай ему не приснился. Наконец он вышел на берег и плюхнулся на горячий белый песок. От волшебной красоты природы у него слегка кружилась голова.

Увидев движущуюся к нему маленькую фигурку под зонтиком, Гарри сел. Это была Лидия, она озабоченно хмурилась.

— С вами все в порядке, Гарри? — спросила девушка. — Мы уже думали, вы куда-то ушли, но потом увидели вашу одежду. — Она смущенно улыбнулась.

Гарри почувствовал неловкость, оттого что Лидия застала его в мокрых панталонах. Он встал и поспешил к домику.

— Я решил искупаться, — словно оправдываясь, произнес он. — Знаете, Лидия, я в жизни не видел такого роскошного места, как этот пляж!

Ее лицо просияло.

— Я рада, что вам понравилось, Гарри. Здесь так спокойно, правда?

— О Господи, да! — Он погрозил ей пальцем. — Предупреждаю: может так случиться, что я не захочу отсюда уезжать.

— Значит, вам придется стать рыбаком. — Она подала ему одежду.

— Я научусь ловить рыбу, — кивнул Гарри, — если это поможет задержаться здесь навсегда.

— Хотите помыться? — спросила девушка. — За домиком дяди и тети есть водопроводная труба. Там же мы приготовили для вас полотенце. Я подожду вас здесь. — Лидия села на крыльцо его хижины.

Гарри вернулся через пять минут, освежившись под струей чистой холодной воды.

— А теперь пойдете в деревню, я покажу вам дом моей бабушки, о'кей? — Она сжала его руку. — Счастливого Сонгкрана, khun Гарри!

Прикосновение ее пальцев было чрезвычайно приятным.

— И вам тоже, — ответил Гарри, вдруг ощутив желание обнять и поцеловать девушку.

Они пошли по узкой песчаной тропе и через десять минут добрались до деревни. Когда свернули на пыльную главную улицу, их окатила водой из ведра веселая стайка ребятишек. Увидев, что попали точно в цель, дети радостно закричали.

— Что за черт? — воскликнул Гарри, не ожидавший холодного душа.

Лидия, хихикая, старательно отряхивала мокрое платье.

— Сонгкран — праздник очищения. В этот день надо смыть с себя всю грязь прошлого, чтобы встретить будущее чистым и свежим. Смотрите!

Гарри посмотрел туда, куда она показывала. Улица была полна людей самых разных возрастов, которые поливали незадачливых прохожих водой из кувшинов, леек и прочей посуды.

— Сегодня вы не будете страдать от жары, — засмеялась Лидия, — и сухим тоже не останетесь!

Она поднялась на веранду деревянного дома на сваях. Там стояла батарея из ведер и кадок, наполненных водой.

— Здесь живут мои дедушка с бабушкой, — объяснила Лидия. — А теперь вам надо выплеснуть воду. Вот так! — Она взяла одно ведро и с размаху вылила его содержимое на улицу.

Гарри сделал то же самое, попав в маленького мальчика. Тот взвизгнул, а потом засмеялся, смахивая воду с глаз.

— Прости! — виновато крикнул Гарри.

— Нет! — Лидия потрясла головой. — Вы не должны извиняться! Чем больше людей вы оболъете, тем удачней будет новый год!

— Понятно, — отозвался он.

Лидия провела его в заднюю часть дома, на кухню. Там вовсю хлопотали три или четыре женщины: они готовили овощи, рыбу, лапшу и суп.

— Гарри пришел! — крикнула Лидия бабушке, и та, обернувшись, улыбнулась ему во весь свой беззубый рот. — Мы готовим праздничный обед. Это традиция.

— Спасибо. Я могу чем-то помочь? — поинтересовался Гарри.

— Нет, вы гость. К тому же мы, тайские женщины, никогда не просим мужчин делать нашу работу. Посидите здесь и отдохните, о'кей?

Она поспешила обратно на кухню, а Гарри устроился на веранде и стал смотреть вниз, на улицу, где совершались ритуальные омовения. В деревне звучал смех и царила атмосфера веселья. Пусть это маленькое, затерянное в море сообщество имело мало материальных благ, но оно отличалось особой сердечностью. Долгих четыре года Гарри наблюдал одну лишь жестокую сторону человечества, и эта картина заставила его прослезиться.

Лидия вернулась с большой корзиной фруктов и овощей.

— Мы идем в гости, Гарри. Надо отнести праздничные гостинцы старым и больным жителям деревни. Вы пойдете со мной?

Гарри встал.

— Конечно. Давайте я понесу. — Он повесил тяжелую корзину себе на руку и вслед за Лидией спустился с крыльца.

В течение следующего часа они ходили по домам. Лидия научила Гарри складывать руки перед собой и произносить традиционное приветствие: «Sawadee krup». Она объяснила, что они угощают пожилых людей, которые, в свою очередь, помогают их душам

очиститься и прощают дурные поступки, совершенные ими в прошлом году.

Гарри подумал, что эта традиция куда жизнерадостнее, чем одинокая католическая исповедь. Он смотрел, как Лидия преклоняет колени перед дряхлым старцем и что-то оживленно ему говорит, взяв его руку в свои ладони и ласково ее поглаживая.

Когда они возвращались к дому ее бабушки с дедушкой, жители выставляли на улицу длинные столы, готовясь к праздничному обеду. Большая семья Лидии, с которой он познакомился вчера вечером, уже собралась за столом. К ним присоединились два монаха из местного храма в роскошных желто-оранжевых одеждах. Гарри окинул взглядом протяженную вереницу семейных столов. Казалось, здесь собрались все жители деревни.

Он попробовал все предложенные блюда, а потом, поддавшись на уговоры, поиграл с детьми в футбол. При этом его то и дело поливали водой.

Позже из-за стола встал дедушка Лидии и произнес речь. Атмосфера сразу изменилась. Старик говорил, и по его щекам текли слезы. Остальные родственники Лидии тоже плакали. Потом поднялся один из монахов и начал нараспев высоким голосом читать молитвы.

Обстановка оставалась серьезной всего пятнадцать минут, потом селяне начали расходиться, чтобы отдохнуть после торжеств. Лидия встала из-за стола и подошла к Гарри.

— Khun Гарри, вы устали? Я провожу вас домой.

После многократных «спасибо», поклонов и складывания ладоней перед носом Лидия и Гарри покинули деревню и зашагали обратно к хижине на берегу.

— Почему ваш дедушка плакал? — осторожно спросил он.

— Он говорил о моем отце, — грустно ответила Лидия. — Мы вспоминали его в этот праздничный день и желали его душе покоя. Монах сказал, что с ней все будет хорошо, потому что в этой жизни папа научился страданиям. Возможно, когда он вернется на землю и начнет следующую жизнь, его урок будет менее трудным. Мы, буддисты, в это верим.

— Наверное, утешительно думать, что наши страдания зачтутся нам в следующих жизнях, — задумчиво произнес Гарри. — Значит, те

бедняги, которые сильно мучились и умерли в Чанги, в следующий раз будут очень счастливы.

— Вы верите в своего Бога? — Лидия внимательно посмотрела на Гарри.

— В детстве мне ничего про него толком не объясняли, — признался Гарри. — Просто каждое воскресенье дома и каждый день в школе я посещал часовню. Там было ужасно скучно: приходилось долго сидеть неподвижно, петь заунывные песни и слушать какого-то старикана, который что-то нудно бубнил себе под нос. И все ради того, кого я не мог ни увидеть, ни почувствовать. Кто вроде бы ничего не делал, но его почему-то надо было почитать.

— Что значит «бубнил себе под нос»? — спросила Лидия.

— Это такое выражение. — Гарри улыбнулся. — Когда я был в Чанги, там многие начали верить в Бога. Наверное, им было нужно во что-нибудь верить. Но я... — Гарри со вздохом покачал головой. — Знаете, мне трудно поверить, что какое-то доброе божество заставляет невинных людей так страдать.

Лидия кивнула:

— Когда погиб мой папа, я тоже не находила утешения в вере. Я думала: возможно, он отправился в лучший мир, но как же я? Я осталась без отца, не будучи к этому готова. Но сейчас, — тихо добавила она, — я с этим смирилась.

— Ваши родственники знают, что ваша мама уезжает в Японию? — спросил Гарри, когда они пришли на берег.

— Нет. Так лучше. Это причинило бы много боли, а им и без того досталось. Они потеряли сына. Здесь, на Ко Чанге, другой мир. Они не поймут. — Лидия вздохнула и вымученно улыбнулась. — Иногда, Гарри, очень трудно жить.

— Да, — согласился он и посмотрел на небо. Там прямо над морем сияла полная луна, покрывая серебристым блеском черную рябь на воде. — Но в Чанги я понял: когда теряешь веру в человечество, начинаешь верить в природу. — Он широко развел руками, показывая на пейзаж перед собой. — Кто-то должен был создать эту красоту — такую необычную и такую затейливую!

— Значит, вы уже буддист. Природа питает душу, — кивнула Лидия, и они вместе стали любоваться луной.

Они миновали пустую хижину, в которой жили дядя и тетя Лидии, и подошли к его временному жилищу. Лидия взглянула на него с улыбкой.

— Надеюсь, сегодня ночью вы будете спать спокойно и крепко, Гарри. До завтра!

Она хотела уйти, но Гарри, утратив остатки самообладания, схватил ее за руку и притянул к себе.

— Ох, Лидия, Лидия... — Он обнял девушку и начал гладить ее роскошные волосы. Она прислонилась к его плечу, даже не думая сопротивляться. — Моя драгоценная Лидия, я должен тебе сказать... если не сделаю этого, просто взорвусь, — засмеялся Гарри. — Пожалуйста, прости меня! Мне кажется, я влюбился в тебя в тот самый момент, когда впервые увидел в «Ориентале» со шваброй в руке! Я люблю тебя, Лидия, безумно люблю! — Он продолжал гладить ее волосы, и слова, которые так давно мечтал сказать, лились рекой. — Я не знаю, почему и как это произошло. Да, мы выходцы из разных миров, но, пожалуйста, прости мне мое признание. Я должен сказать тебе о своей любви, потому что чувствую, что схожу с ума.

Лидия стояла молча, приникнув к его плечу.

Облегчение оттого, что наконец-то выговорился, смешалось со страхом: «Если она молчит, значит, не испытывает ко мне взаимности!» Душевное напряжение было слишком велико, и Гарри вдруг зарыдал, как ребенок, бессильно опустив руки.

— Прости меня, Лидия... Я...

— Гарри, Гарри, все о'кей... Пойдем!

Девушка взяла его за руку, подвела к хижине и усадила на ступеньку крыльца. Потом села сзади, обняла Гарри за плечи, прижав его голову к своей груди, и принялась ласкать его мокрое лицо.

Гарри оплакивал свои страдания и страдания тех, кто умер ужасной, бессмысленной смертью. Он оплакивал маму, Оливию, Уортон-Парк и свою запутанную жизнь. Но прежде всего, плакал потому, что нашел самую прекрасную женщину на свете, но она никогда не станет его.

— Гарри, Гарри, — пробормотала Лидия, — я здесь, здесь. И я...

Она что-то прошептала по-тайски. Он посмотрел на нее: сквозь слезы лицо Лидии расплывалось.

— Не понимаю, что ты сказала, милая.

Он резким движением руки вытер глаза и наконец, увидел свою любимую четко. И заметил слезы в ее глазах.

— Я сказала, что тоже люблю тебя.

Он удивленно взглянул на девушку и после секундного замешательства прошептал:

— Правда?

Она кивнула, потом внимательно посмотрела на него и грустно улыбнулась:

— Со мной было то же самое. Когда впервые тебя увидела... я... — Она досадливо покачала головой. — У меня нет слов объяснить.

— О, моя милая девочка! — выдохнул Гарри, охваченный страстью, потом обнял Лидию и поцеловал.

Ему приходилось обуздывать себя: он боялся поранить ее нежные губы или слишком крепко стиснуть хрупкое тело. Гарри испугался силы своего желания и понимал, что должен отпустить Лидию, пока окончательно не потерял голову. Собрав волю в кулак, он оторвался от ее губ и остался сидеть, держа ее в своих объятиях, возбужденный и взволнованный.

Спустя какое-то время — может, несколько минут, а может, час — ему удалось усмирить свое тело и удовлетвориться тем, что он наконец-то обнимает Лидию.

— Гарри, мне надо идти, Гарри, — произнесла девушка после долгого молчания.

— Да, конечно. — Он еще раз поцеловал ее в губы, с трудом укротив свою разбушевавшуюся плоть.

Лидия встала и задумчиво посмотрела на него.

— Не верю, что это со мной произошло.

—Что?

— Я влюбилась. Я чувствую... здесь. — Она показала на сердце. — Бабушка говорит, по-настоящему любить другого человека — значит, обрести рай на земле.

— Или ад, — пробормотал Гарри себе под нос, потом встал и в последний раз обнял Лидию. — Так не хочется тебя отпускать!

Она отстранилась и протянула ему свою маленькую ручку. Он сжал ее пальцы и поцеловал нежную ладонь.

— Я приду завтра, — пообещала Лидия. — Спокойной ночи, Гарри.

— Спокойной ночи, любимая, — тихо отозвался он, глядя на ее удаляющийся силуэт, озаренный лунным светом.

Гарри проснулся на рассвете, взволнованный предстоящей встречей с Лидией. Чтобы скоротать время до ее прихода, он прогулялся по пляжу, а потом вдоволь наплавался в спокойном бирюзовом море. Наконец, когда ждать стало невмоготу, Лидия появилась. Она предупредила глазами, чтобы он ее не обнимал: на берегу перед родительским домом играли ее маленькие племянники. Поэтому Гарри ограничился вежливым кивком.

— Доброе утро, Лидия. Как спалось?

— Спасибо, Гарри, хорошо. — В ее глазах сверкали веселые искорки: ей нравилась их маленькая игра. — Я подумала, может, сегодня утром посмотрим горный водопад в центре острова? Он очень красивый, и ты сможешь искупаться в пресной воде. Хочешь?

— Да, — тут же согласился Гарри: он охотно хватался за любую возможность побыть с ней наедине.

Лидия вынесла из тетиной хижины корзинку с водой, пивом и свежими фруктами, и они отправились в путь — мимо деревни, по каменистой тропе, ведущей в гору.

Когда они остались одни в окружении джунглей, скрывающих от посторонних глаз, Лидия привстала на цыпочки и нежно поцеловала его в щеку. Гарри немедленно обнял девушку и впился губами в ее губы.

— Идем, — выдохнула она, высвобождаясь. — Уже недалеко. Там будет удобно.

Через двадцать минут с исцарапанными ступнями и искусанными ногами — в траве водилась уйма самых разных личинок насекомых — Гарри ступил на поляну, окружающую шумный горный водопад, и оглядел холодное чистое озерцо, берега которого поросли буйной зеленью. Лидия достала из корзины бамбуковый коврик. Он опустился на него и жадно потянулся к кувшину с водой.

Его дыхание было тяжелым, как у старика.

— Прости, моя милая девочка, кажется, я еще не совсем окреп после болезни.

Лидия опустилась рядом с ним на колени, как маленький нежный Будда, и протянула ему какой-то фрукт.

— На, поешь. Я понимаю: твоему бедному телу нужен отдых. Но... — она обвела рукой великолепный пейзаж, — мне кажется, это стоит твоих усилий. Разве нет?

Его бы устроила и жалкая лачуга в душном городке, только бы Лидия была рядом, однако он кивнул:

— Здесь и впрямь чудесно. Ну же, милая, иди ко мне!

Она положила голову ему на колени, и они стали с энтузиазмом давних влюбленных обсуждать, как и когда зародилось их взаимное чувство. Спустя какое-то время Гарри лег в траву, а Лидия пристроилась рядом. Он целовал ее губы, глаза, щеки и волосы. Его рука скользнула вниз, чтобы исследовать те части ее тела, до которых раньше он дотрагивался только в своем воображении.

Девушка с явной охотой позволила расстегнуть ее блузку. Он принялся ласкать ее маленькую красивую грудь — сначала пальцами, потом губами. Сегодня его тело было спокойнее, и Гарри неторопливо изучал каждый дюйм ее мягкой кожи медового цвета. Когда он снял рубашку, их обнаженные тела впервые соприкоснулись.

Гарри почувствовал, как по нему пробежал электрический разряд. Опустив руку, он нежно накрыл ладонью то место, о котором мечтал несколько недель кряду, ощутив его жар и влагу. Робкая рука девушки нашарила завязки его брюк.

Наконец оба совсем избавились от одежды. Его твердый горячий символ желания упирался в ее живот. Их губы слились в поцелуе, а руки обследовали и узнавали тела друг друга. Не в силах больше сдерживаться, Гарри приподнялся и заглянул в ее глаза.

— Лидия, пожалуйста, скажи мне, если ты не хочешь...

Она поднесла палец к его губам, заставив замолчать.

— Я хочу, Гарри. Я люблю тебя. И доверяю тебе.

Гарри понял, что Лидия имеет в виду: она девственна, и он будет ее первым мужчиной.

Гарри осторожно проник в нее, с наслаждением ощутив жар тугих влажных стенок ее лона. Нагнувшись к ее лицу, он начал нежно целовать любимую, спрашивая, не больно ли ей и не следует ли ему остановиться. Когда он вошел в нее глубже, Лидия уставилась в его глаза, и они начали вместе двигаться, подчиняясь ритму страсти. Лидия вторила ему с той же горячностью. Наконец момент настал, и

Гарри выкрикнул в небеса ее имя, окунувшись в мучительную негу экстаза.

Потом, когда они лежали, сплетясь телами, Гарри подумал, что увидел лицо Бога.

Глава 39

Утром они пустились в обратный путь, в Бангкок. Гарри сидел в лодке Тонга и смотрел на удаляющийся остров, который вернул ему веру в красоту и святость жизни. Ему так хотелось еще когда-нибудь увидеть это райское место!

В поезде Гарри не выпускал Лидию из объятий. Она казалась маленькой, хрупкой, почти невесомой. Иногда задремывая, он тут же резко просыпался: ему не хотелось пропустить последние драгоценные мгновения полного обладания этой женщиной.

Они расстались возле отеля, сделав вид, будто едва знакомы: Лидия боялась, что их увидят.

— До завтра, любовь моя, — прошептал он ей на ухо.

— До завтра, — ответила она, усаживаясь в «тук-тук», чтобы ехать домой.

В тот вечер Гарри играл на рояле в баре, радуясь возможности отвлечься на музыку и веселую атмосферу. Однако потом, несмотря на позднее время (было уже за полночь) и усталость после долгой поездки, ему почему-то не хотелось спать. Он не спеша спустился к реке, закурил и прокрутил в памяти подробности последних трех дней.

Хорошо бы остаться здесь навсегда! Но будущее неумолимо наступало. Через десять дней он сядет на корабль и отправится домой. Таиландская сказка закончилась...

Гарри медленно вернулся в свой номер, лег в постель и попытался заснуть. Но когда сквозь плотно задернутые шторы пробился рассвет, его надежды на спасительный сон растаяли.

Он твердил себе, что должен забыть Лидию, что он женатый человек и у него есть обязательства не только перед родными, но и перед работниками поместья и их семьями — людьми, которые скоро будут от него зависеть. Однако он сильно изменился с тех пор, как четыре года назад отправился за три моря. Выжив после невзгод войны, повидав такие зверства, которые и не снились гражданскому человеку, он впервые в жизни влюбился не только в Лидию, но и в страну, и в ее народ. И что же теперь — уехать?

Гарри повернулся на другой бок, мучимый чувством вины.

«Я обманул Лидию! Если бы признался ей, что женат, вряд ли она подарила мне свои ласки».

«Я верю тебе, Гарри...»

Он застонал, чувствуя себя последним негодяем.

Когда начался новый день, Гарри, наконец, забылся сном, хоть и не избавился от душевных метаний.

Следующие три дня Лидия и Гарри встречались при любой возможности. Она отказывалась приходить к нему в номер, тем самым свергая Гарри в пучину отчаяния. Оставалось довольствоваться поцелуями украдкой через стол во время часового обеденного перерыва и прогулками вдоль реки, когда девушка заканчивала работу, и они неспешно шли рядом, держась за руки. Лидию беспокоил скорый отъезд ее родных в Японию, и Гарри не знал, как подступиться к ней с разговором. Да, он должен сказать правду, но вместо этого лишь обнимал Лидию (если позволяли обстоятельства), оставлял ей на стойке регистрации любовные записочки, а когда у нее появлялось свободное время, не упускал случая с ней увидеться.

Когда до отъезда Гарри оставалось меньше недели, Жизель остановила его в вестибюле гостиницы и протянула телеграмму.

— Спасибо, — пробормотал он и хотел уйти.

— Капитан Кроуфорд, загляните на пару слов в мой кабинет, oui?

— Конечно.

Шагая за ней, Гарри чувствовал себя провинившимся школьником, которого сейчас будет отчитывать учительница.

Плотно закрыв дверь, Жизель взглянула на него с улыбкой.

— Похоже, Таиланд вас очаровал, n'est-ce pas? Особенно одна jeune femme. — Она взяла со стола одну из записок, которые он посылал Лидии, и помахала ею у него перед носом.

Гарри густо покраснел и кивнул:

— Да... Я люблю ее, — добавил он, заранее пресекая все измышления.

— Я так и поняла. — Жизель протянула ему записку: — Возьмите, это ваше. Капитан Кроуфорд...

— Пожалуйста, зовите меня Гарри. — Он взял записку и сунул ее в карман брюк.

— Гарри, — поправилась Жизель, — обычно я не вмешиваюсь в чужие сердечные дела. Но вы понимаете, что Лидия рискует потерять

работу? Обслуживающему персоналу отеля строго запрещено вступать в близкие отношения с посетителями.

— Простите, Жизель. Я понятия не имел об этом. Пожалуйста, не увольняйте ее! Ей нужна работа. Ее мама...

Жизель подняла руку, призывая его к молчанию:

— Мне все известно про семью Лидии. Вот почему я считаю своим долгом вмешаться. Я не хочу разлучить двух молодых взрослых людей: это бессмысленно и жестоко. Лидия любит вас, Гарри. Ее чувства написаны у нее на лице. Простите, но я за нее беспокоюсь. Вы ведь скоро уедете в Англию?

— Даже не знаю. — Гарри опустил в кресло и растерянно покачал головой.

— Ясно. Полагаю, Лидия не знает, что у вас есть жена?

— Вам сказал Себастьян? — Его щеки вспыхнули огнем.

— Ен, oui, — печально подтвердила Жизель.

— Нет, она ничего не знает. Поверьте, мой брак — формальность. Мое... — Гарри пожал плечами, — положение обязывало меня жениться перед тем, как отправиться на войну, чтобы обезопасить будущее нашего родового поместья с помощью наследника. К сожалению, ребенок, которого носила моя жена, так и не родился на свет.

— Это мне понятно, — кивнула Жизель. — Во Франции аристократические семьи тоже планируют свое будущее. И Лидия ничего не знает про ваш... дворянский титул?

— Нет.

Хозяйка отеля вздохнула.

— Поскольку мне безразлична ее судьба, я задам вам еще один прямой вопрос: она для вас просто способ развлечься, весело провести время перед возвращением домой?

Гарри посмотрел француженке прямо в глаза:

— Нет. Будь моя воля, я бы остался здесь с ней до конца своих дней. Но что я могу сделать?

— Гарри, это вопрос не ко мне, — вздохнула Жизель. — Может, вам стоит сказать Лидии правду?

— Как я могу? — пробормотал он. — Она поверила мне, а я ее обманул.

Хозяйка отеля внимательно смотрела на Гарри.

— Попробуйте объяснить, что у вас есть обязательства. Если она любит, то поймет. Такое случается — и здесь, в Таиланде, и во всем мире.

— Не представляю, как я вернусь на родину. Вряд ли смогу без нее жить, — беспомощно отозвался Гарри.

Жизель ласково похлопала его по плечу:

— *C'est un coup de coeur*^[14]. Я не вправе давать вам советы. Вы сами должны решить, что делать. Но у меня есть предложение для вас обоих, в интересах моего отеля и Лидии: пока вы еще здесь, я хочу официально принять вас на работу в качестве пианиста с постоянным проживанием в гостинице. Еду и питье, естественно, будете оплачивать сами. Таким образом, будучи членами обслуживающего персонала, вы с Лидией сможете свободно встречаться. Когда ее семья переедет в Японию, Лидия тоже будет жить в отеле — до тех пор пока не найдет другой вариант. Думаю, это всем облегчит положение, *n'est-ce pas?*

Гарри не привык к доброте, и его глаза заволокло слезами.

— Спасибо, Жизель. Если так будет лучше для Лидии и для вас, я вам от души благодарен.

— *Bonne!* Значит, решено. — Жизель встала. — Через неделю вы уезжаете в Англию?

— Да, — печально кивнул он. — Хотя, может быть...

— Решать вам, Гарри, — перебила его хозяйка отеля.

— Знаю. — Он направился вслед за ней к двери. — Спасибо, Жизель. Можно задать вам один вопрос?

— Конечно.

— Если я решу остаться, вы сохраните за мной рабочее место?

— Гарри, — улыбнулась француженка, — я сделаю это с превеликим удовольствием! Вы очень талантливый пианист, и благодаря вам мой бар имеет деньги.

— Спасибо, — еще раз поблагодарил он и вышел за ней в вестибюль.

В течение следующих суток Гарри мучительно обдумывал, как же ему поступить. В глубине души он был абсолютно уверен: Лидия — именно та женщина, с которой он хотел бы провести остаток жизни. Она та самая вторая половинка, которая делает его лучше и сильнее, его спасение, его любовь.

Конечно, остальные будут переубеждать: дескать, на нем пагубно сказались три с половиной года, проведенные в тюрьме Чанги. Дескать, он польстился на загадочную восточную женщину, и это скоро пройдет. Он едва ее знает, у них нет ничего общего, и их чувства не могут быть долгими, потому что они — выходцы из разных миров.

Все действительно так, и умом Гарри это понимал. Но сердце говорило о другом.

Наконец Гарри принял решение.

«Я вернусь домой — к этому призывают долг и порядочность — и честно расскажу родным, что нашел женщину, которую полюбил. Сообщу отцу, что после его смерти поместье перейдет к моему кузену Хьюго, брату Пенелопы, и попрошу у Оливии развода. Потом вернусь сюда, в эту волшебную страну, к любимой девушке и стану работать пианистом. Впервые в жизни появилась возможность быть свободным, быть самим собой! Мы с Лидией найдем маленький домик и заживем пусть скромно, зато честно, в любви и согласии».

Улыбаясь собственным мыслям, Гарри вошел в вестибюль и поискал глазами Жизель. Если бы шесть недель назад, когда он только сюда приехал, кто-то сказал ему, что он откажется от дворянского титула, от родительской любви и жены ради юной тайландки, он бы ни за что не поверил. Но теперь решение принято, и он как никогда твердо уверен в своей правоте.

Жизель сидела за своим рабочим столом. Когда Гарри вошел, она посмотрела на него с легкой улыбкой.

— Вы решили, что будете делать?

— Да, — кивнул Гарри. — Я поеду домой.

Жизель вскинула брови, потом вздохнула.

— Я вас понимаю, Гарри, но мне будет жаль с вами расставаться.

Он уперся ладонями в стол и нагнулся к ней.

— Жизель, я еду домой, потому что должен лично объяснить родным, что со мной произошло. Я не могу поступить иначе: это было бы непорядочно. Но я вернусь, как только позволят обстоятельства. Я был бы вам очень признателен, если бы вы сохранили за мной работу пианиста в баре. Меня не будет здесь самое большее три месяца.

Жизель сняла очки и потрясенно уставилась на Гарри.

— Вы уверены, Гарри? Вам придется от многого отказаться.

— Я люблю ее, Жизель, и поверьте, отказавшись от своего дворянского титула, я только вздохну с облегчением. Работа помещика мне совершенно не подходит.

— А ваша жена? — осторожно спросила Жизель.

— Я не могу жить во лжи. Остаться с ней — значит, обмануть не только себя, но и ее. Смогу ли я дать ей то, что она заслуживает, если люблю другую женщину?

— Вы расскажете ей правду?

— Да. — Гарри мысленно стиснул зубы. — Я должен это сделать. Так будет честно.

— Вы понимаете, как это трудно?

— Конечно. Но я это сделаю.

Жизель прочитала на его лице решимость, и взгляд ее смягчился.

— Тогда я с радостью приму вас здесь, когда вы вернетесь.

— Спасибо. А сейчас я пойду поговорю с Лидией.

Вечером, когда Лидия закончила работу, Гарри встретил ее на выходе из гостиницы.

— Дорогая, нам надо поговорить. Наедине.

Лидия покачала головой:

— Нет, Гарри, я должна идти. Завтра мама уезжает в Японию. Сегодня вечером я буду прощаться с ней, братьями и сестрами.

— Ох, милая! — Он знал, как ей будет тяжело. — Тогда поговорим завтра?

— Да. С завтрашнего дня я буду жить в отеле. — Лидия вздохнула. — Ох, Гарри, мои братья и сестры до сих пор думают, что я поеду в Японию вместе с ними! Мама отказывается говорить им, что я остаюсь в Таиланде.

— Я буду здесь, с тобой, — успокоил Гарри. Ему хотелось обнять девушку. — Но мы должны поговорить.

— Ты хочешь сообщить мне что-то плохое? — Ее глаза потемнели.

— Да, плохое... и очень хорошее, поверь мне. Лидия, приходи ко мне в номер. Я договорился с Жизель: она разрешила нам встречаться, поскольку теперь я тоже буду работать в гостинице.

«Как жаль, что мы не одни и я не могу обнять ее!»

— Ты будешь здесь работать? — Она удивленно округлила глаза. — Ладно, поговорим завтра. До свидания, Гарри. — Она помахала ему

рукой и поспешила прочь. — Смотри, вечером играй хорошо!

— Постараюсь, — пробормотал он.

Возвращаясь в гостиницу, Гарри отчаянно надеялся, что Лидия не бросит его, узнав правду.

Глава 40

На следующий день, когда вечером он закончил играть в баре, к нему в номер тихо постучались. Озираясь по сторонам, Лидия торопливо ступила за порог, тут же заперла за собой дверь и бросилась в его объятия.

— Моя милая девочка, как же я по тебе соскучился! — выдохнул Гарри, крепко прижимая ее к себе. Он почувствовал, как она тяжело вздохнула, отстранился и заглянул ей в глаза. — Твои родные уехали?

— Да, — прошептала она ему в плечо.

— Это было ужасно?

— О да. Мои младшие братья и сестры не могли понять, почему я остаюсь. Они льнули ко мне и плакали, плакали... — Глаза девушки наполнились слезами. — Мне так трудно далось это решение!

— Знаю, милая, знаю. Давай ляжем и обнимем друг друга.

Он подвел ее к кровати, уложил и начал нежно поглаживать, а она рассказала ему про свои страдания.

— Скажи, Гарри, я поступаю плохо, обманывая бабушку и дедушку?

— Знаешь, Лидия, иногда правда ранит больней, чем ложь. Уверен, ты не хочешь причинить горе близким, поэтому хранишь свою тайну. Но тебе придется самой нести этот крест.

Гарри говорил искренне и думал, что сейчас не время рассказывать про жену: бедняжка и без того расстроена.

«А может, ей вообще не следует это знать? Ложь во спасение... Ведь можно уехать домой, сделать там все дела и вернуться к Лидии совершенно свободным. Надо только объяснить, почему я уезжаю».

— Милая, я люблю тебя. Ты мне веришь?

Она вскинула на него свои невинные янтарные глаза.

— Да, Гарри.

— И ты знаешь, что я собираюсь бросить все ради того, чтобы быть с тобой? Всегда?

Ее взгляд вдруг погрузнел.

— Нет, не знаю. Но я не спрашиваю тебя о будущем, потому что твой ответ может мне не понравиться. Я стараюсь наслаждаться красотой каждого дня. К этому призывает буддизм. Если ты хочешь

сказать мне что-то неприятное, пожалуйста, сделай это потом, не порть сегодняшнюю ночь! — взмолилась Лидия.

— Любимая! — Он крепче прижал к себе ее хрупкое тело и тут же ощутил прилив плотского желания. Но надо было довести разговор до конца. — Прости, но я не могу отложить эту тему на потом: у нас нет времени. Да, мне придется тебя немного огорчить, но все завершится счастливо, обещаю.

— Понимаю, — вздохнула Лидия и приготовилась слушать. — Говори.

Гарри взял ее маленькие ладошки и крепко сжал их, как талисман.

— Я должен рассказать о себе.

Взгляд Лидии был полон страха, но она кивнула:

— О'кей.

— Понимаешь, я сын английского лорда. Это что-то наподобие тайского принца.

— Ты из королевской семьи? — Она округлила глаза.

Гарри задумался: «Как же ей объяснить?»

— Нет. Но много веков назад король даровал моим предкам имение и титул в обмен на их храбрость и поддержку. На родине, в Англии, у моей семьи есть огромный дом, а на нашей земле работает множество людей.

— А... — Она кивнула. — Ты знатный человек.

— Совершенно верно. И когда мой отец умрет, я, как единственный сын, должен буду взять на себя ответственность за поместье.

— Понимаю.

— Лидия, — продолжил он, — я никогда не хотел так жить. Но этого требует мое положение, и до недавнего времени я считал это своим долгом.

— Семья — это все, — просто ответила она.

— И да и нет. — Он погладил девушку по волосам. — Пока сидел в Чанги, я переосмыслил многие ценности и традиции. Теперь я понимаю: жизнь очень коротка, и мы в любую минуту можем умереть. Поэтому нельзя отворачиваться, если судьба посылает нам что-то хорошее. Мне она послала тебя. — Он посмотрел на Лидию, заставив ее встретиться с ним глазами. — Вчера вечером тебе пришлось

проститься с любимыми людьми. Скажи, ты приняла это решение отчасти из-за меня?

— Да, конечно. — Лидия не умела хитрить, поэтому не колебалась с ответом.

— Так вот, через неделю мне придется сделать то же самое. Я поеду в Англию и скажу своим родным, что больше не желаю нести ответственность за свое родовое поместье. Что я полюбил женщину из другой страны и хочу вернуться в Таиланд, чтобы быть с тобой до конца своих дней.

Во взгляде Лидии мелькнула паника, и Гарри поспешил ее успокоить:

— Я уеду самое большее на три месяца, а потом вернусь и буду жить с тобой здесь.

Гарри привык, что Лидия вдруг умолкала и выражала свои мысли глазами. Вот и сейчас в них читалась целая гамма чувств: страх, печаль, внезапная радость и, наконец, неуверенность.

Потом она заговорила — медленно, задумчиво:

— Гарри, ты должен, как следует все обдумать. Отказаться от своей страны, от своих родных и от своего дома — это очень серьезное решение. Я знаю, потому что сама сделала это. Но у меня здесь осталось больше, чем у тебя. Возможно, — она вздохнула, — когда приедешь в Англию, ты не захочешь покинуть ее.

Гарри энергично потряс головой:

— Этого не случится. Я не могу жить без тебя.

— Может, мне приехать в Англию? — предложила Лидия.

Гарри усмехнулся.

— Милая, ты не сможешь там жить. Ты... — он помолчал, подыскивая слова, — тепличный цветок, привыкший к жаркому климату. Я не хочу, чтобы ты ради меня пожертвовала своей родиной, и никогда не стал бы об этом тебя просить.

— Но ты же сделаешь это ради меня? — спросила, немного подумав, Лидия.

Гарри вздохнул: «Как найти понятные ей слова?»

— Я — другое дело. Я уже четыре года живу на Востоке и привык к здешнему климату и здешним людям. — Он нежно сжал ее руку. — Пожалуйста, пойми: это вовсе не жертва. Я сам этого хочу. Хочу быть

здесь, с тобой, жениться на тебе — с твоего разрешения — и растить наших детей на их родной земле. Надеюсь, ты тоже этого хочешь?

— Да, но... — Лидия покачала головой, — ты собираешься многим пожертвовать ради меня.

— Любимая, — ласково утешил он ее, — мы созданы друг для друга. И я впишусь в твой мир куда лучше, чем ты в мой, поверь.

— Значит, — проговорила Лидия, подняв голову, — ты уедешь домой, а я буду ждать твоего возвращения?

Гарри стиснул ее в объятиях и поцеловал.

— Я вернусь, — пообещал он, обхватив ее лицо руками. — Обязательно вернусь, милая. Верь мне.

— Я должна тебе верить, — произнесла она со вздохом, потом улыбнулась. — А сейчас, пожалуйста, расскажи о своей жизни в Англии. Я хочу знать, кто ты такой.

Держа Лидию в объятиях, Гарри заговорил о себе, о своих родителях и об Англии. Он описал зимние, пробирающие до костей ледяные ветра и теплые летние вечера — редкие, но такие желанные. Поведал о школе, о том, как пошел в армию, которую ненавидел.

Тут он остановился: последующие события его жизни были неразрывно связаны с Оливией, а он уже понял, что Лидия не должна знать о жене.

Девушка слушала, затаив дыхание.

— Возможно, когда-нибудь ты возьмешь меня на свою родину. Покажешь теплицу своей мамы и те прекрасные цветы, которые там растут. У нее есть орхидеи? — спросила Лидия.

— Нет, вряд ли, — признался Гарри.

— Значит, когда ты поедешь домой, я дам тебе несколько орхидей — в подарок твоей маме. Скажи, что это от меня, от твоего Тепличного Цветка, — улыбнулась она.

— Ох, Лидия! — Больше не в силах сдерживаться, Гарри поцеловал девушку. — Как же я тебя люблю!

Когда он ее раздевал, Лидия была послушна и отвечала с такой же страстью, понимая, что у них осталось совсем мало времени, ведь Гарри скоро уедет.

Они заснули, утомленные душевными переживаниями: оба вели двойственное существование и изо всех сил пытались преодолеть эти противоречия.

Перед самым рассветом Лидия встала и нежно поцеловала Гарри.

— Гарри, мне надо уйти к себе в номер, пока никто не заметил моего отсутствия.

— Конечно. — Он притянул ее к себе и страстно поцеловал в губы. — Поверь мне, мой ангел, мой прекрасный цветочек, я никогда тебя не подведу.

— Знаю, — отозвалась Лидия, одеваясь.

— Я люблю тебя, — прошептал Гарри, когда любимая шла к двери.

— Я тоже тебя люблю, — ответила она, закрывая за собой дверь.

Чувствуя неминуемое приближение разлуки, они использовали каждую минуту, чтобы побыть вместе. Гарри встречался с Лидией во время ее обеденного перерыва. Они только разговаривали, но даже простое прикосновение друг к другу обоим казалось счастьем. По ночам, когда Гарри возвращался из бара, Лидия ждала его в номере. Они занимались любовью — уже без спешки. Лидия делалась все увереннее и с восторгом находила новые способы доставить ему удовольствие.

Гарри целовал и ласкал каждый сантиметр ее совершенного тела. Он изучил на нем все складочки, все ложбинки. Ее рост составлял чуть больше пяти футов, однако она была пропорционально сложена: короткая верхняя часть туловища, нежно округлые бедра, длинные ноги медового цвета и красивые маленькие ступни, помещавшиеся в его ладонях.

Потом они лежали, обнявшись, и продолжали ласкать друг друга, томно обсуждая планы на будущее и делясь своими мечтами.

Утром, когда Лидия от него уходила, Гарри удовлетворенно задремывал. Теперь он понимал, почему парни, сидевшие с ним в Чанги, постоянно вспоминали удовольствия плотской любви. Его бросало в краску при мысли о тех быстрых механических соитиях, которые были у него с Оливией. Это все равно, что сравнить блеклый январь в Норфолке с жарким и ярким тайландским летом.

Гарри не сомневался: он наконец-то нашел то, что искал. Раньше его существование казалось ему бессмысленным. Страдания последних лет лишь подчеркивали тщету жизни. Однако всего несколько недель кардинально изменили все. Теперь он смотрел в будущее с радостью и надеждой. Решив вернуться сюда навсегда, он

ощутил уверенное спокойствие, хотя и знал, что это решение причинит боль и ему, и его близким.

Если раньше рассвет знаменовал для него всего лишь приход нового трудного дня, который надо как-то пережить, то сейчас Гарри чувствовал себя по-настоящему счастливым.

За день до отъезда из Бангкока Гарри преодолел свою клаустрофобию, сел в «тук-тук» и отправился на базар. Он купил отрезы шелка для мамы и Оливии, для отца — роскошную китайскую трубку из слоновой кости, а последние баты потратил на подарок для Лидии: выбрал ей маленькое серебряное колечко с янтарем под цвет ее глаз.

Гарри уже отыграл в баре, оставив последний вечер свободным, чтобы провести его с Лидией. Они взяли лодку и приплыли в ресторанчик на другом берегу реки. Деревянная платформа зала имела наклон, и у них под ногами тихо плескалась вода. В мягком свете китайских фонарей Гарри потянулся через стол и взял Лидию за руку.

— Милая, у меня кое-что есть для тебя. Обещаю, я очень скоро вернусь и останусь с тобой навсегда. — Он открыл коробочку и надел ей на безымянный палец янтарное кольцо. — Я хочу на тебе жениться как можно скорей. А ты хочешь выйти за меня замуж?

В глазах Лидии заблестели слезы.

— Гарри, да, я согласна! — Она посмотрела на кольцо, улыбнулась и вытянула руку вперед, чтобы полюбоваться украшением. — Это самый красивый подарок в моей жизни!

В ту ночь оба не спали. Они любили друг друга и говорили о будущем — обсуждали, где будут жить, когда Гарри вернется, и наслаждались каждым мгновением, понимая, что это их последняя совместная ночь перед разлукой.

— Я буду писать тебе каждый день.

— А я буду писать тебе, — ответила Лидия. — Дай мне свой адрес.

Гарри уже подумал об этом. Выдвинув ящик прикроватной тумбочки, он достал оттуда листок бумаги.

— Пиши сюда.

Она прочла написанное, потом бережно убрала листок в свою корзинку.

Гарри дал ей адрес Билла. Он полностью доверял своему молодому сержанту. На войне между ними возникла крепкая дружба. Гарри вспомнил жуткие дни, предшествовавшие их пленению. Когда Сингапур попал в руки японцев и их батальон окружили солдаты из Страны восходящего солнца, куда лучше подготовленные к войне в джунглях, чем малочисленная армия северного Норфолка, Гарри отдал должное превосходным боевым инстинктам Билла, который почтительно предложил наилучший план действий по спасению.

Однажды утром Билл заметил снайпера, притаившегося в густых зарослях. Через пять минут посыпался град пуль, и маленький отряд уставших британских солдат поредел на пять человек. Когда все стихло, Гарри встал: глаза слепило, а в ушах еще звенели ружейные выстрелы. Билл подбежал к нему и швырнул на землю. Предназначавшиеся ему пули просвистели мимо, угодив в банановое дерево.

— Чуть не задело, сэр, — задыхаясь, проговорил Билл, продолжая закрывать Гарри своим телом.

Гарри отплатил Биллу добром. Когда они прибыли в Чанги, он рассказал японцам про садоводческие таланты Билла, и те сделали его смотрителем постоянно растущего кладбища. Эта мрачная должность, несомненно, спасла Биллу жизнь. В то время как пленные тысячами отправлялись на север строить бирмскую железную дорогу, Билл, не поднимая головы, хоронил своих товарищей, и японцы его не тронули.

И вот теперь Гарри вновь понадобилась помощь Билла. Это был единственный человек, которому он доверял: кто-то же должен получать письма Лидии и отправлять ответы Гарри. Пока он будет дома, не стоит лишний раз травмировать Оливию, показывая свою любовь к другой женщине. Он не хотел, чтобы жена случайно наткнулась на их переписку.

Гарри тяжело вздохнул, и Лидия взглянула на него с беспокойством.

— В чем дело, Гарри? — спросила она.

— Ничего, милая. Просто мне очень не хочется от тебя уезжать. — Он вновь обнял девушку. — Хорошо хоть здесь, в отеле, ты в безопасности. Это меня успокаивает.

— Да, со мной все будет в порядке. Я каждый день буду мечтать о твоём возвращении.

Утро наступило слишком быстро. Одевшись, Гарри обнял Лидию и крепко прижал к груди.

— Я люблю тебя всем сердцем, милая. Пожалуйста, верь мне! Я обязательно к тебе вернусь.

Она посмотрела ему прямо в глаза. Лицо ее было спокойным.

— Я буду тебя ждать.

Глава 41

*Англия
1946 год*

Когда рассеялся ранний утренний туман и сквозь облака пробилось слабое солнце, Гарри защелкнул замки на своем чемодане и вышел на палубу посмотреть, не появился ли на горизонте Филикстоу. Эконом сказал, судно подойдет к пристани через час. Значит, через час ему придется встретиться с полузабытыми серыми тенями прошлого...

В конце мая погода для Англии установилась довольно мягкая, но Гарри дрожал на утреннем ветру. Он пережил мучительный месяц на борту корабля, обдумывая предстоящую встречу с семьей: как сообщить родителям и жене о своем решении? Когда вдалеке возникли очертания Филикстоу, у Гарри начали сдавать нервы. Он знал, что должен сохранять спокойствие и невозмутимость. Нельзя поддаваться ни на какие, даже самые слезные уговоры.

«Буду представлять прекрасное лицо Лидии и ее точеное обнаженное тело во время любовной близости. Я вернусь к ней, чего бы мне это ни стоило!»

Оливия сидела в унылом портовом кафе с другими беспокойными женами и родителями, ожидающими прибытия своих любимых. С отвращением прихлебывая жидкий чай с порошковым молоком, она гадала, узнает ли собственного мужа.

Когда вернулся Билл, на другой день Элси примчалась в дом Оливии и без стука ворвалась в ее спальню.

— Ох, мисс, он стал совсем седым, а кожа обвисла, как у старика! Ноги похожи на прутики, зато у него огромный живот — точно он беременный и носит двойню. Говорит, это из-за риса, все мужчины в Чанги были такими же. — Элси высморкалась. — Но это еще ничего... То есть я, конечно, рада, что он вернулся домой целым и невредимым, но у него такой взгляд... Смотрит так, будто находится где-то далеко и едва меня узнает.

— Элси, — успокоила ее Оливия, — дай ему время. У него шок: он вернулся в Англию, к своим родным, после трех с половиной лет,

проведенных в жуткой заморской тюрьме! Привыкнет, даже не сомневайся!

— Я знаю, но мне так хотелось его увидеть! Последнюю неделю я не спала от волнения. — Она печально покачала головой. — А он, похоже, не рад встрече со мной.

— Мы и представить себе не можем, какие страдания выпали на их долю. Нас предупреждали, что они вернуться подавленными и растерянными. Уверёна, когда вернется Гарри, будет то же самое. — При мысли об этом Оливия ощутила спазм в желудке.

— Знаете, мы с его родителями сэкономили свои продуктовые карточки и обменяли их на солидную ножку ягненка ему на обед. Ведь это всегда было его любимым блюдом. Но он едва к ней притронулся, мисс! А когда мы легли спать, — Элси покраснела, — он отвернулся от меня и тут же заснул. Даже не обнял, не приласкал!

Оливия старательно готовилась к тому, что муж вернется другим человеком — суровые годы войны и плена не могли не подорвать его здоровье и психику. Однако ее бесконечно пугал момент первой встречи.

Через сорок пять минут корабль, издав громкий гудок, причалил к пристани.

Гарри приехал!

Оливия томилась в ожидании за ограждением, которое отделяло встречающих от трапа. Наконец на пирс повалила толпа мужчин. Оливия вглядывалась в изможденные лица, но Гарри не видела. Прибывших тут же окружали родственники, лились слезы радости. Кто-то был в инвалидных колясках, кто-то на костылях, у кого-то не хватало рук, ног или глаз... Тяжелое зрелище... Себастьян Эйнсли сказал, что Гарри, по крайней мере, цел и невредим, хотя тропическая лихорадка, от которой он чуть не умер, задержала его на чужбине и не прошла бесследно.

Оливия уже начала беспокоиться, что Гарри нет на этом корабле, но вдруг заметила на трапе знакомое лицо. К ее удивлению, издали не казалось, что он сильно изменился. Во всяком случае, приобретенный загар лишь подчеркивал его привлекательность. Гладко выбритый, аккуратно причесанный, в темно-синем блейзере и кремовых брюках, Гарри выглядел еще красивее, чем прежде.

Она отошла от заграждения и направилась к мужу, украдкой покусывая губы, чтобы к ним прилила кровь, и приглаживая свои белокурые волосы — не растрепались ли?

Когда он спустился с трапа, она позвала его по имени:

— Гарри, я здесь!

Он обернулся на голос, обшаривая пристань пустыми глазами. Наконец их взгляды встретились.

Оливия шла к нему, сияя от счастья. Гарри шел к ней с абсолютно бесстрастным лицом. Когда они поравнялись друг с другом, Оливия порывисто обняла его за плечи. Руки Гарри висели плетью вдоль тела.

— Гарри, слава Богу, ты вернулся!

Он дернулся, высвобождаясь из ее объятий.

— Да, вернулся, — небрежно кивнул он. — Где машина?

К горлу Оливии подступил ком, но, вспомнив Элси, она взяла себя в руки.

— Недалеко. В пяти минутах отсюда.

— Идем?

— Конечно. Ты, наверное, устал.

Они зашагали к дороге, Оливия впереди, Гарри плелся за ней.

— Нет, я несколько не устал. Просто отвык от физической активности после месячного плавания на корабле.

Как только Гарри уложил свой чемодан в багажник и сел в машину, Оливия включила зажигание, и они поехали в Уортон-Парк — молча.

Гарри смотрел в окно, отвернувшись от Оливии.

— После Восточной Азии здешний пейзаж кажется таким бесцветным!

Оливия судорожно сглотнула.

— Зато сейчас конец мая, а ты всегда говорил, что в Англии это лучшая пора.

— Да, — кивнул Гарри. — Но теперь я побывал в тропиках и понял, что ничто не сравнится с теми краями.

Слова мужа невольно обидели и даже потрясли Оливию. Она прекрасно понимала, что первое время ему придется привыкать к жизни на родине, но ей и в голову не приходило, что он будет ностальгировать по месту своей каторги.

— В Уортон-Парке сейчас очень красиво, — заметила она.

— Надо думать, — холодно отозвался Гарри.

Дальше они ехали в полном молчании. Оливия пришла к выводу, что Гарри, несмотря на нормальный внешний вид, явно нездоров психически. Она надеялась, что Уортон-Парк, дом, который он так любил, улучшит его душевное состояние.

«Мне придется смириться с его странностями. Теперь понятно, что имела в виду Элси, говоря, что ее Билл «находится где-то далеко». То же самое можно сказать и про Гарри».

Через два часа они въехали в ворота Уортон-Парка. Оливия взглянула на Гарри, пытаясь угадать, что он чувствует, но муж по-прежнему сидел отвернувшись, и она не увидела его лица.

— Ну, вот мы и дома, — бодро возвестила Оливия.

Гарри слегка встрепенулся и, словно спохватившись, спросил:

— Кстати, как дела у мамы с папой?

«Наконец-то поинтересовался!» — удивленно подумала Оливия.

— Твоя мама в прекрасном здравии. А папа... К сожалению, ему повезло меньше. Год назад у него случился сердечный приступ. Сейчас ему получше, — осторожно ответила она. — Но работать он не может. Врачи сказали, слишком большая нагрузка на сердце. Твоя мама ворчит, что он целыми днями сидит в доме и это слишком большая нагрузка для нее, — попыталась пошутить Оливия.

— Бедный папа! — Гарри взглянул на жену. В его глазах читалось беспокойство: это было первое проявление чувств, которое она заметила в нем с момента их встречи. — Но угрозы для жизни нет?

— Трудно сказать. Больное сердце — это серьезно. Приехали, — сказала она, подруливая к дому и поспешно меняя тему: — Предупреждаю: все в сборе и готовятся тебя встречать.

Оливия остановила машину и просигналила три раза. Тут же распахнулась парадная дверь, и с крыльца сбежала Адриана.

— Гарри, mon cheri! Ты вернулся!

Гарри вышел из авто и шагнул в ее широко распахнутые объятия. Адриана крепко прижала сына к груди.

— Ох, мой милый Гарри, наконец-то ты дома, — прошептала она, уткнувшись ему в плечо. — Дай-ка я на тебя посмотрю! — Адриана отступила назад и оглядела его с головы до пят. — Mon dieu! По моему, ты выглядишь даже лучше и здоровей, чем до отъезда! Ты согласна со мной, Оливия?

— Я так и подумала, когда его увидела. — Оливия, которая безучастно стояла рядом с Гарри, кивнула.

— Я совершенно здоров, мама. Вообще-то я болел, — быстро добавил Гарри, — но сейчас поправился.

Адриана обняла сына за плечи и повела его в дом. Оливия последовала за ними. Когда распахнулась парадная дверь, их взорам предстал весь персонал работников Уортон-Парка, которые выстроились в два длинных ряда, образовав караул почета.

Гарри шагнул в холл и услышал крик Билла:

— Троекратное ура мистеру Гарри! Гип-гип...

— Ура!

— Гип-гип...

— Ура!

— Гип-гип...

— Ура!

Раздались громкие аплодисменты и радостные возгласы. Гарри прошелся вдоль рядов. Мужчины сердечно жали ему руку и хлопали по спине, а девушки приседали в реверансе.

— Мы так рады, что вы вернулись, мистер Гарри!

— Поздравляем! Билл рассказал, как вы храбро сражались.

— Как хорошо, что вы дома, сэр!

— Вас очень не хватало в этом доме, мистер Гарри, — ласково произнесла миссис Дженкс, стоящая в конце ряда. — Завтра утром я приготовлю самый роскошный завтрак в вашей жизни!

Несмотря на решимость не поддаваться эмоциям, Гарри почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Такие знакомые лица, такие сердечные приветствия...

— Речь! — крикнул кто-то.

— Да, речь! — подхватили остальные.

— Скажите нам несколько слов, мистер Гарри!

Гарри вновь обернулся к ним и прочистил горло.

— Что я могу сказать? Только поблагодарить вас за теплую встречу. Я очень вам признателен и рад вас всех видеть. Большое спасибо, что ухаживали за Уортон-Парком в такое трудное время.

Слушатели вновь разразились аплодисментами. Тут Гарри заметил сторбившуюся фигуру. Человек еле шел. У него защемило

сердце. Он понял, что этот дряхлый старик — его отец. Гарри поспешил ему навстречу и протянул руку.

— Здравствуй, папа. Я рад тебя видеть.

Отец улыбнулся:

— Я тоже рад тебя видеть, дружище. — Собрав все силы, Кристофер обнял сына и слабо похлопал его по спине. — Молодец, мой мальчик! Я видел твоё имя в официальных донесениях. Я горжусь тобой.

Такую похвалу Гарри слышал от отца впервые. На глаза опять навернулись слезы.

— Ну что, ты счастлив, что вернулся домой? Говорят, проклятые япошки устроили вам в Чанги сущий кошмар. Но мы, в конце концов, прищемили им хвост, верно?

— Да, папа.

Адриана подошла к сыну.

— Ладно, Кристофер, пусть Гарри придет в себя после долгой поездки. Ему наверняка хочется прилечь у себя в комнате и немного отдохнуть. — Она обернулась к прислуге: — Вы можете идти. Потом Гарри обязательно поговорит с каждым из вас.

Когда персонал разошелся, Гарри услышал тихий голос:

— Я рад, что вы вернулись, сэр. Меня уже начали одолевать сомнения.

Билл! Они обменялись рукопожатиями и дружескими похлопываниями по спине.

— Кажется, мы не виделись целый век, — тихо произнес Гарри.

— И не говорите, сэр! Знаете, не так-то просто привыкнуть к мирной жизни, но вы справитесь, я уверен.

— Позже я загляну к тебе в теплицу, Билл. Мне надо кое-что с тобой обсудить. — Гарри знал, что его могут услышать родители и Оливия, поэтому был краток. — Скажем, часов в пять.

— Ладно, сэр, буду вас ждать. Попьем с вами чайку — с молоком! — Билл закатил глаза, вспомнив отвратительное пойло, которым их потчевали долгих три с половиной года.

Вслед за Оливией Гарри поднялся на второй этаж и направился по коридору к их комнатам. Все было точно таким же, как до его отъезда, будто время в Уортон-Парке стояло на месте.

Как только Оливия закрыла за ними дверь, Гарри обернулся к жене.

— Что с моим отцом? Он постарел лет на двадцать.

Оливия вздохнула и присела на табуретку в изножье кровати.

— Как я уже сказала, у него был серьезный сердечный приступ. Счастье, что он выжил. Не забывай, Гарри: ему шестьдесят, он на десять лет старше твоей мамы. Да и работа в Военном министерстве сказалась на его нервах.

— Он выглядит... — Гарри покачал головой, — ужасно.

— Он очень болен. Но врачи уверяют, что спокойный, размеренный образ жизни и отсутствие стрессов стабилизируют его состояние.

— Понятно.

Увидев огорченное лицо Гарри, Оливия подошла к нему и обняла за плечи.

— Мне очень жаль, Гарри. Представляю, как ты потрясен. Наверное, мы здесь просто не замечаем, как он стареет. Но я уверена, с твоим возвращением он приободрится и повеселеет. Он ждет не дождется, когда ты в подробностях опишешь ему военную кампанию в Малайе и свое участие в ней. В последние недели он только об этом и говорил.

Уставший от треволнений Гарри молча склонил голову к плечу жены. Они постояли так какое-то время, потом Оливия предложила:

— Может, пока отдохнешь? Ради такого случая миссис Дженкс нарушила обычный распорядок дня, и ленч начнется не раньше половины второго. Так что у тебя есть время.

— Да, пожалуй.

Гарри остро нуждался в одиночестве: не столько, чтобы поспать, сколько чтобы подумать.

— Представляю, как тебе сейчас тяжело: резкая смена обстановки, масса впечатлений, — продолжила Оливия. — Элси говорит, Билл до сих пор не привык к некоторым вещам, а ведь он дома уже три месяца. — Она нежно поцеловала его в лоб. — Не хочу тебе надоедать, милый, но знай: если понадобится, я здесь, рядом.

— Спасибо.

Оливия кивнула:

— Отдыхай. — Она вышла из комнаты и спустилась на первый этаж, где ее ждала Адриана.

— Я принесла кофе в библиотеку. Пойдем, *cherie*. Расскажешь, как он тебе показался.

Они устроились в библиотеке.

— Ну? — спросила Адриана. — Он хорошо выглядит, правда?

— Да. Но как говорила Элси, создается впечатление, будто его тело вернулось домой, а мысли по-прежнему где-то витают. Я думаю, нам надо набраться терпения и не ждать от него слишком многого.

— И от себя тоже, — многозначительно добавила Адриана.

— Конечно, — вздохнула Оливия. — Но я всего лишь человек, Адриана, и мне так хотелось, чтобы Гарри увидел меня на пристани, со всех ног бросился ко мне по трапу и заключил в объятия. Ведь другие парни так делали.

— Ты же знаешь, Гарри не такой, — утешила Адриана. — Но он явно был потрясен, когда увидел своего отца, *n'est-ce pas?*

— Да, — вздохнула Оливия.

Адриана покачала головой:

— Он почти ничего не знает о том, что здесь творилось в последние четыре года, и о том, что нас ждет дальше. Оливия, мы с тобой старались изо всех сил, управляя поместьем, но Гарри должен как можно скорее взять его на себя. — Адриана пригладила седеющие волосы. — *Alors!* Надо принять ряд решений, но это может сделать только Кристофер или Гарри, его наследник. А мне не хочется беспокоить Кристофера: он слишком слаб.

— Конечно, Адриана. Хорошо, что Гарри наконец вернулся. Теперь все наладится.

— *Eh, oui.* — Адриана поднесла ко рту чашку с кофе. — Слава Богу, наши мучения закончились!

Глава 42

Адриана решила, что погода достаточно теплая и можно пообедать на террасе. По такому случаю Кристофер велел Сейблу принести из погреба бутылку марочного шампанского. Миссис Дженкс превзошла себя: невесть откуда достала лосося и приготовила его с любимым Гарри беарнским соусом, молодой картошкой и зелеными бобами с огорода.

— Меня предупредили, что вам, мальчикам, не захочется есть слишком тяжелую пищу, когда вернетесь домой, — сказала миссис Дженкс, пунцовая от удовольствия, когда Гарри зашел к ней на кухню после обеда и поблагодарил за вкусные блюда.

Там его нашла Оливия и предложила прогуляться по парку. Они медленно бродили по аллеям, и Гарри заново знакомился со своими владениями. Парк, купающийся в мягких лучах послеполуденного майского солнца, и впрямь был великолепен.

— Значит, — завел разговор Гарри, — здесь два года был дом инвалидов?

— Да. У нас жили по сорок офицеров и больше, — объяснила Оливия, когда они обходили фонтан, который не работал с тех пор, как ввели закон военного времени, касающийся экономии воды. — Старый дом был забит до отказа, ведь, помимо инвалидов, мы, разумеется, предоставляли жилье дружинницам «Земледельческой армии». Миссис Дженкс — святая женщина: опыт обслуживания большого числа гостей сослужил ей хорошую службу.

— А где жили ты, мама и папа? — поинтересовался Гарри.

— Мы на время переехали в восточное крыло. Как ты знаешь, там не слишком шикарно, но у нас хотя бы было, где спать, — ответила Оливия. — Твой папа притворялся недовольным и частенько отчитывал офицеров за то, что они ходят по дому в грязных сапогах. Но мне кажется, втайне это доставляло ему удовольствие. Все-таки он выздоравливал, и у него всегда было с кем поболтать.

— Надо думать. Вижу, в мое отсутствие у тебя хватало забот.

— У всех нас хватало забот, — скромно возразила Оливия. — Но я должна предупредить тебя, милый: дом нуждается в срочном ремонте. Здесь жило слишком много народу, и все недостатки вылезли

наружу. На мой взгляд, ты вернулся как раз вовремя. Старые помещения выглядят довольно мрачно: повсюду больничные койки и медицинское оборудование.

— Однако тем парням, которые поправляли здесь здоровье, наверняка пришлось по вкусу наши условия.

— Да. В хорошую погоду они обычно сидели на террасе. Конечно, выжили не все, — вздохнула Оливия. — Например, у одного бедолаги в голове застряла пуля, и из-за этого он ослеп. Когда у меня было время, я читала ему книжки. Так вот, однажды вечером, пока я читала, он вдруг умер — прямо у меня на глазах. — Голос Оливии охрип от волнения. — Врачи предположили, что смерть наступила в результате смещения пули.

— Господи, какой ужас! — виновато произнес Гарри.

Ему и в голову не приходило, что Оливия и его родители сильно страдали в годы войны. Он думал, они надежно укрыты от бед стенами Уортон-Парка. Но, судя по рассказам, которые он услышал за обедом, им тоже пришлось хлебнуть лиха.

— Здесь была бомбежка? — спросил он.

— На Норидж сбросили несколько бомб, но нас, слава Богу, не тронули.

— В поместье есть жертвы?

— Да, — печально ответила Оливия. — Мы потеряли девятерых парней. Я дам тебе список — может быть, ты наведишь их семьи. А всего несколько недель назад на пляже в Вейбурн-Бич мистер Кумб подорвался на mine. Можешь себе представить горе миссис Кумб.

— Кошмар! Бедная миссис Кумб! Значит, мы остались без управляющего фермерским хозяйством?

— Да. Мы ждали, когда ты вернешься и подыщешь ему замену. А еще... — Оливия закусил губу. — Помнишь Венецию?

Гарри усмехнулся:

— Как ее можно забыть? Такая яркая девушка!

— Да, готовая на любые авантюры. Наверное, поэтому она уехала во Францию собирать сведения для какой-то тайной организации. В общем, три года назад она исчезла, и мы только недавно узнали, что с ней случилось. — Оливия помолчала, потом добавила: — В Париже она попала в плен. Нацисты пытали ее, а потом застрелили.

— Искренне сочувствую тебе, Оливия. Я знаю, как ты ею дорожила, — тихо произнес Гарри.

Оливия сморгнула слезы.

— Спасибо. Как хорошо, что все наконец-то закончилось! Надеюсь, скоро жизнь вернется в нормальное русло. А сейчас, — она прочистила горло и взяла Гарри под руку, — я покажу тебе наш огород. Это почти единственное место, которое не захирело после твоего отъезда.

Она толкнула калитку, и Гарри увидел ухоженные грядки с овощами. Их стало втрое больше, чем раньше.

— Оливия! — восхищенно воскликнул Гарри. Он хотел добавить «милая», но не смог произнести это слово. — Как тебе удалось это сделать без Билла?

— Сама не знаю, — улыбнулась она. — Пришлось научиться. Джек старался изо всех сил, и в результате мы кормили своих пациентов полезными продуктами.

В углу парка, поблескивая на солнце стеклом, виднелась теплица. Гарри пошел туда.

— К сожалению, в теплице дела обстоят не так хорошо. Вместо цветов там выращивали помидоры. Билл, вернувшись, сразу же впрягся в работу. Он завозит семена и сажает, постепенно возвращая теплице былую красоту. Мне кажется, это его успокаивает.

— Зайдем? — Гарри указал на дверь.

— Конечно, если хочешь, — согласилась Оливия.

Гарри распахнул дверь, и в нос ему ударил сильный аромат, пробудивший одну-единственную мысль: Лидия!

На мгновение у него закружилась голова, и он слегка пошатнулся.

— Гарри, тебе плохо? — Встревоженная Оливия тронула его за руку.

— Не надо! — резко осадил он жену, отмахнувшись, и тут же пожалел об этом. — Прости, я... — Гарри осекся и пошел вдоль цветочных рядов, но вдруг с удивлением остановился перед лотком с орхидеями. — Разве они здесь были? Что-то я не помню.

Потрясенная резкостью Гарри, Оливия осторожно ответила:

— Нет. Их привез Билл. Как ни странно, они выдержали долгую дорогу. Правда, Билл каждый день за ними ухаживал, и они зацвели, приехав сюда.

— У Билла природный талант садовода, а орхидеи — невероятно красивые цветы. — Гарри наклонился и вдохнул чудесный аромат, на несколько секунд позволив себе погрузиться в воспоминания о Лидии. Потом он выпрямился. — В Восточной Азии они растут повсюду, особенно их много в Таиланде.

— Билл мне рассказывал, — заметила Оливия, когда они вышли из теплицы и направились к дому. — Вы с ним пережили там страшные времена, однако, по его словам, это очень красивый уголок света.

— Так оно и есть, — пробормотал Гарри.

После ужина Гарри лег в постель к Оливии и, преодолевая себя, обнял жену. Ее тело было совсем не таким, как у Лидии, — слишком округлым и полным. Кожа пугала непривычной белизной, и, что хуже всего, от нее по-другому пахло. Однако Гарри закрыл глаза и, распаяя свою страсть отчаянием, представлял, что он опять в Таиланде, с Лидией.

После акта любви он лежал рядом с ней, мучимый чувством вины.

— Прости меня, пожалуйста. Надеюсь, я не сделал тебе больно? Просто... я давно этим не занимался, — солгал он.

— Нет, Гарри, все в порядке.

Оливия приняла его грубость за пылкость и приятно удивилась.

— Хорошо. — Он чмокнул ее в щеку и, испытывая отвращение к себе, встал с кровати. — Сегодня лягу в своей гардеробной. Я ужасно плохо сплю, и мне часто снятся кошмары. Не хочу тебя беспокоить. Спокойной ночи, Оливия.

— Спокойной ночи. — Оливия послала ему вдогонку воздушный поцелуй, а когда за ним закрывалась дверь, прошептала: — Я люблю тебя!

Гарри сделал вид, будто не услышал, и пошел в свою гардеробную. Присев на узкую односпальную кровать, он обхватил голову руками и беззвучно зарыдал.

Утром Гарри пошел через парк к теплице. Вчера ему не хватило сил ускользнуть от жены и встретиться с боевым другом вечером, как они договаривались. Билл хлопотал над своими орхидеями в дальнем конце оранжереи, из его бакелитового радиоприемника лилась успокаивающая классическая музыка.

Увидев Гарри, он улыбнулся:

— Здравствуйте, сэр. Как прошла ваша первая ночь дома?

— Прекрасно. — Гарри плотно затворил за собой дверь теплицы.
— Прости, что не пришел к тебе на чай, — извинился он.

— Да я, честно говоря, вас и не ждал. Я-то знаю, как оно бывает, когда приезжаешь домой: все рвут тебя на части и хотят с тобой пообщаться.

— Верно, — согласился Гарри, которому не терпелось поскорее перейти к делу. — Слушай, Билл, в твой коттедж не приходили письма на мое имя?

Билл удивленно покачал головой:

— Нет. С какой стати?

Гарри подошел ближе и сел на маленькую табуретку в конце теплицы.

— Дело в том, Билл... — Гарри провел рукой по волосам, не зная, как начать. — Я могу тебе доверять?

— Вы можете доверить мне свою жизнь, сэр, вы это прекрасно знаете.

— Точно. Если я расскажу, что произошло после того, как я вышел из Чанги, это действительно будет для меня вопросом жизни и смерти, — многозначительно заметил Гарри. — Мне нужна твоя помощь, Билл, но я попрошу слишком много.

— Можете на меня рассчитывать, сэр.

— Боюсь, мой рассказ тебя шокирует.

Билл продолжал спокойно поливать растения.

— За последние четыре года мы с вами прошли через такой ад, что теперь вряд ли меня может что-то шокировать. Говорите, я слушаю.

— Ну ладно. — Гарри набрался смелости и начал медленно рассказывать Биллу свою историю — про Таиланд, про то, как играл в «Бамбуковом баре», и, наконец, про девушку, в которую безнадежно влюбился.

— Я не могу жить без нее, Билл. — Он почувствовал облегчение от того, что произнес эти слова вслух. — Я решил отказаться от этой жизни, от Уортон-Парка и как можно скорее вернуться в Бангкок. Все равно помещик из меня никакой. А пока я дал Лидии твой адрес, чтобы она могла мне писать и Оливия ничего не узнала.

Задыхаясь от волнения, он взглянул на Билла, который по-прежнему возился с цветочками.

— Ты, наверное, считаешь меня подлецом? Ведь я предал жену и родных.

— Нет, сэр, я так не думаю. Вы влюбились. И не ваша вина, что она живет на другом конце света. Как вы знаете, — Билл поймал взгляд Гарри, — я выжил в Чанги только потому, что меня ждала моя Элси. Я бы поехал к ней даже на край света.

— В самом деле?

— Да. Впрочем, в отличие от вас я не женат на другой, и на мне не лежит груз ответственности. — Билл почесал затылок. — Думаю, ваша новость станет большим потрясением для ваших близких. Особенно для больного отца. Они считали дни до вашего возвращения, с нетерпением ожидая, когда вы возьмете на себя управление поместьем. По правде сказать, я не знаю, что они будут делать, если вы уедете, сэр.

— Перестань называть меня сэром! — раздраженно воскликнул Гарри. — Когда мы вдвоем, зови меня просто Гарри. — Он тут же виновато потупился. — Извини, Билл, сорвался. Просто я сейчас сам не свой, понимаешь?

— Конечно, понимаю, — вздохнул Билл. — Не хотел бы я оказаться на вашем месте. Но за письма не волнуйтесь. Только мне придется посвятить в это Элси, ведь они будут приходить на наш адрес.

Гарри не на шутку испугался. Он знал, что Элси с Оливией близкие подруги.

— Ей можно доверять? Она ничего не расскажет моей жене?

Билл кивнул:

— Если я попрошу, она будет молчать. Элси отлично умеет хранить секреты.

— Но это поставит ее в довольно трудное положение.

— Конечно, но другого выхода нет, верно? Честно говоря, мне не хочется, чтобы в наш коттедж приходили письма из страны, где я провел последние четыре года, и моя жена думала, вдруг я завел там подружку. У нее может сложиться впечатление, будто мы с вами что-то замысливаем.

— Я тебя понимаю, — согласился Гарри. — Что ж, — вздохнул он, — значит, придется обо всем рассказать Элси. Надеюсь, мне недолго придется утаивать свои планы от родителей и Оливии. Даже в последние двадцать четыре часа меня так и распирало от желания выложить им правду.

Билл присвистнул.

— Да уж, вам не позавидуешь! Наверное, ваша девушка стоит таких усилий и волнений.

Гарри встал и слабо улыбнулся:

— Безусловно, стоит, Билл. Ну, я пойду. Позже принесу тебе письмо для Лидии и несколько шиллингов, чтобы ты его отправил почтой. Давай ты будешь приносить ее письма сюда и оставлять их вон там, под орхидеями? — Гарри показал на лоток.

— Как скажете, — кивнул Билл.

— Вот и отлично. Спасибо, Билл. Ты опять меня спасаешь. — Гарри направился к выходу.

— Можно мне кое-что сказать? — вдруг спросил Билл.

Гарри обернулся.

— Конечно. Ты же знаешь, как я ценю твое мнение. Но предупреждаю сразу: никакие силы не заставят меня передумать.

— Я не собираюсь вас отговаривать, потому что знаю: это бесполезно. Ваши чувства к ней написаны у вас на лице, — мягко заметил Билл.

— Хорошо, я слушаю.

— Я только хочу сказать, мне нужно время, чтобы здесь освоиться. Конечно, мысли о доме помогли мне преодолеть все тяготы войны и плена. Но с тех пор, как я вернулся... — Билл попытался подобрать слова, чтобы объяснить свое состояние. — Знаю, это звучит глупо... Мне словно чего-то не хватает. Я скучаю по жизни, которую мы там вели, а больше всего скучаю по тем краям — по жаре, по запахам цветов, которые росли там повсюду, по роскошной природе... и голубому небу над головой.

Оба помолчали, погружившись в воспоминания. Наконец Гарри взглянул на Билла и печально улыбнулся:

— Мне тоже всего этого не хватает. Но я собираюсь туда вернуться совсем по другой причине. Если бы все было так просто! — добавил он со вздохом и вышел из теплицы.

После его ухода Билл продолжил ухаживать за цветами, размышляя о просьбе Гарри. Придется все рассказать Элси. Но как это сделать? Она обожает Оливию и вряд ли захочет ее обманывать. А если Гарри действительно уедет, что будет с поместьем и с ними со всеми?

Вечером он признался Элси, что должен открыть ей один секрет.

— Конечно, если ты просишь, я буду молчать — обещаю, — заверила та мужа, вглядываясь в его встревоженное лицо. — Что случилось, Билл? Пожалуйста, не тяни.

Билл объяснил ситуацию. Несколько минут Элси сидела неподвижно, бледная и потрясенная.

— Неужели ты думаешь, что он это сделает? — наконец спросила она.

— Да, — кивнул Билл, — я уверен.

— Но тогда поместьем придет конец. И нам тоже, — мрачно добавила Элси. — Кто будет управлять хозяйством, если мистер Гарри уедет? Больше никому. А мисс Оливия говорит, дела совсем плохи. Нужно переоснастить ферму, заменить изношенные станки, отремонтировать дом.

— Мистер Гарри собирается предложить лорду Кроуфорду, чтобы тот передал поместье его кузену, почти ровеснику Гарри.

— Это невозможно. — Элси покачала головой. — Он имеет в виду своего кузена Хьюго, но его убили в Северной Африке примерно полтора года назад. А больше никого нет.

— Понятно. — Билл сделал глоток чаю. — И мистери Гарри ничего не сказали?

— Нет. Он только-только вернулся домой, а о таком не говорят с порога. К тому же, по словам мисс Оливии, Гарри не был дружен с кузенком. Наверное, поэтому и не стал о нем спрашивать. Как знать? — Лицо Элси слегка прояснилось. — Может, эта новость заставит его передумать. Не бросит же он поместье на умирающего отца и маму. Ясно, как Божий день. Оливия уедет отсюда, как только узнает о решении мужа. — Элси в отчаянии сплела пальцы. — Она столько лет его ждала, а он ее предал!

— Дорогая, это не наше дело... — Билл вздохнул.

— Нет, наше, Билл! — вскинулась Элси. — Этот молодой дурак, господин Гарри, посвятил тебя в свои планы и сделал нас

сообщниками!

— Да, ты права. Мы попали в ужасное положение, но что я мог сделать? — спросил ее Билл.

— Ты мог отказаться, — сердито ответила Элси.

— Не говори глупости, Элси. Ты же знаешь, мы с тобой не можем послушаться Кроуфордов. Они дают нам средства к существованию.

— На мой взгляд, Билл, это выходит за рамки наших обязательств. Меня воротит от таких секретов! Не знаю, как я завтра буду смотреть в глаза мисс Оливии.

— Прости, дорогая. — Билл хотел обнять жену, но она его оттолкнула.

— Выполняй свой долг, Билл, и передавай ему эти чертовы письма. Но я не желаю в этом участвовать. И больше не говори со мной на эту тему!

Она встала из-за стола, швырнула свою чашку в раковину и вышла в сад, с силой хлопнув дверью.

Глава 43

В тот день за обедом Гарри узнал про смерть своего кузена Хьюго. Отец сообщил эту новость в своей обычной бесстрастной манере. Гарри попытался скрыть свои чувства, но Адриана сразу заметила, как он потрясен. Она потянулась через стол и взяла его за руку.

— Мне очень жаль, Гарри. Ты любил его. Но есть и хорошая новость, — утешила она. — Жена Хьюго, Кристина, забеременела до того, как он уехал в Африку. У нее родился чудесный мальчик, его назвали Чарльзом в честь деда. Видишь? Жизнь продолжается.

— Сколько этому ребенку? — спросил Гарри.

— Почти два годика.

У Гарри похолодело в груди. Двухлетний карапуз вряд ли сможет управлять поместьем Уортон-Парк.

Кристофер громко зевнул. Адриана немедленно встала и подошла к нему.

— Тебе пора прилечь, милый.

Она помогла мужу встать из-за стола и повела его к двери. Кристофер плелся за ней, недовольно ворча себе под нос.

— Сейчас я уложу папу, а потом мы втроем попьем кофе на террасе, oui? Сегодня такой чудесный денек!

— Вообще-то, — возразила Оливия, — я должна ехать в Кромер. Надо заполнить какие-то бумаги на моих постоялиц — дружинниц «Земледельческой армии». Война считается незаконченной, пока не подписаны все бумаги, верно? Тебе что-нибудь нужно, Гарри?

— Нет, спасибо, Оливия.

— Кстати, — добавила она, — утром звонил майор Чалмерс. Спрашивал, как ты добрался, и интересовался твоим здоровьем. Я сказала, что ты ему перезвонишь. Телефон записан.

— Хорошо, — вздохнул Гарри. — Надо будет доложиться.

— По-моему, твоя мама хочет обсудить с тобой насущные проблемы. — Проходя мимо, Оливия поцеловала его в макушку. — Как можешь догадаться, тебе предстоит большая работа.

Несколько минут спустя Адриана зашла на террасу и под села к сыну, чтобы выпить с ним кофе. Гарри решил, не теряя времени,

запустить пробный шар.

— Скажи, мама, насколько серьезно болен отец?

— Cheri, я думаю, ты и сам видишь, как он слаб, — тихо ответила Адриана, протягивая ему чашку.

— Но каковы прогнозы врачей? Оливия сказала, что при надлежащем уходе он проживет еще несколько лет, но...

Адриана отпила кофе.

— Гарри, мне не хотелось бы говорить об этом в первый день твоего приезда, но ты должен знать правду. — Она вздохнула и потянулась к его руке. — Твой отец умирает. Меньше двух месяцев назад у него был сильный сердечный приступ, который привел к параличу левой части туловища. Вот почему ему трудно ходить. — В ее глазах заблестели слезы. — Ох, Гарри, прости, что сразу обрушиваю на тебя эту новость, но у нас очень мало времени. Он может оставить нас в любой момент, и, пока он жив, ты, его наследник, должен обсудить с ним дела поместья.

— Понятно. — Гарри поднес чашку ко рту, с трудом сдерживая дрожь в руках.

— Мы с Оливией сделали все, что могли, но бумаги и финансы — этим всегда занимался твой отец. Есть много нерешенных проблем, mais, — вздохнула Адриана. — На счетах поместья почти не осталось денег. В последние месяцы мы с Оливией сами выплачивали жалованье персоналу, и я знаю, как плохи наши дела. Боже мой, Гарри, хуже быть не может!

Гарри мысленно согласился с последним маминым утверждением. Прочистив горло, он спросил:

— Но как я буду управлять поместьем? Меня же могут в любой момент снова призвать в армию!

— Non, Гарри, — твердо ответила Адриана. — Ты больше не будешь воевать. Ты нужен здесь, чтобы снова поставить поместье на ноги. У нас работает сто человек, и их благополучие зависит от тебя. Твой отец позаботился, чтобы тебя освободили от военной службы. Ты рад, n'est— ce pas?

Гарри все глубже погружался в пучину отчаяния и не испытывал радости. Черт возьми, за него уже все решили! После тюремного заключения он только начал сам распоряжаться собственной жизнью, и вот, пожалуйста! Он и забыл, что здесь его судьбу вершат другие...

Он открыл было рот, собираясь ответить, но понял, что не сможет сдержать обиду и злость, поэтому промолчал.

Адриана вглядывалась в осунувшееся лицо сына, который сидел напротив нее, уставившись вдаль глазами, полными страдания.

— Cheri, я понимаю, как тебе сейчас тяжело: ты только приехал и сразу узнал про болезнь отца. Но у тебя есть возможность провести с ним какое-то время, пока он не умер. И еще, Гарри, — ласково добавила Адриана, — знай: мы с Оливией поможем тебе разобраться с делами. Ты выбрал отличную жену — это было самое верное решение в твоей жизни. Она замечательная женщина, просто magnifique! Даже не представляю, что бы я без нее делала. И что бы стало с Уортон-Парком, если бы не она.

«Это было самое верное решение в твоей жизни, мама», — горько подумал Гарри.

Он вскочил, больше не в силах слушать ее речи.

— Прости, мама. Столько страшных известий! Мне надо немного побыть одному. Пойду прогуляюсь.

— Конечно. Je suis desolee, cheri!^[15] — крикнула она ему вслед, когда Гарри поспешно спускался с террасы, торопясь укрыться от ее глаз.

Прерывисто дыша, Гарри убежал из любимого матерью сада, давящего своим совершенством, и очутился среди открытых полей, где колосились зеленые кукурузные початки.

Он упал ничком на сырую землю и издал вопль отчаяния. Он грыз почву, точно несмышленный младенец, и выкрикивал имя «Лидия», а потом затрясся в рыданиях. Он плакал по девушке, которую никогда не сможет разлюбить, и по счастливому будущему, которое осталось в его мечтах.

Наконец Гарри перевернулся на спину и посмотрел в безоблачное небо.

«Еще можно уехать... сбежать...»

Он потряс головой.

Нет, нельзя! Отец умирает. Мама и Оливия сказали, ему нужен покой. Если его сын вдруг исчезнет, он вряд ли это переживет.

— О Боже! Боже! — воскликнул Гарри сдавленным от волнения голосом.

«Я в ловушке, и назад ходу нет. Во всяком случае, до тех пор, пока жив отец. А что потом? Бросить овдовевшую мать, повесив на нее поместье? Оливия, брошенная мужем, наверняка уедет и не станет ей помогать. Адриана не справится с огромным хозяйством. Значит, мой отъезд погубит не только Уортон-Парк, но и тех многочисленных преданных работников, будущее которых зависит от процветания поместья».

Гарри всматривался в небеса, выискивая там хоть какой-то ответ.

«Может, продать поместье? Но кто его купит? Сейчас, после войны, у людей просто нет таких денег... А мама?»

Гарри знал: Адриана будет биться насмерть против этой идеи, ведь она посвятила Уортон-Парку всю свою жизнь.

«Остается один выход — привезти Лидию сюда. Но как? Как развестись с Оливией после всего, что она сделала? Жена ухаживала за моими родителями и за Уортон-Парком, а теперь я объявлю, что нашел ей замену и привезу девушку из далекого Таиланда?»

Гарри вздохнул, сознавая нелепость идеи. Какой бы распрекрасной ни была Лидия, но даже он не представлял ее в роли хозяйки большого английского поместья. К тому же она непривычна к холодам. Здесь его Тепличный Цветочек завянет и умрет.

Гарри несколько часов подряд пролежал на земле, глядя, как спускаются сумерки, а с ними гаснет и его надежда. Злодейка-судьба перечеркнула все его радужные планы.

«Я не могу уехать из Уортон-Парка даже ради Лидии. Но как сказать ей об этом? Написать в письме, что не выполню ни одно из своих обещаний?»

Расстроенный Гарри встал и побрел по полям обратно в парк. Он решил сообщить Лидии лишь о том, что отец болен и что он пока не может вернуться в Бангкок. Конечно, самым правильным с его стороны было бы сразу отпустить девушку, чтобы она перестала ждать и жила дальше без него, но такая развязка пугала Гарри своей окончательностью.

Он подошел к теплице и толкнул дверь. Никого. Билл уже закончил работу и ушел домой. У Гарри стеснило грудь, когда он вдохнул аромат Лидии. Он приблизился к орхидеям, поднял горшки и нашел под ними отсыревший от влаги конверт. Сердце забило чаще.

Надорвав конверт, он увидел аккуратный мелкий почерк Лидии и задохнулся от отчаяния.

Мой милый Гарри!

Я получила твое письмо с корабля и очень обрадовалась. Я тоже по тебе скучаю и жду не дождусь, когда ты вернешься. Когда мне становится грустно, я думаю о нашем совместном будущем, и настроение улучшается. Я ношу твое кольцо и знаю, что это символ нашей любви. В один прекрасный день мы поженимся — соединим наши сердца перед лицом наших богов.

Здесь, в отеле, все хорошо. Мы получили новое постельное белье и подушки для номеров, а затемнения делаем реже. У нас появилось много новых посетителей, и мадам очень довольна.

Все твои друзья передают тебе приветы и жалеют, что ты больше не играешь на пианино в «Бамбуковом баре».

Пожалуйста, прости мне плохой английский. Я еще учусь. Надеюсь, потом будет лучше. Я твоя навечно, Гарри!

Твой Тепличный Цветочек.

— О, любовь моя! — простонал Гарри, прижимая письмо к груди.
— Как я буду жить без тебя?

Он тяжело опустился на табуретку и перечитал письмо, уверенный, что предпочел бы смерть этим страданиям. Внезапно послышались шаги, и в другом конце теплицы открылась дверь. Увидев Оливию, Гарри поспешно сунул письмо в карман брюк и встал.

Она подошла к нему. На лице ее была написана тревога.

— Я повсюду тебя искала, милый. Твоя мама сказала, что после обеда ты ушел гулять и с тех пор она тебя не видела.

— Да... мне надо было побыть одному, — быстро ответил Гарри.

— Я так тебе сочувствую! Как я поняла, твоя мама рассказала правду про твоего отца.

— Да, я все знаю.

Гарри обрадовался: у него есть на что списать свои красные глаза и расстроенный вид.

— Можно тебя обнять?

Гарри не сопротивлялся. Ему нужно было почувствовать физическую близость другого живого существа. Он заплакал, как ребенок, уткнувшись жене в плечо. Она ласково утешала, говорила, что всегда будет рядом, что любит его и поможет ему во всем.

Гарри забылся в собственном горе, которое просочилось в самые недра его души.

— Я должен с ним попрощаться, — пробормотал он. — Это так тяжело! Так тяжело!

— Я понимаю, милый, — сочувственно произнесла Оливия. Ей тоже хотелось плакать.

В Чанги Гарри освоил науку простого существования, и в ближайшие недели она ему очень пригодилась. По утрам он сидел с отцом в кабинете, который после смерти Кристофера станет собственностью Гарри, и подробно обсуждал все вопросы, связанные с управлением огромным поместьем. Они еще никогда не проводили столько времени вместе, но их встречи омрачались сознанием того, что за этим стоит.

Гарри только сейчас понял, какую сложную работу выполнял отец. Узнавая новые подробности, он проникался к нему все большим уважением и восхищением.

— Золотое правило: все держи под контролем. Даже если у тебя есть люди, которые ведут бухгалтерию и фермерское хозяйство, ты должен проверять финансовые отчеты и каждую неделю объезжать верхом свой участок. Ты меня понимаешь, мой мальчик?

— Да, отец. — Гарри в замешательство смотрел на исписанный цифрами лист в лежащей перед ним бухгалтерской книге. Он не был силен в арифметике.

— Ты должен вникать во все вопросы, и каждый работник Уортон-Парка обязан об этом знать. Твой прадед чуть не лишился этого дома, потому что дамы и портвейн интересовали его гораздо больше, чем дела поместья. Персонал устроил мятеж. Запомни: хороший начальник всегда шагает впереди! Ты воевал, и твой армейский опыт тебе еще пригодится. Я горжусь тобой, мой мальчик,

— со значением произнес Кристофер, словно хотел загладить свою вину, ведь за столько лет он впервые произнес эти слова.

Днем Гарри садился на лошадь и объезжал поместье. Он узнал, какие посевные культуры им нужны на будущий год и какое машинное оборудование требует замены. Он считал коров и свиней, навещал фермеров-арендаторов, замечая, что некоторые из них тайком расширили границы приписанных им участков.

Новым управляющим фермерским хозяйством Гарри назначил Джима, сына миссис Кумб. Парень вырос в поместье и видел, как работает его отец. Джим не имел опыта управления людьми, но он был молод, смышлен и полон энтузиазма. Следуя совету отца, Гарри брал себе в помощники людей, которым мог доверять.

Поздними вечерами Гарри изучал бухгалтерию. Это его отвлекало и давало повод не ложиться в супружескую постель до тех пор, пока Оливия не заснет. Очень быстро он понял, что финансовое положение поместья даже хуже, чем думала мать.

К концу лета Гарри изучил каждый гектар Уортон-Парка, прикинул, какой доход ожидается с продажи оставшегося урожая и скота и сколько денег придется потратить на замену техники и покупку необходимого. Оливия заметила, что коттеджи некоторых работников нуждаются в срочном ремонте, но с этим можно повременить. Главный дом требовал тысячных вложений.

Гарри подсчитал, что им надо занять десять тысяч фунтов стерлингов, а первая прибыль появится не раньше, чем через два года, и значит, только тогда можно будет выплачивать ссуду. Какая долгая песня...

Он вздохнул и взглянул на дедушкины часы, тихо тикающие в углу отцовского кабинета. Половина третьего ночи. Он вспомнил про Лидию. Интересно, где она сейчас и что делает? Гарри думал о ней каждую ночь.

«В Бангкоке уже утро. Лидия, наверное, сидит за стойкой портье, с улыбкой встречая новых посетителей отеля... И мечтая о моем скором приезде...»

Гарри достал из ящика отцовского стола лист писчей бумаги и черкнул ей несколько строк о любви — это он тоже делал каждую ночь. Потом запечатал письмо в конверт, чтобы утром отдать Биллу.

Он больше не говорил о будущем, не мучил ее несбыточными мечтами — писал лишь, как сильно ее любит и скучает по ней.

Письма Лидии приходили нерегулярно, но он каждый день искал их в теплице под орхидеями.

Вздыхнув, Гарри погасил лампу на столе и пошел к двери. После Чанги ему казалось, что он отсидел пожизненный срок, и вот теперь его опять приговорили к пожизненному — уже здесь, в Уортон-Парке.

Глава 44

Когда наступила осень и приблизились зимние холода, Кристофер совсем ослабел и уже не вставал с постели. Адриана сидела с ним почти целыми днями — разговаривала с ним, читала, пока он дремал, и уходила, только когда ее сменяли Гарри или Оливия.

А в декабре, перед самым Рождеством, у Кристофера случился очередной сердечный приступ. Он умер через несколько часов, не приходя в сознание.

Похороны состоялись за день до сочельника в маленькой поместной церквушке, где венчались Гарри и Оливия. Попрощаться с Кристофером пришли больше трехсот человек. Его похоронили в семейном склепе Кроуфордов, где ему предстояло покоиться вечно рядом со своими праотцами.

Оливия краем глаза наблюдала за Гарри, когда после отпевания он приглашал в дом людей, пришедших проститься с отцом. Печальное осунувшееся лицо выдавало его горе. В эту минуту она любила его как никогда. Гарри по-прежнему был странно отчужденным, и все попытки расспросить его о тюрьме Чанги оканчивались неудачей. Но он часто приходил к ней ночью, и они занимались любовью.

Нередко, просыпаясь, Оливия обнаруживала на своем теле синяки и ощущала внутри тупую боль: он слишком грубо с ней обращался.

«Когда-нибудь я скажу, чтобы он был нежнее, но пока пусть все остается как есть». Она слишком ценила ту тонкую связь, которая между ними возникла.

Рождество получилось невеселым. Впрочем, нежная Адриана на удивление стойко перенесла потерю. Возможно, ей помогло, что она успела подготовиться к смерти любимого мужа и сказала ему все, что хотела.

Когда колокола местной церкви возвестили о приходе Нового года, Оливия мысленно попросила Бога дать Гарри то, в чем он так сильно нуждался, — спокойствие и счастье.

В начале января, когда на Уортон-Парк обрушился первый снегопад, Гарри понял, что должен сообщить Лидии правду: он уже не вернется.

Пока любимая пребывала в неведении и по-прежнему слала ему нежные письма, он тешил себя мыслью о том, что они еще могут быть вместе, и ему становилось легче. Однако в последних письмах Лидии сквозили нотки беспокойства. Она писала, что им надо многое обсудить, и осторожно спрашивала, когда он придет. А еще Гарри заметил, что она перестала использовать фирменные бланки отеля «Ориенталь», и в его сердце вкралась тревога.

Не в силах открыть правду, он объяснил в письме, что его отец умер и ему надо уладить множество дел, прежде чем ехать к ней.

А потом она перестала писать. Совсем. И Гарри понял: что-то случилось.

Подчинившись внезапному порыву, он отправился в почтовое отделение Кромера и отправил телеграмму мадам Жизель, в отель «Ориенталь», с вопросами о ее здоровье и о здоровье Лидии.

Два дня спустя он получил ответ:

ГАРРИ ТОЧКА ЗДЕСЬ ВСЕ ХОРОШО ТОЧКА
КОГДА ВЫ ПРИЕДЕТЕ ВОПРОС ЛИДИЯ
ВНЕЗАПНО УЕХАЛА ДВА МЕСЯЦА НАЗАД
ТОЧКА АДРЕСА НЕ ОСТАВИЛА ТОЧКА С
УВАЖЕНИЕМ ЖИЗЕЛЬ.

Гарри ухватился за стойку, чтобы не упасть. У него скрутило желудок и закружилась голова...

Вернувшись в Уортон-Парк, он прошел к себе в кабинет, закрыл дверь и сел за стол, обхватив голову руками. Сделав несколько глубоких вдохов, он попытался прийти в себя.

«Может, я зря волнуюсь и Лидии просто предложили работу получше?»

Гарри покачал головой. Он знал, что это невозможно: Лидия любила свою работу, гордилась ею и отелем и была благодарна Жизель за то, что она предоставила ей такую возможность. К тому же она бы сообщила ему, куда переехала.

«А что, если Лидия заболела?»

Сердце Гарри бешено забилося в груди.

«Или умерла?»

Он стукнул кулаком по столу. Надо ехать к ней, найти ее, во что бы то ни стало. И помочь, если она нуждается в помощи.

Он вышагивал по кабинету, пытаясь изобрести благовидный предлог, который позволит ему месяца на три уехать в Таиланд, найти Лидию, объясниться с ней, а потом попрощаться.

«Сказать Оливии, что в Бангкоке мы с Себастьяном обсуждали разные варианты деловых предприятий, и теперь я хочу заняться этим вплотную, дабы поправить финансовое положение поместья?»

Этот план показался Гарри вполне приемлемым. Он уже хотел звонить Себастьяну в Бангкок, но тут в дверь его кабинета постучали. — Черт возьми, — пробурчал он себе под нос и крикнул: — Войдите!

В комнату вошла Оливия. На ее губах играла необычно нервная улыбка.

— Гарри, можно тебя отвлечь на пять минут?

— В чем дело?

Оливия оставила без внимания резкость супруга, уверенная, что ее новость наконец-то сделает мужа счастливым. Она села напротив него, заметив, что у нее дрожат руки.

— Мне надо тебе кое-что сказать... Не волнуйся, это очень хорошая новость.

Гарри уставился на жену.

— Ладно, говори.

— Я... у нас будет ребенок! Вот так, милый. Это именно то, что нам нужно после пережитого ужаса последних лет.

— Ты уверена? — нахмурился Гарри.

— Абсолютно! — Она радостно кивнула. — Врач подтвердил это вчера. Я на третьем месяце беременности. Ребенок должен родиться в конце июня.

Гарри знал, что должен изобразить ожидаемую реакцию.

— Отличная новость! — Он обошел стол, нагнулся и поцеловал Оливию в щечку.

— Ты рад, милый? — Она подняла на него глаза, полные беспокойства.

— Конечно, рад, Оливия.

— На этот раз я буду осторожней, — продолжила она. — Врач посоветовал мне, учитывая случившееся, побольше отдыхать. Так что я больше не буду носиться по поместью как сумасшедшая. Конечно,

мне будет тяжело ничего не делать, но ради будущего ребенка стоит потерпеть, как ты считаешь?

— Конечно, ради ребенка стоит потерпеть, — послушно кивнул Гарри.

— Но боюсь, из-за этого у тебя прибавится работы, милый. Я уверена: когда мы скажем твоей маме, она с удовольствием поможет тебе с домашним хозяйством. Вот только оправится после ужасного гриппа, который так ее истощил. Ну, ничего, скоро наступит весна. Ох, Гарри, — выдохнула Оливия и неожиданно прослезилась, — у нас будет ребенок!

Оливия не привыкла показывать свои чувства, поэтому смутилась и, достав из кармана своего кардигана носовой платок, поспешно высморкалась.

— Прости, немного разволновалась. Не думай, я не стану плаксивой куклой! И вообще больше не буду тебе надоедать.

Только сейчас Гарри понял, какой у Оливии сильный характер. В последние месяцы он ею откровенно пренебрегал, если не считать случайных моментов близости, которые были начисто лишены нежности и тепла. Обращался с ней в лучшем случае с подозрением, а в худшем — с презрением. И вот сейчас она почти извиняется за то, что ждет ребенка, потому что боится, вдруг ему это не понравится.

Гарри внезапно прозрел. Стыдясь собственного эгоизма и ругая себя за черствость, он опустился перед ней на колени и взял ее за руки.

— Милая, я так счастлив! Отдыхай столько, сколько нужно. Ты это заслужила. — Он обнял ее и прижал к себе. — Когда мы скажем маме?

— Я думаю, за обедом.

— Пусть миссис Дженкс приготовит что-нибудь вкусненькое. Отпразднуем это событие. Ты у меня просто умница!

Оливия кивнула, просияв от его внимания. В ее сердце загорелся огонек надежды: как знать — может, это станет поворотным пунктом в их отношениях и между ними, наконец, возникнет настоящая близость?

Когда Адриана, еще слабая после гриппа, узнала про беременность невестки, она, как и предполагала Оливия, пришла в восторг. После обеда Гарри отправился в конюшни, оседлал лошадь и поскакал по слякоти, смешанной с остатками снега.

Миновав маленький лесок, он увидел полную панораму Уортон-Парка и остановил лошадь. У него впервые возникло чувство гордости при мысли о том, что все это — его владения.

«Теперь я лорд, хозяин поместья, и даже мама вынуждена считаться с моими желаниями. К тому же пока что я отлично справляюсь с работой. Скоро у меня появится наследник — возможно, даже сын, который после моей смерти возьмет в свои руки бразды правления. А потом, Бог даст, пойдут и другие дети...» Это вселяло надежду

«Лидия...»

Гарри в отчаянии опустил голову и прижался щекой к бархатистой шее лошади.

«Если бы жизнь сложилась по-другому, я бы провел остаток дней с любимой... Но со всех сторон — препятствия. Уортон-Парк — вот моя участь с рождения. И от этого никуда не деться».

Во рту у него пересохло, а к горлу подкатил ком, когда он вновь подумал о том, что ему предстоит жить вдали от Лидии.

— О Боже... — прошептал Гарри.

«Надо смириться, перестать мучить себя и окружающих, особенно Оливию. Она не виновата в том, что я воспылил страстью к другой женщине, и заслуживает, по меньшей мере, внимания и заботы. Но сначала нужно найти Лидию и освободить мой любимый Тепличный Цветочек от пустых ожиданий: пусть живет дальше без меня. Но как это сделать? Оливия беременна, ей нужен отдых, и я не могу бросить ее и поместье. Придется остаться хотя бы до тех пор, пока не родится ребенок. Что же придумать?»

Гарри вновь пришпорил лошадь: в его голове созрело решение. Он прискакал в конюшни, спешился, передал лошадь конюху и решительным шагом направился к теплице. Билл находился там — сидел на табуретке и сосредоточенно разглядывал корни орхидеи.

— Добрый день, ваша светлость. Как дела? — Билл доброжелательно улыбнулся.

— Все хорошо, Билл. Спасибо. — Гарри до сих пор с трудом воспринимал свой новый титул: он привык, что «его светлостью» называли отца.

— К сожалению, сегодня тоже без новостей.

— Понятно. — Гарри подошел к Биллу и какое-то время смотрел, как тот работает. — Я их и не ждал. Похоже, она исчезла.

Билл отложил пипетку и взглянул на Гарри.

— Исчезла? Что вы имеете в виду?

— Ушла из отеля, и никто не знает, куда подевалась. Я не нахожу себе места от беспокойства.

— О, Господи, — выдохнул Билл. — Сочувствую. Я могу вам чем-то помочь?

Гарри набрал в легкие побольше воздуха.

— Да, Билл, можешь...

В половине пятого Элси взяла поднос с чаем, поднялась на второй этаж и постучалась в спальню Оливии. Войдя, увидела, что госпожа еще спит.

— Просыпайтесь, ваша светлость!

Оливия зашевелилась и открыла глаза.

— О Господи, уже пятый час? — сонно пробормотала она, и лицо ее расплылось в блаженной улыбке. — Наверное, я испытала сильное облегчение, рассказав обо всем Гарри.

— О чем вы ему рассказали? — Элси поставила поднос рядом с кроватью.

Оливия обернулась. Ее прекрасные бирюзовые глаза сияли счастьем. Она взяла горничную за руку.

— Дорогая Элси, сейчас, когда Гарри и его мама уже знают мою новость, я могу рассказать и тебе. Я жду ребенка. Он должен родиться в июне.

— О, ваша светлость! За последние месяцы я впервые слышу такую чудесную новость! Как замечательно!

— Ты так считаешь? Гарри, кажется, тоже обрадовался.

— Не сомневаюсь, — отозвалась Элси, стараясь скрыть свои чувства к новому лорду Кроуфорду. Когда она наливала чай, ее взгляд вдруг затуманился. — Вы такая счастливая, ваша светлость! Счастливей, чем я.

— Нет, Элси, я так не думаю. Что, пока все по-прежнему?

— Да. И ничего не изменится. До того как четыре года назад Билл ушел на войну, мы с ним прожили в браке какое-то время. А теперь он вернулся домой — уже давно... На прошлой неделе ходил к врачам. Они сказали, что он не может... вы меня понимаете, ваша светлость. —

Элси покраснела. — Как предполагает доктор, это из-за свинки, которой Билл переболел в двенадцать лет. У нас с ним никогда не будет детей.

— Ох, Элси, мне так жаль! — Оливия знала, как пылко ее горничная мечтала о большой семье. — Может, вам усыновить ребенка? — предложила она.

— Билл не настолько хочет детей. Да и я не знаю, хочу ли воспитывать чужого ребенка. Но прошло всего несколько дней. Нам надо свыкнуться с этим известием. Посмотрим, что будет через несколько месяцев.

— Конечно, — согласилась Оливия, — это разумно.

— Но вы не огорчайтесь, ваша светлость, — улыбнулась Элси, пряча собственную печаль. — Я не хочу, чтобы мысли обо мне омрачали вашу радость. Вам пришлось пережить немало трудностей, и вы вполне заслужили это счастье.

— Спасибо, Элси. — Оливия села в постели и приняла из рук горничной чашку с чаем. — И запомни: никогда не теряй надежды. Жизнь так переменчива! Никогда не знаешь, что ждет тебя впереди. Подожди, и все образуется.

В тот вечер, только Оливия легла в постель, появился Гарри. Он сел на кровать и взял ее за руки.

«Уже второй раз за день», — счастливо подумала Оливия.

— Милая, если ты не очень устала, я поделюсь идеей, — начал он.

— Я вся внимание, милый. Говори, — попросила Оливия, довольная тем, что он хочет посвятить ее в свои планы.

— Ты, конечно, знаешь, что наше поместье близко к разорению.

— Да, знаю. — Оливия взглянула на мужа. — Ты придумал, как достать денег?

— Кажется, да. Это будет не скоро, но за те несколько недель, что я провел вместе с отцом, он научил меня извлекать максимальную пользу из поместья и людей, которые здесь работают. Так вот: у нас есть человек, обладающий редким талантом.

— Кто же это?

— Билл Стаффорд, — объявил Гарри пафосно. — Не знаю, была ли ты в последнее время в теплице, но он там творит чудеса. Скрещивает разные сорта орхидей и получает собственные гибриды,

среди них есть очень красивые. Если предоставить Биллу необходимые условия и помощь, мы сможем продавать эти цветы!

— Неплохая идея. Тем более что она требует совсем небольших вложений. Самое большее, что нам понадобится, — это еще пара теплиц, — согласилась Оливия.

— И разумеется, несколько необычных сортов орхидей. Похоже, Билл питает особую страсть, что позволительно таланту, к тропическим цветам, таким как орхидеи. И я посоветовал ему сосредоточиться именно на них. Он говорит, ему надо еще подучиться. Поэтому, — Гарри приступил к основной части своего плана, надеясь, что сумел убедить Оливию, — я предложил ему как можно быстрее поехать в Восточную Азию. Там он узнает, как ведут себя эти растения в естественной среде обитания и как их можно вырастить в Уортон-Парке. Ну и, само собой, привезет домой столько сортов, сколько сочтет нужным. Ему же надо с чего-то начать.

Оливия нахмурилась.

— Неужели ему охота ехать в такую даль? Ведь у него остались ужасные воспоминания о Востоке! Может, отправим его на курсы садоводов? Такие наверняка есть в Ботаническом саду в Кью.

— Вообще-то Билл сам предложил. Он желает стать настоящим специалистом, лучшим в своей области. Думаю, мы должны дать ему шанс, — настаивал Гарри, понимая, как много зависит от согласия и поддержки Оливии. — В конце концов, он спас мне жизнь.

— Если ты считаешь, что так лучше, давай отправим его в Таиланд. Все равно в последнее время Билл целыми днями пропадает в своей теплице, а его отец ухаживает за огородом. Конечно, я уже не смогу помогать Джеку, — добавила Оливия. — Так что нам, наверное, придется найти Биллу замену — нанять еще одного работника, чтобы вскапывал землю, выращивал овощи и так далее.

— Отличная идея, — закивал Гарри. — Единственная трудность — Элси. Билл боится, что она его не отпустит, ведь он только-только вернулся домой.

— Совершенно верно, — улыбнулась Оливия.

— Здесь тебе придется вмешаться, милая. Надеюсь, ты сумеешь убедить ее, что это отличный шанс для Билла повысить свои профессиональные навыки и что она должна его поддержать.

— Я постараюсь, но Элси сильно расстроится, — возразила Оливия.

— Милая, Элси тебя боготворит. Одно твое слово, и она тут же поймет, что это разумное предложение. — Гарри улыбнулся жене.

Оливия улыбнулась в ответ, покраснев: ей редко доводилось слышать похвалу от мужа.

— Ладно, попробую ее убедить. А что насчет поездки Билла?

— Я уже звонил Себастьяну, он с радостью согласился нам помочь.

— Что ж, милый, — опять улыбнулась Оливия, — я вижу, ты уже обо всем позаботился.

Когда Билл сообщил Элси, что собирается в Бангкок, она пришла в ярость.

— Что? Ты опять хочешь оставить меня одну?

Билл поклялся Гарри, что не откроет жене настоящую цель своей поездки.

— Я тебя прекрасно понимаю, милая, но мне кажется, у меня и впрямь получается выращивать орхидеи. Я хочу побольше узнать об этих цветах. Его светлость сказал, что если мне удастся вывести и продать новые сорта, мы получим неплохой доход и он предоставит мне все условия для работы. А деньги нам не помешают, верно?

— Мне не нужны деньги, если ради них ты опять уедешь из дома, — проворчала Элси и взглянула на настенные часы. — Все, мне пора в хозяйский дом. Поговорим позже.

Билл с тревогой ждал, когда жена вернется с работы. Она пришла, и он увидел на ее лице улыбку.

— Ладно, милый, поезжай. Я поговорила с ее светлостью, и она объяснила, как это важно для тебя.

— Спасибо, Элси, дорогая! — Билл обнял жену и поцеловал в лоб.

Она заглянула в его глаза и прочла там неподдельную радость. У нее на душе потеплело. Чего не сделаешь, лишь бы любимый был счастлив!

— Но учти: я отпускаю тебя не больше чем на пару месяцев! Иначе найду другого мужчину.

Билл прижал ее к себе.

«Как же мне повезло, — подумал он. — Я встретил свою любовь прямо здесь, на пороге родного дома!»

— Обещаю, любимая: я вернусь, не успеешь и глазом моргнуть.

Глава 45

*Бангкок
1947 год*

Билл сидел в «тук-туке», одной рукой вцепившись в деревянный подлокотник, а другой пытаясь удержать свой чемоданчик. Трехколесный велосипед лихо катил по оживленным дорогам Бангкока. Когда они свернули в узкий проулок, «тук-тук» накренился и чуть не задел женщину, которая несла две корзины риса — они, точно гигантские гири, раскачивались на концах шеста, лежащего у нее на плечах.

«Господи, — взмолился Билл, закрывая глаза, — скорей бы закончилась эта ужасная поездка! Когда же появится отель «Ориенталь»?»

Он слишком быстро забыл тайландскую жару и теперь обливался потом, мечтая о спасительной прохладе.

— Элси, — простонал он, — почему я тебя не послушал?

«Сейчас бы спокойно работал в теплице Уортон-Парка, потом попил бы чаю с ливерной колбасой и беконом, а вечером лег в постель и прижался к теплому боку Элси... Вместо этого парюсь в огромной стране-теплице, а на обед получаю тарелку ненавистного риса. И кто знает, где придется преклонить голову этой ночью? Хорошо хоть, что уже заказан обратный билет — через две недели отправлюсь в Англию. Что такое полмесяца по сравнению с долгими четырьмя годами, которые я провел в Чанги?»

— Ох, лорд Гарри, ты хочешь моей смерти! — проворчал Билл, когда «тук-тук» остановился перед ветхим строением.

— Long-Lam Orienten, krup. — Водитель указал на здание, и Билл облегченно вздохнул, увидев табличку над входом: слава Богу, приехали!

Тщедушный носильщик взял его чемоданчик и проводил Билла в просторный гостиничный вестибюль, к стойке регистрации, где сидела симпатичная тайская девушка. Билл знал, что здесь когда-то работала Лидия.

«Может, это она и есть?» — с надеждой подумал он.

— Здравствуйте, мисс. Э... я хотел бы снять номер на две недели.

— Конечно, сэр. Сто двадцать бат за ночь, без завтрака, — ответила девушка на безупречном английском.

— Хорошо, — сказал Билл. Он не знал, сколько это будет в фунтах стерлингов, но был уверен, что Гарри снабдил его необходимой суммой.

— Подпишитесь вот здесь, сэр, и носильщик отведет вас в ваш номер. Оттуда открывается чудесный вид на реку, — с улыбкой добавила девушка.

— Спасибо. — Билл черкнул свое имя в указанной строчке.

Девушка повернулась к деревянному ящику с ячейками у нее за спиной и взяла оттуда большой ключ.

— Скажите, а вас, случайно, зовут не Лидия?

— Нет, сэр. Лидия уехала несколько месяцев назад. Я заняла ее место. Меня зовут Анкхана. — Она протянула ему ключ.

— А вы не знаете, мисс, где она сейчас работает?

— К сожалению, нет, сэр. Я пришла сюда уже после ее отъезда. Мы с ней незнакомы. Вы можете спросить у мадам Жизель, хозяйки отеля, но ее сейчас нет. — Анкхана позвонила в колокольчик, и за спиной у Билла возник маленький носильщик. — Приятного отдыха, сэр.

— Спасибо.

Войдя вслед за носильщиком в свой номер, Билл, как и Гарри до него, залюбовался речной панорамой, открывающейся из окна.

Немного вздремнув и наспех сполоснувшись в ванной, Билл пошел искать ресторан. На тенистой веранде заказал пиво и вкусный гамбургер — этот деликатес он открыл для себя в Сингапуре, когда ожидал морского рейса из Чанги.

«Что ж, — решил Билл, — пожалуй, я здесь привыкну жить как джентльмен! Все вокруг только и делают, что угождают моим прихотям».

Но им владело лишь одно желание — как можно скорее найти Лидию и объяснить ей ситуацию. Выполнив неприятную миссию, можно сосредоточиться на поисках орхидей, которые поедут с ним в Англию.

— У вас есть только две недели, лорд Гарри, — пробормотал он, уткнувшись в кружку с пивом. — Потом я сяду на корабль и вернусь

домой к Элси.

После ленча Билл снова подошел к стойке регистрации — узнать, не вернулась ли управляющая отелем.

«Начни с Жизель, — напутствовал его Гарри. — Она все обо всех знает. Возможно, она уже получила от Лидии письмо — после того как отправила мне телеграмму».

Жизель была у себя в кабинете и вышла поприветствовать Билла.

— Чем могу вам помочь, сэр? — спросила она.

— Э... видите ли, мэм, я приехал сюда по поручению лорда Гарри Кроуфорда.

— Mon dieu! — Жизель вскинула брови. — Наш странствующий британский пианист! Что ж, идемте. — Она откинула деревянную конторку, пропуская Билла, и провела его в свой кабинет. — Садитесь, пожалуйста, мистер?..

— Стаффорд, мэм. Билл Стаффорд.

— Итак. — Жизель устроилась за своим письменным столом. — Как я понимаю, лорд Кроуфорд не стал жертвовать своим наследным титулом ради того, чтобы жениться на служащей нашего отеля и стать пианистом в нашем маленьком баре?

— Совершенно верно, мэм.

— *Quelle surprise*, — тихо произнесла Жизель. — Разумеется, я знала, что так будет, но перед отъездом он был очень убедителен. Я уж думала, — печально улыбнулась хозяйка отеля, — что хотя бы на этот раз любовь восторжествует над прочими обстоятельствами. Но этого, конечно же, не случилось.

— Он любил... и до сих пор любит Лидию, мэм. Но не может все бросить и приехать сюда. Видите ли, недавно умер его отец, и ему пришлось взять на себя управление поместьем, а это огромная ответственность.

— Не надо ничего объяснять, мистер Стаффорд. Я все прекрасно понимаю. Надо думать, вы приехали сюда не для того, чтобы рассказать про его изменившиеся планы. Вы ищете женщину, которой он обещал вернуться, oui?

— Да, мэм. — Билл покраснел под ее внимательным взглядом. Странно, но он чувствовал себя ответственным за поступки Гарри.

— Вам известно, что Лидия здесь больше не работает?

— Да, его светлость сказал мне об этом. Вы знаете, где она?

— Как я сообщила лорду Кроуфорду в телеграмме, Лидия просто исчезла однажды утром, месяца три назад. С тех пор я о ней ничего не слышала.

— Она заболела, мэм? Его светлость не находит себе места от беспокойства.

— Не думаю. Когда я видела ее в последний раз, она показалась мне вполне здоровой. Но вид у нее был печальный... — Жизель покачала головой. — Думаю, мы оба понимаем почему. Лидия очень красивая девушка, умная, способная. Она была ценным работником нашего отеля. Мне очень жаль, что я ее потеряла.

— Как вы думаете, мэм, почему она уехала?

— Не знаю. У меня есть кое-какие подозрения, но... — Жизель вздохнула. — Видимо, это связано с личными обстоятельствами. Лидия очень ответственный человек, и такие поступки не в ее характере. Мне казалось, она дорожила этой работой.

— Может, она уехала к родным? — предположил Билл. — Его светлость сказал, что однажды ездил к ним на остров вместе с мисс Лидией. Они живут далеко от Бангкока — надо целый день ехать на поезде.

— Нет, я точно знаю, она не там. Когда Лидия исчезла, я тоже встревожилась и написала ее дяде, который живет на Ко Чанге, спросила, не к ним ли она уехала. Он ответил, что не видел ее, но обещал написать матери Лидии — выяснить, все ли в порядке. К сожалению, дядя не знал, что мать Лидии несколько месяцев назад переехала в Японию. Лидия осталась работать здесь, но, разумеется, потом она могла передумать и все-таки уехать к маме.

— В Японию? — Билл растерялся. — Простите, мэм, но во время войны я побывал у японцев в плену и теперь вряд ли решусь искать девушку там.

— Понимаю. К тому же это очень далеко отсюда, мистер Стаффорд. — Жизель перегнулась через стол. — Не знаю, что случилось с Лидией, но, если моя интуиция меня не подводит, она не уехала к матери в Японию. Уверена, девушка здесь, — Жизель махнула рукой на окно, — в этом густонаселенном городе.

— Ох, мэм! — Билл повесил голову: перед ним стояла непосильная задача. — С чего же мне начать? Скажите, у нее были друзья здесь, в отеле, которым она могла довериться?

— Даже не знаю. Вообще-то Лидия очень замкнутая, — ответила Жизель. — Вряд ли она стала бы с кем-то делиться своими личными проблемами. Скорее спряталась бы ото всех, как раненое животное.

Билл в глубокой досаде рассматривал свои мозолистые руки.

— Понимаете, мэм, я обещал его светлости, что найду ее. Я не могу вернуться домой, не выполнив обещания. К тому же...

— Что еще, мистер Стаффорд?

Билл сделал глубокий вдох.

— Если я не найду мисс Лидию и не скажу его светлости, что с ней все в порядке, он может все бросить и лично приехать сюда, на ее поиски. Он так ее любит! Вы не представляете, на какие мучения обрек себя этот человек, оставшись на родине и взяв на себя обязанности помещика. Если бы не его наследный долг, он уже давно приехал бы сюда. А что было бы с нами, работниками Уортон-Парка? Если честно, мэм, мы просто пошли бы по миру — и я, и моя жена Элси, и наши родители, и еще сто пятьдесят человек, а также их жены и дети. Наше благополучие напрямую зависит от благополучия поместья. Если его светлость уедет, в Уортон-Парке начнется хаос. Поэтому, мэм, — Билл старался быть красноречивым, — я приехал сюда не только ради него, но и ради себя — ради своих родных и всех, кому нужно, чтобы его светлость остался дома.

— Да, я понимаю, как тяжело лорду Кроуфорду разрываться между любовью и долгом. Не забывайте, я была свидетельницей их любви. Как жаль, что они не могут быть вместе! Это большая трагедия для них обоих. *C'est la vie*, мистер Стаффорд, — вздохнула Жизель. — Я постараюсь вам помочь. — Она задумчиво постучала ручкой по столу. — Думаю, вам следует навестить в больницы — просто на всякий случай. У меня где-то был список. — Она выдвинула ящик стола и порылась в бумагах.

— Я даже не знаю ее фамилии.

— Фамилию-то я вам скажу. Вот. — Жизель протянула ему листок. — Это список всех больниц Бангкока. Мы напечатали его для родственников военнопленных в Бирме. Сколько страданий принесла война! И ведь она еще не закончилась!

— Вы правы, мэм. Она навсегда изменила меня и мою жизнь. Все вокруг перевернулось вверх дном.

— Да. В обычных обстоятельствах Гарри и Лидия никогда бы не встретились. Однако это случилось. И что же? — Жизель с французской грациозностью всплеснула руками. — Смотрите, судьбы скольких людей это затронуло! — Она что-то черкнула на другом листке бумаги и протянула его Биллу. — Это фамилия Лидии. Я написала по-тайски, что вы ее разыскиваете. Когда придете в больницу, покажите эту записку в приемном отделении.

Билл побледнел, представив, что ему предстоит. Он насмотрелся на страдающих и больных в Чанги на всю оставшуюся жизнь.

— Признаться, мэм, мне очень не хочется найти ее в больнице.

— Но вам же надо с чего-то начать, мистер Стаффорд. Думаю, лучше сразу исключить больницы, вы согласны? — Жизель встала, и Билл последовал ее примеру. Она остановилась на пороге и обернулась к нему. — Лорду Кроуфорду повезло, что у него есть такой преданный друг: чтобы ему помочь, он проделал очень дальний путь!

— Его светлость — мой начальник, мэм, и я должен выполнять его поручения.

— Нет, мистер Стаффорд. Лорд Кроуфорд поручил вам дело, которое можно доверить только другу. И не важно, кем вы у него работаете.

— Остается надеяться, что я справлюсь с этим заданием, — вздохнул Билл.

— Обязательно справитесь, — заверила Жизель, открывая дверь кабинета. — Если Лидия еще жива и хочет, чтобы ее нашли, вы ее найдете.

Глава 46

В тот вечер Билл останавливал всех работников гостиницы, которые попадались ему на пути, и показывал им записку Жизель. Но люди лишь разводили руками и качали головой. Поэтому на другое утро ему все-таки пришлось отправиться в «турне» по больницам Бангкока.

Его «тук-тук» колесил по шумным, знойным и зловонным улицам города. Билл уже отчаялся встретить человека, который хоть что-то знает о Лидии. Положение казалось неразрешимым.

В приемных отделениях больниц было на удивление чисто и спокойно в отличие от тюремной больницы Чанги, прозванной «моргом», где не смолкали стоны умирающих от неизлечимых гноящихся ран и стоял отвратительный запах человеческих испражнений.

К концу дня Билл вернулся в отель, потный и уставший. Следов Лидии по-прежнему не было.

— Ну как, есть успехи? — поинтересовалась Жизель, увидев его в вестибюле.

— Нет. — Билл покачал головой. — Я обошел восемь больниц, двенадцать осталось. Честно говоря, мэм, даже не знаю, радоваться или огорчаться тому, что я ее не нашел.

— Вот. — Хозяйка отеля протянула ему конверт. — Это фотография Лидии из ее личного дела. Она снялась перед самым исчезновением. Покажите ее в больницах. Может быть, кто-то узнает. — Жизель похлопала его по плечу. — Желаю удачи в завтрашних поисках!

Билл взял ключ и поднялся к себе в номер. Устало опустившись на кровать, он открыл конверт и достал фотографию.

На него смотрело черно-белое лицо с тонкими чертами, какие он видел у многих тайских женщин в Бангкоке. Однако огромные глаза Лидии излучали сияние, и это делало ее настоящей красавицей. Билл нежно дотронулся до идеально округлой щеки девушки. Интересно, знает ли она, какая суматоха случилась из-за нее за тысячи миль отсюда?

— Где ты, Лидия? — тихо спросил он и аккуратно положил снимок на прикроватную тумбочку.

Когда Билл сполоснулся под душем и переоделся, его внимание привлекли звуки музыки, долетающие из помещения рядом с вестибюлем. Он вошел в «Бамбуковый бар», заказал пиво и стал слушать трио, играющее джаз. Ему не очень нравилась такая музыка — он предпочитал Веру Линн и классику, — но в баре царила веселая атмосфера, и у него поднялось настроение. Билл попытался представить, как его светлость играл здесь на пианино, улыбающийся, беззаботный, влюбленный, но воображение отказывалось рисовать эту картину. Перед глазами Билла вставало серьезное осунувшееся лицо молодого человека, на плечах которого лежит вся тяжесть мира.

К его столику подошла тайская девушка и спросила, можно ли к нему сесть. Он кивнул, едва обратив на нее внимание. Она заказала кока-колу и попыталась завязать с ним разговор на плохом английском. Билл решил, что она ждет своего парня, и стал отвечать на ее вопросы. Двадцать минут спустя, когда девушка придвинулась ближе и нарочно задела бедром его ногу, Билл в панике замахал официанту, чтобы тот его рассчитал, поспешно подписал счет и вышел из бара. Девушка проводила его разочарованным взглядом.

Добравшись до своего номера, он плотно закрыл за собой дверь и постарался выровнять дыхание. Билл не сделал ничего плохого, но его пугала мысль о том, что Элси увидит его с другой женщиной. Он никогда ей не изменял и, даже думая об этом, испытывал почти физическую боль. Да и что хорошего в восточных женщинах? Другие солдаты, получив увольнительную, тут же бежали в публичные дома Сингапура, а он думал только о своей жене, которая терпеливо ждала его дома, представлял ее большие карие глаза, веснушчатый носик и пышное белое тело.

Раздевшись, Билл забрался в постель. Пусть они с Элси не так богаты и свободны, как благородные господа, на которых они работают, но Господь ниспослал им немеркнущую любовь, а она встречается реже, чем черная орхидея.

Наступил еще один знойный день. Билл изнывал от влажной жары. Грудь сдавливало обручем. Казалось, будто в воздухе совсем не осталось кислорода. Он жадно дышал ртом под потолочными вентиляторами приемных отделений, пока больничные служащие

просматривали списки пациентов в поисках Лидии, потом изучали ее фотографию и качали головой.

Поиски уводили его все дальше в город. Изящная колониальная архитектура домов, окружающих отель «Ориенталь», и берега реки остались позади. Билл ездил на «тук-туке» от больницы к больнице, по пути оглядывая храмы, выкрашенные в насыщенные яркие цвета: на рассвете под их своды стекались монахи — они шли босиком по грязным улицам, держа в руках миски, куда местные жители бросали рис. В городе было полно бездомных — калек с изувеченными конечностями и женщин с маленькими детьми. Они сидели в сточных канавах и просили милостыню. На их изможденных лицах было написано отчаяние. Билл еще не видел такой ужасающей нищеты. И вот что поражало: эти несчастные могли идти куда захотят, однако их жизнь была не намного лучше, чем его заключение в Чанги.

Билла все сильнее тянуло обратно, в уют и относительную безопасность Уортон-Парка. Только теперь он понял, как ему повезло.

К концу дня Билл обошел все городские больницы, но поиски не дали результата. Он пешком вернулся в отель, уставший и расстроенный, постоянно спрашивая себя: «Что же теперь делать?» Когда он брал ключ у портье, из окна своего кабинета его увидела Жизель и вышла с ним поговорить.

— Вижу по вашему лицу, вы ее не нашли.

— Нет, — вздохнул Билл. — И не знаю, где искать дальше. У вас есть какие-то идеи?

— А что, если расспросить соседей? Я имею в виду дом, где Лидия жила до того, как ее семья уехала в Японию, а сама она перебралась в отель. Возможно, девушка туда вернулась.

— Пожалуй, стоит попробовать, — равнодушно отозвался Билл.

— Я дам вам ее старый адрес. Вы покажете фотографию соседям и местным уличным торговцам. Может, кто-то ее видел... — Жизель осеклась.

Они оба знали, что это слишком слабая зацепка.

Билл поскреб в затылке. Голова раскалывалась.

— Не понимаю, почему Лидия не оставила здесь записку для его светлости и не сообщила, куда уезжает. Ведь она думала, что он вернется и будет ее искать.

— Трудно сказать, почему она так поступила, мистер Стаффорд, — пожалала плечами Жизель. Она сочувствовала этому хорошему, преданному молодому человеку: хоть и плохо образованный, с каждым днем он вызывал у нее все большую симпатию.

— Ладно, мэ, спасибо за помощь. Завтра отправлюсь по этому адресу. Через десять дней я возвращаюсь домой и даже ради его светлости не стану откладывать свой отъезд... Иначе потеряю жену.

— Вам не в чем себя упрекнуть, мистер Стаффорд, — улыбнулась Жизель.

* * *

Через двадцать минут «тук-тук» доставил Билла по адресу, который дала управляющая отелем, — в самый центр города, на темную узкую улочку, застроенную высокими деревянными домами, которые кренились в разные стороны, так что казалось, будто их повалило ветром. Из сточных канав разило гниющей пищей, и у Билла скрутило живот, когда он остановился перед домом, где, судя по всему, когда-то жила Лидия.

На стук в дверь вышла беззубо улыбающаяся древняя старуха. Билл понимал, что говорить с местными жителями бесполезно, поэтому сразу сунул ей под нос фотографию.

Старуха кивнула и указала вверх.

— Она здесь? — Сердце Билла подпрыгнуло от радости.

Пожилая тайландка что-то быстро залопотала на своем языке, качая головой и размахивая руками. Билл шагнул через порог.

— Лидия? Наверху?

— Mai, mai, mai!

Это слово Билл знал. Оно означало «нет».

— А где она? Лидия? — спросил он, сопровождая вопрос мимикой и жестикуляцией.

Дверь перед ним внезапно захлопнулась, так что он едва успел убрать ногу.

Несколько минут Билл колотил по деревянной створке, но ему никто не открыл. Потом он прошелся по улице, стуча в двери соседних домов, однако и эти усилия оказались напрасны.

«Все бесполезно! Придется вернуться домой и сообщить его светлости, что не нашел Лидию. Честно говоря, эта затея с самого начала была обречена на неудачу. Разве можно найти девушку в многомиллионном городе, да еще сразу после войны? Тем более местные жители боятся приезжих с Запада, и языка я не знаю... Моей вины здесь нет. Я сделал все, что мог, но больше искать негде. Потрачу оставшееся время на покупку орхидей и спокойно поеду в Англию».

Билл медленно шел по улице, выискивая свой «тук-тук», который куда-то запропастился. Свернув за угол, он вдруг очутился на большом шумном рынке, купил себе миску лапши и бесцельно побрел вдоль прилавков. Его внимание привлек один, утопающий в невероятно красивых, ярких и ароматных орхидеях. Билл остановился и стал рассматривать цветы, многие из которых видел впервые.

— Вам помочь? — раздался голос из-за листвы.

Билл посмотрел сквозь ряд горшков с дендробиумом и заметил сидящего на полу маленького человечка.

— Вы говорите по-английски? — удивленно спросил Билл.

— Да, немного. — Человечек встал. В полный рост он доставал Биллу до груди. — Помочь вам, сэр? Здесь много редких орхидей. У нашей семьи своя оранжерея в Чиангмай. Это оттуда. Мы знамениты, — с гордостью объявил он. — Мы поставляем цветы в королевский дворец.

— Да, я вижу, растения необычные. — Билл показал на особенно поразительную оранжевую орхидею с тонкими узкими лепестками в темных прожилках и белым продольным гребешком. Он поставил на прилавок свою миску с лапшой, положил туда же фотографию и взял цветок, чтобы повнимательнее его разглядеть. — Что это?

— Это, сэр, *Dendrobium unicum*. Редкая и дорогая орхидея. — Мужчина усмехнулся. — Любит яркий свет и сухую погоду.

— А это? — Билл поднял растение с нежными, как паутинка, лиловыми лепестками.

«Жаль, не захватил с собой бумагу и ручку! Можно было бы записать названия цветов и их особенности. Похоже, этот парень знает, о чем говорит».

— Это, сэр, *Aerides odoratum*. Растет на земле в лесу. Любит тень.

— А это?

Следующие двадцать минут Билл с упоением беседовал о мире, который понимал и любил, начисто забыв про Лидию. Ему хотелось скупить все цветы в палатке, отвезти их в свою теплицу, а потом месяцами знакомиться с каждым сортом, экспериментируя с температурой, светом и влажностью.

«Интересно, сумею ли я вывести новый сорт? Или скрестить несколько растений и получить гибрид?»

— Вы будете здесь завтра? — спросил Билл, прикидывая, каким образом перевезти столько цветов и как хранить их дома.

— Я торгую здесь каждый день, сэр.

— Понимаете, я хочу купить орхидеи и отвезти их в Англию.

— Да, сэр, сделаем. Мы пришлем на пристань ящик, и вы погрузите его на корабль.

— Вы упакуете цветы при мне, — твердо заявил Билл. Он не хотел приехать домой и обнаружить, что ему продали пять ящичков с маргаритками. — Я приду завтра, отберу растения, и мы обо всем договоримся.

— О'кей, сэр. До завтра.

— Спасибо.

Билл отошел от прилавка, его мысли были по-прежнему заняты орхидеями.

— Сэр! Сэр! Вы забыли фотографию!

Продавец подбежал к нему, тряся снимком.

— Ах да, спасибо.

Билл потянулся к фотографии, но мужчина вдруг взгляделся в изображение и улыбнулся:

— Она очень красивая. Я ее знаю.

Билл судорожно сглотнул.

— Вы ее знаете?

— Да, это Лидия, моя постоянная покупательница. Она живет вон там. — Мужчина показал на улицу, откуда пришел Билл. — Но в последнее время я ее не вижу. Может, уехала.

Билл попытался успокоиться и говорить медленно, чтобы мужчина его понял.

— Вы могли бы узнать, куда она уехала?

— Да, легко. Моя кузина дружит с ней много лет. Я у нее спрошу.

— Пожалуйста! Как можно быстрее! Это очень важно. Мне надо ее найти.

— Зачем? — Мужчина нахмурился. — У нее неприятности? Мне не нужны неприятности.

— Нет, все в порядке. — Билл понимал, что объяснять подробности бесполезно, поэтому просто сказал: — Передайте вашей кузине, что Лидию ищет Гарри. Она поймет.

Мужчина на мгновение задумался.

— О'кей. Но мне надо зайти к кузине и дождаться, пока она ее найдет.

Билл достал из кармана банкноту и протянул ее продавцу орхидей.

— Я приду завтра и заплачу вам еще, если вы скажете, где мне найти Лидию.

Мужчина улыбнулся:

— О'кей, сэр. Я постараюсь.

— Спасибо.

Билл пошел с рынка, едва смея надеяться на то, что случайная встреча с цветочником дала столь долгожданный результат.

Глава 47

— Я ее нашел, сэр, — хмуро сообщил цветочник Биллу на следующее утро.

— Где она?

Повисла долгая пауза. Мужчина сосредоточенно разглядывал свои грязные босые ноги. Билл понял намек, достал из кармана еще две банкноты и протянул их продавцу орхидей.

— Сейчас я вас туда отведу.

Мужчина свистнул пареньку, торгующему в соседней палатке, чтобы тот приглядел за его товаром, и дал знак Биллу следовать за ним.

— Мисс Лидия переехала, — объяснил цветочник, ведя Билла по лабиринту из грязных улиц. — Она живет... неважно. Моя кузина говорит, она очень, очень больна. Не может ходить, не может платить за жилье.

— Что с ней случилось? — Сердце Билла тревожно забилось при мысли том, что он сейчас увидит.

— Думаю, вы сами это знаете, сэр, — мрачно отозвался мужчина. — Но когда я пришел к ней и сказал, что приехал Гарри, она очень обрадовалась. И просила вас зайти. Ведь вы ей поможете, да? Похоже, она умирает.

Цветочник остановился перед каким-то зданием с полусгнившей деревянной дверью, залатанной досками. Билл шагнул за порог и чуть не споткнулся об одноногого нищего, который сидел на крыльце и просил подаяние.

Он стиснул зубы, почувствовав знакомый запах невымытых и больных тел, наполняющий невыносимо жаркое, душное помещение.

Мужчина провел его вверх по узкой скрипучей лестнице и постучал в дверь. В ответ послышалось тихое бормотание. Цветочник что-то сказал по-тайски, и из-за створки снова донесся слабый голос.

— О'кей, мистер Гарри. Я пошел. Она больна, и я не хочу здесь оставаться. Приходите, когда надумаете купить цветы.

Мужчина поспешно спустился вниз, даже не дав Биллу ответить. Сделав глубокий вдох, Билл повернул дверную ручку и вошел внутрь.

В комнате было ужасно жарко и темно, лишь тусклые лучики света проникали сквозь неровные щели ставень.

— Гарри? — едва слышно спросили из угла.

Билл, глаза которого еще не успели привыкнуть к полумраку, обернулся на звук. Он разглядел на полу матрас, а на нем — хрупкую фигурку.

— Гарри, это ты? Или я сплю?

Билл судорожно сглотнул и шагнул к матрасу. Ему не хотелось пугать Лидию чужим голосом. Пусть сначала убедится, что ей ничего не угрожает.

— Гарри?

Билл приблизился еще на пару шагов и уже отчетливее увидел девушку, лежащую на матрасе. Ее глаза были закрыты, повернутая набок голова покоилась на белой простыне. Нагнувшись, он всмотрелся в безупречные, уже знакомые черты. Теперь он точно знал, что нашел Лидию, возлюбленную Гарри.

— Гарри, дорогой, — пробормотала она, — я знала, что ты приедешь... вернешься ко мне...

Билл боялся заговорить и тем самым разрушить сладкую иллюзию больной девушки. С тяжелым сердцем он опустился на колени и дотронулся до ее пылающего лба.

— Гарри, — вздохнула Лидия, — я мечтала об этом... Слава Богу, ты приехал... Я люблю тебя, Гарри, люблю...

Изнывая от жалости, Билл нежно гладил ее лоб, понимая, что она наполовину бредит.

— Обними меня... Мне плохо и страшно. Пожалуйста, обними меня...

По щекам Билла тихо катились слезы. Он обхватил руками худое вялое тело девушки, чувствуя его лихорадочный жар.

Она тихо вздохнула.

— Ты здесь, Гарри, ты и правда, пришел... Теперь все будет хорошо.

Билл долго не выпускал Лидию из объятий. Она будто заснула, но время от времени вздрагивала: то ли ей снилось что-то страшное, то ли беспокоила лихорадка, которая сжигала ее изнутри. Он видел такое в Чанги и знал, чем это кончается.

Наверное, он тоже заснул, разморившись от жары. Ему казалось, что, пока он обнимает эту бедную больную девушку, она не умрет.

В конце концов, у него затекли ноги. Он бережно уложил Лидию на матрас, неуклюже встал с колен и огляделся в поисках воды: надо смочить ей лоб, чтобы хоть немного сбить температуру.

И тут он услышал звук, донесшийся с дальнего края матраса, из-за спины у Лидии, которая лежала неподвижно, как мертвая. В полутьме зашевелилась простыня, и Билл подпрыгнул от неожиданности.

Он обошел матрас и опять увидел, как шевелится простыня. Из-под нее послышался новый звук. С сильно бьющимся сердцем Билл присел на корточки и осторожно откинул простыню.

На него смотрела пара лучистых янтарных глаз. Потом крохотное личико недовольно сморщилось, а прелестные губки вытянулись в трубочку. Тишину тут же огласил негодующий крик голодного новорожденного младенца, требующего молока.

* * *

Билл сидел в кабинете Жизели и держал на руках недавно накормленного ребенка.

— Конечно, я догадывалась, почему Лидия вдруг исчезла, — вздохнула Жизель. — Она всегда была очень худой, но в последнее время заметно округлилась. Здесь, в Таиланде, считается самым страшным позором родить ребенка без мужа. Но я ничего не спрашивала — ждала, когда она сама расскажет.

— Слава Богу, мэм, что я ее нашел! Она была в ужасном состоянии, почти без сознания. — Билл жадно хлебнул бренди, который налила ему Жизель, когда он вернулся в отель.

Его рука, подносящая рюмку ко рту, дрожала. Во время войны он повидал немало кошмаров, но эти минуты будет помнить еще очень долго.

Обнаружив ребенка, Билл испытал шок, а непрерывный плач младенца вывел его из тупого оцепенения, вызванного жарой. Взяв малыша на руки, он выбежал из дома и поспешно вернулся на рынок. Цветочник начал упираться, но, получив еще несколько денежных

купюр, пригнал старенький грузовик, на котором возил из теплицы свои орхидеи: Лидию надо было срочно госпитализировать.

— Это чудо, что вы ее вовремя нашли! — Жизель взглянула на него с тревогой. — Как она себя чувствовала, когда вы оставили ее в больнице?

— Была без сознания... очень плоха. Не знаю, что с ней. Я не понял, что говорили врачи. Когда уходил, она лежала под капельницей, в кислородной маске, — объяснил Билл. — Знаете, мэм, когда я поднял ее с матраса и понес вниз по лестнице, к грузовику, там повсюду была кровь... — Билл осекся. — Кровь лилась... из того места, откуда появился ребенок. Трудно сказать, выживет ли бедняжка. — Билл судорожно вздохнул. — По крайней мере, теперь ее лечат, а до этого она лежала одна в зловонной комнате.

— Они определили возраст ребенка? По-моему, девочка совсем крохотная. — Жизель оглядела сверток, мирно сопящий у Билла на руках.

— У нее еще не отпала пуповина, значит, ей всего несколько дней. Врачи осмотрели девочку, а потом отдали мне. Кажется, они решили, что я... ее отец. — Билл покраснел и, потупив глаза, посмотрел на малышку. — Я никогда не имел дела с младенцами, мне привычней телята — я ухаживал за ними на ферме, — но, на мой взгляд, девочка вполне здорова. А уж что касается аппетита, он у нее отменный!

— Она очень красива, — заметила Жизель, и в ее голосе послышалась нежность.

— Да, это точно. — Билл взглянул на ребенка влажными от слез глазами. — Но скажите, мэм, что мне теперь с ней делать?

— Здесь я вам не советчик, мистер Стаффорд. Но думаю, сейчас, пока Лидия болеет, вам надо позаботиться о ее ребенке. А решать будете потом, когда мать выздоровеет.

— Простите, но я не знаю, как обращаться с маленькими детьми. Что делать, когда она... испачкается? В больнице ей поменяли пеленки, но... — Билл сморщил нос, — я чувствую, что она опять грязная.

— Чистые тряпки и молоко мы, конечно, найдем. А спать она может в вашем номере. У нас где-то есть плетеная колыбелька...

— А если Лидия не выздоровеет, мэм? Что тогда? — Состояние Билла было близко к панике: он боялся брать на себя ответственность за новорожденного ребенка.

Жизель вздохнула.

— Послушайте, мистер Стаффорд, я не имею права решать такие вопросы. А лорд Кроуфорд? Может, сообщить ему?

— Нет, мэм, не могу. Мы договорились не звонить и не писать друг другу, пока я буду в Таиланде, чтобы никто не подслушал наши разговоры и не прочел переписку. Если ее светлость когда-нибудь узнает об этом... — Билл опять взглянул на малышку. — У них скоро родится свой ребенок.

— Вижу, лорд Кроуфорд даром времени не теряет, — заметила Жизель, вскидывая бровь. — Alors! Вам придется самому расхлебывать кашу, которую он заварил.

— Вы зря его осуждаете! — возмутился Билл. — Он же не виноват в том, что влюбился. А Лидия любит его до сих пор — это ясно как день. — Билл помолчал, прикидывая, стоит ли говорить дальше, потом решил: — Она приняла меня за Гарри — думала, что его светлость вернулся к ней, как и обещал. Мне было неловко, но я не хотел еще больше ее расстраивать. Ей было очень плохо. О Господи! — выдохнул он. — Вы правы, мэм: каша заварилась нешуточная.

Билл допил бренди, и они немного посидели молча, думая каждый о своем.

— Все это очень печально, — наконец сказала Жизель. — Эта малышка — еще одна жертва послевоенного хаоса. Однако, мистер Стаффорд, вам надо мыслить практически. Если Лидия не выздоровеет, отдайте девочку в сиротский приют — здесь есть несколько таких заведений.

Билл вздрогнул.

— Будем надеяться, она все-таки поправится. Правда, тогда мне придется сказать ей, что она никогда больше не увидит его светлость, что в Англии у него уже есть жена и скоро у них родится ребенок.

— Я вам не завидую, мистер Стаффорд. Но вы наверняка сумеете все уладить. Пожалуйста, передайте Лидии привет, когда ее увидите. А сейчас я принесу еще молока, салфетки и колыбель.

— Спасибо. — Билл встал с малышкой на руках, чувствуя страшную усталость после столь напряженного дня. — Я очень признателен вам за помощь, мэм.

Жизель пошла вслед за ним к двери.

— Мой дорогой мистер Стаффорд, мы все обязаны делать то немного, что нам под силу.

На следующей неделе Биллу пришлось быстро обучиться уходу за ребенком Лидии. Лаор, жизнерадостная и опытная горничная, каждый день убиравшая его номер, оказалась бесценной советчицей. Она показала, как кормить, пеленать малышку и выпускать ей газы. Лаор хихикала, глядя, как Билл возится с булавкой для пеленок. Он постепенно понял, что девочка плачет, потому что мокрая, или хочет есть, или у нее колики — это обычно случалось в пять утра. Билл с удовольствием облегчал ей боль — похлопывал по спинке, дожидаясь, когда она отрыгнет, крохотное тельце расслабится, а головка упадет ему на плечо. Тогда, усталый, он ложился в постель и просыпался только около восьми, когда малышка опять просила есть.

Билл каждое утро вместе с ребенком навещал Лидию в больнице. Она по-прежнему была без сознания, температура не снижалась. Медсестры смотрели на него с сочувствием, когда он менял малышке пеленки и кормил ее на коврикe возле кровати. Жизель попросила своего заместителя, тайландца, позвонить в больницу и поговорить с врачом. Так Билл узнал, что у Лидии тяжелое послеродовое кровотечение. Прогноз врача был неутешительным. Кровь продолжала идти, в матку проникла инфекция. Лидию лечили сильными противовирусными препаратами, но улучшений пока не наблюдалось.

Билл сидел возле кровати и прикладывал к ее пылающему лбу тряпку, смоченную водой. Но это средство казалось бесполезным. Иногда Лидия шевелилась, на несколько секунд открывала глаза, а потом опять закрывала. Она явно не признавала присутствие Билла и ребенка.

Билла терзали тревога и отчаяние. Через три дня он отплывает в Англию. Что делать, если Лидия не очнется до его отъезда? Впрочем, ей в любом случае еще много недель придется восстанавливать силы: на первых порах она не сможет ухаживать за своей маленькой дочкой.

Лаор показала ему, как укладывать ребенка в перевязь (тайский беби-слинг). После полудня Билл сажал малышку в это приспособление и отправлялся к Прайятепу, цветочнику. Вместе с ним он ходил по главному цветочному рынку Бангкока и выбирал растения, которые хотел увезти с собой в Англию.

Пока они бродили по жарким людным улицам, Прайятеп рассказывал Биллу, как ухаживать за орхидеями. Билл получил от своего нового друга поистине бесценные знания. Семья Прайятепа выращивала орхидеи в своем питомнике, в Чиангмай, на протяжении трех поколений. Цветы собирали в горных джунглях, окружающих деревню. Прайятеп обещал присылать в Уортон-Парк все новые сорта, которые они найдут в будущем.

Во время этих походов малышка мирно посапывала на груди у Билла и плакала, только если хотела есть или была грязной. Поначалу Билл чувствовал себя глупо и стыдился своей роли няньки, но когда эта теплая кроха прижималась к его телу, ему становилось на удивление приятно и уютно.

— Чудесная девочка, — как-то заметил Прайятеп. — Спокойная. А ты хороший папа.

Билл ощутил прилив гордости.

— Ты моя милая, ты моя красивая, — приговаривал Билл, меняя ей ночью пеленки.

Янтарные глазки смотрели на него с таким доверием, что казалось, разрывается сердце. Он поднял ее на руки, поцеловал в макушку, покрытую темным пушком, и принялся нежно укачивать, пристроив на своем плече.

— Что мне с тобой делать, маленькая? — Расстроенно вздохнув, он уложил девочку в колыбельку.

Может, ему просто показалось, но в этот момент он готов был поклясться, что кроха улыбается. Потом девочка сунула в рот кулачок и, посасывая его, закрыла глазки.

До отплытия его корабля оставалось два дня, а Лидия по-прежнему была без сознания. Билл понял: надо что-то решать.

— Вы знаете какую-нибудь добрую семью здесь, в Бангкоке, которая согласилась бы ее взять? — спросил он у Прайятепа, когда они укладывали орхидеи в ящики — это была тонкая работа.

— Нет. В здешних семьях слишком много детей. А денег и еды не хватает. Когда мать умирает, ребенка отправляют в сиротский дом, — бесстрастно заметил Прайятеп.

Билл вздохнул.

— Вы знаете, где есть такой сиротский дом?

— Да, знаю, но это плохое место, мистер Билл. Там слишком много детей. Их кладут вчетвером на одну койку. А еще там плохо пахнет. — Прайятеп сморщил нос. — Девочка там заболевает и умрет. Это нехорошо. — Он посмотрел на малышку, которая, пока Билл работал, спала в мелком ящике, застеленном одеялом. — Если ее мама умрет, здесь для нее нет будущего.

После бессонной ночи Билл, как обычно, пошел в больницу и застал у кровати Лидии улыбающуюся медсестру. Она показала на пациентку и что-то сказала по-тайски. Билл увидел, что глаза Лидии широко открыты — на худом сером лице они казались просто огромными. Сердце у него подпрыгнуло: он не ожидал такого поворота событий. Лидия посмотрела на него, и в ее глазах тут же появился испуг.

— Кто вы? — спросила она слабым хриплым голосом. — Где Гарри? Мне что, приснилось, будто он ко мне приходил? Почему у вас мой ребенок? Отдайте ее мне! — Она потянулась к малышке, лежащей в перевязи на груди у Билла.

Медсестра по-тайски успокоила Лидию, потом помогла Биллу достать малышку из перевязи и уложила ее Лидии на руки. Лидия засыпала медсестру вопросами. Женщина отвечала, а Билл беспомощно стоял рядом. Вот оно, началось! Лучше бы еще год отсидеть в Чанги, чем пережить такое!

Когда медсестра ушла, Лидия обернулась к Биллу. Ее глаза полыхали гневом.

— Зачем сказали медсестре, будто вы отец ребенка? Это неправда! Кто вы такой? Отвечайте!

— Клянусь вам, мисс Лидия, я этого не говорил! Я вообще не знаю тайского языка. Наверное, они приняли меня за отца девочки, потому что я привез вас сюда. Меня зовут Билл Стаффорд, я друг лорда Гарри. Он послал меня в Бангкок, чтобы я вас нашел.

— Гарри? Его здесь нет? — Страх и ярость исчезли с лица Лидии, в глазах заблестели слезы. — Но я его видела, он приходил ко мне... обнимал меня... Я...

— Лидия, это я к вам приходил. Гарри здесь нет. Он в Англии. Мне очень жаль, что так получилось.

— Нет-нет, я его видела... Ради него я боролась за жизнь... Он к нам вернулся, — простонала бедняжка, закрывая глаза. По ее щекам

покатились слезы.

— Лидия... он вас любит. Всей душой! Вы для него — целый мир, поверьте!

— Тогда почему он не приехал? Он обещал, обещал вернуться, — тихо простонала Лидия.

— У него умер отец. Ему пришлось взять на себя управление родовым поместьем в Англии. Он приехал, если бы мог, клянусь!

Билл знал, что никакие слова уже не утешат эту несчастную женщину.

— Он скоро приедет? — спросила Лидия шепотом: короткий всплеск энергии закончился.

— Гарри не может сюда приехать, мисс Лидия. Вот почему он послал меня.

— Значит, вы приехали, чтобы забрать нас в Англию? — Лидия слабела на глазах.

— Вам надо отдохнуть, мисс Лидия. — Билл взял ее за руку. — Я буду здесь, рядом. Мы поговорим позже, и я все вам расскажу.

— Он приедет. Он любит меня... любит... — Лидия замолчала и уснула.

Билл два часа просидел у постели больной, глядя на ее трогательное воссоединение с дочкой. Сердце разрывалось от жалости: он знал, что им не суждено быть вместе. Когда малышка проснулась голодная, он осторожно взял ее из рук спящей Лидии, покормил, перепеленал и уложил обратно.

Наконец в окна палаты появились охряные отблески заката. Лидия заворчалась. Вошла медсестра и жестом велела Биллу уйти. Он купил на улице пиво, миску лапши и сел поесть на ступеньку больничного крыльца. За годы заключения в Чанги ему довелось пережить немало страданий, но он еще никогда не испытывал такого чувства безнадежности. И такого одиночества.

Через час Биллу разрешили вернуться в палату. Лидия сидела в постели, опершись на подушки, и казалась совсем слабой, но ее взгляд стал более осмысленным и спокойным.

— Пожалуйста, сядьте, мистер Билл. — Она указала на стул. — Врач сказал, что вы были очень добры. Вы привезли меня сюда, ухаживали за моим ребенком и каждый день меня навещали. Он говорит, вы хороший человек.

— Я сделал все, что мог, мисс Лидия. А она... — Билл показал на малышку, — просто чудо!

Лидия с улыбкой взглянула на девочку.

— Как вы думаете, она похожа на папу?

Билл думал, что она копия мамы, но все равно кивнул:

— Да, похожа. Все это время мне хотелось узнать, как ее зовут.

— Жасмин. Ее зовут Жасмин. Гарри рассказывал, что его мама выращивает жасмин в своем саду, в Англии. Здесь он тоже растет. Красивый кустарник с душистыми цветами.

— Мне тоже нравится, мисс, — согласился Билл. — Хорошее имя.

— Надеюсь, Гарри оно понравится. А вас зовут Билл?..

— Стаффорд, мисс Лидия. Мы с лордом Гарри вместе сидели в Чанги. Помогали друг другу... — Билл поморщился, вспомнив жуткие годы. — Но дома, в Англии, я работаю у него садовником.

— Садовником? — Лидия удивилась. — Он послал за мной садовника?

— Он знал, что мне можно доверять, мисс Лидия. Ради него я готов на все.

Взгляд Лидии смягчился.

— Да, он замечательный человек. Мне не терпится его увидеть и показать ему нашу дочку. Из писем я поняла, что он не может сюда приехать. У него умер отец. Значит, вы собираетесь отвезти меня в Англию, к Гарри?

— Лидия, я...

— Но я не могу сейчас ехать в Англию, мистер Билл. — Лидия покачала головой. — Доктор сказал, после родов у меня возникли серьезные внутренние повреждения, мне нужна срочная операция. Ее не сделали раньше, потому что я была слишком больна и могла умереть. Врачи говорят, пройдет много недель, прежде чем я поправлюсь. Если поправлюсь вообще. Так что нам придется подождать. Я пока не могу ехать так далеко.

Билл судорожно сглотнул. Какая храбрая девушка! Только бы она выздоровела!

— Мисс... то есть Лидия... я... — Он осекся, и она прочла в его глазах страх.

— В чем дело?

— Ох, мисс, даже не знаю, как вам сказать. Я...

— Он больше не хочет меня видеть? — Ее лицо исказилось от боли.

— Нет, мисс, он вас любит, очень сильно любит. Дело не в этом... Я...

— Если он меня любит, значит, все о'кей. Ну же, мистер Билл, рассказывайте, что случилось с моим бедным Гарри.

Билл видел, как свято она верит во взаимную бессмертную любовь, и эта наивная решимость еще больше обескураживала.

— Знаете, я лучше приду после того, как вас прооперируют, — предложил он. — Вы немного окрепнете, и я вам все расскажу. Сейчас не самое удачное время.

— Мистер Билл, я чудом осталась жива. И еще могу умереть — во время операции или после нее. Доктор уже предупредил меня об этом. Операция назначена на завтра. У меня нет времени. Рассказывайте! Пожалуйста, мистер Билл. Я должна знать.

— Я... ох, мисс...

Чтобы его успокоить, Лидия протянула к нему свою худенькую дрожащую руку.

— Понимаю, вы хотите рассказать мне что-то плохое. Не волнуйтесь, я готова. Я знаю, что он меня любит, остальное не важно. Пожалуйста, говорите.

Билл заговорил: его внутренняя сила не шла ни в какое сравнение с волей этой хрупкой маленькой женщины, жизнь которой он собирался разрушить. Бедняга произносил страшные слова, но ее лицо не выдавало эмоций, лишь руки сжимались в кулаки и снова разжимались от отчаяния. Потом Билл взглянул на крохотное существо — драгоценное свидетельство всепоглощающей любви Лидии, спящее у нее на руках, и понял, что не сможет рассказать ей всю правду. Он умолчал о том, что далеко отсюда, в Англии, у его светлости скоро родится другой ребенок.

— Вот такие дела. У Гарри есть жена, и теперь, после смерти отца, вся ответственность за поместье легла на его плечи. Не могу вам передать, как мне жаль вас, мисс Лидия. Гарри страстно желал к вам вернуться, правда. Хотел все рассказать жене и подать на развод. Но сейчас даже он понял, что не может это сделать. Гарри просил вас передать, что будет любить вас вечно, — закончил Билл. — Поверьте,

мисс Лидия, он очень несчастен — так же как и вы. Я... сочувствую вам обоим.

Лидия смотрела в пространство перед собой.

— Он знает про ребенка? — наконец спросила она шепотом.

— Нет.

Лидия задумчиво кивнула.

— Он не сможет на мне жениться. Даже если я останусь жива.

— Не сможет, мисс Лидия, при всем желании.

— А он возьмет своего ребенка, если узнает о нем?

Лицо Лидии серело с каждой секундой, и Билл смягчил свой ответ.

— Вряд ли, мисс, — тихо отозвался он.

— Я хочу, чтобы вы спросили его об этом. — Она вдруг привстала и схватила Билла за рукав. — Пошлите ему телеграмму — сегодня же вечером! Спросите его, пожалуйста, мистер Билл! Вы должны это сделать. У меня нет времени. Мне надо решить судьбу Жасмин. — Силы оставили бедняжку, она выпустила руку Билла и закрыла глаза. — Обо мне не беспокойтесь. Я уже смотрела в лицо смерти, и, возможно, мне суждено скоро покинуть эту землю. Но наш ребенок... наша малышка... Она не должна страдать. Гарри этого не допустит, я знаю. Вы должны отвезти ее к нему... к родному отцу...

Билл сглотнул. Ему не хватало смелости сказать, что ее просьба невыполнима.

Лидия открыла глаза и взглянула на свою маленькую дочь.

— Она должна жить, мистер Билл. Даже если не умру, я не смогу как следует о ней позаботиться. Дайте ей то, что нужно для жизни. У меня сейчас нет ни дома, ни работы, ни денег. Мне придется отправить ее с вами в Англию. Тогда у нее появится шанс.

— Мисс Лидия, — произнес Билл хриплым от волнения голосом, — девочке нужна мать. Я думаю...

— Я думаю, что могу умереть и у девочки вообще не останется близких. — Она поцеловала Жасмин в макушку и накрыла своей ладошкой миниатюрные пальчики — копию собственных. Ее глаза, затуманенные слезами, умоляли о помощи. — Возьмите ее, пожалуйста. Так будет лучше. Если оставлю малышку у себя еще хотя бы на день, вряд ли смогу... отдать.

Она нагнулась и что-то зашептала на ушко Жасмин. Билл не понимал и не хотел понимать этих слов. Он знал, что Лидия прощается с девочкой. Дрожа от усилия, Лидия подняла малышку и протянула ее Биллу. По щекам тихо катились слезы.

— Берегите ее, мистер Билл, прошу вас! Я верю, вы хороший человек, и поручаю вам свою дочь — вам и ее отцу. Возможно, меня скоро не станет. Но это не имеет значения. Жасмин — вот мое будущее. Пожалуйста, мистер Билл, найдите способ сообщить, что моя дочь жива и здорова. Если я не умру, мне надо будет об этом знать.

— Ладно. Я напишу Прайятепу, цветочнику, — произнес Билл дрожащим голосом: он понятия не имел, сумеет ли выполнить обещание. — Не волнуйтесь, мисс Лидия, я позабочусь о Жасмин.

— Кор khun ка. И скажите им обоим, что я их люблю. Что они дарованы мне Богом и этот дар — благословение всей моей жизни.

Лидия хотела в последний раз коснуться своей дочери, но ее ослабевшая рука упала на постель, так и не дотянувшись до Жасмин.

— Скажите, что мы с ними еще увидимся. Потому что... — она посмотрела на Билла и улыбнулась (эта улыбка озарила ее лицо, и он вдруг увидел, как она красива), — любовь не умирает, мистер Билл. Любовь не умирает.

Глава 48

В начале мая на пороге дома Элси вдруг появился Билл.

— Билл! О, Билл! Почему ты не сказал, что сегодня приедешь? Я бы встретила тебя в Феликстоу! — Элси хотела обнять мужа, но увидела, что он бережно держит нечто, завернутое в одеяло. Она подозрительно оглядела сверток. — Что там у тебя?

— Давай войдем в дом, милая, — устало произнес Билл. — Я положу ее и обниму тебя.

Элси закрыла за ним дверь. Билл положил сверток на кровать, и он заворочался.

— Ох, милая, я так по тебе соскучился! А ты скучала по мне? — спросил Билл.

Элси не сводила глаз со свертка.

— Конечно, скучала, но это не важно. Что там такое?

Билл встревоженно взглянул на жену.

— Я решил привезти тебе подарок. Мне показалось, так будет правильно. Впрочем, — он вздохнул, — если честно, у меня не было выбора. Ну же, подойди и посмотри на нее. Это маленький ангел.

Элси осторожно приблизилась к свертку, дрожа от страха и волнения. Откинув уголок одеяла, она увидела, что на нее смотрят чудесные янтарные глазки.

— О, Билл! — выдохнула Элси, прижав ладони к пылающим щекам. — Какая красавица! Кто она?

— Элси, она наша. Я привез тебе маленькую девочку.

— Но... — от неожиданности Элси не знала, что и сказать, — это, наверное, чья-то дочка? Билл Стаффорд, я тебя знаю! Ты мне что-то недоговариваешь!

Малышка заплакала.

— Ох, бедная крошка! Иди ко мне! — Элси подхватила девочку на руки и принялась ее укачивать, любуясь кожей медового цвета, симпатичным носиком и черными волосами. — Тише-тише, маленькая. — Она сунула палец девочке в рот, чтобы ее успокоить. — Сколько ей?

— Когда я уезжал, ей было чуть больше двух недель, значит, сейчас около семи недель, — объяснил Билл.

— Но как такой мужлан, как ты, ухаживал за ней на корабле? Он же совершенно не умеет обращаться с маленькими детками, правда? — обратилась Элси к малышке.

Элси чувствовала, что уже влюбилась в это крохотное существо, но ей хотелось удостовериться, что она имеет на это право.

— Мы с ней отлично ладили. Она просто умница, почти не капризничает, — с гордостью заявил Билл, и Элси заметила, как лучатся нежностью глаза мужа.

— Билл Стаффорд, я знаю, все не так просто. Ну-ка рассказывай, откуда она взялась.

Он подошел к Элси сзади и обнял за плечи.

— Ведь я поступил правильно, милая? Ты только посмотри на нее! Это же чудо!

— Я... Билл... у меня нет слов! — Элси покачала головой. — Ты заявился домой с ребенком! — Вдруг лицо ее потемнело, и она схватилась за голову. — Ты что-то от меня скрываешь, Билл? Чем ты занимался, когда вышел из Чанги?

— Ох, Элси, Элси! — Билл притянул жену к себе и поцеловал в губы. — Не говори глупостей! Я был уже здесь, с тобой, задолго до того, как папа этой малышки задумал ее зачать!

Элси прищурилась и начала считать на пальцах месяцы. Наконец ее губы расплылись в улыбке.

— Ты прав, Билл, я сболтнула чушь. К тому же мы оба знаем, ты не можешь быть отцом. Но ты уверен, что это законно? — продолжила она. — Никто не постучит в нашу дверь среди ночи и не посадит тебя в тюрьму за кражу ребенка? Никто не заберет у нас эту девочку?

— Клянусь, все законно. Она наша, Элси. Это наш ребенок. И никто никогда не заберет его у нас, обещаю.

— Как тебя зовут? — проворковала Элси, обращаясь к малышке.

— Ее мать назвала девочку Жасмин. Но мы можем поменять имя, если хочешь.

— Жасмин... Мне кажется, это имя ей подходит, ведь ее... папочка... — Элси помолчала, смакуя это слово, — выращивает чудесные цветы.

— Я привез несколько ящиков с новыми сортами, милая.

Она внимательно посмотрела на Билла.

— Эта девочка из Таиланда? Но у таиландцев необычный цвет кожи. Она совсем не такая. — Элси погладила мягкое предплечье Жасмин.

— Это целая история, — сказал Билл. — Если ты хотя бы на несколько секунд перестанешь квохтать над ребенком и приготовишь своему мужу вкусный крепкий чай, я все тебе расскажу.

Вооружившись чашкой с горячим напитком, Билл поведал жене печальную историю девочки.

— Понимаешь, у меня не было выхода. Ведь ты на моем месте поступила бы так же, да?

— Да, Билл, и ты это прекрасно знаешь.

— Слава Богу, — вздохнул он, чувствуя, что еще никогда не любил свою жену сильнее, чем сейчас. — Но ее светлость ни в коем случае не должна об этом узнать, иначе всем нам будет плохо. Надеюсь, ты и это понимаешь?

— Конечно, понимаю, дурачок, — пробормотала Элси, ласково укачивая малышку. Ее глаза светились спокойным счастьем: долго сдерживаемый материнский инстинкт наконец-то нашел себе применение. — Я не скажу ни слова, только бы это маленькое сокровище осталось у нас навсегда! — Она подняла на него глаза. — А ты выполнишь просьбу Лидии? Расскажешь правду его светлости?

— Лидия написала ему письмо, — со вздохом ответил Билл. — Мне передали его в больнице, когда я пришел навестить ее в самый последний раз. Ей делали операцию, и меня к ней не пустили. Еще она оставила мне орхидею — сказала в записке, что это особенный цветок и она хочет, чтобы ее дочка о ней помнила. На стебле еще нет бутонов, но...

— Ох, Билл, хватит болтать о своих любимых цветочках! — перебила его жена. — Лучше скажи, что ты собираешься делать с письмом для его светлости?

— Честно говоря, Элси, не знаю.

— Ясно, как Божий день, что, если ты отдашь ему письмо, он еще больше переполошится. Вдруг захочет забрать у нас ребенка? Я бы на твоём месте не стала дразнить гусей.

Билл поцеловал жену и их новоиспеченную дочку.

— Знаешь что, Элси? Пойду-ка я в теплицу и там, как следует все обдумаю.

Билл сел на ящик с орхидеями и достал из кармана письмо Лидии. Он понятия не имел, что она написала. Да и не его это дело. Он с трудом сдерживал слезы, вспоминая, как Лидия отдавала ему свою дочь — она не сказала ни слова, но в ее красивых янтарных глазах сквозила боль.

Держа письмо в руках, Билл думал о страстной любви двух молодых людей и о трагических последствиях, к которым она привела. Лидия наверняка умерла, и он ничем не рискует, если отдаст ее письмо Гарри. Уже ничего нельзя сделать.

Его светлость — человек долга, вот почему он послал Билла на поиски Лидии. Он захочет знать, что с ней случилось, и, наверное, будет лучше, если на его вопросы ответит сама Лидия — женщина, которую он любил. Возможно, ему станет легче от того, что дитя их любви живет здесь, в Уортон-Парке. Если он будет иногда заходить в коттедж и смотреть, как растет его дочка, никакой беды не случится.

Главное, чтобы ее светлость ничего не знала... А Гарри, конечно же, будет молчать.

Билл пренебрег разумным советом жены (в конце концов, он всего лишь посыльный во всей этой драматической истории) и поспешно положил письмо в условленный тайник — под орхидеи, чтобы Гарри его нашел. После этого он начал распаковывать ящики и сортировать свои драгоценные растения.

В тот же день Оливия, которой оставалось восемь недель до родов, узнала от Элси про новорожденную девочку. Горничная пригласила ее в коттедж, и Оливия увидела радость в глазах своей молодой служанки.

— Настоящая красавица! — восхитилась она, когда малышка, гукая, схватила ее за палец. — Как вы ее назвали?

— Жасмин, ваша светлость.

— Отличное имя! — объявила Оливия с улыбкой. — Я же говорила, что все образуется?

— Да, ваша светлость, и вы были правы. Теперь у всех у нас все хорошо.

Возвращаясь к дому, Оливия задержалась возле теплицы. Она еще не видела Билла с тех пор, как он вернулся. Ей захотелось и его поздравить с прибавлением в семействе, а заодно выразить свое восхищение: Элси объяснила, что в Таиланде много одиноких матерей,

которые из-за болезни или нищеты не могут ухаживать за своими детьми; что Билл встретил одну такую несчастную девушку; она умерла в родах, и ее дочке грозил убогий сиротский приют; тогда Билл проявил благородство и увез новорожденную домой, к Элси, — он знал, что здесь ее будут любить и пестовать.

В животе у Оливии зашевелился ее собственный ребенок, и она улыбнулась.

«Слава Богу, у моего малыша не будет проблем, как у бедной крошки, которую спас Билл!»

Она открыла дверь теплицы и увидела, что весь пол заставлен ящиками с орхидеями. Билла не было, но Оливия решила подождать несколько минут — может быть, он вернется. Она прошла вдоль цветочных рядов, наслаждаясь чудесными ароматами, остановилась перед горшками с орхидеями и взяла в руки один.

«Было бы неплохо любоваться этой красотой во время родов», — подумалось ей.

Ее внимание привлек конверт, лежащий на том месте, где только что стоял горшок. Она взяла его и увидела, что письмо адресовано Гарри. Но на конверте ни адреса, ни почтовой марки. Почерк незнакомый, а в углу конверта — маленький бугорок. Любопытство взяло верх над Оливией. Уверенная, что в письме нет ничего такого, что Гарри хотел бы от нее утаить, она вскрыла конверт.

Через несколько мгновений, трижды прочтя короткие строки письма, Оливия опустилась на пол, задыхаясь, точно от удара. Она развернула бумажный комоч, который топорщился в конверте, и уставилась на маленькое, почти детское, янтарное колечко.

Оливия судорожно сглотнула подступивший к горлу ком...

«Нет, я не буду плакать! Слезы здесь не помогут. Итак, что же получается?»

Эта женщина сильно любила моего мужа. А Гарри так же сильно любил ее, судя по тому, что сделал ей предложение. А еще он обещал при первой же возможности вернуться к ней в Бангкок. Поняв, что это невозможно, Гарри под вымышленным предлогом отправил туда Билла, чтобы тот ее нашел. И Билл вернулся домой с младенцем на руках — женщина утверждает, что это ребенок Гарри».

Тут в теплицу вошел Билл.

Оливия попыталась встать, но у нее подгибались колени.

— Ваша светлость, что вы делаете на полу? Дайте, я вам помогу.
— Нет! — Она поднялась и двинулась к нему, гневно размахивая письмом. — Будь так любезен, объясни, что это такое?

Билл узнал письмо Лидии, и его глаза наполнились ужасом.

— Ваша светлость... как вы это нашли? Вам нельзя это читать!
Пожалуйста...

— Я уже прочла! И если ты не скажешь мне, что вы с моим мужем затеяли, я сию минуту выгоню из моего поместья и тебя, и твою жену, и этого... приبلудыша! Отвечай!

— Пожалуйста, успокойтесь, ваша светлость! Вы в положении, и вам нельзя так волноваться! — Билл лихорадочно пытался что-то придумать. Он знал: надвигается катастрофа. — Ничего страшного не случилось, поверьте! Просто одинокий солдат немного запутался.

— Что? Он так запутался, что сделал предложение другой женщине?! — Оливия потрясла колечком перед носом Билла. — А у него дома уже была жена, которая терпеливо ждала его долгих четыре года!

— Успокойтесь, ваша светлость, прошу вас! — молил Билл.

— Я успокоюсь, когда узнаю правду. — Оливию трясло, как в лихорадке. — Рассказывай, или я вышвырну тебя!

— Я не знаю, что она пишет, я не читал письмо...

— Она пишет, что любит его и никогда не забудет то, что было у них в Бангкоке. А еще она «понимает», почему он не смог сдержать своих обещаний. И просит позаботиться о своем «подарке», потому что сама она больна и не в состоянии это сделать. О Боже! — Оливия в отчаянии покачала головой. — Я думала, его холодность — следствие ужасов Чанги, а оказывается, все это время он сох по какой-то тайландской шлюхе! — Она посмотрела на Билла. — Она жива? Элси сказала, мать ребенка умерла в родах.

— Я не знаю. — Билл не мог лгать. — Может, и жива, ваша светлость, но когда я уезжал, она была очень больна.

— Что ж, — Оливия порвала письмо и подбросила клочки в воздух, — теперь это не важно. Когда увидишь моего мужа, скажи ему, что она умерла. Иначе вы все втроем тут же станете бездомными.

— Хорошо, ваша светлость, — покорно отозвался Билл, — я сделаю, как вы скажете.

Оливия, задыхаясь, ходила взад-вперед по теплице. На лбу у нее выступили капельки пота.

— Этого младенца надо немедленно увезти из поместья! Немедленно, слышишь? Она не должна здесь оставаться... Я не потерплю, чтобы в Уортон-Парке рос приبلудыш моего мужа! Завтра же утром я соберу ее и отвезу в...

— Нет! — Билл удивился собственной горячности. — Простите, ваша светлость, но малышка останется с Элси и со мной. — Его тоже трясло от волнения. — Если хотите, выгоните нас троих, но я обещал бедной девушке, что позабочусь о ее ребенке. И я сдержу слово.

— Значит, уезжайте все, и чтобы к завтрашнему утру вас здесь не было! Да, убирайтесь к черту! Еще не хватало, чтобы мой муж вступал в тайный сговор с моим персоналом и строил мне козни!

— Как скажете, ваша светлость, — пробормотал Билл, пытаюсь взять себя в руки и найти нужные доводы. — Но позвольте заметить, я ездил по поручению его светлости. И он наверняка захочет узнать, насколько... успешной была моя поездка. Если хотите, я могу не говорить ему, чей это ребенок, но если вы нас прогоните, его светлость очень скоро догадается, почему вы это сделали.

Оливия перестала ходить и молча уставилась на Билла.

— Ты меня шантажируешь, Билл?

— Нет, ваша светлость. — Билл старательно подбирал слова. — Просто констатирую факты. Возможно, будет лучше, если его светлость узнает правду. Вы хотите, чтобы он отчитался перед вами в своих действиях?

Весь гнев Оливии тут же выветрился. Она устало опустилась на ящик с орхидеями и обхватила голову руками.

— Господи... какой ужас!

— Успокойтесь, пожалуйста, — повторил Билл. — Вы же знаете, зачем его светлость послал меня в Бангкок. Вернувшись домой, он сразу вспомнил, как сильно вас любит. И понял, что должен остаться.

Оливия вскинула на него потускневшие от горя глаза.

— Не надо меня утешать, Билл. Гарри никогда меня не любил! И никогда не будет любить. Он жалкий, никчемный слабак, и я презираю его всей душой. — Она сделала несколько глубоких вдохов, тщетно пытаюсь успокоиться. — Слава Богу, его сейчас нет. Он вернется только завтра. Ты ведь с ним еще не разговаривал?

— Нет, ваша светлость, — тихо ответил Билл.

— Это уже кое-что. И он пока ничего не знает о ребенке?

— Нет. Пока я был в Таиланде, мы с ним не связывались.

— Поклянись, что говоришь правду, Билл. — Оливия смотрела на него очень внимательно.

— Клянусь, ваша светлость. Он бы все узнал, если бы прочел письмо, но теперь этого не случится. — Билл виновато повесил голову. — Это моя ошибка. Элси просила не отдавать ему письмо, а я ее не послушал. Она, как всегда, оказалась права, — добавил он полусшепотом.

— Элси очень разумная девушка. Тебе повезло с женой, — кивнула Оливия. — Она ничего не скажет?

— Нет, — твердо заверил Билл. — Вы же знаете, как она мечтала о собственном ребенке. Элси никогда не сделает ничего, что может лишить ее материнского счастья.

— Да, ты прав. — Взгляд Оливии на секунду смягчился. — Ребенок ни в чем не виноват. Ладно, оставим все как есть. Но учти, Билл: его светлость не должен знать про девочку. Еще не хватало, чтобы он волновался о какой-то маленькой полукровке, живущей по соседству! У него скоро будет собственный ребенок, которого он и должен любить... даже если не любит свою жену, — печально добавила Оливия, но быстро справилась с собой и вновь нацелила на Билла холодный взгляд. — Обещай, когда будешь говорить с его светлостью, ты умолчишь о девочке. Скажи ему только, что ее мать умерла, и на этом точка! Нельзя подвергать опасности будущее Уортон-Парка и всех нас, его жителей. Ты меня понимаешь, Билл?

— Да, ваша светлость.

— Я поговорю с Элси и сообщу ей, что все знаю, — продолжила Оливия. — Не хочу выглядеть дурой в глазах собственной горничной. Эту тайну будем знать лишь мы трое, и она умрет вместе с нами.

— Да, ваша светлость, — опять согласился Билл.

— Вот и договорились. — Оливия пошла мимо него к выходу из теплицы. Вдруг застыла на месте и обернулась к садовнику. — И пожалуйста, знай, Билл: я тебя не виню. Ты просто выполнял поручение. Мой муж, несчастный глупец, даже не понимает, что ты для него сделал. Ты преданный и честный работник, и я не держу на тебя зла.

Она одарила его мимолетной улыбкой и вышла из теплицы.

На следующий день Гарри вернулся из Лондона и узнал, что Билл уже дома. Извинившись, он встал из-за обеденного стола и объявил, что ему не терпится посмотреть новые сорта цветов, привезенные Биллом. Оливия кивнула, сделав вид, что поверила. Теперь она знала правду о своем муже, и это доставляло ей легкое удовлетворение.

Билл выполнил ее просьбу — солгал во имя спасения Уортон-Парка и всех его обитателей. Он сказал Гарри, что Лидия умерла за несколько недель до его приезда в Бангкок, что он посетил ее могилу и возложил на нее орхидеи. Гарри разразился бурными рыданиями, оплакивая свою покойную возлюбленную в объятиях Билла.

Когда он немного успокоился, садовник вкратце рассказал про новорожденную девочку, которую спас от сиротского приюта.

— Заходите в мой коттедж, посмотрите на нее, когда вам станет полегче, — пригласил он.

— Конечно, Билл, зайду как-нибудь на днях, — согласился Гарри, не вникая в то, что говорит его помощник. Он, пошатываясь, вышел из теплицы, расстроенный и растерянный.

Оливия не ждала, что муж придет к ней этой ночью. Так и оказалось. Наутро за завтраком она взяла себя в руки и опять стала думать о будущем ребенке и делах Уортон-Парка. Однако в ее сердце больше не было места для Гарри. Он сидел в дальнем конце стола, и осунувшееся лицо выдавало его скорбь. Значит, Билл сдержал свое обещание.

Оливия видела, как страдает супруг, но не испытывала жалости. Отныне он стал ей безразличен. Ее уже не обижало отсутствие интереса и нежности с его стороны. Теперь она молча упивалась его болью.

А всего через два дня боль настигла ее. Вызвали врача, и хоть он сделал все, что мог, пытаясь предотвратить начало родов, по прошествии нескольких часов на свет досрочно явился очаровательный малыш.

Спустя три дня Кристофер Гарри Джеймс Кроуфорд, наследник поместья Уортон-Парк, умер. Его храбрая борьба за жизнь закончилась поражением.

Когда жена поправилась, Гарри пытался вернуться в супружескую постель, но Оливия так и не позволила к ней прикоснуться — до

самого дня его смерти.

Глава 49

Уортон-Парк

Я сижу в библиотеке, пытаюсь осмыслить только что услышанную трагическую историю любви, обмана и страданий. Похоже, я сама — прямое следствие этой истории.

Гарри Кроуфорд — мой дедушка... В моих жилах течет кровь Кроуфордов... Моя мама — наполовину тайландка, привезенная с другого конца света... Элси и Билл мне не родные... а Кит приходится мне... кем именно, я пока не могу понять.

Да, я потрясена, но при этом странно спокойна. Я всегда любила этот дом и поместье Уортон-Парк, хоть и не понимала, почему мне здесь так уютно. Теперь-то я знаю, что мои предки жили в этих стенах на протяжении трех веков, и само здание наверняка пропитано их духом.

Уортон-Парк и семья Кроуфордов — моя семья — неразрывно связаны друг с другом. Дом словно протягивает руки, увлекая нас назад, требуя, чтобы мы вернулись. Он властвует над нами, и у нас нет сил ему противиться. Даже маленькая девочка, родившаяся за много тысяч миль отсюда, которая вообще не должна была появиться на свет, подчинилась зову этого дома и провела свою жизнь именно здесь.

Моя мама Жасмин, единственный прямой потомок знатного рода, незаконно рожденный в послевоенном хаосе, не знала правду о своем происхождении и о своем праве наследницы поместья, однако она тайно расцвела на этой земле. А вслед за ней пришло новое поколение Кроуфордов, и теперь ее дочь, по странной прихоти судьбы и по воле случая, вновь оказалась в этих стенах.

Меня осенила внезапная догадка, которая одновременно и пугала, и успокаивала: не Кроуфорды владеют Уортон-Парком, а Уортон-Парк владеет нами.

Джулия ощутила напряжение в теле, опустила глаза и увидела, что ее пальцы крепко сжимают руку Кита. Она вновь посмотрела на серое осунувшееся лицо Элси.

Наконец Кит нарушил молчание:

— Если я правильно понял, мы с Джулией — четвероюродные брат и сестра?

— Да, Кит, все правильно. — Элси кивнула.

— И что же, Гарри так и не узнал, что девочка, живущая неподалеку от его дома, дочь Лидии?

— Нет. Мы с Биллом сдержали обещание, которое дали ее светлости, и никому не сказали ни слова. Гарри больше ни разу не зашел ни в огород, ни в теплицы. Билл сильно огорчился, что дружба, возникшая между ними в Чанги, закончилась. Впрочем, он понимал, что его светлость просто не хочет лишней раз вспоминать про Лидию. Он не видел свою дочь больше двадцати лет. Но, в конце концов, это случилось. В тот день он понял, что умирает, и неожиданно появился на пороге нашего дома. — Элси обернулась к Джулии: — Твоя мама открыла ему дверь, и он, кажется, догадался. Билл всегда говорил, что Жасмин, повзрослев, стала копией Лидии. Я, конечно, не знаю точно, — Элси пожала плечами, — но его светлость вошел в коттедж с таким видом, будто только что столкнулся с привидением. Думаю, он понял, что Жасмин — его дочь.

— Он, наверное, был сильно потрясен, — пробормотал Кит.

— Да, — согласилась Элси. — Беднягу трясло. Я усадила его и дала чашку очень сладкого чая. Его светлость стал говорить мне, что хочет отдать Биллу свой дневник, написанный в Чанги. Но при этом он не сводил глаз с Жасмин. Она только вернулась из теплиц, где рисовала папины орхидеи. Его светлость увидел рисунки на кухонном столе и спросил ее про них.

На глазах Элси выступили слезы. Увидев это, Кит отпустил руку Джулии. Та подошла к пожилой даме и обняла ее за плечи.

— Элси, если тебе слишком тяжело об этом рассказывать...

— Нет, — твердо возразила Элси, — раз уж начала, то должна закончить. Так вот, его светлость сказал Жасмин, что ему очень понравились ее рисунки, и спросил, можно ли взять их. Она разрешила. Он поцеловал ее и попрощался. — Элси опустила голову и громко сглотнула. — Больше я не видела бедного Гарри живым.

— Может, и хорошо, что он до самой смерти ничего не знал, — постарался утешить ее Кит. — Вряд ли Жасмин стало бы легче.

— Может быть. Но я никогда не забуду, с каким лицом он от нас уходил. Его светлости было всего сорок восемь или около того, но выглядел он гораздо старше. Да и то сказать, жизнь его не баловала. Брак с ее светлостью был чистой формальностью. После того как Оливия узнала про Жасмин, а потом потеряла собственного ребенка, она сильно изменилась. Нет, я любила ее, но она превратилась из милой девушки в злобную старуху. С такой женой Гарри не был счастлив, это уж точно. Я уверена, он умер от горя.

— Теперь понятно, каким образом эти четыре рисунка несколько месяцев назад попали на распродажу, — заметил Кит.

Джулия промолчала: у нее в голове царил неразбериха.

— Значит, Жасмин так и не узнала, кто ее настоящие родители? — спросил Кит.

Элси покачала головой:

— Нет. Это только осложнило бы жизнь каждого из нас. О-ох, — пожилая дама зевнула, — простите, но рассказ меня утомил. — Она посмотрела на Джулию: — Ты в порядке, милая? Представляю, какой это шок для тебя. Но, по крайней мере, твои мама и папа были тебе родными. Вот только я, к сожалению, не родная твоя бабушка. Но я всегда любила тебя как родную.

— Я знаю, бабушка, — пробормотала Джулия, очнувшись от задумчивости.

— Я много лет хранила эту страшную тайну, но вы поступайте, как сочтете нужным. Мы с Биллом поступили именно так.

Мысли Кита не были затуманены чувствами, и он мог спокойно оценить последствия услышанного.

— Получается, Алисия, твоя старшая сестра, имеет больше прав на Уортон-Парк, чем я? Конечно, будучи женщиной, она никогда не сможет принять титул, зато у нее есть все основания стать реальной хозяйкой поместья.

— Нет, Алисия не захочет воспользоваться своим правом. — Элси устало покачала головой. — Но это мы обсудим в другой раз. А сейчас мне надо как следует выспаться.

Она попыталась встать, и Кит ей помог.

— Спасибо, Кит, ты настоящий джентльмен, истинный Кроуфорд. — Элси улыбнулась, взяла Кита под руку и пошла вместе с ним к двери, но задержалась перед Джулией, которая по-прежнему

неподвижно сидела на диване. — Прости, милая, — ласково сказала она. — Я долго думала, стоит ли рассказывать тебе правду. Но судьба привела тебя обратно в Уортон-Парк, к Киту, и я решила, что должна это сделать. Надеюсь, я поступила правильно.

Джулия тоже встала и обняла бабушку.

— Конечно. И я благодарна тебе за это.

Кит и Джулия стояли рядом и смотрели Элси вслед.

— Как думаешь, мне пойти вместе с ней? — спросила Джулия.

Кит покачал головой:

— Мне кажется, ей надо немного побыть одной. — Он глубоко вздохнул. — Хочешь бренди? Я, пожалуй, выпью рюмочку: после таких новостей не мешает расслабиться.

— Нет. Спасибо.

Джулия опять села на диван. Кит открыл буфет под книжными полками, достал оттуда графин и налил себе бренди.

— Мне хочется задать Элси один вопрос: жива ли твоя настоящая бабушка? Лидии было всего семнадцать, когда она познакомилась с Гарри, а это случилось в сорок пятом году, значит, сейчас ей... восемьдесят, так? Вполне вероятно, она еще не умерла. — Кит подсел к Джулии на диван и обнял ее за плечи. — Видимо, Гарри очень сильно любил Лидию, если собирался все бросить ради нее. И еще, милая: теперь мы знаем, откуда у тебя талант пианистки — ты унаследовала его от своего дедушки Гарри.

Джулия, которая пока не задумывалась над этой связью, уткнулась головой Киту в плечо, радуясь, что между ними нет близкого родства: он ей всего лишь четвероюродный брат.

— Да, наверное, — пробормотала она.

Кит взглянул на потрескавшийся потолок.

— Мораль этой грустной истории такова: долг побеждает любовь. Не хотел бы я оказаться на месте несчастного Гарри! Прекрасно понимаю, в какой тупик завела его жизнь.

— А мне жалко Оливию. Она с самого начала знала, что происходит, но поставила будущее Уортон-Парка выше собственных чувств. Неудивительно, что у нее испортился характер, — вздохнула Джулия. — Она прожила всю свою взрослую жизнь не любимой и обманутой.

— Да. — Кит хлебнул бренди. — Мне очень жаль, что я уделял ей мало внимания, когда приезжал сюда на каникулы. Она казалась мне высохшей злобной старухой.

— Она потеряла собственного ребенка, а потом вынуждена была наблюдать, как в ее поместье растет дочь Гарри, моя мама. Представляю, как ей было тяжело.

— Жизнь — печальная штука, верно? — Кит вздохнул и крепче обнял Джулию. — Вот почему я считаю, что надо жить сегодняшним днем. Ну что, пойдём наверх? Отдохнем после стольких волнений.

Они вышли в холл, Джулия опустилась на ступеньку лестницы, а Кит проделал ежевечернюю процедуру — погасил все лампы и запер все двери, после чего подсел к Джулии.

— Ты в порядке, милая?

— Да.

— Еще вчера ты была простой внучкой садовника, а сегодня вдруг оказалась знатной леди! — ласково поддел ее Кит. — Но поверь, не ты первая и не ты последняя. Я могу назвать тебе полдюжины местных аристократических семей, имеющих свои скелеты в шкафу. Пойдем-ка спать. Завтра трудный день. — Кит помог ей подняться, и они отправились наверх, держась за руки.

В постели Кит крепко обнял Джулию.

— Не понимаю, — произнесла она в темноту, — почему Элси не захотела, чтобы Алисия тоже послушала ее историю? Ведь это в равной степени касается нас обеих.

— Я думаю... — Кит провел ладонью по ее мягким волосам, — Элси раскрыла нам еще не все свои секреты. Спокойной ночи, милая.

Утром Джулия принялась готовить воскресный ленч для всей семьи. В начале десятого в кухне появилась Элси.

Она никак не могла поверить, что так поздно проснулась.

— Наверное, переволновалась вчера вечером, — пробормотала она, усаживаясь за кухонный стол. — Обычно к шести я уже на ногах.

Джулия поставила перед ней чашку с чаем.

— Ничего страшного, один раз можно поспать подольше. Мне приятно за тобой ухаживать.

Элси встревоженно оглядела девушку:

— Как ты себя чувствуешь после моих откровений?

— Шок прошел, и я не потеряла разум, — честно ответила Джулия. — Ведь ты не сказала, что мои родители — вовсе мне не родители. — Джулия обняла Элси за плечи, нагнулась и поцеловала. — А то, что мы с тобой не связаны кровными узами, не меняет моих чувств к тебе.

Элси взялась за руки Джулии.

— Спасибо, милая. Я рада, что ты так достойно восприняла эту историю. За последний год на твою долю выпало немало потрясений, и я боялась, что мои откровения станут последней каплей. Но решила: ты должна знать правду. Возможно, вы с Китом когда-нибудь поженитесь, а ведь между вами есть кровное родство. С моей стороны было бы... — Элси сморщила нос, подбирая подходящее слово, — некрасиво утаить от тебя этот факт.

— Спасибо. Но ты зря беспокоилась. Наши гены разбавились, пройдя через много поколений. Хочешь, я приготовлю тебе яичницу с беконом?

Элси с нежностью взглянула на внучку.

— Ты же знаешь, милая, я никогда не откажусь от вкусного жареного блюда. А твой папа придет сегодня на ленч?

— Я оставила ему голосовое сообщение, но он еще не перезванивал. Наверное, отсыпается после длительного перелета. Он только вчера вечером вернулся из Штатов.

— Джулия, — лицо Элси стало серьезным, — у меня будет одна просьба к тебе и Киту: пожалуйста, пока ничего не говорите Алисии о том, что вчера услышали от меня. Мне надо сначала побеседовать с твоим отцом.

— Как скажешь. А папа знает?

— Нет. И если не возражаешь, я сама ему все расскажу. Объясню своими словами, почему я ничего не говорила Жасмин.

— Конечно, не волнуйся. Я не хочу, чтобы из-за этого у тебя испортилось настроение. В половине первого должны приехать Алисия и Макс с детьми. Они так хотят с тобой повидаться!

— А я с ними, — кивнула Элси, прихлебывая чай. — Теперь я вижу, что зря не хотела сюда возвращаться. Мне казалось, это всколыхнет плохие воспоминания, а получилось наоборот: я вспоминаю только хорошее! — Элси обвела взглядом кухню. — После смерти Гарри этот дом стал похож на морг. Ее светлость сама

заправляла делами и постоянно бранилась. Я боялась выходить на работу. Но сейчас здесь новая жизнь, и печальной атмосферы как не бывало. А все потому, что сюда пришли двое молодых влюбленных.

Джулия покраснела и сменила тему:

— Ты не подскажешь, сколько надо тушить эту говядину? — Она показала на кусок мяса, лежащий на столе. Попутно Джулия разбила яйца на сковородку, готовя бабушке завтрак. — Я не слишком опытный кулинар. Но учусь.

— Энтузиазм — это все, что тебе нужно, милая. — Элси встала и подошла к мясу. — Прежде всего, я покажу, как его отбивать.

Глава 50

В половине первого на подъездной аллее показалась машина Макса и Алисии. Распахнув тяжелую парадную дверь, Джулия спустилась с крыльца им навстречу.

Дети вбежали в холл и весело загалдели, увидев, в каком большом доме теперь живет их тетя. Джулия провела своих гостей по комнатам, а потом пригласила на террасу, где их ждала Элси. Окруженная внуками Элси просияла от радости. Когда появился Кит с бутылкой шампанского, Джулия познакомила его с детьми, а потом, тая от нежности, наблюдала, как непринужденно он с ними общается.

Спустя какое-то время она оставила их на террасе, а сама отправилась готовить обед. Алисия зашла в кухню следом за ней.

— Тебе помочь? — спросила она.

— Да. Последи за морковью и скажи, когда она сварится, — попросила Джулия, подливая растительное масло на сковороду с картошкой. — Я совсем не умею готовить овощи.

Алисия подцепила вилкой кусок морковки, достала его из кастрюли и отправила в рот.

— В самый раз! Сейчас выложу на тарелку. Мне так странно видеть тебя у плиты, — заметила она, снимая кастрюлю с огня.

— Раньше у меня не было времени, но теперь я с удовольствием осваиваю кулинарное искусство. С помощью Кита.

Алисия скрестила руки на груди и внимательно посмотрела на сестру.

— Знаешь, я до сих пор не понимаю, как вы с ним сошлись. Я-то думала, ты вернулась во Францию, и вдруг через две недели смотрю: ты идешь по Холт-Хай-стрит в обнимку с Китом Кроуфордом! — В тоне Алисии сквозило раздражение. — Могла бы и сказать.

— Прости, — виновато пробормотала Джулия. — Я просто... не знала, что говорить. То, что между нами произошло, не объяснишь словами. Ты могла подумать, будто я слишком поторопилась.

— Ты боялась, что я буду тебя осуждать?

— Если честно, то да.

— Джулия, ты пережила огромное горе, и если тебе с Китом хорошо, то чего ради мне тебя осуждать? — обиженно спросила

Алисия. — Неужели ты и впрямь считаешь меня такой категоричной?

— Нет... — Джулия покачала головой. — Наверное, все дело в моем эгоизме. Я хотела на время скрыть наши с Китом отношения — посмотреть, к чему они приведут, и только потом предать их огласке.

— Надо полагать, своей бывшей подружке с ребенком он дал отставку?

— Вот именно поэтому, Алисия, я и молчала! — вскинулась Джулия. — Энни никогда не была его подружкой, и ее ребенок не имеет к Киту никакого отношения. Кит просто помогал своей старой знакомой, когда ей было трудно, а местные сплетники раздули из этого целую историю! Люди любят совать нос в чужие дела, вместо того чтобы заниматься своими, — сердито добавила она.

— Не понимаю, Джулия, чему ты удивляешься. Кит Кроуфорд — новый хозяин Уортон-Парка, одного из самых крупных поместий в стране. Это местный князек, поэтому его имя у всех на устах. И если останешься с ним, о тебе тоже будут судачить, так что привыкай. Если бы раньше объяснила мне, в чем дело, может, я и заткнула бы рот некоторым досужим сплетникам. Но ты не захотела со мной поделиться. Неужели так плохо обо мне думаешь? — Нежно-розовые щеки Алисии сделались пунцовыми от гнева. — Я бы только порадовалась, узнав про твои отношения с Китом. На мой взгляд, он замечательный парень и безумно тебя любит. Когда ты болела, Кит так трогательно за тобой ухаживал! Я сразу поняла, он к тебе равнодушен.

— Вот как? — Джулия искренне удивилась.

— Да. Я знала, что он тебе тоже нравится, но ты была слишком растеряна и боялась в этом признаться.

— Ох! — Джулия допила свой бокал.

«Выходит, я недооценивала сестру...» — подумала она.

— Что ж, теперь, когда ты все знаешь, мы можем чаще с тобой встречаться, — предложила Джулия мировую.

— Да, это было бы здорово. Как-никак жизнь продолжается. А папа сегодня приедет? — поинтересовалась Алисия. — Я знаю, он прилетел ночным рейсом.

— Обещал приехать, но в котором часу — не сказал.

Просил не ждать его к обеду. Я думаю, он хочет повидаться с Элси.

— Ты еще не сказала ему про Кита?

— Нет. Ты же знаешь: когда он возвращается из экспедиции, то не способен думать ни о чем другом, кроме флоры и фауны.

Джулия взяла ложку и помешала соус.

— А как дела у Элси? — спросила Алисия. — Она рассказала тебе, чем закончилась та давняя история?

— Нет, — осторожно ответила Джулия, вспомнив просьбу бабушки. — Наверняка расскажет, только позже. Вчера вечером она очень устала. Ага, — Джулия достала противень из духовки, — мясо, кажется, готово! Зови Кита, пусть порежет его.

Джордж появился в самый разгар обеда — загорелый и пышущий здоровьем. Джулия тут же поднесла ему тарелку с горячим мясом. За едой он разглагольствовал о поездке по Галапагоссам, а потом помог Джулии отнести в кухню грязную посуду.

— Милая, — произнес он, ставя тарелки возле раковины, — ты очень изменилась. Точнее, стала прежней Джулией. Наверное, в этом «виноват» твой симпатичный приятель?

— Кит, безусловно, помог мне во всех отношениях, — смущенно согласилась Джулия. — Мне... стало гораздо легче.

— Ладно, — заметил Джордж, — у меня пока не было случая с ним побеседовать, но мне кажется, он хороший парень. Послушай, а в этой кухне, случайно, нет такой штуки, как посудомоечная машина?

— Нет. Это слишком современный агрегат, — усмехнулась Джулия. — Придется поработать руками и губкой. Я здесь словно вернулась в пятидесятые годы, папа. Впрочем, не жалею. Мне нравится этот красивый старинный дом.

— Да, дом замечательный, — согласился Джордж. — Признаться, я чувствую себя немного странно, когда прихожу в Уортон-Парк, и на пороге меня встречает родная дочь. Моя семья опять живет в этом поместье! — Он закрыл пробкой слив в раковине и пустил воду.

— Оставь, папа, я потом помою. Лучше отнеси в гостиную малиновый торт. — Она указала на кухонный стол, где стояло блюдо с десертом. — К сожалению, покупной. Я открыла в себе много новых талантов, но выпечку еще не освоила.

Джордж взял торт и пошел к двери, но на полпути обернулся.

— Значит, ты решила навсегда остаться с Китом здесь, в Уортон-Парке?

— Пока не знаю. Ты сам как-то сказал, что надо жить сегодняшним днем. Я следую твоему совету.

— Молодец, — похвалил он. — Рад за тебя, милая.

После обеда Кит собрал мальчиков и повел их играть в футбол, а Джулия устроила девочкам экскурсию по дому — она сделала это нарочно, чтобы Джордж и Элси побыли наедине.

— Ничего себе! — присвистнула Алисия, когда они шли по длинным коридорам второго этажа, открывая одну дверь за другой и заглядывая в комнаты. — Да здесь надо все переделывать!

— Мне нравится так, как есть, — возразила Джулия.

Когда они спустились вниз, Джулия сварила кофе, Алисия вынесла поднос на террасу. Элси сидела там одна и, закрыв глаза, грелась на полуденном солнышке.

— А где папа? — спроста Алисия, присаживаясь за стол.

Элси медленно открыла глаза.

— Он извинился и уехал. Сказал, что спал ночью всего два часа и хочет вернуться домой, пока еще есть силы вести машину. Он позвонит тебе позже.

— Бедняжка! — вздохнула Алисия.

Она и не подозревала, что ее отец ушел, не попрощавшись, совсем по другой причине.

— Наливать кофе? — буднично поинтересовалась Алисия.

Алисия и Макс увели своих чад в дом, чтобы помыть их и уложить спать. Кит отправился по делам на ферму, а Джулия осталась сидеть на террасе с Элси, любуясь закатом.

— Я говорила с твоим папой, — наконец прервала молчание Элси.

— Хорошо.

— Пойми, милая, — вздохнула Элси, — тайна прошлого похожа на банку с червями. Стоит ее открыть, и они расползутся по самым неожиданным местам.

— Представляю, бабушка, как тебе было трудно, но я рада, что ты все-таки это сделала, — искренне сказала Джулия. — Некоторые вещи я начала понимать только сейчас. Кстати, Кит спрашивает, знаешь ли ты, что случилось с Лидией. Как она перенесла операцию и жива ли сейчас?

— Ладно, — медленно произнесла Элси, — открою тебе еще один маленький секрет. Этого не знал даже Билл. Когда он сообщил мне, что

бедная девушка вынуждена была отдать ему Жасмин, мое сердце наполнилось жалостью. Билл, как и обещал, написал своему другу-цветочнику и попросил его передать Лидии, что Жасмин в Уортон-Парке и что с ней все в порядке. Конечно, он умолчал о том, что она живет у нас в коттедже, а не в большом отцовском доме. Через несколько недель Лидия прислала мне ответ, где сообщила, что благополучно перенесла операцию и постепенно выздоравливает. Я подумала, ей будет приятно увидеть фотографии Жасмин, и послала несколько снимков. Мы с ней переписывались. Чтобы ее не расстраивать, я делала вид, будто работаю няней Жасмин.

— Как великодушно с твоей стороны, — улыбнулась Джулия.

— Не понимаю, с чего вдруг Лидия решила, будто жена Гарри примет его внебрачного ребенка. Но ей было приятно думать, что ее дочь растет аристократкой, а я не хотела ее разочаровывать. — Элси потерла нос. — Может, у них там, в жарких странах, другие порядки.

— Мне приходило в голову, что, потеряв ребенка, Оливия захотела удочерить мою маму, — призналась Джулия.

— Боже упаси! — поморщилась Элси. — Во-первых, она не смогла бы выдать Жасмин за свою дочь. Оливия была светленькой, а Жасмин — темной и смуглой. Но главное, Оливия никогда бы не стала воспитывать ребенка Гарри. Она знала, что у него был роман с Лидией, и не хотела, чтобы Жасмин каждый день ей об этом напоминала. Так что ее семейное гнездо осталось пустым.

— А ты и сейчас переписываешься с Лидией, бабушка?

— Нет. После смерти твоей мамы я перестала писать. Не могла заставить себя сообщить ей об этом. Мы обе знаем, какое страшное горе — потерять ребенка... И сейчас я понятия не имею, жива Лидия или нет.

— Ясно, — тихо отозвалась Джулия.

— Знаешь, — вздохнула Элси, — не стоит думать, будто прошлое осталось далеко позади. Оно продолжается. Рассказав вам с Китом свою историю, я поставила твоего отца перед выбором. Мне остается лишь надеяться, что я поступила правильно.

— Во всяком случае, не сомневаюсь, что нашей семье хватит сил принять эту новость.

Элси потянулась к Джулии и похлопала ее по руке.

— Да, милая, думаю, ты права.

Глава 51

Три дня спустя Кит отвез Джулию в аэропорт Станстед. Она могла бы взять такси, но он настоял: после выходных они почти не виделись.

— Ты разговаривала с отцом? — спросил Кит, не отрывая взгляда от оживленной трассы.

— Оставила ему два сообщения, и вчера он мне наконец-то позвонил. Он был в Кью, представлял свои новые галапагосские растения на форуме садоводов.

— Он ничего не сказал про свой воскресный разговор с Элси?

— Нет. А я не стала спрашивать. Он держался немного отчужденно. — Джулия пожала плечами. — Хотя с ним часто такое бывает. Наверняка сам обо всем расскажет, когда будет в настроении.

— Ты права. К тому же у тебя сейчас и без него забот хватает, милая. — Кит протянул руку и нежно сжал ее пальцы. — Как жаль, что я не могу поехать с тобой! Ты уверена, что все будет в порядке?

Джулия отрывисто кивнула:

— Я должна, наконец, это сделать.

— Конечно. И вот еще что... — Кит помолчал, подбирая слова. — Я хочу, чтоб ты знала: я уважаю твои чувства к погибшим. И не боюсь их, Джулия. Конечно, будь Ксавьер жив, ты бы осталась с ним. И не надо этого стыдиться. Как я могу упрекать тебя в том, что раньше ты любила другого? Если помнишь, у меня тоже была девушка.

Они стояли возле стойки паспортного контроля, неловко переминаясь с ноги на ногу. Джулия хотела многое сказать Киту — например, какой он чудесный человек, как она с ним счастлива и как сильно его любит — да-да, любит! Но нужные слова не шли в голову, поэтому она молчала, боясь ляпнуть что-то не то.

В конце концов, Кит обнял ее и крепко прижал к груди.

— Я буду очень скучать по тебе, милая, — прошептал он ей на ухо.

— Я тоже, — выдохнула Джулия.

Он отступил назад и откинул с ее лица прядь волос.

— Пожалуйста, береги себя. И помни: если понадобится, ты знаешь, где меня найти. Я буду ждать тебя столько, сколько нужно.

Джулия кивнула, чувствуя, что вот-вот расплачется.

— Спасибо.

— Я люблю тебя, милая, — тихо произнес Кит.

От волнения у нее перехватило дыхание.

— Да, — только и смогла сказать она, слабо махнула рукой и прошла через турникет.

Сидя в салоне самолета, который готовился приземлиться в Тулоне, Джулия с удивлением обнаружила, что думает не столько о предстоящих делах, сколько о разлуке с Китом. Она уже провела без него три часа, и кто знает, когда они снова увидятся? На душе было тоскливо. Она не ожидала, что будет так сильно по нему скучать.

Едва ощутив знакомый сладковатый запах сосновой хвои, Джулия с трудом поборола желание снова сесть в самолет и улететь обратно в Уортон-Парк, к Киту. Взяв напрокат машину, она поехала по живописной приморской трассе к дому, прекрасно понимая, почему ее тянет обратно в Англию: меньше чем через час ей предстояло нечто пугающее.

«Но чем скорее я это сделаю, тем быстрее вернусь к Киту. Надо попрощаться с прошлым. И попрощаться в одиночестве».

На дороге было полно отдыхающих. Джулия терпеливо лавировала в потоке машин, проезжая красивые курорты Борм-ле-Мимоза, Лаванда и Райоль-Канадель. Люди семьями валили с пляжей, направляясь в шумные бары и кафе. В августе вся Франция перебиралась на юг, и торопиться куда-то не было смысла.

Извилистое шоссе начало забирать в гору. Внизу открылась чудесная панорама лазурного моря. После скудного норфолкского пейзажа, который Джулия находила первозданно красивым, Лазурный берег слепил пышностью и богатством красок. Можно ли сравнить необработанный алмаз с изящно ограненным сапфиром? Впрочем, у того и у другого камня своя прелесть.

В Ла-Круа-Вальмер Джулия поехала по крутой узкой дороге вверх, к горному городку Раматюэль. Сердце ее колотилось. Она редко испытывала потребность выпить, но сейчас рюмка-другая ей бы не помешала.

Как обычно, пригород был забит туристами, и Джулии пришлось припарковаться на некотором удалении от своего дома, стоящего рядом с главной площадью. Она достала из багажника рюкзак и пошла по тропинке. Раматюэль представлял собой лабиринт из узких улиц и

укромных переулков, застроенных живописными старинными домами, каменные стены которых украшали пышные пурпурные цветы бугенвиллеи.

Деревня находилась всего в десяти минутах ходьбы от шумных пляжей Пампелон и курорта Сен-Тропе, поэтому здесь было больше роскоши, чем в других французских поселках: дорогие рестораны зазывали богатых посетителей. Джулии нравилось бывать здесь зимой, когда в деревне оставались только местные жители.

Она остановилась у кованых железных ворот, за которыми виднелась короткая дорожка, ведущая к парадному крыльцу ее дома. Собравшись с духом, Джулия открыла ворота, прошла по дорожке и вставила ключ в замок...

Габриэль знает, что я должна прийти, и вместе с Агнес ждет меня у окна. Вот сейчас дверь откроется, он сбежит по лестнице и кинется в мои объятия. Я крепко прижму к себе сына, вдохну его чудесный запах, составленный из запахов Ксавьера, моего и его собственного. Я буду гладить его свежeweымытые темные волосы (слишком длинные для мальчика, но у меня не поднимается рука состричь эти мягкие кудряшки).

— Tu es rentree. Je t'aime, tатап, — скажет он, повиснув на мне, как обезьянка, и мы вместе поднимемся по лестнице на второй этаж.

Агнес встретит нас улыбкой. Я усажу Габриэля себе на колени, мы все устроимся за кухонным столом, и они расскажут мне, чем занимались в мое отсутствие.

Потом он слезет с моих колен и, смущаясь, принесет рисунок — это для меня. Бумага будет жесткой и покоробленной от неумело наложенной краски, но сын будет сиять от гордости, зная, как я счастлива.

Мы пойдем гулять. Габриэль запрыгнет на свой трехколесный велосипед, и будет лихо крутить педали, нарезая круги по террасе и демонстрируя мне свои способности. Потом он устанет и снова заберется ко мне на колени, посасывая пальчик. Его сердечко будет биться рядом с моим сердцем.

Когда он задремлет, я возьму его на руки, отнесу в спальню и бережно уложу в кроватку, нагнусь, поцелую в лобик, с удовольствием коснувшись губами нежной кожи, поглажу по головке и прошепчу, что

люблю его и что, пока я дома, мы с ним будем играть и заниматься разными другими замечательными делами. Уже засыпая, он приоткрывает один глаз — проверит, не ушла ли я.

Нет, милый, я здесь... я всегда буду рядом.

Джулия открыла дверь. Дом встретил ее тишиной. Она приготовилась шагнуть в прошлое и вновь ощутить боль.

Темный коридор поражал странным запахом — так пахли все дома, в которых давно не жили, но Джулия, по счастью, этого не знала. Она направилась в заднее крыло, на кухню. Закрытые ставни защищали от яркого летнего солнца, и в помещении царил полумрак. На длинном столе из французского дуба, прислоненная к вазе с фруктами, белела записка:

Дорогая мадам Джулия!

Надеюсь, вы будете довольны. Я заполнила холодильник продуктами и оставила на плите кастрюлю с едой. Приду завтра в десять, как обычно. Если вам что-то понадобится раньше, пожалуйста, звоните.

С возвращением, мадам!

Агнес.

Джулия взяла из вазы спелый персик, прокусила его бархатистую кожицу и пошла к двери на террасу. Старый дом располагался на людной узкой улице, но отсюда открывалась великолепная панорама, не прерываемая другими зданиями. Сейчас Джулия стояла на вершине холма и оглядывала склон, покрытый соснами, оливами и елями, который тянулся на сотни ярдов вниз, к берегу мерцающего на солнце голубого моря.

Джулия проводила здесь большую часть времени. Она сидела под аркой, увитой синим виноградом, слушала цикад, музыку Ксавьера и восторженные крики Габриэля, доносившиеся из бассейна.

Теперь остались только цикады. Она одна в доме, и некуда деться от страшных воспоминаний. Ноги Джулии ослабели, она тяжело опустилась в кресло из кованого железа.

Прошел всего год... а кажется, целая жизнь.

Тот страшный, чудовищный день начался совершенно обычно. Ничто не предвещало беды. Было жаркое июльское воскресенье...

Утром Джулия улетала в Париж, где должна была выступить в зале «Плейель» с Парижским оркестром — играть Второй концерт Рахманинова, свое любимое произведение. Помнится, в ожидании такси она отнесла вниз свои сумки, радуясь, что задержится в другом городе всего на одну ночь. Завтра вечером вернется домой и будет пить чай вместе с Габриэлем. Ей всегда нелегко давалась разлука с сыном. Зато, утешала она себя, ее «мальчики» пообщаются. Дома Ксавьер не вылезал из-за рояля и сердился на Габриэля, если тот его беспокоил. Малыш уже знал: папе лучше не мешать — капризная творческая натура делала его непредсказуемым.

Как всегда по воскресеньям, Агнес дома не было, и Ксавьеру пришлось взять на себя заботу о Габриэле. Друг-дирижер, который жил на том же побережье, пригласил их обоих на купание и барбекю. Там будут еще дети, так что Габриэлю не придется скучать, к тому же он проведет день вместе с отцом.

— Мaman, — Габриэль обнял ее за шею, — я люблю тебя. Возвращайся скорей! Я буду скучать.

— А я по тебе, маленький ангел, — ответила она, жадно вдыхая запах мальчика, чтобы сохранить его в памяти на время разлуки. — Желаю тебе весело провести время на вечеринке! Слушайся папу!

— Мы поедем туда на папиной новой спортивной машине. Она такая быстрая, maman! — Габриэль вырвался из объятий Джулии и принялся носиться по холлу, бибикая и рыча, как двигатель автомобиля.

— А *bientot, cherie!*^[16] — сказал Ксавьер. — Играй хорошо, как всегда! Буду с нетерпением ждать, когда ты вернешься. — Он прижал жену к себе и поцеловал.

— *Jet'aime, cherie!*^[17]. Береги Габриэля, — добавила Джулия и стала спускаться по ступенькам крыльца.

— Как было бы хорошо, если бы он поберег меня! — засмеялся Ксавьер.

Габриэль подошел к отцу, и они, взявшись за руки, помахали Джулии, уезжающей в такси.

В Париже Джулия позвонила Ксавьеру на мобильный из примерки, перед самым концертом. Включился автоответчик, но это ее не насторожило. «Наверное, они еще не вернулись с барбекю, перезвоню во время антракта», — решила Джулия. Она отключила свой сотовый и пошла за кулисы.

Поднимаясь на сцену и раскланиваясь перед публикой, она ощущала слабые признаки тревоги. Но потом села за рояль и взглянула на клавиши, которые вот-вот перенесут ее и слушателей в другое измерение, и забыла про все свои страхи. Ее пальцы коснулись клавиш, и зал наполнился волшебными звуками музыки.

Закончив играть, Джулия поняла, что это ее лучшее выступление. Публика, похоже, была с ней согласна. Ей аплодировали стоя. Джулия ушла со сцены, сжимая в руках букет кроваво-красных роз и ликуя от счастья. Как обычно, вокруг собралась толпа. Люди поздравляли молодую пианистку, осыпали ее похвалами и купались в лучах ее редкого таланта.

— Мадам Форрестер! — позвал администратор из-за спин поздравляющих. Его серьезное лицо разительно контрастировало с окружающими ее радостными улыбками. Он протиснулся к ней. — Мадам Форрестер, пожалуйста, пойдете со мной. — Он провел ее в свой кабинет и закрыл за собой дверь.

— В чем дело? Что-то не так?

Администратор объяснил, что ей звонили из жандармерии Сен-Тропе. Инспектор, с которым он говорил, просил ее срочно перезвонить. Администратор записал его телефон. Джулия боялась, что ее сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

— Он сказал вам, что случилось? — спросила она, пока администратор набирал номер, и дрожащими руками взяла трубку.

— Мадам, я... не знаю подробностей. Я оставлю вас одну, чтобы вы с ним поговорили.

Он вышел из кабинета. Она позвала к телефону инспектора, имя которого было записано на лежащем перед ней листке бумаги. Он подошел тут же. И сообщил о случившемся. Мир рухнул.

Машина вылетает с дороги, не вписавшись в поворот, катится вниз по крутому склону, а потом взрывается. Сухая трава и деревья вокруг тоже пылают огнем.

И где-то там, посреди обугленного черного пространства, лежат останки ее мужа и сына.

Неделю спустя, когда Джулия уже вернулась в Англию, французские полицейские сообщили, что нашли возле того места кости ребенка в возрасте около двух лет. Они лежали на склоне холма, поверх обломков автомобиля. Инспектор предположил, что Габриэль вылетел из машины, когда она, переворачиваясь, покатилась вниз.

Рядом были кости другого, взрослого, человека. Инспектор сказал, что огонь уничтожил все следы ДНК, и официально опознать погибших не представляется возможным.

Джулия почти не помнила, что было после того ужасного звонка в парижский зал «Плейель». В какой-то момент приехала Алисия и увезла ее к себе домой, в Англию.

Прожив два дня в гостевой комнате Алисии, Джулия поняла, что больше не выдержит криков и смеха детей сестры, и перебралась в маленький коттедж в Блэки: лучше слушать тишину, чем ежеминутно травить себе душу.

Джулия встала и вытерла слезы с глаз, заставив себя вернуться к реальности. Она боялась, что воспоминания вновь утянут ее в омут скорби. Здесь, во Франции, ее ждут конкретные дела, и чем быстрее она с ними покончит, тем быстрее уедет обратно.

Она вернулась на кухню и, следуя совету Кита не забывать про еду, подогрела рагу, села за стол с бокалом вина и через силу поужинала. Потом нехотя пошла в гостиную, села за рояль. Она играла для них — для мужа и любимого сына. Ей хотелось верить, что, где бы сейчас ни были ее дорогие люди, они это слышат.

Джулия открыла дверь в супружескую спальню, достала из рюкзака ночную рубашку (она боялась даже подойти к гардеробу, где висела вся одежда Ксавьера), переоделась и забралась в постель.

Долго лежала и разглядывала обстановку. Ей всегда нравилась эта комната — возможно, потому, что здесь было ее личное пространство, ее убежище в отличие от безликого гостиничного номера, снятого на одну ночь. На стенах висели картины, которые они с Ксавьером выбрали в галерее Гассен, а на комод с зеркалом по-прежнему лежала его расческа.

Этой минуты Джулия боялась больше всего: первая одинокая ночь в их постели, мысли о безвозвратно утерянном прошлом. Как ни

странно, ей было спокойно. Возможно, она просто смирилась с тем, что больше никогда не увидит ни Ксавьера, ни своего дорогого *petit ange*.

Они ушли навсегда. И никакими чувствами, делами или словами их уже не вернуть. Этот молчаливый дом, в котором они жили и любили друг друга, был последним подтверждением окончательности их ухода.

Глава 52

Проснувшись утром, Джулия с радостью увидела, что уже около девяти и, значит, она проспала всю ночь. Агнес, домработница и приходящая няня, появилась час спустя и с тревогой заглянула на террасу в поисках хозяйки. Джулия встала, подошла к Агнес и обняла ее.

— *Ca va, Agnes?*^[18]

На лице домработницы появилось явное облегчение.

— *Ca va bien, madame Julia. Et vous?*^[19]

— Мне уже лучше, спасибо. Иди сюда, выпей со мной кофе, — продолжила Джулия по-французски. Здесь она всегда говорила на местном языке, хотя сейчас это казалось ей странным и непривычным.

Агнес неуверенно села, и Джулия налила ей кофе.

— Огромное спасибо, что присмотрели за домом. Везде идеальный порядок.

— Не стоит благодарности, мадам Джулия. Главное, что вы в добром здравии и хорошо выглядите.

— Я постепенно смиряюсь с тем, что случилось. Я поняла, у меня нет выбора. Боль никогда не пройдет, но... — Джулия осеклась.

Агнес любила ее ребенка почти так же сильно, как и она. Эта женщина ухаживала за Габриэлем, и встреча с ней разбередила душу. Джулия судорожно сглотнула и нарочно перевела разговор на практическую тему:

— Есть вещи, которые я не могу сделать сама, и очень хочу, чтобы ты мне помогла.

— Конечно, мадам. Сделаю все, что попросите.

— Я пробуду здесь всего несколько дней, а потом вернусь в Англию. Я собираюсь продать этот дом.

— О, мадам! — испуганно вскричала Агнес. — Но это же ваш дом!

— Да, — кивнула Джулия, — но я должна это сделать, Агнес. Все здесь напоминает мне о прошлом. А если прошлое не вернешь, значит, надо начинать жить заново.

— Понимаю, — печально вздохнула Агнес.

— Я хотела попросить, чтобы вы после моего отъезда очистили гардероб Ксавьера и... — Джулия сглотнула, — спальню Габриэля. Может, вы знаете какую-нибудь благотворительную организацию или семью, которые согласятся взять его игрушки и одежду?

На глазах Агнес выступили слезы.

— Конечно, мадам. Я знаю такую семью. Они с благодарностью возьмут эти вещи.

— Когда дом будет продан, я приеду за своими вещами. Но я хочу выставить его на продажу вместе с мебелью. Думаю, так будет лучше.

Агнес кивнула:

— Есть одна старая французская поговорка, мадам: чтобы удачно войти в будущее, надо смириться с прошлым. Я выполню все ваши просьбы. На мой взгляд, вы... — Агнес не сдержалась и заплакала, — очень смелая.

— Вовсе нет. — Джулия покачала головой. — Будь я смелой, осталась бы здесь и по-прежнему посвящала им всю себя. — Она вздохнула. — Но я приехала сюда попрощаться.

Агнес коснулась руки Джулии:

— Он... они... обрадовались бы, узнав, что вы продолжаете жить и нашли новое счастье.

— Да, — Джулия слабо улыбнулась, — надеюсь, вы правы. Во всяком случае, я должна в это верить.

— Конечно, мадам.

Агнес допила свой кофе и встала.

— Простите, но мне пора браться за работу. Счета лежат на столе в кабинете. Все понимают, что вы оплатите их, когда сможете.

— Конечно, оплачу Сегодня же. А чеки оставлю вам. Пожалуйста, передайте всем спасибо.

— Конечно, мадам. Здесь все вас любили. Всю вашу семью, — добавила она и, резко отвернувшись, ушла в дом.

Джулия провела много времени за своим письменным столом, просматривая почту, которая накопилась за последний год. После несчастья непрерывным потоком пошли открытки с соболезнованиями. Она открывала их, читала трогательные слова сочувствия, и на душе становилось легче: их любили столько людей!

Она сложила открытки в папку, чтобы увезти с собой в Англию, потом выписала чеки тем, кто заботился о доме в ее отсутствие.

Джулия открыла большой официальный конверт, и у нее перехватило дыхание: там оказались свидетельства о смерти мужа и сына — последнее подтверждение их небытия. Расследование и судебное дело были закрыты.

Прихватив лопату, совок и два маленьких саженца кипарисов, Джулия села в машину и через десять минут подъехала к тому роковому повороту, где ее муж и сын встретили свою смерть. Она припарковалась чуть дальше, на асфальтовой площадке, отнесла к месту аварии совок и лопату, потом вернулась за саженцами. Стоя на вершине холма, она видела обуглившиеся ветви деревьев вокруг голого, выжженного огнем пространства. Однако, медленно спускаясь по опасному склону, она заметила, что жизнь здесь начинает возрождаться. Из черной земли проклюнулись дикие орхидеи, которые в этой местности росли преимущественно на холмах. Кое-где выглядывала молодая зелень. Огонь все разрушил, но, в конце концов, он же и удобрил почву. Джулия надеялась, что это торжество природы символизирует и ее собственное возрождение.

Поскольку точное место гибели Ксавьера и Габриэля не было ничем отмечено, Джулия выбрала, по ее представлениям, центральную точку и начала копать. Это была тяжелая работа, да еще на жаре, но она не отступилась и, в конце концов, посадила деревца рядом друг с другом, а потом, сидя перед ними на коленях, представила дорогих ей людей, которых олицетворяли эти молодые кипарисы.

— Прощай, *mon petit ange!* Прощай, мой Ксавьер! Спи спокойно. Куда бы я ни отправилась, вы всегда будете со мной. Когда-нибудь... мы опять будем вместе. Я люблю вас обоих, очень люблю...

Она встала, послала каждому деревцу воздушный поцелуй и пошла наверх.

Наутро Джулия почувствовала невыразимое облегчение: она переборола себя и сделала то, чего больше всего боялась. Ей предлагали заказать панихиду по Ксавьеру и Габриэлю. Теперь, когда она попрощалась с ними лично, можно подумать и об этом. Наверное, пережитое похоже на катарсис. Во всяком случае, это шаг в правильном направлении для обретения душевного спокойствия, без которого встреча с будущим невозможна.

Затем Джулия совершила следующий важный шаг — посетила местного риелтора и объяснила, что хочет выставить свой дом на

продажу. Агент по недвижимости притворился опечаленным, но девушка знала, что он мысленно потирает руки, предвкушая выгодную сделку. Еще бы: ему предстоит сбыть самый востребованный дом в Раматюэле!

— Мадам, мне достаточно снять телефонную трубку, сделать всего один звонок, и ваш дом будет продан. Такие лакомые кусочки редко выставляются на рынке недвижимости. Назовите свою цену, и, уверяю вас, вы ее получите. Но вам надо решить, действительно ли вы этого хотите. Прекрасный дом в прекрасной деревне — удача, которая приходит лишь раз в жизни.

— Абсолютно уверена, — повторила Джулия. — Было бы хорошо, если б там поселилась семья.

— Кажется, у меня есть именно такие покупатели, — заявил риелтор.

— Вот и отлично. — Джулия встала. — Чем раньше, тем лучше. Дому требуются жильцы, а я не могу там остаться. Через пару дней уезжаю. Если кто-то пожелает осмотреть дом, ключи у Агнес Савой.

Агент обошел свой рабочий стол и пожал ей руку.

— Спасибо, мадам, за то, что доверили мне свое чудесное жилище. Позвольте выразить вам соболезнования в связи с вашей трагической потерей.

— Merci, monsieur.

Джулия вышла из риелторской конторы и направилась к залитой солнцем площади. В симпатичных кафе царило оживление, как и положено во время позднего завтрака. Джулия нашла столик под солнцем, заказала кофе латте и стала, медленно прихлебывая, наслаждаться расслабленной атмосферой. Этого будет не хватать — французский образ жизни всегда был ей по душе.

Джулия вдруг поняла, почему так уютно себя здесь чувствует: сказываются гены. Ведь, как выяснилось, ее прабабушка — француженка Адриана. Нащупав эту связь с прошлым, она улыбнулась. Люди — сложные существа, и так приятно открывать грани собственной индивидуальности!

Она заказала себе еще чашку кофе латте. После треволнений последних дней ей не хотелось прерывать этот момент спокойных размышлений.

«Итак, «другая» ее грань, о которой мне так мало известно, берет начало далеко на Востоке, под жарким тропическим солнцем, где состоялась короткая трагическая любовь дедушки и бабушки. Возможно, когда-нибудь я поеду туда и своими глазами увижу красоту, околдовавшую Гарри, но сейчас не время».

Она обратилась мыслями к Киту, и на сердце у нее потеплело. Чуткий и нетребовательный, последние два дня он не звонил, только слал эсмэски со словами любви.

Джулия достала из сумочки мобильный телефон и перечитала его сообщения.

«Удивительно, как смело Кит признается в любви! А вот я до сих пор не сказала ему о своих чувствах. Наверное, была еще не готова. Зато сейчас, когда, образно выражаясь, книга прошлого закрыта, молчать нет причин».

— Я люблю тебя... — несколько раз повторила Джулия вслух, нежась на солнышке и будто бы пробуя эти слова на вкус. Она несколько не сомневалась в их искренности.

Дома Джулия сразу прошла в кабинет, чтобы заказать по Интернету билет на самолет в Англию — на завтра. Ей хотелось как можно быстрее вернуться в Уортон-Парк, к Киту. Сказать ему, что она наконец-то полностью в его распоряжении, свободная от прочих обязательств, и, если он хочет, они будут вместе до конца своих дней.

Зазвонил мобильный. Кит! Она нажала кнопку соединения.

— Привет, милая. Как у тебя дела?

— У меня... все в порядке. Спасибо, Кит.

— Хорошо. Так приятно слышать твой голос! Я соскучился, Джулия. Ты там бережешь себя?

— Конечно.

— Еще не знаешь, когда вернешься домой?

Джулия только что заказала авиабилет и точно знала, когда это будет, но решила преподнести ему сюрприз.

— Еще нет. Но я сделала почти все дела, так что, наверное, прилечу быстрее, чем ты думаешь, — произнесла она с усмешкой.

— Замечательно! — В голосе Кита сквозило облегчение. — Ты даже не представляешь, как здесь тихо и спокойно.

— Здесь тоже довольно тихо, — пробормотала Джулия.

— Да, наверное, — серьезно отозвался он. — Я все время думаю о тебе, милая.

— Я о тебе тоже. У тебя все хорошо?

— Да, если не считать того, что я по тебе скучаю. Ну ладно, пока! Сообщи, когда прилетаешь — я зарезу самого упитанного тельца и устрою фейерверк. Я люблю тебя, милая. Звони!

— Ладно, Кит. Пока!

В тот день, полная радостного удивления (судьба подарила ей второй шанс стать счастливой!), Джулия сидела за роялем — на этот раз в ее музыке было больше радости, чем страдания.

Как обычно, она утратила чувство времени и настолько растворилась в музыке, что не заметила, как за окнами стало смеркаться. И не услышала, как отворилась дверь в гостиную. Завершая мелодию последним аккордом, сопровождаемым красивым движением рук, она взглянула на свои наручные часы и увидела, что уже начало восьмого.

«Пора выпить бокал розового вина», — подумала она, складывая партитуру в свой чемоданчик-кейс, чтобы увезти ее домой завтра.

Неожиданно Джулия уловила краем глаза движение за спиной, обернулась... и потрясенно уставилась на человека, стоящего в дверном проеме. Потом инстинктивно закрыла глаза.

«Это привидение, игра воображения... Он не реальный, нет! Когда я открою глаза, он исчезнет...»

Она открыла глаза. Он по-прежнему стоял в дверях.

Потом заговорил:

— Привет, моя Джулия. Я вернулся.

Глава 53

Джулия смотрела на него, не отрываясь, однако разум отказывался признавать то, что видели глаза и слышали уши.

Потому что этого... не могло быть.

«Кто это? Ксавьер? Или нет? Во всяком случае, не тот Ксавьер, которого я мысленно представляла со дня его смерти».

Этот Ксавьер постарел лет на десять, а то и на двадцать. Болезненная худоба, на левой стороне лица неровный шрам...

— Понимаю, ты в шоке, — ровным тоном произнес он.

«Это еще мягко сказано!» Джулия едва сдержала истерический смех.

В конце концов, к ней вернулся дар речи.

— Я пытаюсь понять, — медленно произнесла она, излишне напирая на каждое слово, — кто ты — привидение, галлюцинация?

Он покачал головой:

— Ни то и ни другое.

— Значит... — Джулия запнулась и судорожно сглотнула. — Но как?

— Моя Джулия, нам надо о многом поговорить. Но сейчас, пожалуйста, подойди ко мне. Обними своего мужа, вернувшегося из царства мертвых. И ты убедишься, что он настоящий, из плоти и крови.

Ксавьер протянул к ней руки. Медленно, следуя его указаниям, Джулия встала и подошла к нему.

— О, *ma chérie*, моя Джулия, — пробормотал он, заключая ее в объятия. — Ты не представляешь, как долго я об этом мечтал!

Его прикосновение и знакомый запах подтвердили, что это не галлюцинация. Не выдержав нервного напряжения, Джулия разразилась слезами.

— Не понимаю, просто... не... понимаю!

Она обмякла у него на груди. Ксавьер подвел, или, лучше сказать, поднес ее к дивану и усадил, не разжимая объятий.

— Знаю, знаю, *ma petite*: увидев меня, ты испытала сильное потрясение. Я пытался придумать, как обставить нашу встречу, чтобы

она поменьше тебя травмировала, — он погладил ее по волосам, — но понял, что в любом случае это будет шок.

— Но как? — вскричала она. — Как ты здесь оказался? Ты же мертвец, мертвец! Ты умер год назад... А если не умер, тогда где, черт возьми, ты был?

— Я все тебе расскажу позже, — успокоил Ксавьер. — А сейчас давай отпразднуем наше воссоединение.

— Нет! — Джулия резко отстранилась. — Расскажи сейчас! Ксавьер, прошу тебя!

— D'accord, ты права, я должен все рассказать. Но сперва предлагаю выпить по бокальчику, чтобы успокоиться.

Он пошел за вином, а Джулия осталась в гостиной в полном оцепенении, не в силах осмыслить случившееся.

— Вот, выпей, cherie. Это поможет. — Ксавьер протянул ей бокал.

Джулия сомневалась, что ей что-то поможет, а уж тем более вино, однако послушно выпила: надо хоть на чем-то сосредоточиться.

— Пожалуйста, — опять взмолилась она, — объясни мне, Ксавьер. Ты должен это сделать, иначе я сойду с ума!

Он взял у нее пустой бокал и поставил его на кофейный столик, потом, пристально глядя в глаза жене, накрыл своими длинными пальцами ее руки.

— Ma cherie... Я так долго ждал этого момента! Ждал и боялся. Не знал, как лучше поступить. Может, мне вообще не стоило показываться тебе на глаза? Спрятавшись навсегда, я избавил бы тебя от шока. Конечно, — он кивнул, — в каком-то смысле мне тоже было бы легче: я не хотел тебя пугать. Но... нет! Мой долг мужа и отца призывал меня быть смелым.

Тут в голову Джулии пришла неожиданная мысль.

— О Боже! — Она зажала рот рукой. — Скажи мне, Ксавьер, скажи... если ты жив... то Габриэль...

Ксавьер покачал головой:

— Нет, mon amour, его больше нет. Я... видел своими глазами.

Джулия высвободила руки и сделала глубокий вдох, собираясь с силами.

— Рассказывай.

Ксавьер залпом допил вино и опять потянулся к рукам Джулии, но она их отдернула.

— Нет! Не трогай меня! — Она услышала в собственном крике истерические нотки. — Пожалуйста, говори!

— D'accord, cherie, я начну. В тот день, в тот ужасный день мы ушли с вечеринки в семь. Габриэль спросил, можно ли ему сесть спереди, и я разрешил. Мы поехали домой с открытым верхом. Габриэль радовался, что сидит на переднем сиденье папиного нового спортивного автомобиля. Он кричал, смеялся и все время меня подгонял: «Едем быстрее, пап! Быстрее!» Мне... — Ксавьер запнулся, у него перехватило дыхание, — хотелось сделать ему приятно, и я жал на газ. Въехал в поворот на слишком большой скорости и вывернул руль, чтобы машину не занесло. Я потерял управление. Машина сошла с трассы и полетела вниз по склону.

Ксавьер замолчал.

— Прости меня, Джулия, прости... — Он сглотнул, потом продолжил: — В конце концов, машина остановилась, потому что путь ей преградило дерево. У меня был шок, по лицу текла кровь, — он дотронулся до шрама на щеке, — но я еще был в сознании и сразу повернулся к Габриэлю, чтобы узнать, как он. Но сиденье рядом со мной было пустым. Я понял, что его выбросило из машины, когда она катилась с холма. Кое-как выбравшись из салона, я побежал наверх искать Габриэля.

Ксавьер обхватил голову руками.

— Ох, Джулия, Джулия...

Девушка видела, как ему тяжело, но молчала. А что она могла сказать?

— Когда я его нашел, — прошептал Ксавьер, — я подумал, что он просто потерял сознание. Понимаешь, на нем не было ни единой царапины. Но потом... О Господи, помоги! — воскликнул он. — Я приподнял его и увидел, что его голова болтается на шее, как у... сломанной куклы. Тогда я понял, что при падении он получил серьезную травму.

— Ты говоришь, у него была сломана шея?

«Мне надо, обязательно надо знать, как именно умер мой ребенок!»

— Да. Потом я заметил, что у него открыты глаза... широко открыты, но не мигают. Они не мигали, Джулия! Я попытался нащупать пульс и не смог. Я тряс его, пытался поставить на ноги, хоть

и понимал, что он меня уже не видит, что он... нет! — Ксавьер замолчал, давась слезами, потом потряс головой. — Я не могу произнести это слово.

— И ты понял, что Габриэль мертв? — досказала за него Джулия.

— Oui, chérie, он был... мертв. Не знаю, сколько времени я просидел рядом с ним. Обнимал его и молил Бога, чтобы он ожил... Но все было тщетно. А потом, — Ксавьер передернулся при воспоминании, — я услышал громкий стук и увидел, что машина внизу загорелась. В лесу было очень сухо, через несколько секунд огонь начал подбираться ко мне, и я... о Господи, как же это сказать? — Плечи Ксавьера затряслись от мучительных рыданий. — Я убежал. Я долго бежал по лесу, спасаясь от огня... — Он в очередной раз задумано всхлипнул. — А нашего мальчика я оставил там. Я не взял... с собой... нашего мальчика!

Не в силах больше говорить, Ксавьер обхватил голову руками и заплакал. Джулия сидела рядом, уставившись в пространство и усилием воли заставляя себя оставаться на месте.

— Продолжай, Ксавьер, прошу тебя. Мне надо знать все.

На нее вдруг снизошло странное, пугающее спокойствие.

Через несколько минут Ксавьер продолжил:

— Каждый день я спрашиваю себя, почему так поступил. Почему не взял на руки нашего ангелочка и не унес с собой. Я не могу этого объяснить... Просто не могу. — Он лихорадочно потряс головой. — Я оставил его там одного! Возможно, у меня был шок... Я обезумел от горя... или поддался эгоистичному инстинкту самосохранения. Но я это сделал, Джулия. Он остался там.

Ксавьер опять зарыдал, но Джулия по-прежнему сидела не шевелясь.

— И куда же ты побежал?

Он вытер глаза и нос тыльной стороной ладони и покачал головой.

— Не могу сказать, в каком направлении я бежал, но когда понял, что огонь больше не угрожает, остановился и прямо там, в лесу, лег и заснул. А может, потерял сознание. Проснулся ночью. Я закрыл глаза и опять заснул, а когда открыл их в следующий раз, наступило утро. Я понял: надо вернуться домой и объяснить тебе, что случилось. Но каждый раз, когда я об этом думал, мне становилось плохо. В конце

концов, я пошел куда глаза глядят. Оказалось, я недалеко от Сен-Тропе, и вскоре я добрался до города. — Он помолчал, сделал глубокий вдох. — Пойми меня, Джулия, умоляю: в тот момент я был вне себя от горя. Рядом с табачной лавкой продавали газеты. Ты знаешь, какие в тот день были заголовки.

— Нет, я не читала газет.

— Понятно, везде, как всегда, на первой полосе — ты. Мою фотографию журналисты еще не раздобыли, но в то утро узнать меня было невозможно. — Ксавьер скривился. — На щеке — запекшаяся кровь, рваная одежда... Я выглядел как бродяга, а не как муж известной Джулии Форрестер.

Он резко встал и принялся ходить по комнате.

— Я немного привел себя в порядок в общественном туалете, потом купил бутылку воды и газету. В репортаже об аварии говорилось, что я погиб вместе с Габриэлем. И тогда я понял, — Ксавьер остановился посреди комнаты и повернулся лицом к Джулии, — что не смогу вернуться к тебе и рассказать правду. Я знал, что ты никогда меня не простишь. Я убил нашего *petit ange* и бросил его, оставив гореть в лесу. — Он смотрел мимо Джулии, его глаза уже стали сухими. — И я сбежал.

— Куда?

— Взял прогулочную яхту, которая ходила вдоль берега, и приплыл в Ниццу, а оттуда паромом в Корсику. Поселился в маленькой недорогой гостинице в горах и жил там до тех пор, пока не закончились наличные. Потом несколько недель работал сборщиком фруктов, но каждый раз менял места, чтобы никто не узнал. — Ксавьер пожал плечами. — Может, зря беспокоился, но мне не хотелось рисковать. Наверное... у меня был нервный срыв. Я утратил способность разумно мыслить. Мозг отказывался воспринимать случившееся. Я просто существовал. Ты можешь это понять, Джулия?

«Скажи же хоть что-нибудь!» — молили его глаза, но Джулия молчала.

Он вздохнул.

— А потом я медленно начал приходить в себя. Стал размышлять не только о том, что сделал с Габриэлем, но и о том, что сделал с тобой. Из-за меня ты думала, будто потеряла и любимого сына, и мужа. — Ксавьер нервно провел рукой по волосам. — Я устыдился

собственного поступка, но лишь через много месяцев нашел в себе силы и мужество вернуться домой. И вот я здесь, перед тобой.

Повисла долгая пауза.

— Как ты узнал, что я здесь? — спросила, наконец, Джулия.

Ксавьер взглянул на нее с удивлением:

— А где же еще ты могла быть? Если бы уехала с концертами, я бы тебя дождался. В любом случае мы бы с тобой здесь встретились, *ma chérie*.

— Меня здесь не было, — бесстрастно отозвалась Джулия. — Я уезжала в Англию. И вовсе не для того, чтобы музицировать.

Она поспешно встала. Ей хотелось уйти от него как можно дальше и обдумать те ужасные факты, которые только что узнала — о гибели сына и о той роли, которую сыграл в ней Ксавьер.

Она прошла через холл и кухню на террасу. Обхватив себя руками в тщетной попытке защититься от боли и глядя в усыпанное звездами чернильно-черное небо, Джулия с горькой усмешкой вспомнила: совсем недавно ей казалось, что она уже познала самые страшные страдания.

Выходит, ошиблась!

— Прости меня, Господи... — взмолилась Джулия, ибо в ее мозгу билась кощунственная мысль: «Жаль, что из них двоих уцелел не Габриэль! Он убил нашего ребенка!»

Нет! Джулия покачала головой. Она не должна так думать! Это был несчастный случай, временное помутнение рассудка, трагическая ошибка, которую может допустить каждый, даже самый заботливый родитель... И потом, как знать, выжил бы Габриэль или нет, даже будь он пристегнут к детскому креслицу на заднем сиденье машины.

«Он бросил его гореть в огне лесного пожара».

— О Боже... — прошептала Джулия.

«Можно ли такое простить? А что, если Габриэль был еще жив?»

Эта мысль казалась настолько жуткой, что Джулия тут же ее отбросила.

«Надо поверить Ксавьеру. Он говорит правду: наш малыш погиб в аварии. Иначе я сойду с ума, представляя, как он страдал в одиночестве». А как отнестись к действиям Ксавьера? Он исчез на целых двенадцать месяцев, бросив меня, заставив поверить в то, что я потеряла не только сына, но и мужа. Если бы Ксавьер сразу пришел

домой и признался в своей ужасной ошибке, я бы его простила?» Джулия перестала ходить по комнате и без сил рухнула в кресло.

«Можно ли считать чрезвычайные обстоятельства достаточным оправданием? Сначала вернулся Кит, теперь Ксавьер...»

Джулия схватилась за голову: «Нет, это уже слишком...»

Она почувствовала руку на своем плече и вздрогнула от неожиданности.

— Я искренне сожалею, что мне пришлось огорчить тебя своим рассказом. — Ксавьер сел перед ней на колени и взял ее за руки. — Понимаю, как тебе сейчас тяжело. Знаешь, я никогда себя не прошу. Но пожалуйста, пойми: я вернулся, только чтобы загладить свою вину. Знаю, что поступил плохо. — Он нагнулся и поцеловал ее руки. — Я люблю тебя, cherie, очень люблю! Найдешь ли ты в своем сердце силы, чтобы меня простить?

Джулия взглянула в его глаза, исполненные отчаянной мольбы, и встала.

— Я больше не могу говорить. Я очень устала и хочу спать. Пожалуйста, переночуй пока в комнате для гостей.

Она молча прошла мимо него и скрылась в доме.

Следующие два дня Джулия не выходила из своей спальни, несмотря на слезные просьбы Ксавьера, жаждущего поговорить с женой. Ей надо было все обдумать и какое-то время побыть одной, чтобы зализать раны. Она спала урывками, просыпалась среди ночи и вновь вспоминала кошмар, с которым столкнулась не во сне, а наяву.

На третье утро Джулия впустила Ксавьера в комнату. Он вошел, держа в руках поднос с круассанами, джемом и кофе.

— Я принес тебе завтрак, cherie. Ты совсем ничего не ешь, и это меня сильно беспокоит. — Он поставил поднос на кровать и посмотрел на ее изможденное лицо. — Джулия, мне невыносимо видеть, сколько страданий я тебе причиняю.

Ксавьер налил ей кофе. Она села в постели, взяла протянутую чашку и стала молча пить.

— Я собираюсь вернуться в Англию, — произнесла Джулия ровным тоном.

— Bon! — испуганно воскликнул Ксавьер. — Тебе нельзя никуда ехать в таком состоянии! И потом... нам надо хотя бы поговорить.

Джулии вдруг остро захотелось вернуться к спокойному, безмятежному существованию с Китом в Уортон-Парке. На глаза навернулись слезы.

— Ксавьер, я... — Она вздохнула, не зная, как озвучить свои смятенные чувства.

— Джулия, — умоляюще произнес он, — у меня к тебе только одна просьба: пожалуйста, останься здесь, со мной, хотя бы на несколько дней. Я буду любить тебя и помогу справиться с ужасным потрясением, которое ты из-за меня испытала. Если же потом ты все-таки решишь уехать, я не стану тебя удерживать. Но мы должны попытаться восстановить наши отношения — ради нашего маленького ангела, ведь мы его родители.

Это был единственный довод Ксавьера, который удержал ее от немедленной поездки в аэропорт.

— Я многие месяцы оплакивала его в одиночку, — тихо сказала Джулия.

— Так позволь мне оплакать его вместе с тобой. Мне тоже это нужно. Пожалуйста, не бросай меня, *cherie*. Я не смогу... Не смогу жить дальше.

Джулия взглянула на него и увидела в глазах отчаяние.

— Хорошо. Я сделаю, как ты просишь, и останусь здесь. Пока.

Ксавьер стиснул ее в объятиях, расплескав кофе по всей постели.

— *Merci, mon amour*. Обещаю, не пожалеешь. Ну, моя Джулия, чем бы ты хотела сегодня заняться?

— Заняться? — озадаченно переспросила она.

— Да. Мне кажется, тебе будет полезно выйти из дома, избавиться от... воспоминаний. Мы могли бы... — Ксавьер пожал плечами, — прогуляться по нашему любимому пляжу, а потом вместе пообедать. Хочешь?

— Я...

— Пожалуйста, Джулия, *mon amour*! — тихо взывал Ксавьер, глядя на свои руки. — Я понимаю, сколько боли причинил тебе своим рассказом, но неужели ты совсем не рада, что муж вернулся? Ты... и меня тоже оплакивала?

— Конечно. Я несколько месяцев... — Джулия судорожно сглотнула, — не находила себе места от горя. Ты и представить не можешь, как мне было плохо! А когда я, наконец, начала смиряться и

потихоньку задумываться о будущем, вдруг появился ты, и... ох, Ксавьер! Я в полной растерянности.

Она не сдержала слез. Ксавьер обнял ее и погладил по волосам.

— Прекрасно тебя понимаю, *mon amour*. Клянусь, я сумею загладить свою вину и сделаю все, чтобы тебе помочь. Ты больше не одинока. Я здесь, с тобой. Ведь мы нужны друг другу, правда?

— Да, но... — Это «но» было таким сложным, что Джулия не смогла его сформулировать.

— Знаешь, я в самом деле считаю, что тебе стоит на время уйти из этого дома. Если не понравится, я тут же привезу тебя обратно. *D'accord?*^[20]

Джулия вздохнула. Она словно оцепенела. Какая разница, где находится, лишь бы избавиться от тянущего чувства в животе, которое возникло у нее после того, как Ксавьер рассказал, что случилось с ее ребенком. На нее опять навалилась черная тоска.

— *D'accord*.

— *Vonne*. Но сначала, — Ксавьер глубоко вздохнул, — мне надо сходить в жандармерию и показать, что я восстал из мертвых.

— Твое свидетельство о смерти лежит на столе в кабинете. Захвати его на всякий случай, — сухо бросила Джулия.

Он встал и посмотрел на нее сверху.

— Знаешь, меня могут привлечь к уголовной ответственности.

Эта мысль не приходила ей в голову.

— За что?

— За вождение в пьяном виде или даже убийство. Но я должен это сделать и пойду туда прямо сейчас, чтобы покончить с самым неприятным. Мне страшно, — признался он.

Джулия прекрасно знала, что означает этот его взгляд: он хочет, чтобы она пошла с ним. Проигнорировав немую просьбу мужа, она вылезла из постели и направилась в ванную.

— Пока, — бросила Джулия и исчезла за дверью.

Когда Ксавьер вернулся, Джулия сидела за роялем, надеясь найти утешение в музыке. Он шагнул в гостиную с улыбкой на губах.

— *Voilà!* Все в порядке! Когда месье инспектор увидел перед собой человека, принесшего свидетельство о собственной смерти... — Ксавьер усмехнулся, — у него было такое лицо, *cherie!*

— Он наверняка был в шоке.

Джулию озадачила веселость Ксавьера.

— Он сомневается, что меня в чем-то обвинят, поскольку свидетелей аварии не было. Мои объяснения он выслушал без вопросов. Похоже, я не первый водитель, который потерял управление в этом месте дороги. Он сказал, мне могут вменить инсценировку собственной смерти, но только если ты получила деньги по страховке. Ты их получила? — с тревогой спросил Ксавьер.

У нее не было желания заниматься бумагами, связанными со «смертью» мужа. Она впервые порадовалась этому обстоятельству.

— Нет, — тихо ответила Джулия.

На лице Ксавьера отразилось облегчение.

— Замечательно! Значит, тебя тоже нельзя ни в чем обвинить.

— Что? — Джулия вздрогнула.

— Не волнуйся. — Он ласково чмокнул ее в макушку. — Это, конечно, пустяк, но он доказывает, что мы с тобой не были в преступном сговоре.

Джулия закрыла лицо руками и покачала головой:

— Прекрати, Ксавьер! Мы говорим о смерти моего... нашего... ребенка, а не о сложном финансовом мошенничестве!

— Pardon, chérie. Прости мне мою нечуткость. Все эта проклятая французская бюрократия! А сейчас, — он отнял ее руки от лица, — позволь пригласить тебя на ленч. Надо уметь во всем находить хорошее, oui? А хорошее заключается в том, — он приподнял подбородок Джулии и поцеловал ее в губы, — что я свободный человек, я жив и вернулся к своей красавице жене.

Глава 54

Симпатичная приморская деревушка Жигаро притулилась на краю полуострова, с другой стороны от Сен-Тропе. Она располагалась на территории заповедника, вдали от главной автомагистрали, связывающей курорты Ривьеры, поэтому ей удалось сохранить свой древний колорит. Вдоль не испорченного туристами пляжа тянулся ряд живописных ресторанов с открытыми верандами, и это был хорошо охраняемый местный секрет.

Ксавьер вошел в «Саламандру». Джулия покорно плелась следом. Она видела, как Шанталь, хозяин рестораника, уставился на ее мужа: у него было такое лицо, точно перед ним возникло привидение.

Ксавьер ободряюще кивнул:

— Oui, Chantal, c'est moi!^[21]

Шанталь зажал рот рукой.

— Но... Боже мой! Не верю глазам своим! Как такое возможно?

Ксавьер обнял Джулию.

— Это долгая история, которую я когда-нибудь вам расскажу. А сейчас, если не возражаете, мы зайдем наш обычный столик и закажем кувшинчик розового вина.

Шанталь ушел за вином, а Джулия взглянула на Ксавьера.

— Как ты собираешься объяснять людям свое отсутствие? — поинтересовалась она абсолютно бесстрастным тоном.

— Расскажу им правду, только и всего, — пожал плечами Ксавьер.

— Скажу, что обезумел от горя и решил исчезнуть.

Джулия внимательно смотрела на мужа. Все утро ей не давала покоя одна неприятная мыслишка.

«Надо кое-что проверить...»

— Ты же понимаешь, для прессы это манна небесная... — начала Джулия.

— Ты права, милая. Voila! — Ксавьер хлопнул ладонями по столу.

— Я соберу пресс-конференцию, приглашу этих стервятников. Пусть придут и заключают нас своими вопросами — но только один раз. Да, именно так! Мы позвоним Олаву, и он это организует.

Ксавьер напоминал Джулии разогнавшийся локомотив. Он радовался, что наконец-то вернулся из добровольного изгнания, но она

не разделяла его восторгов. Пресс-конференции и шампанское, которое им преподнес любезный Шанталь, не вызывали у нее воодушевления. Она думала о своем бедном сыне. Представляла, как он лежал один в лесу и его тело пожирал огонь...

Мысль о внимании прессы не на шутку вдохновила Ксавьера. Только сейчас Джулия вспомнила, как он любит рисоваться на публике.

— Пожалуйста, Ксавьер, давай обойдемся без журналистов. Мне сейчас не до них, — взмолилась она.

— Да, ты, конечно, права. Прошу прощения, chérie. Наверное, я, как говорится, бегу впереди паровоза. Но что делать? Я так счастлив! Я вернулся к жене и вновь смотрю в ее прекрасные глаза. Sante. — Он чокнулся с ней бокалами.

— А вот я не могу... быть счастлива, ведь я только что узнала подробности гибели Габриэля.

Ксавьер потянулся через стол, и она нехотя позволила ему взять себя за руку.

— Пожалуйста, поверь, Джулия, это была ужасная авария. Я никогда себя не прощу. Но я сполна наказал и себя, и тебя. Что мне еще сделать? Как загладить свою вину? Скажи мне, и я обещаю сделать это.

— Ничего, — вздохнула она. — Ты ничего не можешь сделать.

Утром Джулию разбудил громкий стук в парадную дверь. Она сонно проковыляла в холл и увидела, что Ксавьер уже открыл: на пороге возникло море лиц, видеокамер и диктофонов.

В испуганное лицо Джулии ударили фотовспышки. Она метнулась в гостиную, умоляя Ксавьера закрыть дверь, и без сил опустилась на диван, дрожа и хватая ртом воздух. Наконец до нее долетел звук закрываемой двери, и в гостиную вошел Ксавьер.

— Ты от них избавился? — встревоженно спросила Джулия.

— Chérie, мне очень жаль, что они пришли так быстро, но здесь уж ничего не поделаешь, сама понимаешь. Ты знаменитость, а я — твой муж. Они не уйдут, пока не сделают репортаж. Так что чем раньше мы с ними встретимся, тем лучше. Я сказал, что через полчаса мы выйдем во двор и дадим интервью. Их это устроило.

— Но они же, наверное, хотят говорить с тобой? — простонала Джулия. — Может, я останусь в доме?

Ксавьер приобнял ее за плечи.

— Вообще-то им нужна ты. Твоя фотография будет отлично смотреться на первой полосе. Это та цена, которую ты должна заплатить за богатство и славу, не так ли? Ладно, пойду приму душ. — Он взглянул на жену, сидящую в старой застиранной футболке, в которой любила спать. — Думаю, тебе тоже следует привести себя в порядок.

Джулия сделала, как он просил, и фотографы запечатлели ее в супружеских объятиях. Ксавьер нежно целовал ее в губы. Когда ее спросили, что она испытывает по поводу чудесного возвращения мужа, Джулия сказала, что очень счастлива.

А что еще она могла сказать?

Вскоре после того, как она закрыла за журналистами дверь, у нее зазвонил мобильный.

— Привет, Джулия, это Алисия. Слушай, только что по радио... в новостях сообщили, что у Джулии Форрестер нашелся муж, что он цел и невредим. Неужели, правда?

— Да, правда, — вздохнула Джулия. — Мне надо было тебе позвонить, но я и сама еще не оправилась от шока. К тому же я не ожидала, что новость так быстро распространится.

— Чему ты удивляешься? Новость-то и впрямь сногшибательная! Значит, теперь, когда он вернулся, ты останешься во Франции?

— Я... — Джулия запнулась, — не знаю.

— Понятно. — Алисия, в свою очередь, помолчала, потом спросила: — А ты говорила с Китом?

— Пока нет.

— Знаешь, мне не хочется давать тебе советы, но я бы на твоём месте обязательно ему позвонила. Иначе он узнает эту историю от других.

— Да, ты права, — нехотя согласилась Джулия, которая даже думать не могла о разговоре с Китом.

— Кстати, папа звонил. Он тоже слышал про Ксавьера и передает тебе поздравления. Скажи, Джулия, ты рада, что так случилось?

Краем глаза Джулия заметила Ксавьера, который шел к ней через кухню, поэтому сказала в трубку:

— Извини, Алисия, давай поговорим позже, ладно? У меня сейчас куча дел.

— Конечно. Передавай привет Ксавьеру. Я тебе перезвоню. Пока, Джулия, береги себя!

Ксавьер тихо подошел сзади и обнял ее за плечи.

— Как ты, моя Джулия?

— В шоке, — призналась она.

— Все любят счастливый конец... je t'aime^[22]... — Ксавьер поцеловал супругу в шею, и его руки заскользили по ее телу.

Джулия отстранилась:

— Нет! Ради Бога, Ксавьер! Неужели ты не понимаешь: это вовсе не счастливый конец!

— Да, конечно. Je comprend^[23]. Прости. Я хотел показать тебе свою любовь, но с этим придется подождать: ты еще не готова.

Джулию прошиб холодный пот. Ей захотелось остаться одной, уйти от него подальше. Она направилась к двери и тут услышала:

— Роланд и Мадлен пригласили нас на обед — отпраздновать мое возвращение. Хочешь поехать?

Те самые Роланд и Мадлен, которые в тот роковой день пригласили Ксавьера и Габриэля на барбекю.

— Нет. Я устала, Ксавьер.

В его глазах мелькнуло раздражение, но потом он кивнул:

— Хорошо. Ну, а мне придется принять приглашение, так что через полчаса я уеду. Пока, mon amour.

— Пока.

Джулия вышла на террасу и рухнула в кресло. День был жарким, единственной границей между морем и небом служила мерцающая белая полоса знойного воздуха.

«Алисия права: надо позвонить Киту и честно объяснить ему ситуацию».

Она достала мобильный телефон и пролистала контакты.

«Как странно: муж вернулся из царства мертвых, а у меня ощущение, будто это я помертвела».

Услышав, что Ксавьер ушел, Джулия сделала глубокий вдох и нажала кнопку вызова.

Телефон на письменном столе зазвонил. Кит взглянул на дисплей (Джулия!) и продолжал слушать гудки.

Он не хотел с ней говорить. Потому что знал, что она скажет, — Кит все слышал по радио, когда ехал в машине.

Кит уставился на парк за окном. Разумеется, Джулия встречалась с ним только потому, что считала мужа погибшим. Теперь же, когда Ксавьер вернулся, как можно с ним соперничать? Он муж Джулии, она его жена.

— О Боже... — простонал Кит. — Надо было сразу догадаться, что впереди какой-то подвох: слишком уж все было гладко...

Впервые за много лет он позволил себе влюбиться в женщину. Наконец-то набрался смелости и дал волю чувствам. Джулия тоже отбросила собственные страхи и шагнула ему навстречу. Только сейчас он узнал, что такое настоящая любовь.

— Где мне найти другую? — печально вздохнул Кит.

Нет, другой уже не будет. А надеяться на продолжение отношений бессмысленно. Джулия наверняка вне себя от счастья: если бы Мила воскресла из мертвых, он бы тоже прыгал от радости.

Сотовый опять зазвонил. Снова Джулия.

Кит задумчиво разглядывал парк.

«Нет, лучше не слушать, как она скажет эти слова! Я и так все понимаю».

— Будь счастлива, моя дорогая, — прошептал он. — Я всегда буду тебя любить.

Глава 55

Джулия не понимала, как пережила следующие несколько дней. По привычке она вновь нашла утешение в музыке. Часами играя на рояле, Джулия уходила не только от реального мира, но и от неусыпного внимания Ксавьера.

Он из кожи вон лез, стараясь показать ей, как сильно ее любит, и с нетерпением ждал взаимности, однако Джулия не отвечала на его чувства. Она словно окаменела. Спала, разговаривала, ела — делала все, что делает живой человек, — но на душе была пустота. Вместо сердца, которое еще недавно билось и любило, образовалась черная дыра. Кит помог ей опять стать счастливой, но теперь все это исчезло.

Однажды вечером, после целого дня, проведенного за роялем, Джулия уселась на террасе с бокалом розового вина. Тут же зазвонил сотовый телефон. На дисплее высветился номер Алисии.

— Алло? — произнесла Джулия.

В ответ послышались рыдания.

— Что случилось, Алисия?

— Ох, Джулия! Я... — Слова Алисии потонули в новых рыданиях.

— Ты можешь успокоиться и сказать мне, в чем дело? — Джулия была потрясена: что могло так расстроить ее обычно невозмутимую, сдержанную сестру?

— Нет-нет! Это ужасно! Можно мне приехать к тебе во Францию? Я должна убраться отсюда подальше. Макс сказал, что возьмет несколько дней выходных и посидит с детьми. Ты разрешишь мне немного пожить с тобой? Знаю, у тебя сейчас трудный период, но... ты мне нужна.

— Конечно, приезжай. Что-то случилось с Максом?

— Нет, если бы с ним! Все дело во мне.

— Ты заболела? — испугалась Джулия.

— Нет! Я не заболела! Я совершенно здорова. Но... о Господи! Пожалуйста, Джулия... я прямо завтра сяду в самолет и уже во второй половине дня буду у тебя. Ты подвезешь меня от Тулона?

— Разумеется. — Джулия была рада хоть ненадолго ускользнуть от пристального взгляда Ксавьера. — Чем еще я могу тебе помочь?

— Больше ничем. Просто дай мне убежище, чтобы я могла привести свои мысли в порядок. Не хочу биться в истерике на глазах у детей.

— Позвони мне сразу, как только закажешь билеты на самолет, и я встречу тебя в аэропорту. Не знаю, что там у тебя произошло, но уверена, все образуется.

— К сожалению, не образуется, — заявила Алисия. — Я совершенно убита, но уже ничего не исправишь. Как бы то ни было, Джулия, большое тебе спасибо. Я перезвоню.

Джулия не на шутку встревожилась за сестру, в то же время радуясь, что в ней самой наконец-то проснулись какие-то эмоции. Значит, она еще не совсем окаменела и рано или поздно что-то почувствует к мужу — или любовь, или ненависть... Но что все-таки приключилось с Алисией? Почему она, преданная мамаша, готова бросить своих четверых детей и сломя голову нестись в аэропорт?

Ксавьер пришел домой пару часов спустя — сказал, что встретил в Сен-Тропе каких-то приятелей и они отметили его возвращение. Джулия слушала его пьяную речь, брезгливо морщась. Ее всегда возмущало чрезмерное увлечение мужа алкоголем, но когда она начинала его за это отчитывать, он делался агрессивным и яро отрицал все обвинения.

Сегодня вечером, когда Агнес вынесла им на террасу ужин, и Ксавьер снова залпом осушил свой бокал, Джулия промолчала: у нее не было сил скандалить.

— Завтра приедет моя сестра. Она поживет у нас несколько дней, — сообщила Джулия, ковыряя вилкой барабульку, тушенную с клюквой.

— Непогрешимая Алисия осчастливит нас своим визитом?

— Не говори о моей сестре в таком тоне! У нее что-то стряслось. Она не сказала, в чем дело, но голос был очень расстроенный.

— Наверное, потеряла в куче стираного белья любимую рубашку мужа, — хохотнул Ксавьер.

Джулия проигнорировала его пьяную шутку и решила сменить тему.

— Значит, сегодня ты дал последнее интервью? — спросила она, имея в виду его беседу с корреспондентом «Фигаро».

— Я еще не решил, последнее или нет, — пожал он плечами. — У меня много приглашений. А еще мне предлагают написать мемуары. Обещают кучу денег. Как думаешь, согласишься?

— Я думаю, нам не нужны деньги! — отрезала Джулия.

— А репортер «Пари матч» хочет приехать сюда и пообщаться с нами обоими.

— Нет, — твердо заявила она. — Я уже говорила: не хочу общаться с прессой. Пожалуйста, не втягивай меня в подобные мероприятия!

— D'accord, — бросил Ксавьер, и они стали есть молча.

Вскоре Ксавьер потянулся через стол и взял жену за руку.

— Почему ты такая грустная, Джулия? Прошу тебя, скажи, в чем дело.

— Наверное, не успела к тебе привыкнуть, — просто объяснила она, не желая продолжать эту тему.

Ксавьер сжал ее руку, потом налил себе еще вина.

— Да, наверное. Знаешь, ты сильно изменилась.

— Еще бы! Мне кажется, я прожила целую жизнь с тех пор, как мы с тобой тогда расстались. Такой... опыт не проходит бесследно, Ксавьер.

— Но ведь мы можем вернуть наши прежние отношения, *cherie*? — спросил он с мольбой в голосе. — Мы же так любили друг друга! Это было прекрасно! Я знаю, пройдет время, и все будет как раньше.

— Очень на это надеюсь, Ксавьер, — вздохнула Джулия.

Позже он проводил ее до спальни и задержался в дверях.

— Прошу тебя, Джулия, разреши мне сегодня ночью остаться с тобой. Я докажу тебе свою любовь и помогу нам обоим вспомнить былые чувства. — Он подошел ближе и обнял супругу.

Она не испытывала к нему ни малейшего желания, однако не стала противиться ласкам и поцелуям, думая, что, возможно, он прав и в постели к ней вернется утраченное ощущение счастья.

После физического соития Джулия долго не смыкала глаз. Сам акт продлился всего несколько секунд, и Ксавьер тут же крепко заснул.

Жестокая правда заключалась в том, что его прикосновения и запах перегара вызывали у нее отвращение. Как такое произошло? Раньше она всегда с нетерпением ждала интимной близости с мужем.

Ей нравилось прижиматься к его обнаженному телу. Секс был сильной стороной их брака. Но сегодня...

Джулия беспокойно ворочалась в постели. Когда Ксавьер занимался с ней любовью, она помимо воли думала о Ките — о его нежных чувственных руках, умеющих доставить удовольствие и дожидаться, когда она будет готова... о том, как они часто смеялись в постели... С ним она могла полностью расслабиться и открыться: Кит любил ее такой, какая она есть...

Джулия одернула себя: «К чему травить душу воспоминаниями? Отношения с Китом безвозвратно закончились, мне осталось лишь покориться судьбе».

Когда Алисия появилась в зале прибытия Тулонского аэропорта, Джулию поразил ее бледный, изможденный вид. Она подошла к сестре и заключила ее в объятия.

— Привет, Алисия. С приездом во Францию!

— Ох, Джулия, я так рада тебя видеть... — через силу выдавила Алисия и разрыдалась у нее на плече.

— Пойдем, отвезу тебя домой, а потом расскажешь, что стряслось, — ласково предложила Джулия, ведя Алисию к машине.

Пока они ехали на восток, в Раматюэль, Джулия украдкой поглядывала на сестру. Та смотрела прямо перед собой, напряженно сцепив руки на коленях.

— Может, расскажешь прямо сейчас? — спросила Джулия. — Или подождешь, когда мы приедем?

— А Ксавьер дома? — поинтересовалась Алисия.

— Да.

— Ты еще не говорила с папой?

— Нет. — Джулия пожала плечами. — Он куда-то пропал. Вообще-то странно, что он мне не звонит, тем более что Ксавьер вернулся.

— Возможно, его голова занята другим, — пробормотала Алисия.

Джулия услышала в ее тоне горькие нотки и решила не спешить с расспросами. Дальше они ехали молча. Дорога начала забирать вверх, и перед ними открылся великолепный вид: Средиземное море во всей своей лазурной красе.

— Остановись здесь, ладно? — Алисия вдруг тронула Джулию за руку. — Мне надо выйти.

Джулия подъехала к площадке на вершине утеса — здесь парковались желающие полюбоваться знаменитой панорамой. Алисия тут же выбралась из машины и подошла к перилам, отделяющим ее от отвесного спуска к морю.

Джулия осторожно последовала за сестрой, встала рядом и перегнулась через ограждение.

— Здесь красиво, правда? — осторожно произнесла она.

— Три дня назад папа сказал, что они с мамой меня удочерили! — вдруг выпалила Алисия, скрывая душевное напряжение за почти механической четкостью речи.

— Что??? — От удивления Джулия открыла рот.

— Да, это правда, — отрывисто подтвердила Алисия. — Я им неродная. В двадцать с чем-то лет мама заболела раком. Умерла она гораздо позже, в сорок с лишним, когда случилось обострение. Думали, из-за лучевой терапии она не сможет иметь детей, поэтому меня и удочерили. Так что мама мне вовсе не мама, папа — не папа, а ты, Джулия, — она обернулась и вперила в нее пустой взгляд, — мне не сестра.

— Нет! Не может быть... — Джулия отчаянно затрясла головой.

«Господи, когда же закончится эта череда потрясений?»

— Все именно так. Папа показал мне мое свидетельство о рождении. Моя настоящая мать, ее звали Джой Рейнолдс, была несовершеннолетней. Она приехала из Эйлшама, попала в переплет и решила от меня отказаться. Мама с папой, вернее, Джордж с Жасмин, удочерили меня, когда мне было две недели от роду.

— А...

— Ты хочешь спросить про себя? — угадала Алисия. — Все в порядке, Джулия, ты действительно их дочь. Я одна кукушка в чужом гнезде.

— Но я не понимаю, Алисия. Если мама не могла иметь детей, как же я появилась на свет через три года после тебя?

— Так часто бывает: бесплодные женщины берут на воспитание чужих детей, а потом вдруг рожают своих. Все дело в гормонах, которые вырабатываются в их организме под воздействием материнского инстинкта, — объяснила Алисия. — Вчера вечером Макс залез в Интернет и нашел там сотни похожих историй. Так что не волнуйся, Джулия, ты — их родная кровь. Прости мне мой горький

тон. — Она тронула Джулию за руку. — Я вовсе не хочу тебя обидеть. Просто все, во что я верила, оказалось ложью. Теперь сама не знаю... кто я.

— Да-а, — протянула Джулия, — представляю, как это ужасно. Сочувствую, Алисия. Знаешь, если честно, я не могу понять, почему папа рассказал тебе об этом только сейчас. По-моему, это надо было сделать много лет назад.

— Конечно, — кивнула Алисия. — Мне кажется, он вообще не собирался ничего рассказывать, но пришлось: по его словам, Элси открыла ему какой-то секрет.

Джулия начала кое-что понимать.

«Вот почему Элси настаивала, чтобы я не говорила сестре о своем родстве с Кроуфордами: оказывается, Алисия не унаследовала эти гены!»

— Впрочем, — продолжила Алисия, — теперь не важно, что заставляло его молчать. Главное, что я, в конце концов, узнала правду и теперь не знаю, как жить дальше. — Алисия разрыдалась.

Джулия до этой минуты не видела сестру такой беспомощной и подавленной. Она лихорадочно подыскивала слова утешения.

— Я понимаю, какой это шок...

Алисия подняла голову и взглянула на Джулию.

— Правда, понимаешь? — Она покачала головой. — Нет, Джулия, вряд ли. Для меня всегда на первом месте была семья. Помнишь, когда умерла мама, я изо всех сил старалась заботиться о вас с папой. Да, я тоже горевала, но кто-то же должен был занять мамино место и решать бытовые проблемы. Я научилась это делать... и делаю до сих пор! — Алисия сверкнула глазами.

— Прости, Алисия, я не понимала...

— Конечно, не понимала, — подхватила Алисия. — Ты жила своей жизнью, папа — своей. Вы были поглощены собственными делами. Впрочем, сейчас все осталось по-прежнему. Вся беда в том, что моя жизнь крутилась вокруг вас двоих — я хотела помочь вам, единственным близким мне людям, стать для вас надежной опорой. Но папа то и дело уезжал в экспедиции собирать свои цветочки, а ты упорхнула в музыкальный колледж, с радостью от меня отделившись...

— Это не так, Алисия!

— Перестань, Джулия, не надо обманывать, — хмуро бросила Алисия. — Тебе не нравилось, что я о тебе забочусь. Мне кажется, я до сих пор тебя раздражаю своей «непогрешимостью», своей хозяйственностью... Тебе неприятна моя опека. Но я тебя не виню. — Она покачала головой. — Я сама взвалила на себя эту обязанность. Она помогала мне выжить, забыть о собственных горестях. Я годами всех опекала: тебя, папу, Макса, детей... И теперь... — Алисия задохнулась от волнения, — оказалось, что все ложь! Вы все — ты, мама и папа — мне неродные!

Джулия стояла молча, напуганная силой гнева и обиды Алисии. К своему стыду, она понимала, что сестра во многом права.

— Это не было ложью, Алисия, — наконец сказала она. — Мы же любили друг друга и любим. По-настоящему любим. И не важно, что между нами нет кровного родства.

Алисия тяжело вздохнула.

— Прости меня, Джулия. Наверное, я перегнула палку. Моя способность справляться с проблемами на этот раз мне изменила. Такое чувство, будто моя жизнь пошла кувырком. Теперь все кажется... бессмысленным.

Джулия осторожно дотронулась до ее плеча.

— Это просто шок. Потом обязательно станет легче.

— Я не могу поверить, что мама на самом деле мне неродная, — прошептала Алисия, — что мы с ней не связаны кровными узами.

— Но ведь и у мамы была такая же ситуация... — Сказав это, Джулия спохватилась, но было поздно.

Алисия уставилась на нее:

— Что? Хочешь сказать, маму тоже удочерили?

Джулия кивнула:

— Да. Мне сказала об этом Элси. Я почти уверена, что папа тоже в курсе.

— О Боже! — выдохнула Алисия. — А мама знала, что ее удочерили?

— Нет. Элси говорит, что всегда считала Жасмин своей дочерью. На мой взгляд, — мягко добавила Джулия, — это главное. Разве не так?

Алисия промолчала. Джулия откинула с ее заплаканного лица светлые прядки волос.

— Я понимаю: непросто смириться с мыслью, что на самом деле все не так, как ты всю жизнь думала. Но суть от этого не меняется. От мамы тебя отличает лишь то, что она не знала правду о своем происхождении, а ты теперь знаешь.

Алисия, которая уже немного успокоилась, посмотрела на море и вздохнула:

— Мне почему-то стало легче, когда ты сказала про маму. Наверное, к этому просто надо привыкнуть.

— Конечно, — согласилась Джулия. — Не хочу тебя поучать, но за последний год мне пришлось пережить многое, и я знаю: время лечит.

— Да. — Алисия вперила взгляд в дальний берег залива. — Я и раньше боялась, что, столкнувшись с настоящей проблемой, в отличие от тебя не смогу с ней справиться. Помнишь, как-то говорила тебе об этом? Я была права. — Она грустно улыбнулась. — Сейчас я в полном нокауте.

— Ты обычный человек, Алисия. — Джулия понимала, что несправедливо судила сестру, и испытывала запоздалые угрызения совести. — Не будь к себе слишком сурова.

— То же самое говорит Макс. — Она с улыбкой обернулась к Джулии. — Знаешь, какой он хороший? Чуткий, внимательный...

— У тебя замечательный муж, Алисия. Он тебя очень любит.

— Вся беда в том, что за годы нашей семейной жизни он привык видеть меня сильной. И вдруг я раскисла. Представляю, как он потрясен.

— Может, он радуется, что ему наконец-то представился случай о тебе позаботиться, — предположила Джулия.

— Может быть... Обними меня, пожалуйста! — Алисия потянулась к сестре.

Джулия прижала ее к себе.

— Прости, я наговорила лишнего. Не хотела тебя обидеть. — Голос Алисии звучал глухо: она стояла, уткнувшись сестре в плечо.

— И ты меня прости — за мою черствость. Я не замечала, что ты тоже горюешь по маме, и вела себя как последняя эгоистка. А ведь ты просто пыталась помочь. Ты была ко мне очень добра, особенно в последнее время. Не знаю, что бы я без тебя делала, — призналась Джулия, и эти слова шли из глубины ее души.

— Что ж, сестренка, роли поменялись, — Алисия выбралась из ее объятий, — теперь мне нужна твоя помощь. Не возражаешь?

— Нисколько.

В тот вечер Алисия ужинала на террасе вместе с Джулией и Ксавьером. Приехав из аэропорта, она поспала и, кажется, немного успокоилась, хоть и осталась такой же бледной. Ксавьер вел себя безупречно, к тому же в присутствии Алисии атмосфера между ним и Джулией разрядилась, и они приятно провели вечер. В полночь Алисия зевнула и встала из-за стола.

— Простите, ребята, я не выспалась и к тому же выпила слишком много вина на голодный желудок, ведь я ничего не ела в последние дни. Спокойной ночи и большое спасибо за гостеприимство. — Она посмотрела на Джулию. — Я так рада, что приехала к тебе!

Вскоре ушел и Ксавьер, предоставив Джулии гасить свет в комнатах и запирает двери. С Китом было по-другому: они все делали вместе. Обходя дом, она думала об Алисии. Сестра всегда скрывала свои слабости, а Джулии было недосуг приглядеться к ней повнимательнее. После смерти мамы Алисия рьяно взвалила на свои плечи груз хозяйственных и семейных хлопот, тем самым пытаясь защититься от горя, и вот теперь защитные стены начали рушиться.

Судя по вскользь оброненным замечаниям Кита, он прекрасно понимал Алисию.

«Жаль, что мне не хватает его пронизательности! — думала Джулия, поднимаясь по лестнице. — Слава Богу, теперь у меня появилась возможность отплатить сестре за ее доброту и заботу».

Входя в свою спальню, она ощутила внезапный прилив нежности к Алисии.

После вчерашней совместной ночи Ксавьер, видимо, решил, что он полностью восстановлен в супружеских правах, и теперь лежал, вольготно раскинувшись на кровати.

— Сегодня вечером твоя сестра показалась мне... — он помолчал, подыскивая слова, — более человечной, чем обычно. Но я все равно с нетерпением ждал, когда закончится ужин, чтобы снова остаться с тобой наедине, *mon amour*. — Он указал на свой надувшийся пах, прикрытый трусами-«боксерами».

Джулия села на кровать, чтобы раздеться. Он притянул жену к себе и нагнул ее голову.

— Нет, Ксавьер! — Она вырвалась из его рук и тряхнула головой.
— Не сегодня. Я очень устала.

— Но, Джулия, ты же знаешь, как мне это нравится! У тебя такие мягкие губы! Это меня так заводит! — настаивал он.

Не обращая внимания на его просьбы, Джулия встала и ушла в ванную.

На другой день Ксавьер спозаранку уехал на очередное интервью, и Джулия с Алисией не спеша, с удовольствием позавтракали вдвоем. Потом Джулия предложила отправиться в самый тихий уголок пляжа Пампелон в Сен-Тропе.

— Какая благодать! — вздохнула Алисия, когда они устроились в удобных шезлонгах, выданных в пляжном баре. — Если у вас есть сестра, которая живет на юге Франции, то можно пережить даже известие о том, что вы неродной ребенок в семье. Здесь, с тобой, мне действительно стало легче. К тому же ты права: мое удочерение — не такая уж большая трагедия.

— Конечно, Алисия. — Джулия подставила лицо ласковому солнышку. — Прости меня за то, что пренебрегала твоей заботой. Мне всегда казалось, что жизнь осыпает тебя своими благами, а ко мне поворачивается задом.

— Если бы! — простонала Алисия. — Последние двадцать лет я только и делала, что избегала собственных чувств. И вот что, в конце концов, получилось: теперь даже не знаю, кто я такая.

— Возможно, тебя ждут интересные открытия в этой области, — предположила Джулия. — На мой взгляд, тебе стоит на время перестать думать о других и сосредоточиться на собственных проблемах.

— Беда в том, что мне необходимо чувствовать свою нужность, — призналась Алисия. — Если я от этого откажусь, что у меня останется?

— Твои близкие любят тебя за то, что ты есть, а не за то, что ты для них делаешь.

— Неужели? Хочешь сказать, если я перестану гладить Максу рубашки и забуду приготовить детям ужин, они меня не разлюбят?

Джулия заметила в глазах сестры веселые искорки.

— Конечно, нет, и ты это знаешь. Прости мне мою прямоту, но я думаю, они станут больше тебя уважать, если ты не будешь потакать

каждой их прихоти. И моей тоже, — добавила Джулия. — Как знать? Возможно, мы даже сами начнем потакать твоим прихотям.

— Вау! Это было бы круто! — хихикнула Алисия. — В любом случае мне некого винить, кроме себя. Я пыталась решать все проблемы, и, надо сказать, у меня получалось. Во всяком случае, почти все, — добавила она.

— Да, но ты такой же человек, как и все мы, и точно так же имеешь право иногда быть слабой и нуждаться в поддержке. Не бойся это показывать.

— Ты права, — кивнула Алисия. — Знаешь, когда это случилось, Макс проявил себя с самой лучшей стороны. Я всегда думала, что вышла за него замуж просто потому, что он подвернулся мне под руку. После твоего отъезда мне было так грустно! Папа тоже редко бывал дома, и мне нужен был... — она закусила губу, — хоть кто-нибудь, чтобы скрасить одиночество. Только теперь я поняла, как мне повезло с мужем.

— У каждой медали есть две стороны, — резонно заметила Джулия. — Во всяком случае, теперь ты увидела, что недооценивала Макса: оказывается, он умеет и хозяйничать, и ухаживать за детьми. Ведь все ваши чада сыты и здоровы, так?

— Конечно, — согласилась Алисия. — А я загораю на пляже, и никто ни о чем меня не просит. И признаться, мне это нравится!

— Вот и отлично. Значит, тебе надо почаще уезжать из дома.

— Почему бы и нет, черт возьми? — заявила Алисия, ложась в шезлонге и закрывая глаза.

Позже, за ленчем из моцареллы и помидоров, дополненным кувшином местного розового вина, Джулия рассказала Алисии о том, что узнала о себе. Пока они пили *café au lait*^[24], заинтригованная Алисия размышляла над этой историей.

— Значит, наша мама была из рода Кроуфордов?

— Да. Внебрачной дочерью лорда Гарри. — Джулия вздохнула. — Правда, странно? Она росла под самым носом у своего отца и не знала об этом.

— Теперь понятно, почему папа решил открыть мне глаза. Иначе я бы подумала, что в моих жилах тоже течет голубая кровь, и начала задаваться — надевать к завтраку тиару и все такое. — Алисия усмехнулась. — А у тебя больше прав на Уортон-Парк, чем у Кита,

ведь ты прямая наследница Гарри, а Кит — седьмая вода на киселе. Будь мама жива, поместье отошло бы ей, верно?

— Алисия, — одернула ее Джулия, — мама была внебрачной дочерью.

— Сейчас это не имеет значения. Можно сделать анализ ДНК и доказать родство. Я недавно читала про такой случай в «Таймс».

— Возможно, ты и права, но, как тебе известно, титул переходит к ближайшему родственнику-мужчине. И все же, если бы об этом знали тогда, мама наверняка вошла бы в число наследников.

Алисия взглянула на сестру.

— Значит, я вообще ни при чем, но ты-то можешь претендовать на часть поместья?

— Наверное, — ответила Джулия, сделав глоток кофе. — Но у меня нет ни времени, ни желания заниматься этим. К тому же я не нуждаюсь в деньгах.

— Понятно. Так Кит приходится тебе... погодите-ка, кем же? — Она задумчиво почесала нос. — Четвероюродным братом?

Джулия помрачнела.

— Да, что-то вроде того, — согласилась она. — Но сейчас это не важно.

— Разве? — прищурилась Алисия.

— А почему это может быть важно? — резко спросила Джулия.

— Ну, — осторожно начала Алисия, — всего несколько дней назад вы с Китом были вместе и производили впечатление очень счастливой пары...

— Алисия, если не возражаешь, давай закроем эту тему, — прервала ее Джулия. — Ксавьер вернулся, и, значит, я по-прежнему замужняя женщина. То, что было у нас с Китом, теперь не имеет значения.

— Ты с ним говорила?

— Я же просила тебя закрыть тему.

Алисия поняла, что настаивать бесполезно.

Глава 56

На другой день Джулия отвезла Алисию в аэропорт.

— Все было здорово, — тепло улыбнулась Алисия, когда они стояли у выхода на посадку. — У меня отлегло от сердца. Признаюсь, — она сморщила носик, покрывшийся свежей россыпью веснушек, — мне не хочется возвращаться домой.

— Приезжай еще, в любое время. С семьей или без, — попросила Джулия. — И запомни: нет ничего плохого в том, чтобы иногда думать о себе.

— Ладно, — кивнула Алисия. — Спасибо, Джулия. Теперь я многое поняла.

— Правда?

— Да. — С трудом сдерживая слезы, Алисия обняла сестру. — У меня начинается новая жизнь. Вернее, у нас.

— Точно, — улыбнулась Джулия. — Счастливого пути, Алисия!

— До свидания.

Джулия медленно ехала обратно, думая об Алисии и надеясь, что ее внезапное прозрение пойдет на пользу им обоим.

«Я бы все отдала, чтобы сесть в тот же самолет и вместе с сестрой улететь в Англию!»

Ей не хотелось возвращаться домой. Она понимала, что Ксавьер изо всех сил старается навести мосты, надо выждать время, однако, общаясь с мужем, невольно испытывала напряжение, дискомфорт и раздражение. А самое страшное, в ее сердце не осталось ни капли любви к этому человеку.

Джулия припарковала машину и пошла к дому. Глубоко вдохнув, она сказала себе, что сегодня вечером сделает все возможное, чтобы наладить отношения с мужем.

Открыв входную дверь, она ощутила восхитительный аромат жареного мяса и пряностей. Ксавьер был в кухне — стоял у плиты и переворачивал на сковороде два стейка.

— Voila! Ты приехала! Я решил сегодня сам приготовить ужин и отпустил Агнес. Иди сядь на террасе, chérie, я принесу вина.

Удивленная и сбита с толку Джулия послушно отправилась на террасу. За всю их совместную жизнь она ни разу не видела, чтобы

Ксавьер что-нибудь готовил. Он вышел с бутылкой шампанского и разлил его по бокалам.

— За нас! — провозгласил он тост.

— Да, за нас! — подхватила Джулия, и они выпили.

Ксавьер сел рядом с женой и поцеловал ей руку.

— Я не мог дождаться, когда уедет твоя сестра и мы с тобой останемся наедине! Да, понимаю: тебе трудно осознать мое возвращение и простить мне мою причастность к смерти Габриэля. Но я обещаю, что заглажу свою вину. Ты мне веришь?

— Я верю, что ты этого хочешь, Ксавьер. — Джулия испытывала угрызения совести: ее по-прежнему не трогали ни его слова, ни его действия. Но она постарается растопить этот лед в своей душе. А что делать?

— Я бы хотела кое-куда съездить вместе с тобой.

— Куда угодно, *cherie*, — охотно ответил он.

— Давай посетим место, где погиб Габриэль. Всего за день до твоего возвращения я посадила там два кипариса: один для него и один для тебя. Я хочу, чтобы ты их увидел.

— Конечно, — произнес Ксавьер после секундной паузы. — Я сделаю все, что ты пожелаешь.

— Давай поедem туда завтра утром?

— *Bien sur, chérie*.

— Спасибо, Ксавьер.

В эту ночь, впервые после возвращения супруга, Джулия заснула, положив голову ему на плечо.

Если они были дома вдвоем, и никаких дел не намечалось, Джулия всегда вставала первой. Ксавьер редко поднимался раньше половины одиннадцатого, и она, пользуясь моментом, музицировала.

В одиннадцать утра Ксавьер наконец приковылял в кухню. Джулия варила кофе.

— *Вонжоиг*, моя Джулия! — Он обнял ее за талию. — М-м-м, как вкусно пахнет кофе!

Джулия подала ему чашку.

— Может, примешь душ? Я хочу выехать пораньше.

Ксавьер нахмурил лоб.

— Напомни, куда мы собираемcя.

— К месту гибели Габриэля — я там посадила деревья.

— Ах да, конечно! Сейчас соберусь.

Когда он ушел, Джулия постаралась справиться с раздражением.

«Понимаю, Ксавьеру не хочется возвращаться на то страшное место. Там ему будет так же тяжело, как было мне. Но... я должна увидеть, как он скорбит».

Двадцать минут спустя Ксавьер вновь появился в кухне полностью одетый.

— Alors! Едем!

Как обычно, Джулия вела машину, а Ксавьер сидел рядом.

— Завтра поеду в Париж, дам последние интервью, и все, — сообщил он.

Джулия решила никак не реагировать на эти слова.

— Вчера Олав сказал, что мне позвонит издатель и будет упрашивать написать книгу. Вот это да — на меня еще никогда не наваливалось столько дел!

Джулия опять промолчала и остановила машину на обочине дороги. Спустившись под горку, они подошли к двум росшим рядом саженцам кипарисов. Джулия захватила с собой воду и полила маленькие деревца. Ее мысли были заняты наполовину Габриэлем, наполовину — Ксавьером, который неловко топтался возле нее.

— Ты замечательно придумала, — наконец сказал он, тронув ее за руку. — Да, здесь произошла трагедия, но место очень спокойное. Как по-твоему, вырвать второй росток? Ведь, насколько я понимаю, он посажен в память обо мне?

— Да, пожалуй. Я...

У Ксавьера зазвонил мобильник. Он достал его из кармана брюк и взглянул на высветившийся номер.

— Pardon, chérie, это издатель из Лондона. Мне надо с ним поговорить.

Он отошел в сторонку, беседуя по телефону.

Джулия посмотрела на два саженца кипариса, потом выдернула из земли более высокий и с размаху бросила подальше от того места, где погиб ее любимый сын... и где умерла ее любовь к Ксавьеру.

Лето близилось к концу. Джулия всегда мечтала проводить больше времени с Ксавьером, и вот теперь, когда ее мечта, наконец, осуществилась, она только и ждала, когда он уйдет из дома.

Их жизнь вошла в режим: по утрам, пока Ксавьер спал, Джулия музицировала, потом он занимал ее место за роялем, а она отправлялась на пляж, чтобы немного побыть в одиночестве и расслабиться. Как ни старалась она забыть Кита, мысленно то и дело возвращалась к нему.

«Интересно, где он сейчас? Что делает? Как жаль, что нельзя излить ему душу, рассказать о своих метаниях и выслушать его спокойные мудрые советы!»

Как-то вечером в конце августа Джулия пришла домой и застала Ксавьера в кухне — он сидел за столом и составлял список гостей.

— Я думаю, нам надо устроить вечеринку, *soirée*. Как ты на это смотришь?

— Какую еще вечеринку? — Она удивленно вскинула брови.

— Отпраздновать мое возвращение из мертвых. Пусть все узнают, как мы с тобой счастливы! Я здесь записываю всех, кого хочу пригласить.

— Что ж, давай, если хочешь. — Эта идея показалась Джулии глупой и неуместной, но у нее не было сил спорить. — Когда ты планируешь?

— Чем раньше, тем лучше. Летний сезон на исходе, и многие скоро уедут с Ривьеры. Мне кажется, можно собраться в следующую субботу.

— Как скажешь. — Джулия взяла стакан с водой и пошла к себе в кабинет отвечать на электронные письма.

Субботний вечер не заставил себя долго ждать. Агнес помогла им быстро все приготовить. Ксавьер радовался, как ребенок в ожидании собственного дня рождения. Он перемерил три рубашки, спрашивая одобрения жены.

Джулия одевалась и красилась без особого энтузиазма. Ксавьер пригласил больше ста человек, причем некоторые были ей едва знакомы. Она поделилась с Алисией своими мыслями по поводу этой вечеринки.

— Но Ксавьер пытается наладить с тобой отношения, Джулия, — возразила сестра. — Вы оба пережили много горя, и нет ничего плохого в том, что он решил отметить вашу встречу. Да, она получилась не слишком радостной, но теперь тебе, по крайней мере, лучше, чем в прошлом году. — В трубке повисла пауза, потом Алисия

добавила: — Прости, милая, но когда ты, наконец, простишь Ксавьеру то, что он остался жив, а Габриэль погиб?

Эти слова, сказанные два дня назад, неприятно резанули слух, но Джулия понимала, что сестра права. Да, ее сердце навсегда закрылось для Ксавьера, но она должна спрятать свое раздражение и принять участие в торжестве.

Бросив последний взгляд в зеркало, Джулия спустилась на первый этаж, чтобы до приезда гостей выпить с мужем по бокалу шампанского.

— Замечательно выглядишь, дорогая.

Джулия позволила себя обнять.

Ксавьер взял у официанта, уже стоящего с подносом в холле, два бокала с шампанским.

— За нас, — воскликнул он, чокаясь с женой, — и за начало новой жизни!

Когда он ее поцеловал, в дверь позвонили первые гости, и Ксавьер пошел их встречать. Вскоре дом и сад наводнились людьми. Самая большая толпа образовалась возле джазового трио, играющего в углу террасы.

Джулия старательно изображала счастливую супругу, недавно воссоединившуюся со своей второй половиной. В полночь Ксавьер произнес прочувствованную речь, в которой восславил свою спутницу жизни и их взаимную любовь. Мол, они оба сильно скорбят по своему драгоценному сыну, но у них еще будет много детей.

В час ночи вечеринка была в полном разгаре, шампанское лилось рекой. Джулия заметила Маделину — хозяйку того рокового барбекю, — которая явнохватила лишку и теперь нетвердой походкой направлялась к ней.

— Дорогая! — Женщина раскрыла объятия и прижала Джулию к своему пышному бюсту. — Как чудесно, что вы снова вместе! — пьяно пробормотала она с техасским акцентом. — Я думала, этот день никогда не настанет.

— Я тоже, — криво улыбнулась Джулия.

— Мы так корили себя, ведь это после нашей вечеринки... случилось несчастье.

— Вы зря себя корили, — смущенно отозвалась девушка. — Как вы сами сказали, это был просто несчастный случай.

Маделина чуть отпрянула назад и уставилась на нее мутным взглядом.

— Дорогая, я просто восхищена вашим великодушием! Вы всех прощаете, да?

— Прощаю за несчастный случай? — в легком недоумении спросила Джулия.

— Ну, да! Мы говорили Ксавьеру, чтобы он остался на ночь.

— Почему? — выдавила Джулия.

— Потому что, дорогая, мы видели, что ему нельзя садиться за руль. Так же, как и всем остальным, — добавила она, покачиваясь из стороны в сторону.

До Джулии постепенно дошел смысл услышанного.

— Вы хотите сказать, что Ксавьер был пьян?

— А вы разве не знали? Он сказал нам, когда приходил на ленч несколько недель назад, что все вам объяснил. Что вы поняли и простили его.

Видимо, выражение лица Джулии напугало Маделину, и она зажала рот рукой.

— О, Господи, надеюсь, я не сболтнула лишнего? Ведь мы все любим выпить, правда? Посмотрите, что творится! — Она обвела рукой шумную пьяную толпу. — Держу пари, что многие из них приехали без водителя и сами поведут машину. Это могло случиться с каждым, и я лично никого не осуждаю. Ваш любимый снова с вами, — душевно пропела она. — Приезжайте к нам в гости, дорогая!

Вечеринка продолжалась. Джулия уложила все, что могла, в маленький рюкзачок, с которым приехала. Ксавьер сидел за роялем, развлекавая оставшихся гостей своей блестящей игрой.

Он не скоро заметит ее отсутствие.

Оставив свой рюкзак у двери спальни, она на цыпочках пересекла лестничную площадку и вошла в детскую: до сих пор у нее не хватало смелости сюда заглянуть. Ее нос тут же уловил знакомый запах, а глаза наполнились слезами. Здесь все вещи напоминали о ее маленьком сыне, но она, не обращая на них внимания, двинулась прямо к его кровати.

Там на подушке лежал Помми, любимый плюшевый мишка Габриэля. Джулия взяла игрушку и прижала к груди, потом подошла к небольшому платяному шкафу и выбрала одну из футболок.

Уже от двери она послала в детскую воздушный поцелуй, потом уложила два своих сокровища в рюкзак, спустилась по лестнице на первый этаж и вышла из дома.

Глава 57

Я опираюсь на подлокотник удобного кресла и смотрю в иллюминатор на проплывающий внизу мир. Хотя я постоянно летаю в самолетах, меня по-прежнему восхищает это чудо. Оно помогает отрешиться от повседневной суеты и оценить свою жизнь как бы с высоты птичьего полета.

Почти совсем темно, и, судя по маршруту, отображаемому на моем дисплее, мы пролетаем над Дели. Море мерцающих огней говорит о бесчисленном множестве живых существ, собранных на одном пространстве. У каждого — своя история, свой гобелен судьбы, только на разной стадии плетения. Хочется склонить голову перед удивительной силой этих отдельно взятых частичек жизни.

Последние огни Дели исчезают, сменяясь обширными пустыми грядками Гималаев. Мир подо мной погружается во тьму.

Грустно думаю о том, что сейчас я, как и этот самолет, вольна отправиться куда захочу. Жаль, никто не укажет мне маршрут! Всего несколько недель назад я была абсолютно уверена, что моя жизнь наконец-то взяла правильный курс, и вот, пожалуйста: я опять безнадежно запуталась и оказалась под очередным завалом.

Хорошо хоть, теперь я знаю: на этот раз мне достанет сил выжить. Я не буду мучиться угрызениями совести и жалеть о своих поступках. Я попрощалась с вещами сына, но сам Габриэль и скорбь по нему навсегда останутся в моем сердце.

А что касается Ксавьера... Пьедестал, на который я его всю жизнь возносила, рухнул. Первые трещины появились, когда он вернулся и рассказал про аварию. Недавняя развязка лишь подтвердила: мой муж — слабый, эгоистичный человек, который никого не любит, кроме себя. Ему наплевать даже на родного ребенка.

Мне он омерзителен!

Я не испытываю сожаления от того, что бросила и его, и нашу совместную жизнь. Понимаю, что просто не могла с ним остаться.

И сейчас я вновь возвращаюсь к прошлому, пытаюсь найти там свое будущее.

После обеда я закрываю глаза и сплю, а самолет благополучно мчит меня на Восток.

Выйдя из зоны прилета, Джулия увидела табличку со своим именем в руках у щеголеватого одетого парня. Она протиснулась сквозь толпу и подкатила к нему свою тележку.

— Добро пожаловать в Бангкок, мисс Форрестер! Пойдемте к машине.

Парень взял ее тележку, и Джулия вышла вслед за ним на улицу, где царил удушающе влажный зной.

Впрочем, пару минут спустя она уже сидела в комфортабельном лимузине. Шофер в ливрее попытался завязать с ней разговор на ломаном английском, но Джулия отделалась короткими фразами, с интересом глядя в окно.

Машина неслась по современной скоростной трассе. Среди леса разнокалиберных высоток мелькали то золотая крыша тайского храма, то ветхие деревянные лачуги, украшенные веревками с бельем. Джулии вдруг показалось странным, что при всей географической широте ее гастрольных поездок — а она бывала и в Китае, и в Японии — ей ни разу не доводилось выступать в Бангкоке.

Лимузин плавно затормозил возле затененного листвою входа в отель «Ориенталь». Джулия выбралась из салона, опершись на руку швейцара, и вдохнула отчего-то знакомый сладкий аромат экзотических цветов, сквозь который просачивался запах гниющих овощей.

Когда она вошла в вестибюль, красивая тайская девушка протянула ей гирлянду из жасмина.

— Добро пожаловать в отель «Ориенталь», мисс Форрестер! Я провожу вас в ваш номер.

— Спасибо, — поблагодарила Джулия, с восхищением оглядывая элегантный интерьер вестибюля — роскошные орхидеи в просторных горшках и огромные китайские фонари, свисающие с высокого потолка.

Поднявшись к себе в номер, она открыла балконную дверь и залюбовалась широкой рекой, тянущейся, насколько хватало глаз, по обе стороны отеля. Вся водная гладь была усеяна лодками всех форм и размеров, оттуда доносился неумолчный шум.

Джулия заказала кофе в номер и устроилась на балконе, наслаждаясь экзотической атмосферой. Она всегда любила жару и

отлично переносила даже самую высокую влажность, так что местные условия подходили ей как нельзя лучше.

Она перегнулась через перила слева и увидела, что «Ориенталь» — это маленький, но идеально спланированный оазис спокойствия посреди более крупных соседних отелей. Как следовало из справочника, самый старый корпус гостиницы, который наверняка был знаком ее бабушке, теперь назывался «Писательский салон». Он стоял на набережной, недалеко отсюда, за ухоженным тропическим садом и бассейном. Красивый колониальный фасад терялся на фоне окружающих его высоток, но Джулия могла представить, как выглядели это здание и деревянные хижины на сваях в те времена, когда здесь жил Гарри.

Она допила кофе и зевнула. В рюкзаке лежит адрес, который дала Элли, но сначала надо отдохнуть, а уж потом на свежую голову приступить к завершающему этапу путешествия в прошлое.

Джулия проспала гораздо дольше, чем собиралась, и проснулась только без четверти пять. В голове было пусто. Она села на балконе с бокалом холодного белого вина и стала наблюдать, как Бангкок готовится к ночи. Внизу на террасе с видом на реку мерцали белые огоньки гирлянд, протянутых между деревьями. Там было людно: посетители отеля сидели за столиками и обедали. Джулия тоже решила перекусить. Она спустилась на лифте в вестибюль, улыбнулась лифтеру, который уже знал ее имя, и подошла к стойке регистрации.

— Слушаю, мэм. Чем могу вам помочь? — любезно осведомилась еще одна симпатичная тайская девушка.

Джулия протянула ей листок.

— Вы не могли бы заказать для меня машину? Мне надо съездить вот по этому адресу.

— Конечно. Это не так далеко. Машина нужна сейчас? — спросила девушка-портье.

— Нет, завтра утром, пожалуйста. В одиннадцать.

— Хорошо, мэм. Что-нибудь еще?

— Нет, спасибо. — Джулия пошла по вестибюлю, на минутку задержавшись послушать струнный квартет, играющий в углу Шуберта.

Официант подвел ее к столику с зажженной свечой, стоящему на набережной в конце террасы. Она заказала бокал вина и зеленый

карри. Здесь, в окружении элегантно одетых постояльцев гостиницы, под тихое пыхтение речных судов ее вдруг охватило блаженное умиротворение.

Даже если не удастся найти бабушку или окажется, что она умерла, как и предположила Элси, все равно поездка была не напрасной. Бангкок — особенный город и, помимо прочего, идеальное место для критических размышлений о будущем. Джулия с удовольствием отдалась заботам услужливого персонала и окунулась в расслабляющую атмосферу города, в котором началась ее собственная история.

Как ни странно, в эту ночь Джулия впервые обошлась без таблеток, которые всегда принимала после утомительных многочасовых перелетов. Ее завтрак состоял из фруктов (манго, папайи и сизигиума) и крепкого кофе. Без пяти одиннадцать в вестибюль заглянул шофер и проводил ее к машине.

— Это частный дом? — с улыбкой спросил он, показывая листок с адресом.

— Не знаю. Наверное.

— О'кей, мэм, поехали.

Джулия села сзади, жалея, что не может позвонить Лидии и предупредить о своем визите. Неожиданное появление внучки наверняка станет сильным потрясением для пожилой женщины. Но как узнать телефон, не зная фамилии? В своих рассказах Элси ни разу ее не упомянула, и все время говорила просто «Лидия».

— Ты уверена, что это хорошая идея? — спросила Элси, когда Джулия позвонила из Парижа и сообщила, что летит в Таиланд на поиски родной бабушки. — Надо думать о будущем, а не копать в прошлом.

«Возможно, Элси права, — подумала Джулия. — Но прежде чем пойти вперед, я должна вернуться к своим истокам».

Машина петляла по улицам Бангкока. Джулия опустила стекло и жадно втянула носом воздух, заметив удивленный взгляд водителя. Людные тротуары, выходящие из домов толпы, рады бойко торгующих продуктовых палаток и улицы, запруженные машинами, древними автобусами и моторизованными «тук-туками», — все бурлило и кипело. Здесь встречались Восток и Запад. Встреча была сумбурной, но реальной, яркой и энергичной!

— Почти приехали, мэ. Дом стоит на реке? — спросил шофер.

— Понятия не имею. Я никогда здесь не была.

— Не волнуйтесь, мэ, найдем, о'кей?

— О'кей, — кивнула Джулия.

Вскоре автомобиль свернул с шумной улицы на симпатичную аллею жилого квартала. Они доехали до конца тупика, и шофер показал на ворота.

— Вот дом, который вам нужен, — объявил он.

— Спасибо. — Джулия хотела было открыть дверцу, но водитель ее опередил и вежливо приподнял свою белую фуражку с золотым галуном, когда она выбралась из салона.

— Вас подождать? — спросил он с улыбкой.

— Да, пожалуйста. Только я не знаю, как долго там пробуду.

— Не волнуйтесь, мэ. Я буду ждать, сколько потребуется. — Он опять улыбнулся.

— Спасибо.

Джулия сделала глубокий вдох и зашагала по дорожке, ведущей к красивому дому в тайском стиле: обшитый деревом фасад, веранда вдоль всего первого этажа и крыша с загнутыми краями.

Она поднялась по ступенькам веранды и, не найдя звонка, постучала в парадную дверь. Выждала несколько минут и опять постучала. Потом опять. Она уже хотела разочарованно повернуть обратно, когда дверь слегка приоткрылась.

Из образовавшейся щелочки на нее уставились пытливые старческие глаза.

— Я могу вам помочь? — спросил пожилой мужчина с сильным тайским акцентом.

— Да. Мне нужна Лидия.

Глаза обежали ее с головы до ног, потом в них мелькнул испуг.

— Кто вы? Зачем она вам понадобилась? — строго молвил старик.

Эти вопросы застали Джулию врасплох. Она не хотела объяснять первому встречному, кто она такая.

— Я приехала из Англии. Один приятель Лидии попросил меня передать ей письмо. Она дома?

Старик покачал головой:

— Нет, ее нет. До свидания.

Он попытался закрыть дверь, но Джулия удержала створку.

— Она вернется?

Таец в узкой дверной щели пожал плечами:

— Может быть.

— А она... здорова? — Джулия хотела сказать «жива», но решила смягчить вопрос.

— Да, здорова, — кивнул старик. — А теперь уходите, о'кей?

— Когда она придет, пожалуйста, передайте, что ее хочет видеть подруга Гарри. Я остановилась в отеле «Ориенталь» и буду ждать ее там. — Джулия медленно и старательно проговаривала каждое слово.

— Гарри, — повторил мужчина, словно пробуя имя на вкус, потом кивнул. — О'кей, передам.

Он захлопнул дверь перед самым ее носом, и Джулия вернулась к машине.

* * *

Она провела день у бассейна, мучаясь сомнениями.

«Вдруг старик что-то недопонял и не передаст мои слова Лидии? Но теперь я хотя бы знаю, что бабушка жива. Придется набраться терпения и ждать. А чтобы время прошло не зря, можно пока подумать о своей жизни. И о чувствах к Киту».

Брак с Ксавьером вряд ли продержался бы после того, как ей стали известны подробности аварии, но сейчас, лежа под тропическим солнцем, Джулия поняла, что отношения с Китом тоже поспособствовали ее охлаждению к мужу. Любовь Кита, его спокойная уверенность, сила и незлобивость заставили ее по-другому взглянуть на Ксавьера.

Да, Кит вошел в жизнь Джулии в очень неподходящий момент, когда она пребывала в душевном смятении. Однако, даже скорбя по сыну и мужу и стыдясь столь рано возникшего нового увлечения, Джулия обрела большое женское счастье.

Джулия знала, что это любовь. В самом чистом виде.

За последние месяцы она усвоила один важнейший жизненный урок: все зависит от своевременности того или иного события. Повстречайся ей Кит при других обстоятельствах, в другой момент, возможно, они до сих пор были бы вместе.

Но назад пути нет. Доверие безнадежно утрачено. Кит наверняка чувствует себя игрушкой, которую бросили, как только подвернулась более качественная и блестящая. Во всяком случае, на его месте она чувствовала бы себя именно так. Ей даже не хватало смелости поговорить с ним лично.

Ладно, жизнь продолжается. И не в одних мужчинах счастье.

Вечером, сидя на балконе с бокалом вина, Джулия решила позвонить Олаву и попросить, чтобы он составил для нее как можно более плотный график концертов.

Она любовалась мерцающими отсветами огней на воде и невольно жалела, что не может поделиться впечатлениями с Китом о том, как уютно чувствует себя в этой далекой стране, окутанная умиротворяющей и в то же время бодрящей атмосферой.

«Мне здесь так хорошо, как когда-то бабушке... Господи, как же не хватает Кита! Словно с ним я оставила в Англии половину себя. Теперь, когда вернулся муж, я не могу свободно любить другого, но самое страшное, что за последний год я умудрилась невероятно много потерять».

В тот вечер Джулия слегка перебрала вина и позволила себе поплакать из-за Кита — впервые с тех пор, как ей пришлось от него уйти.

Следующие несколько дней Джулия провела в ожидании визита или звонка Лидии. Чтобы скоротать время, она, по примеру Гарри, плавала на лодке по реке, любовалась королевским дворцом и Изумрудным Буддой. После полудня за чаем в «Писательском салоне» Джулия рассматривала висящие на стенах коричневые снимки, на которых был изображен отель времен зарождения безнадежного романа между Гарри и Лидией.

Она то и дело спрашивала у портье, нет ли для нее сообщений, но, увы... Позвонив Олаву, Джулия заявила, что готова приступить к работе и согласна на любые предложения. Теперь оставалось выбрать, где жить. Она часами размышляла об этом, сидя в шезлонге возле бассейна.

Дома у нее нет — считай, бездомная. Норфолкский коттедж не в счет: во-первых, он не приспособлен для комфортного проживания, а во-вторых, там будут мучить воспоминания о Ките.

«Может, начать новую жизнь в какой-нибудь крупной столице? Безликая квартира станет всего лишь перевалочной базой в промежутках между гастролями, — раздумывала Джулия. — Куда же отправиться — в Лондон... Париж... Нью-Йорк? Как ни печально, я опять стала свободна...»

В одиночестве обедая на террасе, Джулия решила завтра опять съездить к Лидии и в последний раз попытаться с ней увидеться. А потом — прощай, Бангкок! Пора начинать очередной жизненный этап.

— Мадам Форрестер! — позвал официант.

— Да? — Она вздрогнула от неожиданности.

— К вам пришли.

Из темноты возникла миниатюрная фигурка в элегантном платье из тайского шелка, с черными, как смоль волосами, убранными в пучок и украшенными сбоку парой орхидей.

Когда женщина подошла поближе, Джулии показалось, что она ее уже где-то видела, но спустя мгновение все встало на свои места: гостья походила на нее. Она знала, что Лидии восемьдесят лет, но время не оставило на этой коже медового цвета ни единой морщины. А эти огромные миндалевидные глаза... Похоже, в семнадцать лет Лидия была ослепительно красива.

Женщина сложила ладошки в традиционном тайском приветствии и нагнула голову, потом с улыбкой взглянула на Джулию.

— Меня зовут Лидия.

— Спасибо, что приехали, — откликнулась Джулия, не придумав ничего лучше. Она как зачарованная смотрела на гостью, находя в ее облике все больше сходства с собой. — Садитесь, пожалуйста, — добавила она, указав на свободный стул напротив.

Лидия села и вопросительно уставилась на Джулию.

— Ну же, рассказывайте, зачем вы приходили ко мне домой и до полусмерти напугали моего мальчика-слугу.

Джулия мысленно улыбнулась, услышав, как назвала Лидия дряхлого старика, с которым она разговаривала на пороге.

— Прошу прощения. Я не хотела его пугать.

— Он подумал, что увидел привидение. — Глаза Лидии весело блеснули.

— Вот как? Почему?

— Он решил, что я умерла на улице, пока ходила по магазинам, и явилась к нему в облике молоденькой девушки. Теперь-то я понимаю, в чем дело. Вы очень на меня похожи. Кажется, вы его сильно озадачили, представившись подругой Гарри. Я и сама не поняла, кто ко мне приходил — пожилая дама или юная барышня?

— Я просто не знала, что сказать. Лидия, вы догадываетесь, кто я?
— Задавая этот вопрос, Джулия вдруг ощутила странное волнение.

Пожилая тайландка внимательно посмотрела на девушку.

— Вы слишком молоды, чтобы быть моей дочерью Жасмин. Значит... вы моя внучка?

— Да, — прошептала Джулия и почувствовала, как глаза защипало от слез. — Жасмин была моей мамой.

Прошло несколько секунд, прежде чем Лидия заговорила. Джулия видела, как женщина пытается овладеть собой.

— Прости, что не сразу к тебе приехала, но ты должна меня понять: я была в шоке, когда услышала имя Гарри. Все эти годы не проходило и дня, чтобы я о нем не думала. Он еще жив? — Джулия прочла во взгляде Лидии надежду, смешанную со страхом.

— Нет, Лидия, он скончался много лет назад. Мне очень жаль.

Лидия кивнула и прижала руки к груди.

— Сердце мне это подсказывало, но я все равно надеялась. Как он умер?

Джулия покачала головой:

— Не знаю. Это случилось, когда меня еще не было на свете. Но Элси, моя бабушка... вернее, женщина, которую до недавнего времени я считала своей бабушкой... я узнала правду только несколько недель назад... Элси сказала, у него случился сердечный приступ.

Лидия достала из своей корзинки носовой платок и высморкалась.

— Прости, пожалуйста: пожилой даме не приличествует плакать на людях. Столько лет я ничего не слышала...

— Но ведь Элси присылала вам мамины фотографии — чтобы вы знали, что Жасмин счастлива в Англии, что о ней хорошо заботятся.

Лидия кивнула:

— Да. Это было очень любезно с ее стороны. Но, Джулия, — Лидия озадаченно смотрела на девушку, — фотографии мне присылала няня Жасмин, Элси. Почему ты называешь Элси своей бабушкой?

Джулия с ужасом поняла: Лидия не знает, что ее дочь вырастил не лорд Гарри Кроуфорд, а садовник с женой и что жила она не в роскошном особняке Уортон-Парка, а в простом маленьком коттедже.

— Это очень долгая история, Лидия, — вздохнула девушка. — Я сама узнала ее совсем недавно.

— Понимаю: чтобы все объяснить, нужно время. Поэтому сейчас расскажи про свою маму. Она такая же красивая, как ты? Она здесь? — Глаза Лидии светились от предвкушения, и Джулия не сдержала слез.

— Нет... — покачала она головой, понимая, что ее путешествие в прошлое оказалось гораздо труднее и мучительнее, чем она предполагала. — О Господи! К сожалению, моя мама умерла двадцать лет назад, когда мне было одиннадцать. — Она инстинктивно потянулась через стол, тронула хрупкую кисть руки Лидии.

Старая тайландка крепко ухватила за ее руку. Ее птичья фигурка сотрясалась от горя. Наконец она что-то прошептала по-тайски и глубоко вздохнула.

— Тебе надо многое мне рассказать, — тихо произнесла она. — Но сейчас не время. Мы с тобой побеседуем наедине: я не хочу, чтобы чужие люди видели, как мне больно.

— Конечно, — согласилась Джулия. — Очень жаль, что я привезла вам дурные вести. Наверное, мне вообще не стоило вас разыскивать.

— Что ты, Джулия, выброси это из головы! Разве ты виновата в том, что рассказала мне правду? К тому же судьба обделила нас обеих: я потеряла дочь, а ты — мать. Что поделаешь, жизнь и смерть неразделимы. — Лидия улыбнулась внучке. — И запомни: вести не бывают только дурными. Ты здесь, со мной. Мы родные люди и наконец-то встретились, причем в том самом месте, где я познакомилась с твоим дедом, где мы полюбили друг друга. Разве это не прекрасно?

— Да, прекрасно, — тепло согласилась Джулия.

Официант принес Лидии напиток.

— Кор khun ка, Танадол. Позволь представить тебе мою внучку Джулию. Она прилетела с другого конца света, чтобы меня найти.

Танадол едва повел бровью.

— Очень приятно, — улыбнулся он. — Не удивляюсь, ведь вы очень похожи. Пожалуйста, позовите меня, если вам еще что-нибудь

понадобится.

Когда он отошел, Джулия спросила:

— Откуда вы его знаете?

— Несколько лет назад я работала здесь вместе с отцом Танадола, — объяснила Лидия. — Почти у всего персонала есть родственники, которые раньше служили в этом отеле. Мы как одна большая семья. Если мне нужна была помощь, я всегда находила ее в этих стенах.

— И долго вы здесь работали? — поинтересовалась девушка.

— Десять лет — до тех пор, пока не вышла замуж, — ответила Лидия.

— Вы замужем? — отчего-то удивилась Джулия.

— Да, была. Причем познакомилась с будущим мужем прямо здесь, в отеле. Мы прожили вместе сорок лет. Двенадцать лет назад, когда он испустил свой последний вздох, я была рядом с ним.

— Я рада, что вы сумели обрести свое счастье, Лидия.

— Это не было любовью, Джулия. Я уже никого так не любила, как Гарри. Но мы с мужем жили хорошо. Он был весьма успешным, владел крупной фирмой, которую я помогала ему укреплять. Мы с ним жили душа в душу.

— А дети у вас были?

— Нет, — печально покачала головой Лидия. — Я чуть не умерла, когда рожала твою маму.

— Простите.

— Возможно, если бы я не была так больна, когда меня нашел khun Билл, я оставила бы Жасмин здесь, у себя. Но что сделано, то сделано, — вздохнула Лидия. — Я уже давно поняла, что нельзя изменить судьбу... и других людей.

— Да, вы правы! — с жаром произнесла Джулия.

Лидия устремила взгляд на реку, погруженная в свои мысли.

— Милая Джулия, — наконец сказала она, — я устала и, пожалуй, поеду домой. Ты еще долго пробудешь в Бангкоке?

— Я собиралась скоро лететь обратно, но теперь, когда мы с вами встретились, могу и задержаться.

— Тогда, пожалуйста, приходи завтра ко мне на ленч, — пригласила Лидия. — Посидим, поговорим. А сейчас только один вопрос: у меня есть еще внуки?

«Да, — чуть было не слетело с языка Джулии. — У вас есть еще одна внучка».

Но этот факт, как и многое другое в ее жизни, — все-таки ложь.

— Нет, только я, — коротко ответила она.

— Тебя мне достаточно, — ласково проговорила Лидия. — Это настоящий подарок Всевышнего. Скажи мне, внучка, у тебя самой есть дети, или ты работаешь?

Джулия решила пропустить первую часть вопроса и ответила лишь на вторую:

— Я пианистка.

Глаза Лидии тут же наполнились слезами, но в следующее мгновение она радостно улыбнулась:

— Ох, Джулия! Знаешь, когда я первый раз увидела твоего дедушку, он играл на рояле. Вон там — в старом «Бамбуковом баре». — Таиландка показала на «Писательский салон». — Наверное, именно тогда я в него и влюбилась. Он оживал, когда музицировал. Какое счастье, что ты унаследовала его чудесный дар! А теперь, — она встала, — мне пора ехать.

Джулия тоже поднялась из-за стола, в растерянности пытаюсь решить, как правильно попрощаться с бабушкой. Лидия облегчила ей задачу: она пожала Джулии руку, а потом поцеловала ее в обе щеки.

— Спасибо, что нашла меня, — тихо произнесла она. — До свидания, внучка! Поговорим завтра.

Когда Лидия ушла, Джулия еще долго сидела, задумчиво глядя на реку. Наконец поднявшись с кресла, она взглянула на небеса. Если Гарри там, наверху, если он все видел, значит, его душа сейчас поет от радости.

Глава 58

На другой день, вооружившись привезенными фотографиями, Джулия села в гостиничный лимузин и поехала в гости к Лидии. На этот раз «мальчик-слуга» открыл ей дверь с улыбкой и радушным тайским приветствием:

— Добро пожаловать, khun Джулия. Khun Лидия ждет вас на веранде. Я провожу.

Джулия пошла вслед за ним по темным комнатам (плотные шторы на окнах защищали дом от палящего солнца) и в конце концов очутилась на широкой деревянной террасе, внешний край которой выходил на реку и держался на сваях. Терраса была украшена большими горшками с цветами, и сладкий аромат жасмина мгновенно напомнил Джулии сады Уортон-Парка.

Легкий речной ветерок приятно обдувал веранду. Свисающие с крыши маленькие медные колокольчики нежно позвякивали.

Дом стоял в небольшом узком заливе, расположенном в широкой части реки. Мимо, теснясь, проплывали лодки, но поскольку транспортная акватория находилась на некотором удалении, приглушенный гул судов служил приятным звуковым фоном для этого оазиса спокойствия.

Из-за угла веранды показалась Лидия в старинной широкополой соломенной шляпе-«кули» и с оловянной лейкой в руке. Увидев гостью, она просияла.

— Джулия! — Старая таиландка раскрыла объятия. — Я так рада, что ты пришла! — Она поставила лейку рядом с водопроводным краном и указала на накрытый стол. — Ну же, садись скорей, устраивайся удобней. Тебе принести, что-нибудь попить?

— Да, было бы отлично. Спасибо, Лидия.

Лидия взглянула на дверь, где маячил ее «мальчик-слуга». Он в мгновение ока поставил перед Джулией стакан воды и кокосовый орех с соломинкой.

— Может, хочешь пиво или вино? — забеспокоилась Лидия.

Джулия покачала головой:

— Нет-нет, я с удовольствием выпью это. — Она попробовала густую сладкую жидкость и улыбнулась. — Никогда не пила кокосовое

молоко! Очень вкусно.

Джулия заметила на себе внимательный взгляд Лидии и покраснела.

— Прости, Джулия, что я тебя рассматриваю. Мне странно и удивительно видеть здесь, в моем доме, красоту, которую произвели мы с Гарри, моя дочь и твой отец. — Она широко улыбнулась. — Результат мне нравится. Ты очень симпатичная девушка, унаследовала лучшие черты от своих тайских предков, от англичан — рост и осанку. А какой у тебя красивый цвет лица! Тайские женщины готовы на все, лишь бы сделать свою кожу более светлой и стать похожими на европейек!

— А я хочу загореть, — заявила Джулия.

Лидия звонко засмеялась. Этот звук напоминал переливы колокольчиков, которые висели у нее над головой и тихо раскачивались на ветру.

— Да, все белые люди мечтают стать смуглыми. Наверное, Господь пошутил, наделив нас несбыточными желаниями. — Лицо Лидии стало серьезным. Она доверительно нагнулась к своей юной гостье. — Пожалуйста, Джулия, расскажи мне, что случилось с Жасмин, когда ее привезли в Англию. Я и сама обо всем догадалась. Прошлой ночью, когда луна висела высоко в небе, я поняла: khun Билл со своей женой Элси удочерили мою малышку, верно?

— Да, Лидия, это так, — смущенно подтвердила Джулия. — В тот момент у них не было выбора.

— А Гарри знал, что его дочь растет у него под боком?

— Моя бабушка... то есть Элси сказала, что он узнал об этом только за несколько недель до смерти. Он пришел к ним, чтобы отдать Биллу кое-что на хранение, и впервые увидел Жасмин. Гарри сразу догадался, что это его дочь... Она была очень на вас похожа.

— Значит, моя Жасмин, дочь британского лорда, росла не в главном доме Уортон-Парка, — задумчиво проговорила Лидия. — Ее воспитали садовник и его добрая жена.

— Да. Но поймите, Лидия, — Джулия решила не утаивать горькой правды, — в то время жена Гарри, Оливия, была беременна.

— Ясно. — Глаза Лидии потемнели. — Поверь мне, Джулия, пока Гарри был со мной здесь, в Таиланде, он не говорил мне, что женат.

Если бы я знала, я бы не... — Она энергично потрясла головой. — Похоже, он обманул не только меня, но и свою жену.

— Я понимаю ваши чувства, — согласилась Джулия. — Даже не знаю, почему Гарри ничего вам не сказал. Возможно, боялся вас потерять.

— И правильно делал. — В янтарных глазах Лидии появился сердитый блеск. — Когда Билл приехал ко мне в Бангкок после того, как я родила Жасмин, и сказал, что у Гарри есть жена, я испытала такой шок, что опять чуть не умерла. Но теперь, по прошествии стольких лет, я по-другому оцениваю его поступок. — Ее взгляд смягчился. — Я поняла, что можно любить двух людей одновременно.

— Нет, Лидия, — возразила Джулия, — дело не в этом. Элси сказала мне, что его брак с самого начала был формальным. Гарри ничего не оставалось, как жениться на Оливии и постараться произвести на свет наследника — на случай если он не вернется с войны. Любовь здесь ни при чем. Оливию сочли подходящей парой, и Гарри просто выполнил свой долг. Его любимой женщиной были вы, и он хотел жить с вами.

— А его жена? Она его любила? Или просто смирилась со своим положением? — спросила Лидия.

— Элси больше сорока лет служила ее горничной. Она говорит, Оливия обожала Гарри, — вздохнула Джулия. — Для нее все было по-настоящему. Когда она про вас узнала, случилась катастрофа...

— Она про меня узнала? — Лидия зажала рот рукой. — Но как?

— Нашла ваше последнее письмо к Гарри, а в нем — кольцо, знак вашей помолвки. Через несколько дней она потеряла ребенка. По словам Элси, измена Гарри навсегда ожесточила сердце Оливии.

— О Боже! Какие страдания причинила наша любовь! — Лидия в отчаянии покачала головой. — Мне жаль эту несчастную женщину. Она сказала Гарри, что знает про меня?

— Нет. Просто охладела к нему и поставила во главу угла дела поместья. Элси сказала, они оба были несчастны до конца своих дней. Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, было бы гораздо лучше, если бы Гарри вернулся к вам и освободил Оливию. Но надо было восстанавливать Уортон-Парк: сразу после войны он был в ужасающем состоянии. В поместье работали десятки людей, и их благополучие

зависело от Гарри. Ему пришлось остаться в Англии. Элси сказала, это было для него большим ударом.

Лидия кивнула:

— Билл объяснил это, когда приехал в Бангкок. Мне кажется, он был очень добрым, хорошим человеком. Спас мне жизнь.

— Я его обожала, — улыбнулась Джулия. — Каждый раз, приезжая в Уортон-Парк, я часами сидела в теплице, глядя, как он ухаживает за цветами. Мы с мамой выросли в окружении ароматов далекой страны, которая, оказывается, была нам вовсе не чужой.

— Как приятно! — улыбнулась Лидия. — Я отправила вместе с Жасмин одну особенную орхидею, чтобы Билл вырастил ее для моей девочки. Это очень редкий цветок, в мире их всего несколько штук. Я увидела его на цветочном рынке Бангкока незадолго до рождения Жасмин. Я узнала эту орхидею и купила ее — для своего ребенка. Интересно, она цвела у Билла в Англии?

— Да что вы говорите? — Джулия вспомнила рисунок юной Жасмин, который заметил отец. На том рисунке была изображена редкая орхидея. — Думаю, цвела, — прошептала она.

— Твой папа тоже умер? — спросила Лидия.

— Нет, — девушка улыбнулась, — он в добром здравии. Отец очень любил мою маму, и они были счастливы вместе. Так счастливы, что он никогда не пытался найти ей замену.

— Он знает правду о происхождении своей жены?

— Да. Но это случилось совсем недавно.

— Мне бы хотелось когда-нибудь встретиться с мужем моей дочери, — сказала Лидия. — Значит, ты тоже была единственным ребенком в семье?

— Нет. У меня... есть сестра. Но недавно выяснилось, что она мне не родная, — объяснила Джулия. — Моя мама думала, что не может родить ребенка, поэтому родители удочерили мою сестру, Алисию, когда она была еще совсем маленькой. Она на три года старше меня, и, когда я появилась на свет, папа с мамой сильно удивились. Вряд ли мой папа хотел рассказывать Алисии правду, но, узнав от Элси, каким образом Жасмин попала в Уортон-Парк, он решил раскрыть свою тайну — чтобы она не думала, как я, будто вы с Гарри — ее бабушка с дедушкой. Но я все равно считаю ее своей сестрой.

— Конечно, — согласилась Лидия. — Ну что, будем обедать?

Она кивнула «мальчику-слуге», который по-прежнему стоял в дверях, и он тут же исчез в доме.

— Так ты пианистка, Джулия? Я могла слышать твои выступления?

— Да. Я выступала по всему миру. Мне очень повезло, — скромно добавила она. — В девятнадцать лет, когда я училась в Королевском музыкальном колледже, меня заметил один импресарио. Он помог мне сделать карьеру.

— Джулия, везения не бывает без таланта, — поправила ее Лидия. — Значит, ты исключительная. И еще так молода! Куда ты отправишься, когда уедешь из Бангкока? На гастроли?

— Нет, — ответила Джулия.

На террасу вошел Нонг с подносом, на котором дымились две миски с супом.

— К сожалению, — продолжила Джулия, — за последний год в моей жизни... э... случились некоторые трудности, — объяснила она. — Я снова начну играть только через несколько месяцев. Если честно, я понятия не имею, куда направлюсь отсюда. Вот почему я приехала в Бангкок. Мне нужно время, чтобы подумать.

— Ты должна мне все рассказать. Я вижу по твоим глазам, у тебя большие неприятности. Но сначала попробуй фирменное блюдо Нонга. На мой взгляд, он готовит его лучше всех в Бангкоке.

После вкусного кокосового молока и супа из лемонг-расса с кусочками нежной курицы Нонг принес на десерт манго и папайю.

— Ну а теперь, Джулия, расскажи мне про свой трудный год.

— Дело в том, что... — Джулии до сих пор было трудно произносить эти страшные слова, — год назад в автомобильной катастрофе погиб мой двухлетний сын Габриэль. Я думала, его отец, Ксавьер, тоже погиб, но несколько недель назад он вернулся в наш дом во Франции. В тот страшный день он вел машину, а после аварии исчез. Сказал, что боялся смотреть мне в глаза. — Джулия нахмурилась. — А всего неделю назад я узнала, что он был сильно пьян и вообще не должен был садиться за руль. Вот почему, — она понизила голос до шепота, — я бросила его и приехала сюда.

Лидия сочувственно округлила глаза и, потянувшись через стол, взяла Джулию за руку.

— Какая ужасная трагедия! Я, как никто другой, знаю, что потеря ребенка — самая страшная Божья кара.

— Да, — кивнула Джулия. — Ничего страшней не могу себе представить.

— Это верно. Сердце, — Лидия похлопала себя по груди, — становится пустым.

— И от этой боли нет спасения, — тихо проговорила Джулия.

— Я тоже должна оплакивать свою дочь, которой больше нет на этой земле. Я потеряла ее дважды, — вздохнула Лидия. — Но тебе еще тяжелей: в гибели твоего сына виноват твой муж.

— Я презираю его за то, что он сделал — не только с Габриэлем, но и со мной, — ответила Джулия, не в силах сдержать гневные нотки.

— Это естественное чувство. Но, в конце концов, ты должна его простить — ради себя, Джулия. Опыт подсказывает: нехорошо носить в себе столько злости. Она съедает изнутри, разрушает.

— Знаю, Лидия, но от нее не так просто избавиться.

— Ты права. Нас обоих обманули мужчины, которых мы любили и которым доверяли. Твой муж, судя по всему, слабый человек, но это недостаток многих мужчин, — заметила Лидия. — Сначала я думала, Гарри тоже слабый, но теперь сомневаюсь. Ему хватило силы остаться в Англии и выполнить свой долг.

— Не знаю, утешат ли вас мои слова, но, как сказала Элси, это решение сделало его несчастным. Вы были любовью всей его жизни.

— А он — моей, — откликнулась пожилая тайка. — Ты любила своего мужа?

— Очень. И верила, что он — любовь всей моей жизни. До тех пор, пока...

Лидия подалась вперед в своем кресле, чтобы не пропустить ни одного слова. Джулия почувствовала, как к ее щекам прилила краска. Она попыталась объяснить:

— Когда я считала себя вдовой, другой мужчина в Англии был очень добр ко мне. Он заботился обо мне, когда я была совсем одна. С его помощью я начала приходить в себя и верить, что у меня есть будущее. Вернее, у нас с ним.

— Понятно. — Лидия слушала очень внимательно. — А где он сейчас?

— В Норфолке. По иронии судьбы это новый лорд Кроуфорд, — призналась Джулия. — Он живет в Уортон-Парке.

Лидия несколько минут молча смотрела на внучку, размышляя над ее словами.

— Но это значит, что...

Джулия поняла, о чем она думает, и поспешила ее успокоить:

— Нет, мы с ним не близкие родственники. После того как ребенок Оливии умер, у Гарри больше не было детей. Мы с Китом... как мы думаем... четвероюродные брат с сестрой.

Лидия облегченно вздохнула.

— Рада слышать, Джулия. Я вижу по твоим глазам, этот мужчина тебе небезразличен. Ты его любишь?

— Мне казалось, мои чувства к нему вызваны тем, что он помог в трудную минуту. Но когда вернулся Ксавьер, и я опять стала его женой, у меня в мыслях был только Кит. И так продолжается до сих пор.

— Но почему же тогда, моя дорогая Джулия, ты к нему не вернешься?

— Потому что... о Боже! — Джулия откинула волосы с плеч. Ей вдруг сделалось невыносимо жарко. — Все это слишком сложно. Когда вернулся Ксавьер, я даже не позвонила Киту и не объяснила ситуацию. О том, что мой муж жив, он узнал из прессы. Нет, — она покачала головой, и ветерок слегка остудил ее разгоряченную шею, — я уверена: он не захочет, чтобы я к нему вернулась. Я сильно его обидела.

— Видишь, какая ирония судьбы? — медленно проговорила Лидия. — Ты влюблена в лорда Кроуфорда из Уортон-Парка, а сидишь здесь, со мной, в Бангкоке. Думаю, мы обе пролили в подушку немало слез по тем, кто сейчас далеко отсюда, в Англии. Возможно, — она покачала головой, — все дело в самом Уортон-Парке. Это проклятое место. Оно похоже на беспомощного ребенка, который нуждается в постоянном кормлении и уходе и не думает о тех, кто жертвует ради него жизнью.

Джулия улыбнулась фантазии Лидии.

— Вообще-то поместье придется продать. У Кита нет денег, чтобы выплатить ссуду, а на восстановление Уортон-Парка требуется

несколько сот тысяч фунтов. Скоро у «беспомощного ребенка» появятся новые и, будем надеяться, более богатые «родители»

— Тяжело сознавать, что я потеряла любовь всей своей жизни из-за какого-то дома, — поморщилась Лидия, — но понимаю, дело не только в нем. Главное, это семейное наследие, и очень печально, что его больше не будет.

— Да, потому что, сколько бы страданий Уортон-Парк ни причинил людям, все-таки это очень красивое место. Ох, Лидия, как бы мне хотелось, чтобы вы его увидели! — вздохнула Джулия. — Я всегда его любила, с самого детства, и теперь мне кажется, те несколько недель, которые я прожила там вместе с Китом, были самыми счастливыми в моей жизни.

— Это поместье у тебя в крови, — серьезно кивнула Лидия. — Если бы ты была мальчиком — внуком Гарри, — Уортон-Парк стал бы твоим?

— Наверное. Моя сестра говорит, сейчас можно доказать свое право на наследство с помощью тестов на ДНК. Но я никогда не сделаю этого, потому что не хочу обидеть Кита, — твердо сказала Джулия, чувствуя, что пора сменить тему. — Скажите, а у меня есть еще родственники здесь, в Таиланде? — спросила она.

— О, очень много! — Лидия сомкнула ладони. — Тети, дяди, а двоюродных братьев и сестер не сосчитать. Некоторые мои внучатые племянники и племянницы очень успешны, — с гордостью добавила она. — Они получили университетское образование и теперь живут в Японии и Америке. Я сама из простой семьи рыбака, но мы всегда были умными, — улыбнулась Лидия, — особенно мой папа. Он выиграл стипендию в Университете Чулалонгкорна в Бангкоке и стал успешным журналистом и политическим деятелем. А ты можешь показать мне фотографии моей Жасмин?

— Конечно. — Джулия достала их из сумочки и придвинулась к Лидии, чтобы прокомментировать каждый снимок. — Здесь маме пять лет, а здесь ей одиннадцать — она сдала отборочные экзамены для зачисления в среднюю школу...

— Она тоже была умной, — с улыбкой заметила Лидия.

— Конечно. Вот она выпускница университета, вот — с моим папой, а вот — с Алисией и со мной.

Лидия внимательно вглядывалась в лицо дочери, запечатленной на каждом этапе своей короткой жизни.

— Отчего она умерла, Джулия?

— У нее был рак яичников. Как я поняла, эту болезнь очень трудно диагностировать. Когда ее обнаружили, у мамы уже пошли метастазы, и врачи ничего не могли сделать.

— Понятно. Значит, Жасмин всегда считала Элси и Билла своими родителями?

— Да.

В глазах Лидии заблестели слезы.

— Они наверняка ее любили.

— Конечно, даже не сомневайтесь.

— И все же она не получила то, на что я рассчитывала, отправляя ее в Англию.

— Да, но, Лидия, времена изменились. Если раньше происхождение играло важную роль, то теперь это не имеет значения. Старые правила не действуют. Даже хорошо, что мы с мамой не были обременены наследными обязательствами: мы имели полную свободу выбора.

Лидия кивнула:

— Понимаю, что ты имеешь в виду, и согласна с тобой. Сейчас, даже здесь, в Таиланде, женщины становятся сильнее и учатся быть независимыми. И хотя я родилась в другое время, мой муж относился ко мне с уважением, как к равной. Мы с ним были деловыми партнерами, и наш бизнес сделал меня очень богатой женщиной. Я и не мечтала об этом, когда была молодой. Мне хотелось просто выйти замуж и завести семью.

— Знаете, за последний год я научилась ценить каждый новый день и поняла, что нет ничего невозможного, — сказала Джулия.

— Ты права. Надо только верить в будущее и в Бога — Он у каждого свой, но Он ведет нас по жизни. Мне кажется, у нас с тобой много общего. Мы обе прошли трудный путь, но сделались мудрыми и сильными. А сейчас, моя дорогая Джулия, — Лидия подавила зевок, — мне надо отдохнуть. Если хочешь, сиди здесь или приходи завтра, и мы еще побеседуем.

Джулия видела, что бабушка очень устала.

— Я приду завтра.

— Хорошо. Пока ты здесь, навещай меня как можно чаще. У нас еще много тем для разговора. — Лидия встала, поцеловала внучку в обе щеки и взяла ее за руку. — Я так рада, что ты меня нашла!

— Я тоже, — ответила Джулия, целуя Лидию в ответ. — Может, попросить Нонга, чтобы он вызвал мне такси?

— Он наверняка уже сделал это, — улыбнулась Лидия.

— Значит, завтра в это же время? — спросила Джулия.

— Да.

— До свидания, Лидия. — Джулия помахала рукой и в сопровождении Нонга пошла к выходу. На улице ее поджидало такси.

Глава 59

Всю следующую неделю Джулия каждый день приходила к Лидии, и они часами рассказывали друг другу про свою жизнь. Джулия узнала, как Лидия помогла своему мужу превратить маленький шелкоткацкий бизнес в компанию-миллионер, экспортирующую продукцию по всему миру. Дизайнерские работы Лидии и необычные цветовые решения, опережающие свое время, стали популярными на Западе. Ее обивочная ткань украшает мягкую мебель самых роскошных домов мира.

— Этот бизнес дал мне то, о чем я больше всего мечтала, — возможность путешествовать, — добавила Лидия. — После смерти мужа я продала компанию и стала очень богатой женщиной... но до сих пор скучаю по той жизни — волнующей, насыщенной событиями.

— Вы были в Англии? — поинтересовалась Джулия.

— Да, много раз. Я всегда останавливаюсь в «Ориентале» в Найтсбридже. В этом отеле мне дают хорошую скидку! Но, — она невольно поежилась, — я не люблю английскую погоду. Гарри называл меня тепличным цветком, и он был прав: я не смогла бы там жить. Вот почему я всегда возвращаюсь на родину. Мое место здесь, в этой стране, в этом маленьком доме, где я начинала жить с мужем.

— Хотела бы я знать, где мое место, — задумчиво проговорила Джулия.

Лидия похлопала ее по руке.

— Джулия, ты оказалась на перепутье — такое случается со многими: все дорожные знаки, указывающие маршрут, вдруг исчезли, и надо самой выбирать, куда идти дальше.

— Точно. — Джулия удивлялась, как сильно они сблизились за несколько дней знакомства: она прониклась доверием к Лидии и открыла ей свое сердце. Мудрые, участливые слова пожилой женщины успокаивали. — Мне будет всегда не хватать Кита, но я уже не смогу к нему вернуться: он меня не простит. Придется найти другой дорожный знак и пойти туда, куда он укажет.

— Не волнуйся. Этот знак уже в твоём сердце, и ты скоро его увидишь. Только, возможно, для этого тебе понадобится чья-то помощь, — улыбнулась Лидия.

— Надеюсь, вы правы, — грустно отозвалась Джулия.

Пришло время уезжать из Бангкока. Надо было решить куда. Вечером Джулия заказала авиабилет на ночной рейс до Парижа. Олав пробудет там несколько дней, нужно встретиться с ним и обсудить планы на будущее. В последнее время она не имела возможности музицировать и боялась, что пальцы окостенеют. Те несколько месяцев, что Джулия провела за роялем, помогли ей восстановить форму, и она не хотела опять ее потерять. Можно снять в Париже музыкальный зал и наверстать упущенное.

Не желая опять ужинать в одиночестве на террасе, Джулия заказала еду в номер и перекусила на балконе, в последний раз любуясь панорамой реки и снующими по ней лодками. Она знала, что будет скучать по умиротворяющей атмосфере Таиланда, по здешним людям и яркой природе. Но даже Лидия, умудренная восьмидесятилетним опытом, не могла подсказать внучке, как ей плести дальше гобелен своей судьбы — где проложить новый стежок. Этот вопрос оставался открытым.

Свой последний день в Таиланде Джулия провела возле бассейна, где многие служащие знали, как ее зовут. Она позвонила Лидии и сообщила, что улетает. Пожилая таиландка вызвалась приехать в отель на прощальный ужин — в семь вечера. А к половине десятого Джулии надо быть в аэропорту.

В шесть часов Джулия приняла душ, уложила оставшиеся вещи и освободила номер. Миновав «Бамбуковый бар», спустилась к террасе. На входе в ресторан ее встретил Танадол, поприветствовав дежурной улыбкой.

— Добрый вечер, khun Джулия, как настроение?

— Грустное, — призналась та, следуя за ним по залу. — Это мой последний вечер в Бангкоке. Бабушка еще не приехала?

— Нет. Просила, чтобы вы подождали ее здесь. — Танадол указал на столик, за которым уже сидел какой-то мужчина.

Подойдя ближе, Джулия его узнала. И сердце отчаянно забилось в груди.

Он обернулся, почувствовав ее присутствие.

— Привет, Джулия.

— Привет, Кит, — произнесла она не своим голосом.

— Присядешь? — Он улыбнулся и кивнул на стул, стоявший напротив.

— Но... что, черт возьми, происходит?

— Ради Бога, сядь, и я все объясню.

Джулия быстро опустилась на стул: у нее подгибались колени.

— Вот, — Кит поставил перед ней бокал с красным вином, — выпей. Я не хочу, чтобы ты упала в обморок.

Джулия сделала большой глоток.

— Что ты здесь делаешь? — выдавила она через силу.

— Ну, знаешь, как это бывает: мне вдруг захотелось посетить Бангкок... Вот я взял и прилетел на другой конец света, — ответил он, смеясь одними глазами. — Как думаешь, Джулия, что я здесь делаю? Я приехал к тебе!

— Но как ты узнал, что я здесь?

— Чтобы тебя найти, мне не нужно обращаться в Интерпол. Не забывай, что твоя сестра живет на той же улице, что и я, — усмехнулся Кит. — Правда, это Лидия подсказала, где ты находишься. Она позвонила мне и попросила приехать, пока ты не улизнула куда-нибудь еще. И она оказалась права: я едва успел. Надеюсь, ты не сердишься?

Отметив, с какой легкостью Кит повел разговор, Джулия сразу вспомнила обо всех его замечательных качествах и улыбнулась:

— Конечно, нет.

— Позволь мне пойти еще дальше и задать второй вопрос: ты рада меня видеть?

— Да, рада.

— Фу! — Кит артистическим жестом вытер лоб. — Лидия уверяла, что ты обрадуешься, но, когда я пролетал над Гималаями, меня вдруг прошиб холодный пот. Я подумал: а что, если это просто старушечьи фантазии? Честно говоря, мои сомнения не были беспочвенными, ведь история ее прошлого отчетливо перекликается с нашей нынешней ситуацией.

Джулия внимательно изучала свой бокал. Сердце стучало так сильно, что было трудно дышать.

— Я знаю.

— Вообще-то не в моих правилах гоняться по всему миру за женщиной, которая меня бросила. Но, принимая во внимание

сложившиеся обстоятельства, я подумал, что в данном случае игра стоит свеч.

— Кит, я не хотела тебя бросать. Я...

Кит нежно приложил палец к ее губам.

— Шучу, Джулия. Не надо ничего говорить. Лидия взяла на себя роль волшебной феи и все объяснила. А потом взмахнула волшебной палочкой, и в Уортон-Парке на коврике перед входной дверью появился билет первого класса до Бангкока. Кстати, обратного билета у меня нет, так что, если хочешь, чтобы я улетел обратно, тебе придется одолжить мне денег.

— О, Кит... — В глазах Джулии заблестели слезы: она поняла, каких трудов стоило Лидии поставить у нее на пути дорожный знак-указатель. — Прости! — Она быстро вытерла щеку.

— За что? Мне было легко, ведь я летел первым классом... Но главное не это. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — прошептала Джулия.

Кит подался вперед и взгляделся в ее лицо.

— Я не ослышался? Ты только что сказала, что наши чувства взаимны?

— Да, — улыбнулась Джулия.

— Хорошо. — Теперь Кит опустил глаза, не зная, что сказать. — Ты, в самом деле, любишь меня, Джулия? — тихо спросил он.

— Да, Кит, я люблю тебя... С тех пор как мы расстались, я не находила себе места от отчаяния.

— Значит, я зря подумал, что у твоей тайской бабушки не все дома, — с усмешкой заметил он.

— Она абсолютно нормальная.

— В отличие от меня, — признался Кит. — Я только что совершил безумный полет на край света, не зная, что меня ожидает. Но не жалею об этом, — ласково добавил он и потянулся к ней через стол. Джулия охотно протянула свою руку. — Не хочу говорить банальности, но ты потрясающе выглядишь, милая, — прошептал он. — Я еще никогда в жизни не был так рад встрече с другим человеком.

Он поцеловал ее в губы. Джулия ответила с той же страстью.

— Раз уж я тебя здесь застал, хочу прояснить сразу все вопросы — на случай если ты вдруг опять исчезнешь. Скажи, ты выйдешь за меня замуж? — Кит обвел рукой обстановку: — Учитывая события

прошлого, думаю, это лучшее место для того, чтобы сделать тебе предложение.

— Ох, Кит, я с удовольствием отвечу «да»... как только разведусь!

— Значит, наша свадьба откладывается? Очень жаль. — Он улыбнулся и потерся носом о ее нос.

Пальцы их рук переплелись.

— Кстати, я привез тебе подарок.

— Правда? — удивилась Джулия.

— Да.

Кит нагнулся и достал из-под своего стула горшок, в котором рос странный черный цветок. Он поставил его перед девушкой.

— Вот, это тебе.

Джулия удивленно оглядела чернильно-черные лепестки.

— Я думала, черных орхидей не бывает в природе.

— Не бывает. Бог забыл их создать, и Кит ему немного помог. Не волнуйся, милая, ты польешь цветок сверху, и он опять станет красивым и розовым — каким был до того, как я его покрасил. — Он показал на маленький лист бумаги, свернутый в трубочку и воткнутый в землю с края горшка. — Эта сказка все объясняет. Я подумал, такой подарок будет вполне уместен.

Джулия потянулась к бумажной трубочке, но Кит ее остановил.

— Прочтешь позже, мой драгоценный Тепличный Цветочек. Только, пожалуйста, не надо понимать все буквально. Не забудь, сейчас новое тысячелетие, и отношения между мужчиной и женщиной изменились. Не изменилось только одно.

— Что же?

Кит заглянул ей в глаза и ответил коротко:

— Любовь.

Глава 60

Уортон-Парк

Январь

Несмотря на многочасовые споры за кухонным столом и недели, проведенные в тяжелых раздумьях над нескончаемыми колонками цифр, Кит, в конце концов, решил, что Уортон-Парк надо продать.

— При всем нашем желании мы не потянем это поместье, милая, — сказал Кит, когда они заливали свое горе вином, сидя в библиотеке. — Знаю, ты сильно расстроишься, но я не вижу другого выхода. Даже дотация «Английского наследства»^[25] нас не спасет — это всего лишь капля в море.

— Ты прав, — печально согласилась Джулия. — Если бы Ксавьер не восстал из мертвых и не претендовал на половину заработанных мной денег, мы бы, наверное, сумели сохранить поместье.

Она задрожала и придвинулась ближе к пылающему камину. В доме стоял жуткий холод: бойлер опять вышел из строя.

Кит погладил ее по волосам.

— Джулия, даже если бы у тебя были деньги, я вряд ли согласился бы их взять. У меня психология пещерного человека, и я не хочу, чтобы моя будущая жена финансировала Уортон-Парк. Нам надо подумать о доме — передать его тому, у кого действительно есть средства на ремонт.

— Да, но от этого нам не станет легче. Уортон-Парк — не только дом, это место, где мы познакомились. Оно у меня в крови. Будь хоть какая-то возможность его спасти, я бы сделала это! — Джулия стукнула кулаком по каминной плите. — Проклятый Ксавьер! Я никогда не тратила свои деньги, и вот теперь, когда они мне понадобились, не могу ими воспользоваться! Какой же он...

— Все, успокойся, — сочувственно произнес Кит. — В общем, завтра я позвоню агенту по недвижимости и опять выставлю дом на продажу. Мне очень жаль, Джулия, но у нас в самом деле нет выбора.

Через десять дней агент сообщил, что один иностранный покупатель хочет купить все поместье за ту цену, которую они

назначили. Если они согласны, покупатель немедленно прилетит в Англию и подпишет все необходимые документы.

Оба поняли, что от такого предложения отказываться нельзя.

Джулия подбросила дров в камин библиотеки и поправила жидкий букетик подснежников в вазочке на столе, нехотя готовясь к встрече с покупателем: он должен был приехать через полчаса.

— Наверное, какой-нибудь русский олигарх с лицом обезьяны и платиноволосой любовницей, — пробурчала она, со стуком ставя на поднос кофейные чашки.

Кит понимал, что за раздражением Джулия прячет печаль. Потеря Уортон-Парка станет для нее, куда большим ударом, чем для него.

В половине двенадцатого раздался звонок, и Кит открыл дверь. На пороге стоял шофер в ливрее.

— Мадам уже здесь, — объявил он, указывая на лимузин во дворе. — Она спрашивает, не проводите ли вы ее в дом?

— Конечно. — Кит взглянул на Джулию, удивленно вскинув брови, а шофер вновь спустился по ступенькам крыльца к машине.

— О Боже! — воскликнула Джулия. — Кем себя мнит эта мадам? Королевой?

— Ладно, милая, не сердись! Давай стиснем зубы и покончим с этим делом. — Кит сжал ее руку и повел к лимузину.

Они неловко встали возле дорогого авто с затемненными стеклами. Шофер открыл дверцу машины, и они увидели пассажирку.

Джулия вздрогнула, потом завизжала от радости.

— Лидия! Что ты здесь делаешь?

— Сюрприз! — Лидия вышла из машины и тепло обняла внучку. — Ох, как же приятно быть очень старой и очень богатой! Можно дарить людям чудеса! — Воздух Уортон-Парка огласился ее залихватским смехом.

Не выпуская Джулию из объятий, она обернулась и впервые взглянула на дом.

— Значит, это и есть Уортон-Парк? Я много раз представляла его себе, но он оказался куда более впечатляющим, чем в моих фантазиях. — Она хитро подмигнула Джулии. — Неудивительно, что он меня победил! Ну, — свободной рукой она взяла Кита под локоток, — проведите меня внутрь и покажите обстановку. Потом я все объясню.

Совершив экскурсию по главным помещениям, Лидия объявила, что устала и больше не может ходить. Они вернулись в библиотеку, и Лидия велела своему шоферу принести из лимузина бутылку марочного шампанского.

— Я хочу выпить за этот дом, который оказал влияние на судьбы всех нас: за Уортон-Парк!

Джулия и Кит чокнулись с ней бокалами.

— За Уортон-Парк! — повторили они.

— А теперь, — Лидия уселась в кресло, — я хочу объяснить свой план. Как я уже говорила тебе в Бангкоке, Джулия, после смерти мужа я стала очень богатой. Очень богатой, — подчеркнула она. — До встречи с тобой я собиралась поделить эти деньги между всеми своими родственниками и благотворительными организациями, которые я поддерживаю. Но у меня вдруг появилась прямая наследница, поэтому, когда ты уехала из Бангкока, я переписала завещание и оставила тебе большую часть своих денег.

— Ты очень добра, бабушка, но...

— Тихо, Джулия, дай договорить, — одернула ее Лидия. — Когда мы разговаривали с тобой на прошлой неделе, ты сказала, что Уортон-Парк выставлен на продажу, что вы не в состоянии выплатить все долги и восстановить дом. И я решила его купить. Он будет моим. — Лидия радостно хлопнула в ладоши.

— Вы хотите здесь жить? — растерянно спросил Кит.

— Нет, Кит. Джулия знает, я терпеть не могу холод. Я буду хозяйкой этого поместья. А вы будете здесь жить на те деньги, которые я заплачу вам за Уортон-Парк. Отдадите долги и проведете все необходимые работы. Конечно, это нужно не только мне, но и вам самим, и будущим поколениям нашей семьи, — мягко добавила она. — Моя дорогая Джулия, Уортон-Парк будет твоим.

Повисла пауза. Кит и Джулия пытались осмыслить предложение Лидии.

— Боже мой! Это так щедро с вашей стороны, Лидия! — наконец воскликнул Кит, понимая, что Джулия онемела от волнения.

— Мне кажется, это очень символично. — Янтарные глаза Лидии весело блеснули. — Бедная тайская девушка, брошенная хозяином этого дома, спустя почти шестьдесят пять лет покупает его для своей внучки. Вы со мной согласны?

Джулия кивнула, по-прежнему не в силах вымолвить ни слова.

— Все складывается весьма удачно, — счастливо улыбнулась Лидия. — Когда моя внучка Джулия выйдет за тебя замуж, Кит, она станет леди Кроуфорд, хозяйкой Уортон-Парка. И то путешествие, которое мы с Гарри начали много лет назад, будет закончено. Ну, как вам моя идея? — Она беспокойно взглянула на Джулию.

— Лидия, ты уверена, что хочешь этого? — наконец обрела дар речи Джулия.

— Я еще никогда и ни в чем не была так уверена. Кит, тебя устраивает мой план?

— Лидия, мы все знаем, что этот дом по праву должен принадлежать Джулии. — Кит обернулся к любимой и взял ее за руку. — Я с удовольствием останусь здесь и помогу ей вернуть Уортон-Парку былое величие. Я тоже люблю это поместье. И знаю, как сильно ты его любишь, милая, — добавил он, бросив на Джулию нежный взгляд. — Это фантастическое предложение, Лидия!

— Все, чего я прошу, — это чтобы вы позволили мне время от времени приезжать к вам в гости и познакомили меня со своими английскими родственниками — с твоим папой, Джулия, и, конечно же, с Элси, которая с такой любовью заботилась о моей дочери.

— Конечно, Лидия, — начала приходить в себя Джулия, — приезжай в любое время. Я все про тебя рассказала Элси, и она с удовольствием с тобой познакомится.

— Что ж, — продолжила Лидия, — осталась самая малость. Если ты согласен, Кит, я подпишу все бумаги и на следующей неделе вернусь в Таиланд.

— Конечно, согласен, — ответил Кит. — Это замечательное предложение!

— А ты, Джулия? — осторожно спросила Лидия.

— Я так люблю этот дом, Лидия, что не могу тебе отказать, — произнесла она сдавленным голосом. — Даже не верится: мы остаемся здесь жить! Спасибо, огромное тебе спасибо! — Джулия встала и крепко обняла бабушку.

— А взамен окажи мне одну услугу, Джулия. Я хочу вернуться в гостиную и послушать, как ты играешь на рояле — на том самом чудесном рояле, на котором когда-то играл мой Гарри.

Все трое вошли в гостиную, и Джулия села к инструменту. Кит заметил на глазах у пожилой тайландки слезы, когда из-под талантливых пальцев ее внучки полились первые ноты «Этюдов» Шопена.

Он понял, что круг замкнулся. У каждого из них было свое место в истории, охватившей сразу несколько поколений, и вот теперь они собрались вместе. Их объединил Уортон-Парк, который сыграл ключевую роль в судьбах своих обитателей.

Теперь остается лишь одно — начать новый круг. Он взглянул на Джулию и понял, что это им под силу.

Эпилог

*Уортон-Парк
Декабрь, одиннадцать месяцев спустя*

Сегодня сочельник, канун Рождества. Я стою у окна нашей с Китом спальни и смотрю на замерзший парк. Пейзаж лишен ярких летних красок, однако в нем есть своя особая красота: солнце медленно всходит над горизонтом, и на голых деревьях поблескивает иней.

Я отхожу от окна и возвращаюсь в теплую комнату. Мои ноги утопают в мягком ворсе нового ковра. Я люблюсь обоями с ручным рисунком, копией старого, и с наслаждением вдыхаю запах свежей краски.

В течение последнего года Кит лично руководил всеми преобразованиями. Я в этом не участвовала, потому что занималась другими делами. Уортон-Парк приобрел прежний облик, хотя и внутри, и снаружи продолжают ремонтные работы. Надо, чтобы в ближайшие семьдесят лет Кроуфорды могли спокойно и счастливо жить в этих стенах. Скоро и Кит осуществит свою мечту: направит свой талант и опыт на помощь больным детям.

Я новая хозяйка этого дома. В день нашей свадьбы с Китом на мне были колье и серьги, которые до меня носили Оливия и еще несколько поколений невест Кроуфордов. Теперь они мои, и я передам их невесте моего сына, когда он женится.

Как и Оливия, я безмерно дорожу Уортон-Парком. Он играет важную роль в моей судьбе. Но история моих предков и собственный опыт научили меня тому, что все должно быть уравновешено. Я буду пользоваться дарованным мне помещением, чтобы укреплять и оберегать свою семью и свой талант, но никогда не позволю ему их разрушить.

Услышав тихий звук, я оставляю спящего Кита и иду босиком в соседнюю маленькую комнату. Когда-то здесь была гардеробная Гарри Кроуфорда, но мы превратили ее в детскую. Я осторожно заглядываю в кроватку и вижу: малыш еще спит, засунув большой пальчик в ротик-бутончик.

Все говорят, он похож на меня, но я знаю, что это не так. Он похож на самого себя.

— Сегодня, Гарри, — шепчу я ему, — у тебя особенный день.

Это невинное создание даже не подозревает, что его родные (некоторые из них приехали с другого конца света) соберутся посмотреть на его первую церемонию: он будет крещен в маленькой церкви при поместье. Там же когда-нибудь состоится его последняя церемония, после чего он упокоится в семейном склепе Кроуфордов, навечно воссоединившись с предками. Но гобелен его судьбы только начат, и я надеюсь, на нем будет гораздо больше стежков, чем на гобелене судьбы его сводного брата.

Он не понимает, что является связующим звеном между прошлым и будущим. И что его привилегированное положение ко многому обязывает. Но я поклялась ему, что эти обязательства не помешают ему жить так, как он захочет... и никогда не разлучат с любимой женщиной.

Я нежно беру на руки своего шестинедельного сыночка. Позже у меня не будет времени насладиться этим моментом. Дом полон гостей, они вместе с нами собрались встречать Рождество здесь, в Уортон-Парке. В лесу уже срубили елку и поставили в парадном холле, украсив гирляндой и старинными игрушками.

Я целую малыша в сладко пахнущий лобик и молю Бога, чтобы Он его защитил. Я прекрасно знаю, что мои материнские силы не безграничны, и с этим надо смириться.

За последние два года я познала немало страданий и радостей. Жизнь преподала мне самый главный урок: все, что у нас есть, — это мгновение.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга

способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Примечания

1

Спокойной ночи, мой маленький ангел (*фр.*). — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Малый эпилептический припадок (*фр.*).

3

Очаровательно (*фр.*).

4

Не так ли? (*фр.*)

5

Пожалуйста (*фр.*).

6

Спокойной ночи, моя милая (*фр.*).

7

Борец за права женщин, лидер британского движения суфражисток.

8

Входите! (*фр.*).

9

Прекрасно! (*фр.*)

10

Перевод С. Маршака.

11

Перевод А. Рытова.

12

До скорого свидания, дорогая (*фр.*).

13

Официальное название немецких военно-морских сил Третьего рейха.

14

Это прихоть сердца (*фр.*).

15

Я тебе сочувствую, дорогой! (*фр.*)

16

До скорого свидания, дорогая! (*фр.*)

17

Я люблю тебя, милый (*фр.*).

18

Как дела, Агнес? (*фр.*)

Хорошо, мадам Джулия. А у вас? *(фр.)*

20

Согласна? (*фр.*)

Да, Шанталь, это я! *(фр.)*

22

Я тебя люблю (*фр.*).

23

Понимаю (*фр.*).

Кофе с молоком (*фр.*).

Государственная организация, которая занимается охраной исторических памятников и старинных домов как объектов массового туризма. Создана в 1984 г. Официальное название — Комиссия по охране исторических зданий и памятников Англии.

Table of Contents

[Люсинда Райли Цветы любви, цветы надежды](#)

[Часть 1 ЗИМА](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Часть 2 ЛЕТО](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)
[Глава 33](#)
[Глава 34](#)
[Глава 35](#)
[Глава 36](#)
[Глава 37](#)
[Глава 38](#)
[Глава 39](#)
[Глава 40](#)
[Глава 41](#)
[Глава 42](#)
[Глава 43](#)
[Глава 44](#)
[Глава 45](#)
[Глава 46](#)
[Глава 47](#)
[Глава 48](#)
[Глава 49](#)
[Глава 50](#)
[Глава 51](#)
[Глава 52](#)
[Глава 53](#)
[Глава 54](#)
[Глава 55](#)
[Глава 56](#)
[Глава 57](#)
[Глава 58](#)
[Глава 59](#)
[Глава 60](#)

[Эпилог](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

